ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2018

Вольдемар Бурмакин | **Макруша. Вечерний этюд**

Вольдемар Бурмакин | **Феодосийский залив**

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2018

В номере

ДиН проза

Владимир Крупин
3 Живая земля

Дарьяна Антипова
44 Нарисуй на небе солнце

Вадим Наговицын
89 Жертва вечерняя

Людмила Кеосьян
123 Софья

Виталий Пырх
131 «Ехали на тройке с бубенцами…»

ДиН краеведение

Владимир Шанин
18 О старом фантасте замолвите слово

ДиН пародия

Евгений Минин
20 Трюки жизни
136 Терпи, терпи, страница!
165 Стихи после травки
194 Критик заходит с тыла

ДиН диалог

Юрий Беликов,
Михаил Делягин
21 Здравый смысл во время недосыпа

ДиН юбилей

Николай Ерёмин
26 Старый друг

Андрей Канавщиков
28 Потомок восставших

Юрий Бариев
122 Фрагменты из Корана

Илья Фоняков
156 Абсурды века

ДиН стихи

Наталья Кожевникова
33 Степные сосны

Нина Ягодинцева
35 Северная страна

Ольга Григорьева
38 Из грузинской тетради

Сергей Шилкин
41 Петербургские тайны

Карина Кислицина
161 Каждый бессмертен, пока влюблён

Александр Буланов
164 Нейросеть

ДиН ревю

Дарья Верясова
34 Дом-музей

Наталья Данилова
88 Собиратель слёз

Наталья Пращерук
130 Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика

Эдуард Русаков
181 Чужая душа

ДиН поэма

Игорь Панин
137 Медведь

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Андрей Аристов
140 Палочки жизни

Мария Шурыгина
151 Культурка

Екатерина Сергеева
157 Кольцо от Тиффани

Д*и*Н ИСТОРИЯ

Евгений Беркович
166 Притяжение зла

Д*и*Н ДЕТЯМ

Дмитрий Косяков
178 Сказки про девочку Ульрику

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Марина Саввиных
182 Homo immortalis: невозможность и неизбежность распятия

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

185 Хранить вечно

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Владимир Крупин

Живая земля

Четыре немецких пишущих машинки

Валентину Распутину

О, как писалось в молодости! Быстро, весело, помногу. Ну не печаталось, не издавалось, что из того! Сказал же Гоголь: «Печать вздор! Всё будет в печати!»

О, незабвенная моя первая пишущая машинка! Изношенные буквы, кривые строчки, изорванные, избитые тринадцатимиллиметровые ленты. В конторе лесхоза она была, и я ходил на неё смотреть. Даже не смотреть, а хоть взглянуть издали. Отец говорил, что ждут новую, а эту он возьмёт себе, то есть для меня. И я дождался этого дня! Отец научил меня поднимать и опускать валик, вставлять листок, устанавливать интервал между строк. Я очень волновался и от этого резко и сильно ударял по клавишам. И вот—я написал свою фамилию. Печатными буквами! О, не смейтесь над отроком—это было событием для человека, дерзающего осчастливить своим присутствием мир. Не помню, что потом печатал, конечно, стихи, но вот машинописные буквы фамилии на светложёлтой бумаге помню. Нет, и стихи вспомнил:

Мир, сплотив миллионы сердец,
К коммунизму идёт,
А его ведёт
Товарищ Сталин—наш второй отец.

Всё-таки не первый. А машинка «Москва» была первой. Она досталась мне уже почти полной развалиной, и я скоро превратил развалины в руины. Но дело обучения машинописи пошло-поехало. Учил я себя писать на машинке варварским способом, вначале одним пальцем тыкал, потом двумя. Если палец промахивался и нажимал не ту клавишу, я этот палец в наказание за промашку кусал. Зубы были крепкие, грамотность повышалась быстро.

Достать новую ленту было невозможно. И опять же отец приносил ленты уже избитые, обесцвеченные. Бывало, что яснее первого, лицевого, экземпляра были вторые и третьи, которые шли под копирку. Тут я запнулся: уже надо объяснять, что такое копирка. Получается, пишу не для молодёжи, а для старшего поколения. Нынешний школьник в сочинении по повести Гоголя «Шинель» сообщает: «Акакий Акакиевич работал ксероксом». А что? Он же переписчик, размножал бумаги. И мне Акакий ближе и понятнее, чем все эти ксероксы, факсы, принтеры, файлы, мегабайты, сайты, принтеры, картриджи, сканеры, всякие виндоусы, яндексы, мэйлы, флэшки,—всё это кажется мне каким-то новым матерным языком демократической словесности. Только в электронном адресе завитушка в середине называется по-русски, да и та собака.

Итак, о пишущих машинках. Конечно, вначале всегда писал от руки. Но рукопись в редакцию не понесёшь, время не пушкинское, нужна рукопись машинописная. Да и почерк свой сам иногда не понимал. Ещё и фигурял выражением Стендаля, что ужасный почерк—признак гениальности. Переписывал попонятнее, отдавал машинистке. Дорого. Хотя застал времена, когда машинописная страница—тридцать строк—стоила десять копеек. Но при моей тогдашней нищете и это—деньги. Надо было заводить свою машинку. А как купить? Нужно было разрешение. Да. А где взять? Ещё же не был членом Союза писателей. Где-то, как-то, после кого-то обзаводился старьём, мучился, брал напрокат… Помню эти «Ундервуды», «Оптимы», «Прогрессы», но всё было старым, ненадёжным, ломалось. Потаскай-ка в ремонт да поплати-ка за него. Мечталось о новизне.

И вот—свершилось! Я—член СП СССР, у меня в руках талон на немецкую пишущую чудо-машинку «Эрика». По тем временам лёгкая, в серо-голубом футляре, будто внутри гармошка или маленький аккордеон. Меня даже спросили в автобусе: «На свадьбу играть едешь?» За этой машинкой я вначале ухаживал прямо как за первой любовью. Берёг, протирал, смазывал. И она отвечала взаимностью, была безотказной. Выносила и дальние переезды, и разницу температур, и молотила по четыре, по пять экземпляров. Притащил её раз к родителям в свою Вятку, работал на ней в чулане, но вскоре нагрянули кировские писатели, вытащили в поездку по области, и мы ездили дня три. Выступали, радовались жизни. Хотя и дожди шли, а всё равно хорошо—родина! Вернулся к родителям, пошёл в чулан проведать свою «Эрику»—батюшки мои, стоит в луже воды, весь поддон залило. Но ведь

вот что такое немцы — вылил из машинки воду, протёр полотенцем, вставил сухой, чистый лист и стал работать.

А дальше, хоть и стыдно, а надо рассказать, как я изменил «Эрике». Лет пятнадцать она безропотно тянула лямку. Уже была и контужена: я с ней выпрыгивал из электрички, она кувыркалась по асфальту платформы. Раз зажало её в грузовом лифте, но всё она жила, всё пахала и пахала.

И вот событие — в Литературный фонд завезли австрийские, то есть опять же немецкие, пишмашинки «Юнис люкс». Аккуратные, плоськонькие. Футляр красно-белый или сине-белый. Но распределяли вначале не всем, а лишь делегатам писательского съезда. Каковым я уже и был, и эту «Юнис люкс» схватил сразу в обнимку. Выбрал, конечно, цвета моря и белых над ним облаков. Как элегантна, как легка! Какой шрифт, как мягко скользила каретка, как неслышно проворачивалась вместе с бумагой. Я её полюбил, а уж как она меня-то любила! Именно она соблазняла меня сразу набирать, а не мучиться с рукописью. Но я всё-таки не поддался. Хотя официальные письма, иногда статьи шпарил на этой «Юнис» прямо на чистовую. Но что касалось рассказов и повестей, тут всегда требовалось рукописное. Хотя уже не перьевой писал, а, для скорости, шариковой. Но прямая связь: голова-сердце-душа-рука-ручка-бумага — сохранялась и при шариковой.

О бедной «Эрике» вспоминал редко и всегда с оттенком вины перед ней. Какая выносливая была, как мы с ней в ванной или на кухне коммуналки прокручивали сотни страниц, да ещё и по нескольку экземпляров, легко ли! Однажды сел и за «Эрику». Прочистил, спугнув маленького паучка, зарядил листок. Печатаю — нет мягкого знака. Немка моя за годы разлуки огрузинилась. «Гогол, — сообщала она, — болшой русский писател, любил сол и фасол». Опять задвинул её под стол.

Жизнь моя переползла за полвека, уже было полдомика в деревне, в Подмосковье. Возить туда-сюда машинку, эту бело-синюю полинявшую красавицу, не хотелось. Везёшь её, думаешь сесть за работу, а чаще всего даже футляра не снимешь. Чего и снимать, уже пора ехать обратно.

Опять вспомнил про «Эрику». Давай её отремонтирую и вывезу на постоянное место жительства, на почётную старость в деревню. Может, ещё вместе и потрудимся. Но уже такие машинки не брали в ремонт, на всех полках нагло разлеглась электронная продукция. Уже почти все мои соратники по перу обзавелись и компьютерами, и принтерами, писали удивительно помногу, уже ворвался интернет, возможность передавать написанное в редакцию, не отрывая сидячего места от стула. Я так не мог. И не от упрямства, просто мне надо было поехать в редакцию самому, отвезти рукопись, попить чаю с редакторами, поговорить с ними не по телефону. Компьютерные тексты ужасали меня тем, что были уже будто бы законченными, книжными, как их править? Тогда как с машинописью я не церемонился, черкал вдоль и поперёк. Напишу от руки, поправлю, перепишу на машинке, полежит, поправлю, опять перепишу. А тут вроде как всё уже и законченное.

На очередной день рождения родные и близкие, беря в рассуждение наступление века электроники и, видимо, надеясь, что с новой техникой и я буду писать по-новому, подарили мне, нет, пока не компьютер, а пишущую машинку, но электронную. Дорогую, опять же немецкую, с памятью. Мне говорили, что это такая же машинка, как и «Эрика», как и «Юнис люкс», но только облегчённая, упрощённая, отлаженная. Мне показали, как на ней работать. Но я точно знал, что у меня ничего не получится, и за это электронное немецкое чудо не сел. Хотя имя ей дал: «Электронка».

Однажды, оставшись дома один, включил её. «Электронка» загудела, замигала, каретка подёргалась, поёрзала влево-вправо, вверх-вниз и, как образцово-показательная, остановилась в начале строки. Я нажал клавишу с буквой «а» и буква появилась на бумаге с такой ошеломляющей моментальностью, что я понял — никаким моим мыслям не угнаться за такой скоростью. Особенно поражало то, что можно ни о чём не заботиться, ни об интервале, ни о красной строке, ни о конце строки. «Электронка» молотила исправно. Вдобавок всё помнила и даже исправляла ошибки — внутри, где-то там, был у неё словарик. Кроме основной двухцветной ленты в ней была еще лента коррекционная, полупрозрачная. Она выскакивала откуда-то снизу и подставляла себя под удар в том случае, когда ловила меня на ошибке, и сама забивала неверную букву, тут же скрывалась, тут же возвращалась лента основная, тут же щёлкала буква правильная.

Нет, не смог я полюбить эту «Электронку». Но и она была взаимна в нелюбви ко мне. Шипела, шипела негромко, но, конечно, по-змеиному. Даже отодвигалась, огоньки мигали презрительно. Работу она исполняла чётко, но холодно, как подёнщину. Когда я выключал её, в ней ещё долго что-то передёргивалось, потрескивало, будто она обсуждала и критиковала всё, что я её заставил написать.

Но вот что случилось с «Юнис», с моей верной малышкой «Юнис». Она с горя заумирала. Ещё бы — хозяин завёл какую-то новую лакированную стерву.

Умирание «Юнис» я понял, когда, устав от того, что «Электронка» совершенно вампирски вытягивает из меня поток сознания, что я обессилеваю от сидения перед ней и что начинаю писать как-то рассудочно и умственно, то есть неинтересно, решил вернуться к «Юнис». Но та не захотела

работать. Совсем умерла или забастовала, не понял. Я сказал ей: «Служила ты долго и честно, я тебя не брошу. Тебя и „Эрику“ отвезу в деревню, буду на вас любоваться и вспоминать золотое время».

Но, товарищи, вы понимаете, что это значит — сказать любимому существу о расставании. «Юнис» моя молча собралась в путь, но по дороге пыталась скрыться. На автовокзале пошёл купить хлеба, «Юнис» спряталась за кассой. В автобусе забилась под сиденье и затаилась, я чуть её не забыл. Принёс в свои полдома, открыл футляр, протёр тряпочкой. Заменил ленту, зарядил бумагу. Нет, не прощала «Юнис» измены, безмолствовала. Ладно, заслужил. Зачехлил её, поместил на книжную полку.

И вот что произошло назавтра. Назавтра мне позвонила знакомая из серьёзного учреждения и сообщила, что у них меняют всю пишущую технику и что я могу приехать и забрать легендарную машинку ещё конца девятнадцатого века. Называется «Континенталь». Немецкая. Что она вполне исправная, на ходу. Надо ли говорить, что я помчался за ней тут же. Как её припёр в общественном транспорте, сам удивляюсь. Она же большая, корпус стальной, килограммов двадцать. Её можно было с пятого этажа бросать, и ничего бы с ней не случилось. Позвал товарища, который понимал в технике. И он, и я были в восторге от «Континенталя». А домашние в ужасе, назвали его динозавром. Я ему присвоил имя «Бисмарк», ибо в годы создания «Континенталя» как раз Бисмарк правил Германией. Мой «Бисмарк» был произведён на диво. Высокий, основательный, сверкающий кнопочками шрифта, серебряным звоночком, сигналящем о близком завершении строки, никелированными ручечками, планками, рукоятками, переключателями. Мы во всём этом к концу дня разобрались. Смазали наилучшим часовым маслом, опробовали. Мягкий ход, деликатная смена режимов. Шрифт старомодный, но такой приятный для глаз. Я специально поставил «Бисмарка» рядом с электронной дамочкой и спросил:

— Ну что, краля, а ты будешь исправно работать через сто три года, а? Да нет, тебя из мира выпрут всё новые и новые модификации офисной техники, так ведь?

«Электронка» презрительно молчала, а «Бисмарк» спокойно возвышался и, как честный работяга, ждал команды к труду.

Но вначале я освободил его от соседства. Вынес «Электронку» во двор, но не выбросил в мусор, всё-таки надо уважать техническую мысль, поставил на парапет, аккуратно сложил на крышке провода, простился. К обеду её кто-то приватизировал.

О, «Бисмарк» был великий трудяга. Я взгромоздил его на самое для него подходящее место, на дубовый подоконник, и начал строчить: «Немецкая точность и русская духовность в союзе меж собой могли бы дать миру образец симфонии государства и личности, труда и молитвы, союза небес и земли…— высокопарный текст очень нравился „Бисмарку“. Я продолжал: — Две крупнейшие монархии Европы были последними способными спасти мир от всех искажений пути к спасению. Они были преднамеренно и целенаправленно поссорены и войной друг с другом проложили путь к гибели, называемой демократией. Но несмотря и на первую, и на вторую мировые войны, русские и немцы…» — Тут я вновь тормознул: как это несмотря на? А на что смотря?

В общем и целом я был доволен «Бисмарком». Вывезти в деревню всё-таки пришлось, так как своей громадностью он устрашал домашних. Причём всё время требовал работы. Как бы даже молча упрекал за безделье. В деревне я как-то автоматически взял с полки «Юнис», снял футляр. Вставил, как делал это сотни раз, писчую бумагу, прокрутил валик, сдвинул каретку вправо, ударил по клавишам. И — «Юнис» откликнулась, заиграла. Поехала влево каретка, затрепыхался поглощаемый листок, покрывающийся, как ныне говорят, текстовой массой.

Может, это кому-то и смешно, что я наделяю машинки человеческими качествами, но я объяснил возвращение «Юнис» в строй тем, что с «Бисмарком» у неё наладились прекрасные отношения. Он молотил официальные письма, предисловия, статьи, а «Юнис» очень обожала писать «про любовь». «Ах, как остро не хватает в мире любви! Ах, как хочется внезапно охватываться мыслями о любимом (вариант: о любимой). Ах, не надо нам ждать, чтобы нас любили, надо любить самим! О, главное в любви — благодарность тому сердцу, в котором живёшь. Нельзя из него уходить: оно сожмётся и начнёт умирать». Это «Юнис» вроде как сама писала. Я же, сгорбившись над ней, выпечатывал: «В зрелые годы не любят внезапно, а любят, как дышат». Самое смешное, что и «Эрика» встала в строй, и как-то сам собой вернулся мягкий знак, а с ним и фраза: «Гоголь — великий русский писатель». То есть «Эрика» всё мне простила и служила на совесть. Лишь бы смазывал иногда. Да даже и без смазки не скрипела, впрягалась и тянула лямку. Это не «Бисмарк»: он работает-работает и вдруг резко тормозит. Такой немецкий порядок — орднунг. Надо бежать за маслёнкой.

Вначале «Бисмарк» и «Юнис» стояли вместе, но работа моя как-то не шла. Было такое ощущение, что им и без меня хорошо, и без работы неплохо. Думаю, они даже как-то общались. И то сказать, у них была одна родина, обе попали на чужбину, было, о чём поговорить. «Бисмарк» пережил две войны, а «Юнис» была дамочка современная. При «Юнис» старик «Бисмарк» как-то спотыкался, становился косноязычен, а «Юнис» начинала быть

какой-то игривой. Хулиганила даже. Ни с того ни сего писала заявку: «Ах, как хочется писать о любви! Ах, ах, вспомним библиотекаршу воинской части, которая учила разбирать части речи и члены предложения!» Ещё бы не помнить! Но что чем выражено, какие там сказуемые, какая мне была разница, она была так красива, так умна, что было совсем непонятно, как это она вдруг замужем? Вот тут вам и краткие прилагательные, вот тут вам и первое и второе склонения.

«Юнис» хотелось писать и о том, как мы с моей юной женой склонялись над кроваткой доченьки, как везли на море сыночка, как совсем скоро его сын, наш внук, приталкивал к окну стул, залезал на него и глядел на голубей. А потом затаскивал к себе сестричку, нашу внучку, чтобы и она увидела птичек… Обо всём этом очень хотела написать «Юнис», и у неё бы получилось, но вторжение электроники в писательскую жизнь помешало. Вот если бы остановилась моя писательская кухня на уровне механических машинок, тогда да.

Но не мы в этом мире диктуем условия жизни, их перед нами ставят. Пришлось и мне вживаться в требования современности и, «задрав штаны», бежать за полиграфией. Издатели безжалостны. Не стали брать машинописные тексты. Говорили: «Мы вас любим, но поймите и нас. Машинопись сканируется плохо, да и вам же лучше, загоняйте текст на флэшку, приносите, мы отформуем и в типографию, а лучше всего сбросьте по электронному адресу». Да уж, словечки: загоняйте, сбросьте, отформуем.

Конечно, и издателей можно понять, уже один редактор вёл враз в месяц пять-шесть книг, не как раньше, одну в два месяца. Да ещё был штат рецензентов, контрольная вычитка, корректура. Скажут, вот она бюрократическая система. Да эта система издавала прекрасные книги, и они в доходах государственного бюджета были на втором месте после продажи алкогольной продукции. Много и мусора, особенно идеологического, издавалось, но это было ничто по сравнению с теперешними помойками демократической пропаганды пошлости, насилия, разврата, оккультности. Да и тексты книг были куда грамотней. Даже уже напечатанную книгу вновь прочитывали и замеченные опечатки излагали типографским способом на отдельном листочке и прилагали его к каждому экземпляру книги. Да, сидели и вкладывали. А тиражи какие были! Сказка! Едешь на Запад или на Восток, спрашивают: «Какие у вас тиражи книг?» — «Вот эта повесть вышла тиражом двести тысяч, эта три с половиной миллиона экземпляров». Уважали.

Компьютеры создали видимость лёгкости писательского труда, книг стало выходить раз в десять больше. Пошли в писатели актёры, политики, дипломаты, все. Ведь это же кажется так легко — сел за компьютер и… шлёп-шлёп хоть десятью пальцами.

А я, что называется, не вписался. Это же ужас — не успеваешь еле-еле коснуться клавиши, как на экране моментально прорезается буква, потом другая, вот и слово, вот и строка. Но я уже не понимаю, зачем эти слова. Неверно написал слово — оно подчёркивается. Нет, в машинке связь между головой, рукой и бумагой не разрывалась. В компьютере провал, который в обычной машинке виден: от клавиши к шрифту идёт тяга, она помогает свинцовой букве ударить по ленте, та отдаёт часть своей краски, буква шрифта появляется на белой бумаге. Тут и другая на помощь, и третья. Любо-дорого. Бодро и радостно выстраиваются слова в рядок, к месту подскакивает запятая, вот и точка. Всё путём. Вот и предложение, которое можно или забраковать, или переделать, а то и одобрить. В компьютере вроде всё закончено. Чего переделывать — страница выходит как в книге.

А ещё угнетало то, что написанное надо было «загонять в память». На машинке собираешь урожай страниц, раскладываешь экземпляры по номерам, тоже удовольствие. А тут термин — «сбросить». На рабочий стол, на флэшку, в корзину. Всё это сбрасывание происходило молча, на поверхность не выходило ни криков, ни стонов, ни даже звука раздираемой бумаги, ни пламени от её сгорания, ничего. А эти всякие базы данных, файлы, сервисы, форматы, таблицы, виды, вставки, это постоянное зудение надписей внизу справа: «Безопасность компьютера под угрозой», «Срок действия антивирусной программы закончился», «Обновления для вас готовы». Да ещё какая-то «напоминалка», да ещё кто-то сильно умный суёт в окно всякие изречения. Какие и с юмором. Ещё, что особенно противно,— дни рождения всяких эстрадных шавок. По бокам красотки, по виду проститутки, чего-то все хотят. Мне говорят: не замечай, но как не замечать: всё это пред тобой, лезет в глаза. И вроде бы подчиняется тебе вся эта экранность, постоянно вроде бы ждёт твоей команды, а на самом деле не она при тебе, а ты при ней. Эта вроде бы приданная для ускорения писательского мастерства штучка смеет указывать, что мои родные вятские слова, то есть самые русские,— это устаревшее. Я возмущался: что ты лезешь, немецкое производство, не в своё пространство! Тебе в сбербанке стоять, тебе чеки выписывать, а не о русской жизни рассказывать.

А эта флешка, или флэшка, показать бы её Толстому да сказать бы: «Вот, весь ты тут и с войной и с миром»,— он бы с ума сошёл. Эта флешка, как дамочка лёгкого поведения, таскалась по редакциям и приносила домой всякую заразу. Надо было чистить, ставить программы антивирусные. Тоже возня, тоже деньги.

Нет, не пускала меня в себя новая жизнь, не интегрировался я в неё. Сами посудите: вот ты спишь, а компьютер стоит на столе в изголовье и всё помнит. Я засыпаю, а он запомнил все мои труды, я сплю, а он помнит. Легко ли? Стоит ночью, подмигивает красным колдунским зрачком: «Всё, всё-ё о тебе знаю. А ты спи, спи». Что-то в этом оккультное, экстрасенсное.

Ну что, сказал я себе однажды, пора сдаваться. Победила русскую ментальность общемировая тенденция к стандартизации жизни, а? Ну ещё немного потрепыхаемся, ну ещё пообслуживаем остатки своих читателей рассказами о рассветах и закатах Руси, о сенокосах и рыбалках, о черёмухе над рекой и о замирании сердца, когда провожаешь девушку и стесняешься коснуться её даже мизинцем, а дальше? И мои читатели вымрут, и я вымру. Но ведь Русь, Россия останется! Ну как иначе? Ну неужели иначе? Ведь мир без России умрёт автоматически, Россия—душа мира, тело без души—пища червям. Конечно, так оно нам и надо. Но, Господи, не все же пляшут в дискотеках, не все же курят, не все же потребляют наркоту, не все же напиваются, не все же считают любовью постыдное партнёрство. Не все же ставят похоти плоти выше спасения души. Ты сейчас из церкви пришёл, шёл туда в сумерках, возвращался при солнце, видел же, сколько в храме деточек, сколько пап и мам, и бабушек, и дедушек, не печалься, всё хорошо.

А достань-ка ты, брат, давний подарок, о котором и позабыл, наверное, да вот вспомнил, когда стал рассуждать о написании слов. А подарок этот состоит из гусиного пера, чернильницы, пузырька с чернилами и песочницы с песком. И называется высокоторжественно: «Набор „Пушкинский“». И прибери-ка, брат, на столе, поставь-ка письменный сей прибор да начертай на чистом листке… Что ж начертать-то? Фамилию, что ли, свою? Я её и так не забыл. Изречение какое? Таким пером надо непременно что-то разумное, доброе, вечное. Не писать же исследование «О категориях постсоветского электората». И фразы: «Ваня любит Маню, а Маня любит Петю», тоже проехали, хотя Ваню жалко. Нет, брат, не мучай перо и сам не мучайся.

Хотя на одно я отважился, на прописи. Ведь я ещё застал время, когда были уроки чистописания. Вот я вывожу букву «А» заглавную, прописную, и «а» строчную. Как красива левая ножка буквы, как хитрая лапка лисы, как основательна и пряма правая. Её хвостик, как рука, подаваемая следующей букве. Поясок волнистый, с нажимом в середине. Вот буква «Б». Какая надёжная, размашистая над ней крыша, как вымпел над парусником. А у строчной «в» такая кокетливая петелька, «в» буква чаще как предлог, часто живёт в строке в гордом одиночестве, она указательная: пошли в тёмный лес, в минуты жизни трудные… Обмакиваю перо и радуюсь, что даже спустя шестьдесят пять лет не разучился писать красиво. Это не моя заслуга, это гусиное перо меня возвращает на три эпохи назад.

Сидел, сидел и осмелился что-то написать. И написалось. Конечно, не своё, пушкинское: «Минута—и стихи свободно потекут». У него именно потекут, как лесной чистый ручей, выбегающий на солнечную поляну и напояющий корни деревьев, трав и цветов. Как представить Александра Сергеевича над клавиатурой, выстукивающего на ней:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры…»

А это:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Ему бы эта система многое бы подчеркнула: и «сомкнуты», и «запречь», и «затопленная»… Затопленная, в лучшем случае, низменность. Выкинул бы Александр Сергеевич всю эту аппаратуру. Да и не было бы его при ней. А был он при Михайловском, при Арине Родионовне, при России… Летело его гусиное перо по шероховатой бумаге:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Летело, летело, летело, да и улетело…

Алёшино место

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алёша, одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так он и остался согнутым. Ещё и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевания, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нёс перед батюшкой чашу с освящённой водой—одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьёзно смотрел на отпеваемых.

Я ещё помнил то время, когда Алёша ходил бодро, выдвигая вперёд правое плечо, и казалось, что всегда неутомим и бодр, будет служить, но нет, во всём Господь положил предел. Он милостив к нам и даёт отдохновение: Алёша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он поневоле перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алёша не получал, даже и не пытался оформить её. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального обеспечения о нём и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам и к Дню Победы в храм приходили открытки, в которых Алёшу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением наград. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алёша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алёшу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей притаскивал себя в храм, тяжело переступал через порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на неё. Место его было напротив Распятия. Алёша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алёша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алёша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и всё.

Во время службы Алёша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алёшу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», Заповедей Блаженств, Херувимской, и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел Символ веры и Отче наш. Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алёше и благословлял его крестом.

А ещё у нас в храме была такая бойкая старуха тётя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. Объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

— Да разве это у нас вынос плащаницы?—говорила она.—Вот в Почаевской лавре—там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там это—да, там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят—запахи!

Когда Алёша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы—у него, фронтовика, льготы на все виды транспорта. Алёша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алёша хлопотал в церковной ограде, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алёшины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алёша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алёша умер. И как-то так тихо, так умиротворённо, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришёл в храм, и мне сказали, что Алёша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошёл поставить свечку за его поминовение.

Пришёл в храм, а на месте Алёши сидела Маша.

— Наездилась,—сказала она мне.—Буду на Алёшином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришёл на службу, на Алёшином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алёшино место освободилось для этой старухи.

— С Алёшиного места—прямо в рай,—сказала она.

Часто я вспоминаю Алёшу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предваряя вынос Евангелия, или сейчас поднесёт кадило батюшке, будет стоять, серьёзный и сгорбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа» будет трижды погружаться во святую купель крещаемый младенец.

Ящик кагора

В монастыре появился новый послушник. Быстрый, старательный, рьяный даже в работе. Настоятель отец Григорий поставил его продавать свечи, принимать записки о здравии и об упокоении. День простоял за ящиком послушник, два, на третий пришёл и стал просить настоятеля дать ему послушание потруднее. Принимать записки

может и немощный монах, а он способен на что-то большое, нужное монастырю. Отец Григорий улыбнулся, усадил послушника.
— Ты мне меня самого напомнил. Я тоже был таким, быстрым, порывистым. А смирения не имел. А начал его обретать с одного случая, о котором тебе расскажу.

Здешний игумен, мы с тобой каждый день около его могилки ходим, благословил меня ехать в город за лампадным маслом и вином для причастия. Дал денег на бочонок масла и на ящик кагора. И ещё немножко дал сверху, мало ли что, на непредвиденные расходы. А у меня, надо сказать, тоже была кой-какая сумма, и я про себя решил, что я привезу для монастыря не ящик, а два. Вот. Отец игумен сказал, чтоб я ночевал в городе, там отстоял всенощную и утреню, а завтра к обеду бы и вернулся. Так. А я про себя думаю: а я в день оборочусь. Он с утра меня благословил. Вот я выскочил из ворот, живой ногой добежал до шоссе, это пять километров, там удачно поймал попутную машину, прикатил в город. Денег с меня не взяли. И на маслозаводе тоже всё удачно. И в магазине, где кагором торгуют. Стою с грузом. А деньги почти кончились. Голосую. Один тормознёт, другой. Одному не по дороге, другой цену ломит. Стою, стою, что делать? Вот ещё один тормозит. Говорит: подвезу, но пять бутылок ты мне отсчитай. Куда денешься, согласился. Закрепили бочонок, ящики, поехали. И, представь себе, он у поворота к монастырю сломался. Я до сих пор не знаю, сломался по правде или это хитрость была шофёра. Дело к вечеру, он спешит. Бутылки свои забрал. Мне помог бочонок выгрузить. Я и сижу. А он вскоре завёлся и уехал.

И так я около этого бочонка продежурил всю ночь. Голодный, холодный. Ни хлеба кусочка, ни спичек. А комаров! Вот уж повспоминал я старцев, кои себя на съедение гнусу выставляли. Они добровольно, а я по своей стропотливости, то есть по вздорности. И, главное, не только что машины не было, никого не было. Собаки пробежали, облаяли, да филин кричал.

Рассвело. Я вижу — надеяться не на кого. Прокачу бочонок по дороге метров тридцать, вернусь за ящиком. Отнесу, иду за другим. Ну, думаю, это я не только к сегодняшнему обеду, но и к завтрашнему не попаду. Вот так вот: круглое катил, плоское тащил. Да ночь не спал, да почти сутки не ел. Вот такое положение. И попал я в него по своей вине.

Но вот сжалился Господь — идут два мужичка. Издалека слышно, громко разговаривают, матерей вспоминают. С похмелья. Увидели меня, а главное, кагор увидели. «Дай бутылку». Я говорю: «Браточки, помогите, не одну получите». — «Это тебе до монастыря тащить?» — спрашивают. «Да». — «О, это труд. Отдашь вот этот ящик начатый (я же тому водителю пять штук отделил), тогда дотащим». Да-а. А куда денешься, согласился. Ящики тащили, бочонок катили. То есть тащили один ящик, а другой они не потащили, только взяли каждый по бутылке, на ходу отпивали, а ящик затащили в лес и спрятали. Я уж боялся, бросят меня, нет, честно доставили к воротам. Тут я просил их дальше не провожать.

Вот так вот, брат. И доставил я всё к обеду, как и благословлял отец игумен, и доставил не два ящика, а один. Опять же, как он благословлял. И сдачу я принёс. И только тому был рад, что не спросил игумен, кто в городе служил всенощную, кто утреню. Он же думал, что я в епархиальном доме ночевал. А сам я о своих приключениях промолчал. Тогда. И только спустя время тебе рассказываю.

Вот что такое, брат, послушание.

Живая земля

В детстве мама повезла меня к своей маме, моей бабушке. Было мне полтора-два года, я только начинал ходить и говорить. Попросили лошадь в лесхозе, там работал отец, запрягли её в лёгкий тарантас и двинулись. Начало лета. Я спокойно сидел в тарантасе. И вдруг увидел на обочине груду красной глины. И, как рассказывала мама:
— Ты весь задёргался, стал рваться к этой глине. Тебя ссадили на землю, ты на своих ножонках побежал, падаешь, встаёшь, и стал ручонками хватать её и тащить в рот. Я испугалась вначале, но потом вспомнила, что и сама, когда была в положении, тоже хотела поесть глины. Да и другие женщины так, когда ребёнка ждут. Даже печуру отламывали от печки, так сухую глину называли — печура, крошили и прямо ели. Значит, чего-то не хватало в организме. Именно для ребёнка. Для костей, или ещё чего.
— Да, — поддержал я, — земля еси и в землю отыдеши. И Адам первородный из земли, из красной глины, так и переводится его имя, и все мы прах земной. Из земли пришли, в неё и вернёмся.

Вспомнил сегодня этот рассказ мамы, когда на ежедневное Чтение Священного писания выпала Книга Бытия, глава четвёртая:

«И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Здесь о земле говорится, как об одушевлённом существе. Она «отверзает уста свои», она «не станет более давать силы своей», она живая, она мыслящая, чувствующая добро и зло.

Но вот ещё более впечатляющее место Библии: «Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Господь

Бог на землю, и вот, она растленная, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал Господь Бог Ною: конец всякой плоти пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли».

То есть и вся земля была наказана потоплением.

Клятва на крови была, конечно, одной из самых крепких. Но клятва землёй ничуть не меньше. Хотя сказано человеку «не клясться ни землёй, ни небом», роль земли в продолжении жизни человека была определяющей. Отношение к земле было на уровне святости. Из детства помню, когда кого-то в чём-то обвиняли, а он оправдывался, то ему говорили: «Ешь землю». И если ел, верили в его невиновность.

А земля родины, которую зашивали в ладанку уходящим на фронт, это свято. А земелька с могил родных, которую брали с собой, когда находили ещё одну родственную могилу и везли на неё эту землю как поклон, как привет, как благословение родины.

Очень помню, когда уезжал из нашего села мой друг Вовка Агафонцев, его отца куда-то перевели, и уже погрузили вещи на машину, и я вдруг, даже неожиданно для себя, в каком-то порыве, побежал к своему дому, наскрёб с завалинки пригоршню жёлтого песка, завернул его в газетку и принёс Вовке. И он, помню, был очень рад и положил пакетик в нагрудный карман. Велики ли мы были, лет по одиннадцать-двенадцать, а понимание величия родной земли уже навсегда поселилось в нас.

И как ни революционен был поэт, а написал же о русском воине, покидавшем Россию: «Трижды город перекрестивши, трижды землю поцеловавши». И сам я видел, как евреи (это 1998 год), выходя из аэропорта Бен-Гурион, кидались на колени и целовали землю.

И разве кто-то усомнится в чистоте этого порыва. Разве и мы не увозим землю Святой Земли в своих сумках, разве не верим в её животворную силу?

А наше троекратное, во славу Святой Троицы, бросание трёх горстей земли в могилу на крышку гроба, разве не выражение надежды на защиту землёю души уходящего с земли? И разве земля не слышит нас? Слышит, конечно. И любит нас. Она же год за годом, созидает для нас все условия для нашей жизни. И в добавление к выращенным злакам, фруктам, овощам, лечебным травам являет из себя цветы, эти остатки рая на земле.

Этот земной рай вернётся, если мы тоже будем любить землю и беречь её.

Отец, я ещё здесь

Есть выражение: что старый, то и малый. С годами я убедился, что оно очень точное. Это от того, что в старости всё чаще вспоминается детство. Мелькнёт что-то: дерево, цветок, человек, какая-то фраза в книге, картина, что угодно, а мысли уже уносятся в сияние ангельских лет, во времена безгрешной души. Или просто без всякого повода, в счастливые минуты одиночества, откуда-то сверху, или со дна души всплывают и заполняют меня видения родины. Памятью зрения, которого оказалось очень много во мне, я вижу в подробностях улицы и переулки моего села, берега реки, заречные дали, тропинки, почерневшие от времени, необхватные берёзы по сторонам Великого Сибирского тракта, избы и дома под тесовыми крышами, вижу молодых родителей, братьев и сестёр, друзей, вспоминаю до какого-то тончайшего умиления первые влюблённости, помню мальчишеские мечты умереть за родину. Закрою глаза — черёмуха цветёт за околицей.

Памятью слуха слышу слабый лепет лесных ручейков, шуршание лиловых колокольчиков, шум берёз и переплеск осин, вижу и слышу трепещущего в синеве жаворонка и гремящего на всю округу соловья. А летние струнные оркестры кузнечиков, и зимние квартеты их братьев — запечных сверчков. Ночью им помогает басовое гудение печной трубы, такое мирное, тёплое, что снятся золотые караваи свежего хлеба. Летом счастье вечернего костра и немолчное хоровое пение лягушек, звон молотка, отбивающего певучее лезвие косы, тёплым вечером шорох дождя по старой крыше сарая, ещё сквозь сон пастушеский рожок, мычание стада, девичья песнь в прозрачной летней ночи, плеск рыбы в омуте под обрывом — всё это была такая чистота и полнота звучания, что только классическая музыка, услышанная позднее, была ей равна.

Но детство готовило и к восприятию живописи: на земле светилось дивное разноцветье и разнотравье, и надо было опасаться наступить то на солнышко ромашки, то на синенький василёк, то на сплошное золотое цветение одуванчиков. Вызрев, лёгкие их семена летели на воду озёр и серебрили её. На уровне груди колыхалось море колосьев, и ты будто плыл в нём, деревья вздымали яркую весной, светлую летом и желтеющую к осени листву, тихо опадающую на лесную тропинку. И русская зима, наверное, уже последняя в этом мире такая: в цвет молодой седины, с сияющими светло-голубыми пространствами, с лёгким занавесом снежной пыли, выбеляющим и без того белый притихший лес. И всегда-всегда высота разноцветного неба. И облака, белые на голубом. И тучи, серые на тёмном. Ликование, страх, почтение, восторг — всё наполняло душу.

Уже давно меня никуда не тянет, только на родину, в милую Вятку и в Святую землю. Святая земля со мною в молитвах, в церкви, а родина… родина тоже близка. И если в своём родном селе, где родился, вырос, откуда ушёл в армию, в Москву, бываю всё-таки часто, то на родине отца и мамы не был очень давно. И однажды ночью, когда

стиснуло сердце, понял: надо съездить. Испугался, что вскоре не смогу одолеть трудностей пути: поездов, автобусов, пересадок. Надо ехать, надо успеть. Туда, где был счастлив, где родились и росли давшие мне жизнь родители. Ведь и отцовская деревня Кизерь, и мамина Мелеть значили очень много для меня. Они раздвинули границы детства, соединили с роднёй, в этих деревнях я чувствовал любовь к себе и отвечал на неё любовью.

Нынче летом, выскочив на несколько дней в Вятку, я сорвался вдруг и кинулся на автовокзал и взял билет до Уржума, бывшего уездного, ныне районного города. А там надо было одолеть восемнадцать километров до родины отца, оттуда ехать до Малмыжа, тоже райцентра, там переправиться через Вятку и добраться до родины матери. Все эти пространства я надеялся одолеть кавалерийским наскоком.

Стояла жара. Она пришла после дождей, и её сопровождало сильное парение от разогретой влажной земли. Срывались краткие грозы. Страшно сказать, я не был в Уржуме тридцать пять лет, а тогда приезжал, когда писал «Ямщицкую повесть». Это был поклон дедам-ямщикам, которые своими трудами нажили состояние, за что их большевики спроводили в Нарымский край. Но и эта боль опять же давно улеглась, а состояние—двухэтажный каменный дом, выстроенный на огромную, десять дочерей, один сын, семью, хотелось навестить. Именно в этот дом я приезжал совсем мальчишкой, к деду, в то лето, когда у него гостила городская дочь, моя тётка, с детьми. Дедушке по возвращении из сибирской ссылки разрешили жить в крохотной комнате, внизу, хотя дом стоял пустым, а городским гостям из милости выделили комнаты на втором этаже. В то лето, после девятого класса, я работал на комбайне помощником, а как раз пошли дожди, уборка остановилась, и я стал проситься навестить городскую родню.

Отец одобрил мой порыв. Он как-то даже вдохновился, сел, на тетрадном листке начертил схему, как дойти от пристани на Вятке до его деревни. Вообще он был молчалив, мало говорил с нами, иногда даже забывал, кто из нас и в какой класс перешёл. Идёт на сенокос, широко шагает, мы вприпрыжку за ним. Но о своём кизерском детстве говорил как о сказочном. Как они катались с гор на ледянках, какие были ярмарки, какие лошади в ночном, как неслась по Казанскому тракту почта («Царь с дороги—почта едет!»), какая была добрая бабушка Дарья, как его баловали его десять сестёр. Отец договорился со знакомым шофёром, который довёз меня до пристани Аргыж, на ней я купил билет в четвёртый класс парохода «Чуваш-республика». Ближе к ночи он показался из-за поворота, вскоре, гудя и дымя, причалил к мокрому дебаркадеру. На пароходе я был впервые в жизни. Всю ночь восторженно бродил по нему. Он казался огромным. Я был сельским и стеснительным, но мне ни разу не сказали, что куда-то нельзя входить, и я всё смелее осваивал плывущее над водой пространство. Как шумно и трудолюбиво вращались деревянные колёса в кипящей воде, как расступалась вода и долго-долго, журавлиным клином торопилась за нами. Подолгу стоял, и меня не выгоняли, в машинном отделении смотрел, как взмывал и опускался громадный шатун, вращающий толстенный, залитый янтарным маслом стальной вал, именно на который по бокам были надеты старательные колёса. Мне очень хотелось помогать кочегару, чёрному, голому по пояс мужчине, уж я бы смог заталкивать в пылающую топку огромные поленья, но опять же постеснялся. А ведь я уже знал устройство и трактора, и комбайна, но тут была такая неподступная громада.

Мы шли против течения. Была светлая, прохладная ночь, но я даже и поспать нигде не приткнулся, хотя у тёплой, необхватной трубы было место. Стоял у влажных поручней, глядел, то на близкий, то на отдаляющийся берег, на глинистые или песчаные берега, то травяные, то заросшие лесом, запрокидывал голову и смотрел на поворачивающиеся вместе с палубой звёзды. Из трубы летел освещаемый изнутри искрами дым и иногда при крутом завороте он обдавал палубу и приятно согревал. Часто то длинно, то коротко ревел пароходный гудок.

На пристани Русский Турек, на рассвете, я выскочил и побежал, как объяснил мне отец, в гору. «На горе кладбище, с него увидишь Кизерь».

Вот и оно. Тропинка, по которой бежал, именно бежал, простёгивала его посередине. Но и на кладбище не замедлил скорости, только взглядом выхватывал надписи на крестах и пирамидках. Частота моей фамилии на них меня поразила. То есть тут сплошь была родня.

Я торопился на встречу с живой роднёй. Родня—великое слово! Да, родню нам даёт судьба, друзей мы выбираем сами. Но как говорила мама: «Свой своему поневоле друг». Вот это «поневоле» с годами превращается в щемящую необходимость помнить о родне, вызывает в душе неистребимое чувство древней, кровной связи. И так защемит иногда сердце, что родни прежней остаётся всё меньше и ещё меньше её нарождается.

Дедушка ещё спал. И, хотя стояло лето, спал под тулупом. Я вошёл тихонько, но он проснулся, зашевелился, сел и объяснил: «Согреться никак не могу».

Городские гости спали долго, но будить их ни я, ни дедушка не смели. Я бродил около дома, по двору. Вдруг я услышал девичий вскрик, шлёпанье босых ножек по деревянным ступенькам лестницы, и на крыльцо выскочила, будто упала с небес, моя сестренница. В белом, кружевном по подолу

и у горла платьице, и сама вся в светлых кудряшках вокруг личика.
— Кузен! Ты знаешь, что ты мой кузен? Это по-французски. Ты какой язык учишь? Вообще, у вас в селе преподают иностранный? Называй меня кузина, хорошо? Я сейчас пойду оденусь.
— Ты же одета.
— Да это же ночнушка! Ну ты смешной! А ты знаешь, что твой папа́,—она так и сказала офранцуженно—папа́,—твой папа́ был любимым братом моей мамы. А ты будешь моим любимым братом, хорошо? Ты согласен?—Она умчалась, опять прошлёпав босичком по ступеням.

Спустилась тётя, вгляделась в меня и объявила, что я весь в их родство. Моя мама говорила мне, что сёстры моего отца не очень-то её любили, считая, что он мог бы сосватать не крестьянку, а столбовую дворянку. «Он ведь техникум кончил, а это по тем временам было очень высоко. Интелего! А я что? Четыре класса, телятница. Но уж и телята у меня были! К ним бегом бегу, они мычат, радуются. Увозят их, я ревмя реву. Членом правления была. А он, он—лесничий. Меня тятя и мама ругали, что я его на ты называю. Это, говорят, по старым временам, ваше благородие, а ты: Коля, Коля».

Вскоре мы стали завтракать. Таня была в тёмной юбочке и сиреневой кофточке. И туфельки на ней были с блестящими застёжками. Вообще она переодевалась постоянно. Дивно мне было это, я же привык видеть сестёр и одноклассниц в одних и тех же нарядах.

Конечно, никакой кузиной я не стал её называть. Хоть и читывал уже французские романы, но стеснялся переходить на такой стиль отношений. Да и много ли нам было времени для общения: меня ждала работа на комбайне. Но эти счастливейшие два дня жизни на родине отца я вспоминал всю жизнь. Мы купались, ходили за ягодами, снова купались, уже с резиновой лодкой, которую они привезли с собою и которая в этих краях была невиданна. За околицей Кизери стоял комбайн, и я с гордостью перед городскими объяснял его устройство, показывал хедер, молотилку, копнитель, бункер.
— А ещё бывают цельношнековые,—важничал я.—Там центральный транспортёр не забивает. А у нас—залезешь в травяную рожь, деки зажмёт, и выдёргиваешь из барабана траву по два часа.

Братенник, не отставая, говорил, что хорошо знает паровозы, я же, стараясь произвести впечатление на Таню, говорил, что я уже и пароход изучил.
— А я вообще в математической школе,—отвечал братенник.
— А я вырасту и буду петь Виолетту в «Травиате»,—говорила Таня.—Будешь Жермоном? Ты ходишь во Дворец пионеров?
— В сарай пионеров он ходит,—поддел братенник.

Я решил не обижаться.
— Да, в пионерах у нас был сарай—штаб. Мы в тимуровцев играли. Помогали старухам и тем, у кого отцов убили. Дрова пилили, кололи, огороды копали.
— А теперь ты комсомолец?—спросила Таня.
— Ну да, мне же четырнадцать.
— И мне четырнадцать. Но я пока не вступаю, я очень легкомысленная.
— А я уж год в комсомоле,—похвастался братенник.—Мы в пионерах тоже были тимуровцами. Старушек через дорогу переводили.

Провожать меня на пристань Таня не пошла. Вышла за ворота в голубом ситцевом платьице, чмокнула в щёку и убежала по своим делам. Меня ошеломил поцелуй. Они—городские, у них это, видимо, было просто-запросто, а мне, при нашем-то строгом образе жизни, было каково?

И вскоре меня опять уносил пароход, на этот раз «Энгельс», да ещё вниз по течению, как будто убегал, а сердце моё рвалось вернуться в Кизерь. Я доставал сто раз изученную по дороге в Кизерь схему отца и снова смотрел на неё, но уже как на карту собственного детства, более того, мне уже казалось, что не только отец, но и я тут родился.

Измученный жарой и долгой дорогой в прытком на ухабах автобусе я вышел на пыльную солнечную дорогу. Но где же деревня? В стороне я увидел дома и сообразил, что шоссе Вятка—Казань проложили не по деревне, а спрямили. Пришёл на заросшую травой улицу. Улица в деревне стала односторонней. Двухэтажный дом отца я узнал сразу, он и сейчас был самым большим, хотя и он сократился: раньше в нём было по восемь окон на улицу, осталось по пять. Никаких ворот, никакого двора не было. Несколько грядок с молодым луком да посадки картошки говорили, что кто-то тут всё-таки живёт. И годы спустя я почувствовал, как дом мозолил глаза большевикам, да и у своих вызывал зависть—кулаки живут. Ну вот я и пришёл, потомок кулака, и мог бы как внук репрессированного деда занять этот дом. Мысль эта заставила горько вздохнуть. Жить в умершем почти доме и видеть вокруг умирание—это-то я ещё бы смог, это-то, может быть, и заслужил, а семья, а моя любовь к ней? И как я без них? Но можно же и так, вдруг взорлил я: остатки силёнок ещё есть, вырву дом из лопухов и крапивы, изгородь и калитку излажу, баньку сооружу, кто-то и поможет. Огород расширю. Вдруг да какая копейка появится, тогда и стены оштукатурю и побелю. Полы перебрать, окна обновить. Приезжай, семья! Но тут же резко оборвал себя: не занимайся фантазиями—ты последний раз в земной жизни стоишь у дома отца. Тебе уже не уйти от мира, в котором ты живёшь, теперь только ждать, пока сам мир уйдёт от тебя.

Я стоял у дома отца. Сказать, что чего-то чувствовал, было бы неправдой. Вообще всё воспринимаю заторможенно, как говорится, с поздним зажиганием. Вот и сейчас понимал, что спустя время буду постоянно вспоминать этот огромный на голом пространстве безхозной земли дом, без цветов на широких подоконниках, без тюлевых занавесок, с выбитыми стёклами, с крапивой под окнами вместо цветника.

Но жил же тут кто-то. На дверях висел амбарный замок, как отказ в ночлеге. Но я уже и сам понял, что ночевать здесь не останусь. Надо выкупаться в Кизерке, подойти к памятнику погибших на войне и ехать дальше, на родину мамы. А может, уже и Кизерки нет? Нет, слава Богу, Кизерка текла, да причём такая чистая, с таким радостным мельтешеньем и взблескиванием мальков на отмели, что одежда сама с меня слетела и счастье погружения почти в Крещенские воды прогнало печаль.

На обратной дороге к дому увидел первого живого человека деревни. Около ветхих ворот крохотной избушки шла старуха с двумя поленьями в руках. Поздоровался, она ответила, вгляделась и… уронила поленья на сухую траву.

— Яков Иваныч!

— Внук я, внук!

— Вылитый Яков Иваныч,— сказала она потрясённо.

Я поднял упавшие поленья и донёс до крыльца.

— Ещё принести?

Мы ещё сходили к поленнице.

— Ой какая помочёнка получилась,— говорила она. И всё звала пить чай. Но я надеялся, что дом дедушки уже открыли.

И ещё одного человека встретил. Тоже старика. И тоже он меня узнал.

— Я вашу семью очень помню. Дед твой в семьдесят лет бросил курить и стал ездить на мотоцикле. До революции держал почтовую станцию и конный завод. Грозный был, но забывчивый. Кричит: «Где трубка?»— а она у него во рту. Сам я не видел, говорили, что когда их, то есть вас, повезли, то почти голых, разом сорвали, одним рыпом. А вот другие были, звали их микадёнками, те даже смогли самовар захватить.

— А почему микадёнки?— спросил я.

— У них дед с японской пришёл и всё говорил про микадо. Мол, в Японии тоже есть царь, только он микадо. Так и звали микадёнки. Тоже семья была большая.

Опять я пришёл к дому. Амбарный замок попрежнему висел на дверях, но уже расстёгнутый, в одной скобке. Поднялся по расшатанной лестнице и постучал в ободранную дверь. Тихо. Ещё постучал. Подождал и потянул к себе дверную ручку, роль которой играл забитый в дверь толстый ржавый гвоздь. Вошёл. Кухня была завалена грудами битого и целого кирпича, песком, глиной. В комнате на койке лежал худой, желтолицый мужчина и смотрел на меня. Я поздоровался. Он ещё полежал. Наконец что-то осмысленное прорезалось в его взгляде, и он сел.

— Тут дед мой жил, отец родился,— сказал я.

— К зиме готовлюсь,— объяснил он наличие строительных материалов.

— Так у тебя же есть печка. Ещё одну?

— Не натопить, окна расшатаны, да и выбиты (кое-где стёкла были заменены тряпьём). Заложу дверь в комнату, замажу щели, буду жить на кухне.

Он был явно болен, как-то нервно дёргался и подкашливал. Он и в самом деле стал объяснять, что в больницу его больше не берут, брали, но выписали, родни нет, а тут раньше жили родные, он и живёт. Я присел на широкий подоконник, больше было некуда. Мужчина налил в литровую банку воды, затемнил её какой-то коричневой жидкостью из банки поменьше, высыпал столовую ложку сахара и стал, звякая ложкой о стекло, мешать. И будто эти звякающие звуки вызвали внезапный гром, который враз со вспышкой ударил и объявил о грозе. Хлынула вода, полилась по подоконнику, заставила меня вскочить. Мы молчали. Мужчина хлебал из банки и заедал ржаным хлебом. Я смотрел в промытое окно, силясь вспомнить, какой дом стоял напротив, около которого шла тропинка на пруд и в ягодно-грибной лес тех незабвенных двух дней отрочества, в солнечное сияние первой влюблённости. Именно там показался просвет среди туч.

Надо было уходить. Кухонное окно тоже протекло, уже лилось с подоконника на пол. Мухи, застигнутые наводнением, барахтались в мутных потоках. Как будто и меня отсюда вымывало.

Гроза стихала. Я разулся и шёл по траве улицы вниз, к памятнику погибшим. Не мог же и он исчезнуть, железный же. Вскоре увидел разросшиеся кусты, а внутри пирамиду. Но как подойти? Свирепый высоченный репейник и кустарники крапивы с деревянными корнями преграждали путь. Памятник устанавливали к двадцатилетию Победы, но уже, видимо, не осталось в живых тех, кто ухаживал за ним. Я, хоть как-то искупая вину перед павшими однофамильцами, стал воевать с чертополохом. Плоховато, но всё-таки расчистил подступы к скорбному списку. Не было креста на памятнике, но и звезды уже не было. То ли сама упала, то ли помогли.

Пора было на автобус. Прибрёл на остановку. Дом отца скрылся за деревьями. Чем можно было утешиться, конечно, только Священным Писанием. Ведь даже и в Земле Обетованной Авраам обитал как на земле чужой, а пришедшие с Авраамом «радовались и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле… они стремились к лучшему, то есть к небесному… Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего».

Мутная туча, как нашествие, вынеслась из-за леса, от Вятки, и закрыла окрестность. И опять гром ударил враз со вспышкой света, и опять хлестануло ливнем. Я вымок окончательно. Одно утешало — не где-то полощет, а тут, где отец бегал мальчишкой. Промыл ноги в возникшем тёплом ручье. Обулся. Притопнул — передо мной, как вызванная в сказке Сивка-бурка, вещая каурка, стоял автобус. Вот только управляли кауркой не добрые молодцы русские, а южные крикливые люди. Водитель-то был русский, но деньги с меня взяли они. Почему они командовали? Людей в автобусе было мало: старухи, впереди молодая пара. Новое испытание подстерегало меня — сзади кресла водителя была большая фотография обнажённой девицы в офицерской фуражке.

— Уберите! — потребовал я. Меня вдобавок ещё расстроило то, что напоследок не оглянулся на деревню.

— Ты тут, дядя, не командирствуй, — поднялись они.

— Снимете?

Они надменно молчали. Я содрал фотографию, скомкал, бросил под сиденье.

— Смотри, припомним, — пригрозили они.

За окнами темнело. Неслись в стороны и назад пустынные поля, набегали, притирались к окнам коридоры хвойного и лиственного леса, вверху обозначилось звёздное небо. Я всё надеялся, что блеснёт слева и подаст отдохновение милая Вятка. Нет, скрывалась. Наконец мы приехали в Малмыж.

Спросил направление к гостинице у молодых, они сказали, что проводят. Вот и гостиница, такая же, что и сто лет назад. В ней все мои деды и отец останавливались в разные годы. Мне указали всё на ту же койку, что и тридцать лет назад, только слупили в сто пятьдесят раз дороже. Демократический прогресс был налицо.

Изо всех ненавистных мне запахов самый ненавистный — запах табачного дыма, каждение дьяволу. Я думал, после такого долгого дня сразу упасть и уснуть, но задыхался от табачной духоты, идущей от прокуренных стен, постелей, одеял, подушки. Распахнул брякнувшееся о стальную решётку окно и пошёл на улицу. В сумерках белели старые дома, серели новые постройки. У круглосуточного заведения шумела жизнерадостная молодёжь. Оглушали треском и тут же отравляли дымом пролетавшие мотоциклы.

Увидел изрезанную ножами скамью, сел на неё и долго сидел. Ну вот, и побывал на родине отца. Может, больше и не бывать. И что? Ведь хорошо же, что побывал. Да, хорошо. Этот дом, его сиротство, этот больной в его стенах, разве это не есть состояние сегодняшней России? Этот заросший памятник. Эта издевательская похабщина южных людей. Надо и это всё выдержать.

Вернулся в гостиницу. Всё-таки немного проветрилось. Правда, усиленно и радостно звенели комары, но с этим народом у меня давние добрососедские отношения. Всегда удивляюсь страхам перед их укусами.

Сон мой был торопливым и даже судорожным. Я и боялся проспать, хотя сказал дежурной время побудки, и хотел провалиться в сновидения, которыми полны все мои ночи. Даже не помню, но, конечно, легко могу представить, о чём думал, ожидая сна. А во сне летал. Стыдно для моих лет, но летал. Летал выше крыш, взмывал над лестницами, которые были ещё выше крыш, летал вдоль узора обоев на стене, очнувшись, вспоминал сон, глядел, как пополз по обоям рассветный луч. Лежал, пытался обрести себя, где я, о чём думал вот сейчас? Но одну мысль помню точно: если мы видим только тысячную часть света, идущего на землю, то что есть свет?

На автостанции утром увидел знакомое лицо и автоматически поздоровался, хотя тут же сообразил — это же вчерашний человек с юга, мне угрожавший. Но он тоже поздоровался, видимо, растерялся от моего приветствия.

Туман, береговые кусты, песок, Вятка. Милая Вятка, быть бы тебе главной рекой Руси. Но так стало считаться, что не Кама впадает в Вятку, а Вятка в Каму, не Волга в Каму, а Кама в Волгу, что у Вятки вроде бы и статус реки стал областным. Но какая река! Какая мощь в этом спокойном неостановимом течении, какая красота в берегах. Они то высоченные, красные от глины, то пологие, золотые от чистых песков, то сумрачные от подступивших хвойных лесов, то весёлые от лугового разнотравья. И чего только они не видели. Именно здесь шли от Мелетского затона плоты, которые вёл лоцман Семён Ефимович, мой дедушка по маме. Водил и до устья Вятки и до устья Камы, и до Астрахани. А однажды отказался выводить плоты из затона. Ибо был великий праздник — Пасха Христова. Арестовали и посадили. А плоты, которые повёл другой, всё равно разметало внезапно налетевшей бурей. Дедушке и это зачли в срок.

Туман был серо-молочный, влажный. Я отошёл от причала вверх по течению и умостился на остатках лодки. И замер. Видно было метра на два, не больше. Было ощущение самолёта, который плавно снижается и проходит приземные облака. По тёмной воде, будто во сне, плыли щепочки, птичьи перья, зелёные и жёлтые листочки. И вскоре показалось, что это не они скользят мимо меня, а я вместе с берегом тронулся в неведомое плавание. Такая была отрешённость, такая тишина, будто прожил эти минуты не во времени, а в вечности.

Подошёл паром, мы вошли на него, отчалили, и было ощущение, что заблудились, завязли в этом тумане, и начнём подавать тревожные гудки,

но нет, точно причалили к огромной, ржавой барже, игравшей роль пристани.

А дальше всё ещё проще: мы погрузились в автобус, обилетились и потряслись сквозь леса и поля. В автобусе ко мне подсел мужчина в солдатском бушлате.

— День рождения у меня вчера был, понял? Не такой, что вот именно как день рождения, но вроде того.

— Из зоны вышел?

— Почти угадал. Раскодировался. Пошёл детей навестить, прошу: дайте хоть на немного, чтоб отпраздновать. Гонят. Эх, думаю, породить-то я вас, породил, но, как Тарас Бульба, убить не успел.—И тут же, без паузы, высказал ещё одну мысль:—А зря мы Ираку долги простили. Если не может платить, так кто виноват? Америка? Она и плати. Так ведь?—Потом он мотался в такт проезжаемым рытвинам, закуривал и сообщал ещё и другие известия:—А вот скоро революция будет, учти. Тогда попомнишь. Я так считаю, что пора. Думаю, ты не против.

И вот—Мелеть—родина мамы. Мелеть была ближе к нашему селу, сорок километров, поэтому мы тут чаще бывали. Теперь в ней остался единственный мой двоюродный брат, Геннадий.

Он был почти совершенно глухой. Последний раз мы виделись лет десять назад, когда я привозил кресты на могилы дедушки и бабушки по маме. Помню, как мы после тридцатилетней разлуки, зарыдали, именно зарыдали, а не заплакали, ибо многое нас связывало в давно прошедшем детстве. Гена пас свиней, я помогал, когда приезжал. Меня Гена и курить научил, и плавать, когда он и его дружки выкинули меня из лодки, заплывшей на середину Вятки.

Он не ждал меня, но видно было, обрадовался.

— С утра не спалось, всё Семён Ефимыч мерещился, а тут ты—копия Семён Ефимыч! Одно к одному! Только он был кряж, корень, мы по сравнению с ним близко к нулю. Георгиевский кавалер. А знаешь за что? Пленных спас. В одиночку. Говорит: часового маленько по голове погладил. Кулаком. А так, рассказывать о войне не любил. В больнице разу не бывал,—говорил Гена.—Все зубы—до одного целые. Но мы, хоть беззубые, а в смышляевское родство, так ведь? Наши матери в девках Смышляевы, не забыл?

Жена Гены Валентина уставляла стол банками и тарелками.

— Ой,—говорила она,—ой, хоть расскажи, чего нам ждать-то? А мы живём, живём и умирать не собираемся. Да как хоть это, да чего это всё наперекосяк, или уж всё к концу, уж вроде того, что ложись да помирай, а? А пожить-то охота, а? Никто ведь туда сам не совался, одни безумцы. Ой, ведь нас до того довели, что воздухом дышим и радуемся, что хоть за него не платим.

Гена, я видел, понимал её. Он постоянно курил, щурился и поглядывал на стол.

— И чего звонишь,—вставлял он в крохотные паузы Валентининого выступления,—чего распространяешься?

— А ты бы молчал,—говорила ему Валя.—Мы скоро по миру пойдём, а цыгане всё тут займут.— И объясняла мне:—Цыгане скоро начнут золотые зубы лошадям вставлять, Ходят, жалуются, что бедные, а уйдут—глядишь: мы бедные. А раньше: вот мать за сушками посылает. Лом, сушки розовые, ванильные, насыплют в передник, сумок не было. Раньше только нищие с сумками ходили, теперь все с сумками. По четыре часа за самоваром сидели. А разговоров!

С радостью отведал я деревенской сметаны, напился совершенно чёрного чая и заторопился в Аргыж.

Валя погнала Гену со мной. Я пошёл босиком, он надел калоши. Вначале прошли через улицу, на которой стоял дом дедушки, в котором родилась моя мама. Куда я много раз приезжал и с нею, и один, когда стал постарше.

— А родник жив?—кричал я Гене.

— Еле-еле. Раскопать можно.

Вместо прежнего дома стоял крохотный, чуть больше сарайчика, домик. Запущенный до последней степени. Двора не было. Калитка была, но никакого забора, и она жила сама по себе, барыней, никто её не тревожил. Крыльцо было сгнившим, дверь в избу прикручена проволокой к ржавому гвоздю. У крыльца валялся дырявый рукомойник. Старинный, с лоточком для воды.

— Прежний?—закричал я.—Дедушкин?

— Ну,—подтвердил Гена.—В Москву повези.

Я прицепил рукомойник к стене, огляделся. Вот тут, где лебеда и крапива, был погреб, куда меня брала бабушка Саша и всё потчевала чем-нибудь вкусненьким. Тут хлев, сарай для сена, тут дровяник. За этими зарослями, среди просторного огорода была банька. За огородом картофельное поле. Дальше просторы засеянной земли, перелески. По ним шла и конная, и пешая дорога к Вятке. От огорода начиналась тропинка. Но и она исчезла.

— А баня где была?

— Вон,—махнул Гена рукой к зарослям бузины.— Вспомнил, как мылся?

— Да я подумал, что наши матери, может, в ней были рождены! Не было же ни акушерки, в роддом не возили. Топили баню, приходила бабка-повитуха.

Оглушая рёвом и задымливая пространство, на низкой высоте пронёсся тёмно-зелёный вертолёт.

— Охрана!—объяснил Гена.—Здесь же газопровод. Каждые полчаса, иногда чаще летают. Туда и сюда. Диверсии боятся.

— А в Мелети есть газ?

— Откуда?

— Отсюда! Значит, искалечили землю, обгородили, и газа не дали.

Гена махнул рукой. Пошли в гору. Вскоре я устал кричать ему на ухо, то на правое, то на левое. Замолчал. Глядел вокруг. Ведь все поля здесь в ту, незабываемую, мелетскую, эпоху я исходил, изъездил на комбайне, на машинах, на лошадях. Ничего не узнавал.

— Тянет, значит, сюда?—спросил Гена.

— Так ещё бы не тянуло, тут такой магнит,—закричал я и повёл рукой, показывая вокруг.—Детство же! Тянет. Свиней пасли. Курить научился. В Вятке чуть не утонул, когда вы меня из лодки выкинули. Спасибо, плавать научился. В морях и океанах пригодилось.

— Чего было не жить,—горько говорил Гена, загребая калошами мокрый дорожный песок,—такие поля, такие луга. Рыбы всякой, что в реке, что в пруду, что в озёрах. Коров держали, овец, гусей на воде белым-бело, как снег. Жили-жили, дожили! Говорят: нерентабельно. И всё порушили.—Гена опять закурил.—Чего бы мне они там ни барабанили, я же в голове своё гоняю. Иной раз думаю—кожа от головы отделяется, как же всё так, всё против нас? Одни тунеядцы живут, а работяг истребляют. Что хоть вы там в Москве своей головой думаете?

И снова долго шагали под марлевым дождём, по мокрому песку. Да, памятна эта дорога. По ней неслись наши сани, когда мы похоронили дедушку Семёна, это было зимой, по ней, в другие времена, мчался мотоцикл, за рулём мой старший брат, я сзади. Мы попали в размытую глину и нас выкинуло с сидений, как со взбрыкнувшего коня. А как ощутимо билось сердце, когда бежал здесь на вечёрку, надеясь увидеть ту, которая днём приезжала к комбайну за зерном и весело кричала: «Не заваливай!»

Хмурилась погода, как-то суровилась. Но когда пришли в Аргыж, взбрызнуло, будто приветствуя. В начале деревни был магазин. В нём мы и укрылись. Молодая продавщица и древние старухи воззрились на нас. Гену они сразу узнали, а вскоре и меня.

— Это ведь ты тогда-то яблоки воровал?

— Я,—признался я, дивясь требовательной народной памяти. Менялись системы, гибли и возникали государства, устаревала одна идеология, её сменяла другая, но для Аргыжа, русской деревни, было важно, что пятьдесят пять лет назад в ней произошло чрезвычайное событие: внуки Семёна Ефимовича украли яблоки. Нет, теперь я понимаю, что с тех пор история России пошла иначе. Солнце взошло с запада: внуки Семёна Ефимовича пошли на воровство.

— Айда на Вятку!—закричал я Гене.

— Двигай один, мне обратно в гору не вышагать. Молодой, иди.

— Мы же ровесники. Какой же я молодой?

— Да ты ж тяжелее карандаша ничего не поднимал.

— Ой, Гена, не тебе бы говорить, не мне бы слушать. А сплав, комбайн, а грузчиком сколько был. Армия! Ракетные войска!

— Ракеты по фанере запускал?

— А ты куда хотел?

Мы вышли на крыльцо. Дождь разошёлся всерьёз. Небо снизилось, и казалось, что уже вечер.

— Подожди, перевалка пройдёт.

Вернулись в магазин. Продавщица включила верхний свет. Я спросил у неё кагора. Кагор был. Нашлись и стаканы. Я разлил старухам и молодой продавщице сладкого вина.

— Ну что, прощаете за яблоки?

— Прощаем,—сказала одна из старух.—Но ведь это же стыд и срам—в чужой огород!

Дождь зарядил основательно. Но не побывать на Вятке я не мог. Пошёл по старым тропинкам. Да где они и кто топтал их после меня? Шутка ли—полвека не был. Здесь же был широченный путь от причала, ступени длиной метра в три, а слева дорога для машин и лошадей.

С нависающих ветвей берёз и елей радостно хлопались дождавшиеся меня дождевые воды. Я уже смирился с тем, что весь мокрый. Тем более это меня готовило к главной купели—погружению в Вятку.

И оно состоялось. Со страхом я раздевался. Догола, без боязни быть кем-то увиденным, кроме Бога,—берег был настолько пуст, что походил на пейзаж сотворения мира. Содрогаясь, я вошёл в воду и трижды погрузился. «Ты без меня текла и будешь течь, и обойдёшься без меня, а я без тебя не могу». Так я сказал своей любимой реке, которая помнила голоса моих родителей дедов и прадедов. Но кто бы их, кроме реки, услышал. На берег намывало мутные волны. Страшно было напяливать мокрую, холодную одежду. Трясясь от предчувствия неизбежной температуры, пошёл в гору, в деревню.

Гена по-прежнему сидел в магазине, беседуя со старухами. Я застал только одну его фразу:

— Не жили хорошо, и нечего начинать.

— Ну что, кагору?—крикнул я.

— Кагор,—насмешливо отвечал братенник,—не казацкое питьё.

Я купил у румяной продавщицы продукт посерьёзнее. Старухи приняли подношение и окончательно нас простили.

Меня познабливало. Мы пошли вниз, по песчаной, прежней дороге, к Мелети.

— Вот я сейчас тебе что скажу, это всё, что тебе надо знать.—Гена был приподнят в своём состоянии.—Ты был с отцом, а у меня отец погиб.

— Так у меня отец тоже инвалид.

— Но живой же! И я тебе всегда завидовал. И это была моя главная зависть в жизни. Вот у меня нет отца, а у него есть. Понимаешь? Нет, тебе

не понять, ты рос с отцом. И из лодки на Вятке именно я тебя выкинул, понимаешь? Мечтал, что утонешь. Доходит до тебя? — Гена остановил меня и схватил за мокрую рубаху.

Я снял его руки.

— Гена, брат, ну что теперь? Ведь и я уже отца похоронил. Знаешь, похоронил. Приехал, все съехались. Давно не виделись, рады друг другу. Спасибо отцу, соединил на два дня. Отпели, крест поставили, всё как-то нечувствительно. Разъехались. Живём. А потом так вдруг всё обрушилось, такое наступило сиротство, такое… не высказать. Как же, оказывается, я его любил. Ген, перестань, не рви рубаху, последняя.

— Нет, ты не понимаешь, какой у тебя был отец. — Гену затрясло. Мы стояли под светлым дождём, два старика. — У тебя отец был великий человек. Он, он… — Гена зарыдал, — он меня раз прижал к своей груди. А я был острижен наголо, стригли от вшей и мазали политанью, мазь такая серая, запах — жуть. Он не побрезговал, прижал меня, говорит: Гена, Геночка! Вот! Был у меня отец, был! И тот, что погиб, и тот, что дядя Коля, твой родной отец. И иначе его, как отца, я не помню. И тебя ненавидел! Ты понял? Ты можешь простить?

— Что говорить. — Я уже не кричал, говорил для себя. — Он меня разу не ударил, пальцем не тронул. Любил нас. Из командировки вернётся, обязательно сушки, пряники. Это из города. А в основном он в лесу неделями, лесничий же. Всегда цветы маме, нам ягоды, грибы. Зимой шишки разные. Про лес рассказывал. Деревья, говорил, как люди. Как лес определять, как людей, говорил. Где мачтовый лес, где строевой, где рудостойка на шахты. Где дрова. Какую древесину на подплав, чтоб меньше топляка было. Всё знал. У ели корни разлапистые, а у сосны морковкой. О себе только никогда не думал. Я с сыном приехал, он еле ходил, ноги отказывали, а сына моего в тир водил.

Да и Гена говорил, не заботясь о слушателе:

— Мелетка была — кони всплывали, сейчас пескарям мелко. Чего было не жить? Жили честно, не воровали. Я всегда, в армии ли, или где, скажут, что что-то пропало, краснел, думал, на меня подумают. Это как?

— Ген, это русское — быть виноватым за других.

Мы долго шли молча. Опять пролетел, дымя и оглушая, вертолёт.

— Ночевать-то всяко что останешься, — сказал Гена. — Баню истопим. Поедешь, цветов дам, на могилу отцу.

— Вообще, Ген, я собирался заехать на час — и дальше.

— На час? Это не по-людски. Так нельзя. Сейчас баню взбодрим. Вчера топили, она на старые дрожжи быстро воспрянет. Как это на час? Ещё же ни о чём не поговорили. Чего я оглох, спроси. Простыл, вывозили жмых, засыпку, комбикорм. Дождь, вот как сейчас, только осень. Температура. Хриплю, еле жив. Бегут — вези зерно на пристань. Повёз. Дорога цветная, в глазах то темно, то полосы. Дальше осложнение, как не быть. На уши. Кто будет лечить, на какие деньги, кому я нужен? Оглох. Ты не ори, я тебя начал понимать. Валька же не орёт. Она мне как глухонемому телевизор переводит. Только одна брехня да реклама. Убрали бы эти рожи, жить бы стало можно.

Мы уже вошли в Мелеть.

— Говорили у вас в армии, когда шли в самоволку, был пароль: рубите лес — копай руду? В одни ж годы служили.

— Говорили. — Я уже совсем обезголосел от крика, просто кивал, во всём соглашаясь с Геной.

— Вот и копали и рубили, а кто-то жрал да над нами издевался. Так же и сейчас, и всегда, так ведь?

— Ты же вечно жить не собираешься, — из последних сил закричал я. — На земле, по крайней мере, а? Вот и увидишь, как т а м они будут жрать. Так что давай их пожалеем.

Вскоре мы топили баню. Гена, радостный оттого, что я остался на ночь, хлопотал, принося веники, добавляя в чугун воду. А я избрал для себя топку печки, совал в неё длинные смоляные поленья, вспоминая пароход, по которому только вчера ещё бегал мальчишкой.

Именно так, всё было вчера. Всё то же небо светилось над нами. Тот же запах мокрой крапивы, те же петушиные крики, тот же лай собак. Те же мы.

Гена вошёл с полными вёдрами, поставил на лавку.

— Ты ведь в Иерусалиме был? Святая земля. Мне уж не побывать.

— Ты и так всю жизнь на святой земле прожил. На русской.

Так я ответил, но эти слова уже не прокричал, а прошептал.

Отец!

Владимир Шанин

О старом фантасте замолвите слово

Когда у Николая Яковлевича Шагурина вышла в Красноярске очередная книга («Рубиновая звезда» — под редакцией Виктора Ермакова, с рисунками Виктора Бахтина), приуроченная к его 70-летнему юбилею, он подписал её мне: «На добрую память от старого фантаста». Это было в 1978 году, а через пять лет его не стало.

Прошло 25 лет. Мы пережили горбачёвскую перестройку, распад СССР и так называемый путч руководителей правительства, «рвавшихся к власти»; были мы и свидетелями расстрела «Белого дома» с засевшей там оппозицией — Верховным Советом СССР; молча согласились на запрет КПСС и последующее опошление советской истории; на наших глазах методически разрушались промышленность и сельское хозяйство, а мы безмолвствовали; мы позволили власти взрастить кучку самых богатых людей — олигархов; пережили и кризис, и дефолт, и Ельцина… Но всего этого не суждено было даже предположить Николаю Яковлевичу; он ушёл от нас гражданином Советского Союза, членом Союза писателей СССР, членом КПСС с почти сорокалетним стажем.

Николай Яковлевич Шагурин родился 16 сентября 1908 года в Харькове, в семье врача. Детство провёл на родине, окончил среднюю школу и стал жить самостоятельно с восемнадцати лет, помогая престарелым родителям. Он уехал в Москву, устроился чернорабочим на стройку и поступил на вечернее отделение электротехнического техникума, по окончании которого работал электромонтёром, инструктором по обучению киномехаников — для этого пришлось поучиться на специальных курсах. Тогда, в 30-е годы, молодая Страна Советов нуждалась в механиках сельских кинопередвижек. Николай предложил Центральному совету Союза воинствующих безбожников организовать антирелигиозную кинопередвижку, с которой объездил несколько областей Центральной России.

Опыт антирелигиозной пропаганды через кино пригодился будущему писателю-фантасту в его творчестве. В московском издательстве «Теакинопечать» в 1930 году вышла его первая книжка под интригующим названием «Безбожное кино». И с того времени московские журналы наперебой печатают рассказы Шагурина. После того как журнал «Вокруг света» опубликовал серию приключенческих рассказов, Николай Шагурин полностью перешёл на литературный труд. Он сотрудничал с редакциями журналов «Красноармеец и краснофлотец», «30 дней», «Кино и жизнь» и других.

Способному очеркисту и литератору предложили постоянную работу разъездным корреспондентом газеты «Социалистический Казахстан», и Николай Шагурин без колебаний поехал в Алма-Ату. Он объездил почти всю Среднюю Азию, и накопленные здесь впечатления легли в основу новой книги — «Повесть о Тау-Сагызе». В 1932 году становится членом Союза пролетарско-крестьянских писателей Казахстана, работает в различных газетах на юге республики. В многотиражке на строительстве Камыш-Бурунского железнорудного комбината под Керчью потребовался очеркист, и Николай Шагурин отправился в Крым.

В 1937 году Николая Шагурина попросили приехать в Москву, и там Политуправление Северного морского пути предложило ему поработать на Обском севере. Став редактором многотиражной газеты «Северный рейс», выпускаемой на борту полярного судна «Анастас Микоян», Николай две навигации ходил на этом судне в Заполярье с северным караваном и в 1936 году вернулся на юг, в редакцию областной газеты «Красный Крым».

Великая Отечественная война захватила Николая Шагурина в Симферополе. Он отправил свою семью в Саратовскую область (жену Ирину Александровну с сыном Борисом), а сам с редакцией «Красного Крыма» эвакуировался в город Грозный. Здесь был призван в армию, но по слабости зрения определён в полевой госпиталь на Орловском фронте начальником клуба, а через год был снят с военного учёта и уехал в Саратовскую область, поближе к семье, с направлением в Екатериновку на должность заведующего производством типографии местной газеты «Колхозная стройка». Когда Крым был освобождён от немецких захватчиков, Николай Шагурин был отозван в Симферополь, в редакцию газеты «Красный Крым», где его ценили за талант и оперативность в работе. «Здесь я последовательно занимал должности — зав. отделом культуры, спецкорреспондента-очеркиста, секретаря редакции, — вспоминал Николай

Яковлевич.— Годы работы в Крыму были для меня очень плодотворны: я продолжал осваивать различные газетные жанры, стал работать над сатирическими материалами, был участником Всесоюзного совещания писателей-сатириков и фельетонистов, которое созывала в Москве редакция „Крокодила“ в 1949 году. На этом совещании, на секции, обсуждались и мои басни, ранее получившие положительную оценку в „Правде“».

Большую роль в профессиональном росте писателя Николая Шагурина сыграло его общение с такими мастерами советской литературы, как С. Н. Сергеев-Ценский, П. А. Павленко и И. А. Козлов, товарищеская помощь и поддержка которых позволили ему создать несколько сборников сказок, басен, очерков. И не оставлял работы в «своём любимом жанре» — приключенческом и научно-фантастическом: морские пираты, разбойники, шпионы, схватки с предателями и врагами Советской власти… В «Морских сказках» писатель ставил свой целью «пробудить у детей интерес к морю, к романтической и вместе с тем суровой и трудной профессии моряка». Герои сказок — «благородные, отважные моряки, беззаветно преданные своей Отчизне, готовые к борьбе за правое дело». И юный читатель зачитывался ими. Надо было обладать особым талантом, чтобы, не будучи моряком, создавать такие сказки, как «Серебряный моряк», или «Двенадцать адмиралов и отважный матрос», или «Морской подкидыш» — повесть об удивительной жизни и необычайных приключениях капитана Вука Безродного, по прозвищу Смолёная Куртка, так похожие на действительность.

В 1950 году редакция центральной газеты «Речной транспорт» предложила опытному журналисту и молодому коммунисту Николаю Шагурину должность собственного корреспондента по бассейнам Оби, Иртыша, Лены, Амура и рек Севера с его местопребыванием в Новосибирске. Через два года газета объединила моряков и речников и стала называться «Водный транспорт», а её собственный корреспондент по Сибири был переведён в Красноярск. К тому времени он уже автор повести «Рубиновая звезда», справочника «По Оби и Иртышу», сработанного по заказу министерства и ставшего библиографической редкостью, и новой повести «Остров больших молний». В Красноярске Николай Яковлевич получает заказ написать «что-нибудь о речниках». Так был издан отдельной брошюрой очерк «Зодчие Сибирского флота».

Николай Яковлевич много ездит по краю, много пишет о речниках, работает над приключенческими повестями; он живо откликается на текущие события, подмечая недостатки и пороки, смеётся над ошибками в обществе, разоблачает человеческую глупость. В «Послании другу-сатирику» он советует:

Сатирик! Точи боевое перо,
Чтоб было, как бритва, отменно остро!

Красноярск стал второй родиной для семьи Шагуриных. Ирина Александровна возглавляла отдел пропаганды в краевой газете «Красноярский рабочий», дети учились в школе. Николай Яковлевич подготовил к печати новую книгу, в которую вошли приключенческая повесть «Тайна декабриста» и несколько рассказов, и начал работу над научно-фантастическим романом «Знак Чёрного Льва».

В 1958 году красноярские писатели единогласно проголосовали за приём Н. Я. Шагурина в члены Союза писателей СССР. Ответственный секретарь Красноярского отделения СП СССР Николай Устинович отметил, что произведения Шагурина «пользуются большой популярностью среди юношества», а рекомендующий писатель Борис Беляев подчеркнул: «Повестям Шагурина чужды идеи голого техницизма, в них всегда во главу угла ставятся социальные проблемы… Шагурин искусен в построении сюжета, в композиции; язык его книг точен, выразителен, в меру ярок». Позднее в своей книге «Отображая жизнь» он писал, что произведения Шагурина пронизаны «идеями гуманизма, прославлением человеческого разума и плодотворного труда, убедительным раскрытием превосходства социалистического общества над гниющим миром капитализма».

В 54 года Николай Яковлевич полностью перешёл на «вольные хлеба» и через шесть лет вышел на пенсию. Но не ослабло его творческое перо. Совместно с молодым тогда писателем-фантастом Сергеем Павловым он пишет повесть «Аргус против Марса» и собирает материал для романа «Эта свирепая Ева», работа над которым всё время затягивалась по болезни автора. Товарищи по «литературному цеху» подтрунивали над его «долгостроем». Кто-то из остряков сочинил пародию, которая и по сей день вспоминается, когда заходит разговор об этом романе и его авторе:

Он спознался с девою,
Со свирепой Евою,
А теперь вот мается:
Перо не поднимается…

Для фантастико-приключенческого романа Николай Яковлевич взял самую земную проблему — борьба человечества с ураганами, приносящими огромный вред: «катастрофические разрушения, колоссальные материальные убытки и тысячи человеческих жертв. Человек должен научиться повелевать стихиями, управлять климатом, и наука может дать ему в руки средства для этого — такова идея романа».

Николай Яковлевич был смертельно больным человеком, уже не вставал с постели, когда роман вышел в свет — к 70-летию со дня рождения

автора. Для него это было великим счастьем — при жизни увидеть своё детище, над которым долго трудился…

Шагурины жили тихо, не жаловались, не просили милости у властей. Пока мог ходить, Николай Яковлевич не пропускал партсобраний, а когда слёг, о нём стали забывать. И только увлекательные произведения, жившие отдельно от автора, ещё напоминали о «старом фантасте».

За несколько дней до его кончины я навестил Шагуриных. Обстановка была удручающей. Справа от входа в зал на кровати, вытянувшись, лежал парализованный младший сын Шагуриных — Юрий, молодой парень, бывший спортсмен, мастер спорта, с повреждённым позвоночником. Он улыбнулся мне и радостно сообщил:

— А у меня уже пальцы на ноге шевелятся…

Ирина Александровна засуетилась, не зная, чем и как приветить гостя, затем повела в комнату, где лежал умирающий писатель, попросила меня помочь ей поднять Николая Яковлевича — ей необходимо поменять постельное бельё. Окна в комнате запечатаны наглухо, воздух был спёртый, тяжёлый… Николай Яковлевич был худ, костист и тяжёл, мы едва оторвали его от кровати. Пока он стоял, опершись на мои плечи, Ирина Александровна сменила бельё, и мы опять уложили больного в постель. Отдышавшись, он попросил жену подать ему книгу. Она взяла с полки «Эту свирепую Еву». Слабеющей рукой Николай Яковлевич смог только лишь расписаться и устало откинулся на подушках.

Вскоре он умер, потом скончался парализованный сын, а через год ушла из жизни и вдова Ирина Александровна. Сын Борис, живший отдельно, своей семьёй, как говорили соседи, опустевшую родительскую квартиру по улице Красной Армии и свою поменял на большую жилплощадь на правом берегу Енисея, и ничто теперь не напоминало о том, что когда-то здесь жил и творил старый писатель-фантаст, книги которого ныне едва ли отыщутся в библиотеках.

Евгений Минин

Трюки жизни

Тормозное

Зажгись, о ночь, звездами ясными!
Пронзи мозги стрелами страстными.
Налей сиропа нам в глаза,
Сшиби с сознанья тормоза,
Чтоб стало слышно голоса.
Дмитрий Шкарин

И ночь зажглась звездами ясными,
Пронзив мозги стрелами страстными,
Сиропом брызнула в глаза,
С сознанья сшибло тормоза,
И я услышал голоса.

Прочтя мои стихи сакральные,
Смеялись ангелы печальные,
И Бог сказал — что за буза?
Поэту нужен техосмотр,
Чтоб починили тормоза.

Брюкоразводное

Я на кухню,
вымыв руки,
дверь открыл в начале дня.
За столом сидели брюки
и глядели на меня.
Тим Собакин

И сказали брюки грозно,
наводя беду и страх:
— Почему на завтрак поздно
ты пришёл в одних трусах?
Вот какие в жизни трюки
можно ждать от наших брюк!
К сожаленью, часто брюки
отбиваются от рук.

Юрий Беликов, Михаил Делягин

Здравый смысл во время недосыпа

Он частый и довольно-таки рьяный участник телевизионных баталий. Посему более чем узнаваем. Я бы даже выявил в нём нечто астафьевское, виктороопетровическое. Свой «Сердитый взгляд сквозь годы и расстояния», ежели вспомнить название интервью Виктора Астафьева журналу «Уральский следопыт». Причём этот взгляд воплощается не только в делягинских статьях и ответах на задаваемые вопросы, но и, так сказать, натурально. Из-под очков. Завидное у него разноглазие.

Один (сверлящий!) глаз упирается в сильных мира сего, а другой (благосклонный) откатывается куда-то в сторону таксистов, коих падкий на острое образное словцо Михаил Геннадьевич сравнивает с «коллектором рассеянной информации» (на них он тестировал некую «программу здравого смысла»); откатывается, достигая, будто мяч, закрученный в дальний угол ворот, всеми обиженной ленинской кухарки, которая, по определению, может управлять государством.

А делягинские жесты? Когда он клеймит в телестудии какого-нибудь распоясавшегося либерала, то, ничтоже сумняшеся, вскидывает указательный палец, и эта рука с направленным пальцем напоминает экспроприированный из музея маузер.

Доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации, а пользуется, на первый взгляд, словами далеко не экономического склада. Михаил Геннадьевич то и дело зашагивает. Из пространства экономики — на арену публицистических схваток, а оттуда — на делянки отечественной словесности. И не просто — на делянки, а в редакторы хрестоматии «русского национального характера». С каким, вы полагаете, названием? «Я — русский!» Он и в Пермь приезжал в рамках проекта «Русские встречи».

— Михаил Геннадьевич, не могли бы вы припомнить тот поворотный момент, когда вы сказали себе: «Я — русский!»?

— Мне очень легко это вспомнить, потому что, когда я получил паспорт, там и было написано: «Русский». Понимаете, есть национальный характер и национальная культура, которые определяют все формы человеческой жизни. И, поскольку меня учили стандартным экономическим методам, я очень быстро понял, что у нас, в России, они работают не совсем так. Я заканчивал экономический факультет МГУ, откуда немало народу ушло в бизнес, и вот этот народ начал обнаруживать, что, например, материальное стимулирование на каком-то этапе не работает. Оно работает сначала, когда человеку нечего есть, но как только он выходит из лагерного состояния, хозрасчёт действовать перестаёт. И дальше деньги для носителя русской культуры становятся важным, но не исчерпывающим символом справедливости.

Кроме того, если справедливости нет, а преобладают только деньги, то для русского человека это не является абсолютом. Поэтому национальная культура — очень важный фактор конкурентоспособности, и её обязательно нужно учитывать.

Когда американцы оккупировали Японию, они пришли к выводу, что в Стране восходящего солнца можно совершенно безнаказанно развивать рыночные отношения. И она никогда не будет конкурентом США, потому что здесь — феодальная культура, которая с рыночными отношениями несовместима. Но японцы сумели приспособить рыночные отношения к своей нерыночной культуре так, чтобы они работали им на пользу. Соответственно, и мы, живущие в России, тоже должны учитывать особенности своей национальной культуры при определении в том числе экономической политики, потому что без этого не будет ничего.

— На сей счёт режиссёром Александром Рогожкиным снят отечественный телесериал об особенностях национальной охоты, рыбалки, политики… Не хватает ма-а-а-ленького такого продолжения. Вот я и спрашиваю вас: «В чём же особенности нашей национальной культуры?»

— Особенностей очень много. Ну например, в каждой культуре есть круг людей, которые эту культуру признают. В одних культурах — это родственники, в других — представители единой религии, одного народа. А, допустим, в протестантской культуре — это богатые: «Бедный человек отвержен Богу, потому что он бедный». В американской же политической культуре — только живущие в условиях демократии или стремящиеся к ней.

А русская культура удивительна своей всечеловечностью. Вот абсолютно прагматическая вещь: когда мы общаемся с человеком, принадлежащим

к иной культуре, который считает, что вас можно резать не оттого, что у вас другая религия и вы относитесь к другому народу, а просто потому, что вы ему не родственник, мы, русские, этого не понимаем. Или другой пример. У нас есть замечательная Республика Тыва, где шестьдесят процентов детей рождаются вне брака. В переводе на русский это называется многожёнством. Так что, как видите, культуры разнятся. И как только вы перестаёте учитывать их в повседневной жизни, вы начинаете совершать ошибки.

Возьмём простую вещь: авральность русской культуры. Это — когда вы поручаете человеку сделать работу в течение недели, а её можно исполнить за более короткий срок. Что в итоге? Русский будет делать её в самый последний день, да ещё накануне вечером.

Но хочу уточнить: когда я говорю о культуре, то имею в виду не Пушкина и Достоевского. Это не то, кого мы оставили в мировой истории и какие памятники воздвигли. Это образ действия с точки зрения экономики.

— В своё время Валентин Распутин перестал писать прозу и ушёл в публицистику. То же самое произошло и со Станиславом Куняевым — он приглушил стихи, сделав заступ на публицистическое поле. Очевидно, это явление общего порядка? Однако почему в публицистику уходят экономисты? А Михаил Делягин не просто ушёл в публицистику, но однажды стал даже редактором хрестоматии «русского национального характера» «Я — русский!». И в этом тоже проявилось какое-то новое его качество?

— Это было замечательно! Мы сидели с одним моим другом, высокопоставленным функционером «Единой России», и обсуждали проблему русскости. И он сказал, что вот было бы хорошо сделать такую хрестоматию. Я ответил: «Так в чём проблема? Ты подбери — я издам!» И предложил идею в окончательном виде, нескольких авторов. И потом довёл её до реализации.

А мой переход в публицисты обусловлен вот чем. Когда я писал на темы экономики, то сталкивался с тем, что все экономические решения неправильны. Потом я понял, что это проблема мотивации, а не проблема интеллекта. А мотивация — это уже не экономика, это — политика. Значит…

— Значит, начали двигаться по тому самому публицистическому полю? Помню, в 3-м номере журнала «Наш современник» за 2009 год была опубликована ваша статья «Это не кризис, это депрессия!». Заключительная фраза её звучит так: «В целом обозримые социальные последствия, развёртывающиеся в России… вызывают в памяти не 1998 год, но рубеж 80–90-х годов. Мы находимся лишь в начале грандиозных и крайне болезненных социальных катаклизмов, вызванных не столько объективными обстоятельствами, сколько неэффективностью государства…» Собственно, это то, что сейчас происходит в России, — предсказание на десятилетие вперёд?

— Есть прогнозы сбывающиеся, есть прогнозы не сбывающиеся. Лучший прогноз был, когда в 2001-м мы сказали, что в 2008 году в США негр серьёзно поборется за президентское кресло. Это был прогноз нашей группы экспертов.

— Раз уж вы упомянули группу экспертов, коснёмся вашей биография. Если отталкиваться от некой скрупулёзности, то, начиная с 1990 года, вы нигде долго не задерживались. Сначала входили в группу экспертов Ельцина, затем были советником у вице-премьера Немцова, помощником у премьеров Касьянова и Примакова. Чем объясняется такая, прямо-таки ртутная подвижность? Или вы свободный художник от экономики? Тогда какова вообще ответственность чиновника?

— Это объясняется, во-первых, моим не очень уживчивым характером, а во-вторых, в девяностые годы в государстве нашем происходили постоянные реорганизации. Стоит только напомнить, что в те самые девяностые у нас было где-то одиннадцать правительств. Я работал в группе экспертов Ельцина с июля 90-го по ноябрь 93-го года, и за это время название организации, представьте, менялось раз шесть. Затем я работал в администрации президента, не переходя из структуры в структуру, на одном месте в одном кабинете с марта 94-го по март 97-го, и её название менялось раза четыре. А когда я уже стал более осмысленно относиться к своей деятельности, то начал понимать, что дальше уже ничего сделать нельзя и надо искать другие ходы.

Так, у господина Немцова я проработал полтора года. Это было самое счастливое время в моей жизни — делать было нечего абсолютно! Но, с другой стороны, я работал в правительстве Примакова, которое, если помните, просуществовало менее девяти месяцев. Зато сделано для страны и народа им было больше, чем за все девяностые годы! У Касьянова я проработал с 2002 по 2003 год — полтора года. Так что насчёт вашего замечания, что я нигде больше года не задерживался, не совсем точно.

Что касается ответственности чиновника, то раза четыре в разных местах я предлагал внести такую норму в административный кодекс, согласно которой, если чиновник осуществляет заведомо ошибочные действия, он должен нести ту самую ответственность. Меня раза три пытались за это уволить, но неудачно.

— То есть со времён советского экономиста Алексея Гастева мы никуда, получается, не продвинулись? Ведь центральный институт труда в своё

время дал критерии оценки управленческих решений и работы чиновников. Стало быть, с той поры наши учёные просто застряли на месте?

— Помимо науки есть ещё политика. Я, к сожалению, перестал быть чистым экономистом, когда однажды обнаружил, что все крупные экономические решения, свидетелем которых я стал, с точки зрения экономической науки были неправильными. У меня был, наверное, с год счастливого периода жизни, когда я думал, что не я дурак, а все вокруг меня дураки. Потом я понял: кругом тоже не дураки. Напротив, они очень умные люди. Но у них просто другая мотивация: это государство существует не для решения каких-то общественно полезных задач, а для личного обогащения образующих его членов. А раз так, то критерий эффективности здесь совершенно другой. И критериев товарища Гастева (честно скажу: я человек необразованный на самом деле) я не знаю. Но, судя по всему, эти критерии всё равно были вывернуты наизнанку…

Я вполне допускаю, что, действительно, господин Кудрин был самым эффективным министром финансов за всё время существования российского государства. Другое дело, что эффективность у него была, как у гитлеровского бомбардировщика. А именно: направлена в другую сторону — против страны, в которой он живёт и работает.

Наша либеральная тусовка вообще действует в интересах глобального бизнеса. Это очень важная вещь, которую мы пока недопонимаем. А правило международной конкуренции, её квинтэссенция заключаются в том, что национальное государство должно служить не интересам общества, которое его избирает или не избирает, но, по крайней мере, терпит, а интересам глобального бизнеса. Что при этом произойдёт с этим обществом — никого не волнует…

— Вы употребили глагол «терпит». Это — применительно к «интересам глобального бизнеса». Но ведь и в России терпят? И даже терпение наше порой переходит в долготерпение…

— Да, общество терпит. А раз терпит, легитимность есть. У нас немножко другой тип легитимности — не европейский, а связанный опять-таки с особенностями русской культуры. Наша легитимность выражается в том, что пока общество терпит своего руководителя, он, повторяю, легитимен. Пока он исполняет свои обязанности хотя бы на тройку с двумя минусами, он опять-таки легитимен. У нас нет ситуации, когда пытаются заменить не очень плохое на хорошее.

— Можно ли этому сопротивляться?

— Во-первых, некоторые экзотические деятели типа Чавеса, Кастро и китайцев сопротивлялись и сопротивляются довольно успешно. Даже молдаване сопротивлялись, когда у них, прости Господи, коммунисты были у власти. Но те коммунисты оказались слишком культурными, чтобы переписать историю. Поэтому когда выросло поколение, которое не помнило девяностые годы, оно их снесло. Системе сопротивляться нельзя — нужно строить другую систему.

— Вас считают мастером афоризмов. Однажды вы обмолвились: «То, что сегодня происходит в России, официально называется „суверенной демократией“. Но на самом деле это — „сувенирная демократия“».

— Товарищ Сурков просто оговорился, когда придумывал термин. А дальше уже пришлось его скорректировать…

— «И не демократия вовсе, — продолжили вы, — а нормальный авторитаризм». Есть мнение, что, в сущности, без разницы, какая форма правления — авторитаризм или демократия. Всё обусловливается степенью личной заботы правителя о подданных. А какова ваша точка зрения?

— Если вы, случайно оступившись, выругались на своей кухне под портретом правителей и за это попадаете в тюрьму, то для вас есть разница — демократия ли это или авторитаризм? Это — во-первых. Во-вторых, демократия даёт всё-таки большую возможность для развития. Особенно — технологий. Другое дело, что демократия не позволяет осуществить модернизацию в принципе. Так что здесь необходим баланс.

Что касается личной заботы правителя о подданных, то, понимаете, когда устройство государства демократическое, но при этом правитель не проявляет личной заботы о подданных, он слетает со своей должности. И он знает, что его могут даже отдать под суд. А если правитель знает, что он может из своих подданных варить мыло и ему за это ничего не будет, причём — никогда, то из подданных будут продолжать варить мыло, а во-вторых, этот правитель вряд ли кончит свою жизнь естественным образом. В том-то и разница.

— Но Борис Николаевич закончил свою жизнь естественным образом, хотя, по сути, ведь варил мыло из своих подданных?

— Везунчик!

— В свое время ваша фамилия фигурировала в списке команды Геннадия Зюганова в случае, если он победит на выборах. И тот даже, говорят, намечал, что вы будете ответственным за экономический блок?

— Фамилия моя фигурировала, но весьма забавным образом. В списках, которые печатались в одних газетах, она была. В списках, которые были

в других газетах,—уже нет. И, поскольку Геннадия Андреевича я знаю хорошо, ещё с девяностых годов, я этим совершенно не интересовался. Потому что а) товарищ Зюганов, если и придёт к власти, то он к ней не придёт. И б) если человеку предложить на выбор—в Кремль на шесть лет президентом или в тюремную камеру с бандитами, то он поплачет и пойдёт в тюремную камеру. Да, со мной разговаривали уважаемые люди, с которыми я хорошо знаком. Это звучало примерно так: «Не буду ли я возражать и публично открещиваться?» Я сказал, что товарищ Зюганов имеет право включать в свою команду, кого он хочет, а плевать в колодец невежливо.

—К чему бы это привело, если, чисто гипотетически, смоделировать ситуацию? К национализации?

—Зачем к национализации? Достаточно взять компенсационный налог с наших крупных предприятий. Как сделали после госпожи Тэтчер, которая распродала по дешёвке многие предприятия, чтобы не было забастовок. Потом взяли разницу между ценой приватизации и рыночной ценой на момент приватизации. Как считать рыночную цену предприятий в девяностые годы? Не кто-нибудь, а господин Ходорковский преподал на сей счёт очень подробное руководство. Как раз про компенсационный налог. Правда, уже будучи в тюрьме. Но будем считать это формой исправительных работ.

—Значит, он заслужил свободу?

—По тем преступлениям, которые ему инкриминировали, он заслужил только материальную компенсацию. Но поскольку он олигарх, то там имело место многое другое, что ему не инкриминировалось, потому что это пришлось бы инкриминировать всем остальным. Что касается налоговых дел, то господин Сердюков, который в то время был ещё неплохим начальником налоговой службы, как раз на основании практики «ЮКОСа» написал учебник о том, как правильно пользоваться законом и как правильно в его рамках оптимизировать налогообложение. И когда выяснится, что нужно забирать огромные деньги со всех наших сырьевых частных гигантов, нельзя ли забирать деньги с производства? Это некорректно. Производство же рухнет. Зачем убивать предприятие? Нужно взять пакетами акций—и проблема решиться сама собой.

А что касается формы собственности, то в крупном бизнесе она почти ничего не решает. С практической точки зрения форма собственности важна в одном случае: если забастовка происходит на государственном предприятии, то это государственный кошмар. Если забастовка—на частном предприятии, то государству одно удовольствие, потому что чиновник становится арбитром и сильно повышает свою значимость. Разумеется, я не беру случаи, когда государство напрямую вмешивается в деятельность предприятия, но это не наш случай. У нас не государство вмешивается в деятельность «Газпрома», а скорей наоборот.

—Если переборщить с парадоксами, то, похоже, что мир скоро рухнет?

—Ну, мир, конечно, не рухнет. Он, как известно, стоит на трёх китах, а те—на большой черепахе. Так что падать некуда. Но глобальный кризис касается всех. Он на то и глобальный. В этом смысле греческая культура—ох, какая прекрасная вещь! Один мой знакомый, очень богатый, решил купить себе остров. И он оттуда вернулся после двух месяцев напряжённой юридической работы с такой любовью к российской бюрократии!..

У Европы—свои проблемы. Но европейский чиновник считает, что он должен служить своему обществу. И он пытается этому соответствовать, а иначе в течение пятнадцати минут он перестанет быть чиновником. Другое дело, что у него это не получается в силу объективных условий—ограниченности европейского сознания, больших экономических трудностей, чрезмерного социализма и так далее…

У нас ситуация качественно иная. Наш чиновник искренне верит в то, что смысл существования государства—в его личном обогащении. Однажды мне была сказана гениальная фраза: «А твои демократия и общественное благо—это враждебная пропаганда Голливуда! В жизни так не бывает».

—С какого-то момента ваше имя всё чаще стало упоминаться в реестре таких имён, как Касьянов, Удальцов, Навальный… Вы занимаетесь модернизацией левого движения? Что вы как политическое лицо из себя представляете?

—Немного истории. Я выступил на первой Болотной. Потом я туда уже не ходил, потому что на первой Болотной был союз либералов, патриотов и левых. И переговоры велись весьма лояльно и разумно, но уже на первой Болотной либералы начали грубо обманывать всех. И становиться у них вроде пушечного мяса я посчитал, в общем, делом бессмысленным. Моё отношение к либералам резко отрицательное. Я их очень хорошо знаю. Меня от либерализма ещё вылечил лично Евгений Григорьевич Ясин в 1994 году. Моё отношение к Удальцову очень сложное, потому что человек ищет, куда прорваться, и человек это очень честный и искренний, но он находится в очень странной компании. Моё отношение к Навальному—резко отрицательное. Просто потому, что есть видеозапись в Интернете, где он руководит обсуждением того, как организовывать митинг на проспекте Сахарова. Готовый фюрер у нас уже есть!

На практике современная либеральная идея выражается, как я уже говорил, не в обслуживании интересов народа — через демократию ли, через авторитаризм, через диктатуру — неважно, а в обслуживании интересов глобального бизнеса. Естественно, все либеральные ценности при этом феерическим образом искажаются. Касьянов и прочие именуют себя либералами. И общество тоже называет их именно так. Если явление, которое крякает и хлопает крыльями, как утка, общество называет уткой, я вслед за обществом буду называть его уткой, хотя, возможно, что идеальный образ утки — совершенно другой.

— Говорят, у вас есть одно редкое хобби — сон. Сразу вспоминаются строки из Беранже: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Что вы вкладываете в это понятие?

— Сон — как абсолютно физиологическое явление природы. Потому что, когда неделю приходится спать по четыре часа, это немного напрягает. У меня был случай, когда я уснул во время собственного выступления. Правда, половина аудитории тоже спала…

— Но вы продолжали выступать?..

— Я пытался найти этому свидетелей, однако они все как-то стыдливо уходили в кусты. Потому что, когда вы пишете и засыпаете в процессе написания, то идёт сначала автоматическое продолжение письма, а потом — какие-то дикие судороги, и всё сходит на нет. А вот что происходит, когда вы говорите и засыпаете, мне самому узнать было очень интересно, но аудитория была весьма пожилая и, по-моему, часть её меня пожалела, а другая просто спала. Я проснулся от того, что перестал звучать мой голос. Когда большой недосып, вы просто проваливаетесь в яму и летите.

— Прямо-таки «Баллада об историческом недосыпе» Наума Коржавина: «Но декабристы разбудили Герцена. / Он недоспал. Отсюда всё пошло». Может, поэтому в 2011 году вас объявили лауреатом «Воробьиной премии» за самое смешное высказывание года? Звучит оно так: «Самый скверный, самый мерзкий, самый глупый политик зависит от самых глупых, самых тупых и самых манипулируемых избирателей. Эта зависимость обеспечивает вменяемость власти». Здесь вменяемость дана без кавычек. Что вы имели в виду и как отнеслись к присуждению «Воробьиной премии»?

— К юмористической премии я отнёсся с юмором, потому что, мне казалось, было много более смешных высказываний в течение этого года. Даже — у Владимира Владимировича Путина. Но что касается моей формулировки, это действительно так, потому что средний избиратель не занимается государственными делами — он занят своей жизнью и, грубо говоря, голосует желудком. А средний человек, которого избирает средний избиратель, тоже особым интеллектом не блещет. Но это — общественный организм, который работает. И работает достаточно надёжно. А просто потому, что здравого смысла для управления государством вполне достаточно. Когда Ленин говорил, что когда-нибудь и кухарка сможет управлять государством, для меня это высказывание раскрывается совершенно в другом смысле, потому что, в принципе, здравого смысла кухарки достаточно.

Когда я стал разрабатывать экономическую стратегию в краткосрочном плане «Что должно быть в России?», я тестировал её на таксистах в разных городах. Таксисты — как коллектор рассеянной информации. Потом я с русского языка переводил на экономический. И вы знаете, получилась очень вменяемая программа! По крайней мере, лучшего, чем таксистская программа, мне ничего читать не приходилось.

Здравый смысл недостаточен, когда нужно решать технические вопросы. Мы будем производить танки или самоходные орудия? Ставить на самолёт движок «Роллс-ройс» или «Пермских моторов»? Для этого нужны специалисты. Будем строить железную дорогу или автомобильную? А вот для решения базовых вопросов, для целеполагания здравого смысла достаточно. Чем удобно в нашей стране? У нас же справедливость — как высшая ценность. И одна из уникальных наших особенностей: если справедливость противоречит личным интересам, то человек, по крайней мере, признаёт правомерность справедливости и неправомерность своих интересов. А поскольку общественные интересы часто противоречат личным, то у нас здравый смысл может противоречить личным, корыстным интересам.

— Если в нашей стране такой запас здравого смысла, есть ли надежда, что когда-нибудь в России осуществится именно русский проект?

— Что касается русского проекта: с Институтом проблем глобализации, который я представляю, сотрудничают самые разные люди. И вот один из них, по национальности черкес, в начале 2000-х довольно плотно общался с исламскими боевиками на Северном Кавказе. «Ребята, — говорил он им, вы понимаете, что ваш проект умер? Саудовской Аравии никакой Кавказ не нужен». Ему отвечали: «Мы это понимаем. А что, есть какой-то русский проект?» Так вот, если у людей, которые с оружием в руках воюют против нашей страны на идейной, религиозной и финансовой основе, существует тоска по русскому проекту, значит, не мытьём, так катаньем он всё равно будет осуществляться.

к 75-летию

Николай Ерёмин

Старый друг

Игры со смертью

1.

— Кто услышит мой тревожный возглас?
Разве только Рок
Или Судьба…
Поднимите пенсионный возраст!
Отпустите
Божьего раба…

Чтоб скорее,
Господи, спаси,
Встретиться с Тобой на небеси…

2.

И раздаются голоса в Госдуме,
Сливаются
В один бессмертный голос:

— Считать всех депутатов молодыми! —
И отодвинуть
Пенсионный возраст…

Да здравствует
Со временем
Игра!

Ведь всем — на Новодевичье пора…

● ● ●

Мир изменить
При помощи стиха
Ты захотел?
Позор тебе! Ха-ха…

А сам себя
Преобразить не смог,
Лишь убедился в том,
Что ты — не Бог…

Не в силах доказать,
Что ты — поэт,
Всем повод дал: сказать,
Что Бога нет…

А Он, как гром и молния — такой-
Сякой
— Ха-ха! —
Смеётся над тобой…

● ● ●

В столицах
Громыхали фестивали…
А тех,
Кто грустный подавал пример,

На время
Или навсегда
Ссылали —
Подальше, за 101-й километр…

И, песнями весёлыми полна,
Вкушала радость
Грустная страна…

● ● ●

Неволи жрец,
Свободу возлюбя,
Я снял венец,
Чтоб развенчать себя…

И — стар, устал —
Рабом свободы стал…
Уверенность, любовь,
Императив…

Стихов стихия…
Пламенный мотив
Надежды,
Веры в вечность бытия…

О, Муза
Хитромудрая моя…

● ● ●

Со-чувствие…
Со-гласие…
Со-мнение…

Со-мнительное
Со-прикосновение…

Со-итие…
Со-бытие…
Со-знание…

Со-деянному слову
Со-страдание…

Старый друг

1.

— Завистники! Завистники вокруг! —
Сказал мне раздражённый старый друг, —
Вот почему я, грешный, выпиваю…
Хотя, чему завидуют? Не знаю…
И не хочу судить… Что мне до них,
Завидующих? Я ещё не псих…

2.

Я жить хочу в гармонии с природой —
С магнитной бурей, и с плохой погодой…
С затмением на Солнце и Луне…
Иная жизнь — ну, просто не по мне!
И жил бы так… Но — прихоти судьбы
Дисгармоничны… Эх, вот если бы!

3.

Мой интеллект, — недаром так бывает! —
Космическим гостям не уступает…
И неспроста среди иных планет
Здесь, на земле, я до сих пор — поэт…
Не зря — они — от всех земных забот
Зовут меня в космический полёт…

4.

А на земле весна так хороша,
Как никогда… И мне приятно это…
И сколько б ни звала меня душа,
Я не пойду за нею за край света…
Увы, здесь мой обетованный рай…
Я — на краю… Куда ещё — за край?

● ● ●

В России — летние пожары…
Случайно, нет ли — жгут и жгут!
Во сне и наяву — кошмары,
Огонь и дым… И там, и тут…
Одно занятие окрест:
Тушить, пока не надоест…

● ● ●

За что ужалила вчера
Меня
Залётная пчела?

За то, что мёду попросил…
И вот — лежу,
Почти без сил…

Распухла верхняя губа…
Ни слова не сказать…
Судьба…

А пчёлы всё летят… Летят…
И в каждой — мёд…
И в каждой — яд…

Эпиграмма

Пиит всю жизнь считал себя поэтом
И собирал свидетельства об этом:
По всей стене развешены, увы,
Дипломы, грамоты, свидетельства молвы…
А в центре — юбилейная медаль,
Где он — навеки устремлённый вдаль…

● ● ●

1.

Вдоль ограды бродят дачники,
Рвут в букеты
И несут домой

Золотые одуванчики —
Красоты
Неописуемой…

И вино кипит в фойе
Одуванчиковое…

2.

Потом, изрядно заглянув в бутылку,
Они, увы, берут бензокосилку —
По очереди…

И — цветам привет! —
Со смехом
Отправляют на тот свет…

А я стою в сторонке —
Друг врагу —
И ничего поделать не могу.

● ● ●

Что делать?
Мысли набекрень…
Там — беспредел… Там — непонятки…

Но вот приходит новый день —
И всё путём,
Все взятки гладки:

И вновь, где все — за одного,
Не нужно делать
Ничего…

Советы

Нельзя ль поэту-чудаку
Советом изменить строку?

— Нельзя! — он скажет всем в ответ, —
Давно страны советов нет.

А кто советовать привык,
Пусть попридержит свой язык! —

Мол, всё не то, и всё не так…
Поэт — на то он и чудак!

к 50-летию

Андрей Канавщиков

Потомок восставших

Велес

Здесь Божия Матерь мыла рядно…
Велимир Хлебников

Когда ты проходишь, Отец-Велес,
По сосновому бурелому, рассыпая
Колокольчики ландышей,
В твоей бороде трепещут пичуги,
Выкликая забытые письмена.

Стынет берёзовый снег на пригорке,
По целлюлитным пятнам сухой травы
Бродят муравьи с брёвнами хвоинок,
Словно что-то ищут в незрячих глазах.

Велес вдруг неловко роняет за камнем
Серебряный браслет реки с руки,
И дремлет, стоя, как облако,
Обрастая мхом паутинок и стрекоз.
Ему вторят деревья и тоже не движутся,
Чтобы не мешать тихому сну.

«Динь-динь» звонят колокольчики ландышей,
Вибрирует звук в широком кармане оврага.
Но пытается ничего не слышать Велес,
Разбирая буквы муравьёв на пергаменте под ногами.
Вечная книга, вечный шелест зелёных страниц,
Дыхание трепетных рыб на прозрачной воде.

Люди

Кто нам сказал,
Что мы—люди?
Наверное, только другие люди.
Но кто же тогда
Сказал им,
Что это они—люди
И они знают
Что-то об этом?
Впрочем,
Люди—это всего лишь те,
Кто хоть однажды спросил
О своём происхождении.

Русские идут

Да, русские ленивы,
Как ленив ветер,
Перебирающий колоски медовой ржи.
Русские в мир приходят, как сосны,
Жить до конца, смотреть на облака.
Не потому ли Пётр сосны рубил,
Как головы стрельцам?
Да, я—родственник Шаляпина
И это не какая-то там метафора,
А реальный факт, который уже
Никто не сможет подтвердить,
А кто и может—тем ни к чему:
Эка невидаль—Шаляпин.
Когда оккупанты с красными крестами
Делали вид, что защищают Христа,
На восстании в Константинополе
Царём был назван Никола Канава.
Не его ли беспокойные потомки
Отдали свои лодьи
Воле полноводной Ловати
И озеру живой воды—Жижицкому.
Жижица—жизнь.
И убитый под Невелем
Николай Канавщиков
Был коронован
Алмазными веригами
Золотой земли.
Русские приходят, как трава,
Склоняться перед дыханием творца
И прорывать
Смирительную рубашку асфальта.
Русские приходят,
Как тени деревьев,
Обгоняющие стремительных птиц—
Гунны заострённых веток,
Бьющие в бубен Луны.

Похвальное слово Эрмитажам

У мадонны в руках младенец.
Тяжело мадонне средневековья.
Но Рафаэль ещё не знал очередей и часа пик,
Потому так фальшива эта грусть.
Ведь младенец тогда только в тягость
Холёным рукам аристократки,
Когда ему хочется «Волгу» с шофёром
И квартиру на Красной площади.
А у Рафаэля в карманах дукаты,
Трактирщик припас ликёра бутылочку.
Прекрасна волынка
Мозгам захмелевшим,
Как взгляд из-за розовой занавески.
И Рафаэль, набрасывая плащ,
Кистью рисует зеленоватый зрачок,
И волосок его кисти
Неуловимой тенью
Ложится поперёк.
А сейчас из веков
Волосок этой беличьей кисти
Отпечатался в краске
Морщиной неровной,
Полоской смутного блеска.
И люди подолгу
Стоят у картины,
Глядя на беличий волосок
Простой рафаэлевой кисти,
Не обращая внимания
На светлый лик заурядной мадонны,
На время сеанса
Взявшей младенца из рук служанки.

В путь

Вырвался из рук воздушный шарик:
«Я в гости к моим друзьям-аэростатам!».
И растаял в розовой дымке,
Помахав на прощание ниточкой.

И только гелий внутри шарика
Незло и даже по-отечески вздохнул:
«До свидания, милый».

Умри, тварь!

Чёрные тучи, как чёрные драконы,
Выжигают наши посевы горячей кровью.
В войнах мы не успеваем
Подсчитывать убитых.
Казнокрады и инородцы саранчою
Выедают души наших империй.
Одна только мудрость—генеральский лампас
Да Божественная мудрость Инквизиции.
Так во имя созидания основ
Умри, дебильный Джордано Бруно.

Множатся знамения, в хвостах кометы
Святой Римский Папа рассмотрел Антихриста.
Подлые умы простолюдинов
Засоряются идеями лженаук,
Университеты—рассадники заразы,
Гнездо гадающих на внутренностях лягушек.
Они утверждают, что можно вылечить оспу!
Безумные гордецы, адское отродье.
Умри же, грязная падаль Джордано Бруно.

Те, кого надо бить в ухо и рыло,
Возомнили себя какими-то человеками.
Еретики, они учатся грамоте,
Они попирают вековые традиции,
Они хотят открывать Америку,
Безумные недоучки, обезумевшее быдло,
Они через какие-то стекляшки
Разглядывают небо и звёзды.
Умри, выскочка и недоносок Джордано Бруно.

Люди рождены, чтобы варить щи,
Стирать портянки и любить начальство.
Для головы у людей есть Царь,
Для сердца даётся Церковь,
Для тела, по нашему высочайшему изволению—
Публичные дома и водка.
Жрите брюкву, радуйтесь Дару Жизни,
Плюйте в лицо скотине Джордано Бруно.

София

1.

*«И царевна Софья Алексеевна не была забыта:
перед её кельями повешено было 195 человек,
из которых трём, висевшим перед самыми её
окнами, вложены были в руки челобитные…»*
П. Полежаев

То не ливни во гневе льют,
То не тучи над Кремлём плывут,
То стрельцы на кирпичных зубцах
У покоев Софьи покачиваются.
Наша матушка Свет-София —
Слышен шелест верёвки смолёной,
Изо рта, разодранного ветром,
То слова застывшие вынуты:

«Немчура на престольную зарится.
Бес Лефорт со Петром играется,
А он рад — подставляет чарку,
Усом крутит — метелью белой.
Сам целует устами горячими,
То уста, опалённые смертью,
Поцелуи от края до края
Жадным ртом ненасытной Европы.

Да не выть под стенами жёнкам.
Кто их пустит к Кремлю, тех жёнок-то!
Не бесчестит их только ленивый.
Разоренье в слободах стрелецких —
Разъярилась дворцовая чернь
Свите Петькиной на забаву.

Не печалься уж, матушка наша.
Не сейчас твоя битва решается,
Не сейчас её нам закончить.
Был ли Никон, так будет Ленин,
Ельцин будет, и все сыромятной
Плёткой будут крутить у носа,
Переписывать книги святые,
Баламутить прозрачные воды
С отражениями церквей.

Наша матушка, свет-София,
Жернова — то Луна и Солнце.
Истолкут они снега белого,
Разукрасят куделью сибирской,
Чтобы русский наш дух привольный
Не свело бы голландскою корчею.

Не простится и брату названному,
Что царицей Авдотьей побрезговал,
Как за монсовой юбкой бегал,
Так к его же Катьке под юбку
Монс опять-таки и заберётся.
На подсвечниках колоколен дотлеют
Резные шкатулки костёлов.
Под смычками ордынских стрел
Дребезжат корабельные снасти».

Так скрипели деревья виселиц,
Шелестели на шеях чёрных,
И глядели глаза монахини
Из-под чёрных густых бровей.
Русь великая, берестяная,
Озорная, святая, пропойная…
Как охотно тебя насиловали
Питекантропы каменных улиц.

И все эти выпученные глаза,
Костлявый палец маузера,
Воткнутый под ребро,
То бешеный танец машин
Над огненной пропастью ада,
Лижущей пятки танцующим.

2.

*«…стрельцы были смяты, разбиты,
перехвачены и 2 июля 1698 года —
140 облихованы кнутом, а 130 человек,
по указу Шейна и бояр-правителей
вздёрнуты на виселицы. Но розыск и казни
были слишком поспешны, милосердны
и необстоятельны для столь важного дела,
так по крайней мере казалось Петру…»*
М. Семевский

Государевы очи хмурятся,
Словно море под его кораблями:
Длинногривые, бобровые ёлки,
Чуть морозец — уже заинели.
Как у ёлок ума в вас копеечного.
Адриана с иконой шлёте,
Богоматерь в потворщики числите!
Я из вас эту дурь повыведу.
Крови хочете? Будет кровь вам.

На сосновой плахе смолёной
(Что на доски, а что на плахи)
Мы устроим большой референдум,
Белые бюллетени позвонков,
Опуская в ячейки травы.

Ты ль не хочешь светлого будущего?
Что там жмёшься свет-Ромодановский —
Накось, милый, топор отточенный.
То не квас пузырить бадьями,
То не баб по сеням щупать.
Государь-то он я — Пётр,
Вот он — враг. Ты слуга ль государю?

И катились горшками с воза
Митьки, Ваньки, Филиппы, Гаврилы…
Кто ж так рубит — смеётся Меншиков
И Голицына бьёт по плечу:
Ты с отводом, так чтобы топорик
Так промежду и шёл, как молонья.
Не заваливай ж набок лезвие,
Долгогривое ты чудилище.

Царь наш Пётр погляди как ловок,
Что игрушкой блистает сталью—
Пятерых на тот свет спровадил.
Ну а ты что ж, Борис Алексеев?

Пятерых тех потом иначе
Время сможет назвать—декабристами.
И дворяне, как пять стрельцов
Нашатырным дождём свинца
За раскольничьи избы,
За таёжные тропы и книги
Петербургские ноздри промоют,
Вычищая болотную слизь.

А последняя та голова
Показала царю язык.
Или просто прощальной судорогой
Бунтовщик поглядел в окно,
Прорубленное недавно
В его же красном углу.

3.

*«Есть ещё запись о том, что схимник
Симеон миру поведал:
—Наипаче наказан град Великие Луки
за то, что в городе сем… поднялась меж
великолучан и стрелецких полков смута
супротив самого государя… И за то была
кара великая: не токмо упразднен был
святительский высочайший престол…
Великого Новаграда и Великих Лук, но и был
изъят город Великие Луки из земель
Новгородских… когда снимется кара сия,
тот святительский высочайший престол
Новаграда и Великих Лук восстановится;
узрят на нем митрополита, праведной
жизни святителя и богомольца, и пастыря;
по всей земле Российской настанет
промыслом Божиим конец засилью иноземцев
и к державе Российской отойдет Царьград
со крестом на св. Софии»*
А. Мошин

На наших иконах—
Лицо гимназистки
С пухлыми губками Ласочки.
Жёсткие глаза, колючие,
Как крахмальные воротнички,
Обнимающие не то щёки,
Не то голенища сапог.
Это наша София—
Видение кокаиновых чар Соловьёва.
В терновом венце революций
София из псковских кровей.
За вырванный гул вечевой,
За гордость, сожжённую серой—
Вздымайся пожар мировой.

Как звать тебя—
Великолукский тёзка
Вождя кукурузных початков?
Ты просто митрополит Никон.
Твоя земля бунтовала,
Твоя клокотала паства.

И, осенясь двоеперстным знаменьем,
Ратники ангельских тысяч
Возносились над властью бесов,
Двухаршинными складками огня,
Проклиная твой плюрализм,
Чтоб стругами русских латников
Пятна глазных озёр
Чернели, ввысь запрокинутые.

Так кажется, будто условен
Тот выбор и что за София:
София ли Губайдулина
Иль, может, Софи Лорен—
Лишь бред воспалённых астрологов.
Но как вдохновенны те линии
И явственны те натюрморты,
Яблоки по Кустодиеву
Глазные, а также конина
С картины художника Водкина.

Россия под звон топоров,
Как колокольное эхо,
Причёсывалась продотрядами,
Мылась слезами из таза—
Медного—Дон Кихота
И говорила надорванно:
Туркул иль Тухачевский?
Чью пулю принять в своё сердце,
Не всё ли равно?
А глина в разводьях рыжих,
Жирная красная глина
Шла кирпичом наилучшим
В руках мастеров Хирама.

Знать, кара ещё не снята,
Знать, тени стрельцов с челобитными
В облаках над Великими Луками
Кафтаны промокшие сушат.
И их это медные пуговицы
Срываются с ветхих нитей,
Сгорая метеоритами
У кельи царьградской Софии.

Ролики

У меня никогда не было велосипеда,
Но я не расстраивался, потому что мечтал о другом—
О роликах, о маленьких колёсиках для каждой ноги.
Не о роликовых коньках, тогда их ещё не было,
А именно о роликах, чтобы прицепить их к обуви
И покатиться, куда вздумается.
Хочешь—до угла соседнего дома, хочешь—обратно,
А попытаются их отнять—не получится,
Потому что не догонят. Если будут без велосипедов.

За забором соседнего детского сада я нашёл
Сломанную игрушечную машинку с пластмассовыми колёсиками,
Оставалось только оторвать сверху жестяную кабину,
Как получалась платформа на четырёх опорах.
Второй ломаной машинки в детском саду не было,
Но я ничуть не огорчался, поскольку
К одной ноге я мог всё-таки привязать эту платформу
И катиться на четырёх пластмассовых колёсиках
Прямиком между сараев, буксуя в песке
И счастливо улыбаясь, что вот совсем скоро
Я отыщу вторую сломанную машинку
И у меня будут колёсики сразу для двух ног.

Но машинка всё не находилась, а дня через два
Треснули от моего веса и те колёсики, что были.
Потом началась школа, и я перестал ждать,
Что однажды случайно отыщу ещё хоть одну
Сломанную игрушечную машинку уже на железных колёсиках.
Непременно—на железных, чтобы не сразу сломались.

Постепенно я забыл о поисках сломанных машинок,
О роликах, о катаниях у гаражей между луж.
Сейчас я стал большим, седым, я могу купить тысячу роликовых коньков,
Сотню велосипедов и десяток Мерседесов, но не хочу.
Я ненавижу ролики, велосипеды и всё с ними связанное.
Хочется лишь, упирая глаза в землю,
Дотащиться с работы до дома
И спрятаться в келью из книг и слов, мечтаний и сновидений.
Это—самое настоящее, что мы все имеем,
Что остаётся, когда треснут все пластмассовые колёсики,
Когда окончатся все отпущенные нам летние каникулы.

Наталья Кожевникова

Степные сосны

* * *

Вот привидится невесть что в полусне—
Я опять в середине прошлого века.
Репродуктор шипит на белой стене
О кончине великого человека.
На чердак убирают святые лики.
Вдруг найдёт проверяющий в них крамолу.
Поздней ночью единственной свечки блики
Освятят обряд вопреки комсомолу
И во славу пасхальному чуду…
Правда, крестиков на груди не носили.
Но сказал же Поэт, что Бог—повсюду,
А не только в углах висит в бессилье…
Во дворе расцветают белые кашки,
И на бабушкиных пяльцах они же…
Время вышло, ни дна ему, ни поблажки.
Только странно—оно мне всё ближе, ближе…

Память

Слышишь топот копыт
И гортанные крики?
Видишь зарево алое издалека?
За окном проплывают опять в облака
Тени предков убитых,
Неясные, светлые блики.

А за ними летят—
Сердце вздрогнет невольно—
Островерхие всадники ночи и зла.
В страхе прячет звезду в свой подол
полумгла,
Не успеет их встретить
Набат колокольный.

Вот один настигает уже,
Вот нагнулся…
Вскрикнешь—Господи, чудо яви!
Это генная память клокочет в крови,
Это красной луны
Вдруг зрачок содрогнулся…

И проснёшься от ужаса
В смятой постели,
Створки окон рванёшь—это бред и обман!
И увидишь—внизу распустился тюльпан,
Там, где капли кровавые ночью алели…

* * *

Стихи писать, когда кровавая,
Обожествлённая в примете,
Луна висит над переправою,
Последней, может быть, на свете.
И кто читать их будет вечером,
И, перепроверяя каждое
В блокнотике, дождём помеченном,
Запоминая с горькой жаждою
Всё, что сегодня мне услышалось,
Столбцами слов, ко тьме взыскующих…
А голуби гудят под крышею,
Примет не зная существующих.

* * *

Художнику Ю. Рысухину

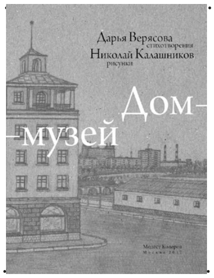
Белым-бело, мороз под сорок,
В степи не видно ни души,
Ни неба… Только белый морок
В январской меркнущей тиши.
Испуг мурашками по коже,
Ополовинен каждый вдох.
И крикнуть хочется—ну, что же,
Давай, устрой переполох!
Пройдись позёмкой по дороге,
Волчицей сумрачной рыча.
Тут пригодился бы под ноги
Тулупчик заячий с плеча
Петруши… Городи сугробы,
Буран пусти по весям всем.
Не для врагов своих, а чтобы
Сказать—пришла, мол, насовсем.
Художник выставит картины,
Где из событий только снег.
Страну ажурной паутины
Понять не хочет новый век.
Её нещадно в мире судит—
Тюрьма да нищая сума!
А я скажу—смотрите, люди,
Россия—это ведь зима…

Степные сосны

И зачем привёз мне однажды крёстный
Вместо бус росток в золотой смоле?
Мол, в подарок дали степные сосны,
Хоть и нет таковых на всей земле.
И пришлось мне, выйдя на босу ногу,
В предвечерний сад с молодой травой,
Посадить в песок сию недотрогу,
Да поить из чарки водой живой.
Не гналась за славой, стихи и дочки
Подрастали в соснах среди чудес,
Где шептались ночью цветы и почки,
И река Времён обтекала лес.
Он привык к невзгодам—судьба такая.
Достаётся трудно ему вода.
Но от корня к корню перетекая,
Смыслословом делится он всегда.
Вот и я на склоне плывущей Леты
Вижу, как из тьмы подползает сушь,
Как силён в поспешности—есть приметы—
Древоточец сосен и мелких душ…

На Смоленском кладбище

У надгробий с ангелами нет фотографий,
А порой имён—стирает буковки время.
Что два века?—Мелочь.
И читатели эпитафий
Спешат—ведь у каждого своё бремя.
Кто-то лбом прижался к стене часовни,
Слёзно молится Ксении, словно Богу.
Как та женщина, в паричке, глаза совьи,
Или та, дитя убившая в чреве…
Их много—
Колыбелек мраморных в сосновой завесе,
Со свечами, негасимыми даже ветром,
Что несёт коровок божьих с ближнего леса,
И с залива чаек хмуроватым рассветом.
И мне бы здесь присмотреть местечко заранее…
А внук тянет к храму, где крещён был в Успенье.
Запомнит ли он, как плыло солнце в тумане,
Как звучало в небе это молитвопенье—
Сонных сосен мерное шевеленье?



Дарья Верясова

Дом-музей

Москва: Модест Колеров, 2017

● ● ●

Седой бедой от неба до Саян
Мне голос твой из тишины сиял.
Такая затевалась заваруха,
Где жил потомок снега и славян
На древней смеси зрения и слуха.

Глотали рёбра пение стрелы,
Но шли в атаку русские тылы—
Всегда в песке и серые от глины.
И спали—от Таймыра до Тывы—
Ничейные, но братские могилы.

Я буду здесь, пока не отзвенел
Мне голос разнотравья и зверей:
Так жизнь свою об землю истрепали,
Кто с молоком монгольских матерей
Всосали дым над дикими степями.

● ● ●

С октябрём снегопады совпали,
Отзвенело закат комарьё.
Спи, моя земляничная память,
Оборотное зелье моё.

Тонут яблоки в старой корзине,
Вовсе выйдут на Покрова.
День сверкнул хрусталём стрекозиным,
Подогнула колени трава.

И ребёнок, бегущий за ветром,
Колотя деревянный настил,
Однокрылую птицу заметил
И на волю её отпустил.

Нина Ягодинцева

Северная страна

● ● ●

Долгожданный праздник вечерней лени:
Море обнимает мои колени,
Говорит ли шёпотом ни о чём —
Поднимает ночь за моим плечом.

В этом чёрном парусе — свет навылет:
Что ни загадай, ничего не выйдет,
Выйдет только ветер на волю — петь,
Волны заплетая в тугую плеть.

Но пока ещё хоть одно мгновенье —
Море обнимает мои колени,
В тёплой ласке, в плеске у самых губ —
Неужели так и взаправду лгут?

Поднимая чёрный дырявый парус,
Море, верно, думает: что, попалась?
А попались оба, в один капкан —
Что к его волнам, что к моим рукам…

Ветер забавляется тканью рваной,
Свет летит стрелою из каждой раны,
Медленно тускнея у кромки вод,
Словно обещая, что заживёт…

● ● ●

Шёл циклон. Гудели самолёты.
Бился на ветру сырой картон.
Ночь свою неслышную работу
Молча отложила на потом.

Отложила молча, не гадая,
Будет ли когда ещё нужна…
И во сне лежала молодая
Северная гулкая страна.

В сердцевине марта, в седловине,
Над ложбинкой горного хребта
По незримой лунной половине
Пролегла туманная черта.

Под чертой темнели лес и поле,
За чертой светился грозный гул,
И делили мир на до и после
Те, кто спал, и те, кто не уснул…

● ● ●

Выбегаешь на крылечко, на мороз —
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на белом свете не всерьёз.
Никого на белом свете не сберечь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске,
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами — а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе не беда —
Только зиму поперёк не перейти.

А повдоль неё крутые берега,
В берегах текут позёмка да пурга,
Набухают светом звёзды на мороз —
Ничего на белом свете не всерьёз…

А всерьёз пред этой грозною зимой
Подарёная косынка с бахромой,
Да горячая дорожка от слезы,
Да по зимнику тяжёлые следы.

● ● ●

От белых роз до горючих слёз —
Боже мой, это же всё всерьёз!
Настолько всерьёз, что уже игра…
Март. Ветра.

Ветра ломают плотину льда,
Синь поднимается как вода
По самую душу, по самый вдох…
И вот дождь.

А прежде было — зима к зиме,
Числа пишем, а жизнь в уме,
И ей там душно, почти темно,
Печально — но

От белых роз до горючих слёз —
Слишком просто, и так всерьёз,
Настолько всерьёз, что уже игра…
Ветра. Ветра.

● ● ●

И я говорила: слушай, какого чёрта?
И ты отвечал наугад невнятное что-то.
И я говорила гневно: да как ты смеешь!
И вместе с платком из кармана летела мелочь.

И я умолкала — а ты начинал сначала,
А я всё равно не плакала и молчала.
Смотрела в глаза и думала: что ж такое!
И телефон вибрировал под рукою.

Такси у подъезда, и сердце вот-вот сорвётся,
Но даже если уеду — куда я денусь?
И в этот миг над нами стояло солнце,
Смотрело на нас и смеялось, словно младенец.

Смотрело на нас и смеялось, глаза прищуря,
Как будто наша ссора его слепила…
Свети, моё золотое, свети, прошу я,
Свети, моё единственное светило!

● ● ●

И вот уже когда молчанье прервано
И сердцу больше нечего скрывать,
Покажется, что ты приходишь первая
По именам печали называть…

Пересыхают губы, обезвожены,
Стремительным огнём обожжены…
За что тебе такое счастье, боже мой,
За что такая пагуба вины?

Тянулись дни, тяжёлой цепью скованы,
Но с грохотом легла на камни сталь —
По имени, по звуку родниковому
Печаль приходит к ласковым устам.

О, эти имена бытуют издавна,
Накапливая силу как вино…
И что ни будет названо — всё истина,
А что не будет — будет всё равно.

● ● ●

Не ты ли слал за мной несчётные погони,
Огни, дожди, ветра, пронзительную тишь
Рассвета над рекой?
Теперь ты сам в полоне,
Ты спишь,

Мой пленник, позабыв, что есть на свете воля,
И солнечный песок перетекает в сон
Пустыней мировой…
Но что нам эти волны
Над головой,

Когда во всех мирах, распахнутые настежь,
Стоят дворцы сердец — в любое заходи!
И сам ты — только свет,
        и ничего не застишь
В груди.

● ● ●

…И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших, и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах…

И уже растворилась огнём в крови
Молодая метель над ночной страною,
И уже бессмысленно о любви —
Ибо только она, и ничто иное.

А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться нечем,
Но уже не отнять воспалённых губ
От шершавого горлышка русской речи.

То ли просто зима, то ли впрямь беда
Высекает слёзы из глаз усталых…
…Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах.

● ● ●

День осыпан пеплом сновидений.
Словно бы тревожный, смутный сон
Вышел из своих ночных владений —
И его назойливые тени
Обступают свет со всех сторон.

Мечется испуганная птица
В полутёмной каменной трубе,
Чёрная, огромная —
Тебе
Страшно: Боже, где она гнездится?

Вот пустая церковь на холме,
На далёком острове, и волны
Выстилают пеною во тьме
Лёгкую тропу — и ты невольно
На неё ступаешь, но на дне
Вспыхивает мрак:
Тропа в огне.

Вот холодный долгий коридор,
Весь в лохмотьях старой синей краски.
Вдалеке — окно.
Но свет напрасный,
Словно свету Божьему укор,
Льётся прочь. А ты стоишь с младенцем
На руках. И над холодным тельцем
Собираешь скудное тепло,
Лишь бы это сердце ожило…

Снится жизнь — безвестная, чужая.
Снится, камень мира обнажая,
Гулкие провалы в пустоту.
И в трубе вселенского колодца
Птица перепуганная бьётся,
Осыпая пепел на лету…

● ● ●

До августа, до Ильина
В душе такая тишина…

Все грозы — мимо да окольно,
А если и к лицу лицом —
Проходят, словно колокольный
Глубокий гулкий сон.

И никакой громовый выстрел,
Ни всполох яростный над ним —
Но август! Самой малой искрой,
Небрежным выдохом одним,

Штрихом случайного касанья
Как тонкой спичкой по стеклу —
И жизнь горит, не угасая,
И смотрит пристально во мглу.

И в куще тающего зноя,
В толпе желтеющих дерев
Становится, уже сгорев,
Неопалимой купиною.

● ● ●

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно…
Боль пройдёт, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И её гроза взрывала —
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немыслимой поверке,
Била высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада —
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,

Утирал огонь со лба,
Молча истово молился…
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья…

● ● ●

Прислонясь горячим лбом к заоконной стылой рани,
Вспомни зимний Лиссабон с невозможными ветрами:
Света яростный набег, храмов смуглые лампады,
Эту улочку наверх, замощённую горбато.

Слишком близко подойти, слишком пристально вглядеться…
Осторожнее! В груди снова вспыхивает сердце —
Я ему не госпожа, в крайнем случае служанка,
И ему за свой пожар никого уже не жалко!

По трамвайному пути мимо лавочек и спален,
Мимо здравствуй и прости, мимо честен и бесславен,
Мимо чуждый и родной, мимо кратко и навечно…
Что с тобою и со мной? Ничего. Любовь, наверно.

А верней — цветущий сад, где не сразу я узнала
Этот странный аромат апельсина и сандала,
Безусловный тайный знак, за который душу вынет
Атлантический сквозняк, пробивающий навылет.

В нашей северной стране, слава Богу, по-иному:
Засыпает щедрый снег по весне дорогу к дому,
Минус тридцать, рад — не рад, кровь мерцает зло и ало, —
И всё тот же аромат апельсина и сандала.

● ● ●

Чувство жизни холодней, чем острое лезвие.
Взглядом к нему прикоснёшься — будто
Читаешь вплавленные в железо
Неумолимые буквы.

Одно движенье неловкое, или внезапно окликнут —
Дрогнет рука,
И взгляда не оторвать от липкого
Тёмно-красного ручейка.

Потом бинтует белым, проступает зелёное,
Жжёт и ноет, стягивая края,
Кровь сворачивается от зноя,
И она уже не твоя.

Заживёт, конечно, криво, ладом ли,
Выбросишь замусоленные бинты,
Но взгляд нет-нет — и задержится на ладони
У красной черты.

Ольга Григорьева

Из грузинской тетради

Никогданеповторенье

…А с тобой неповторимы
Годы, дни, часы, мгновенья.
Ты всегда немножко разный,
Неизведанный, другой…
Наши судьбы, наши встречи —
Никогданеповторенье,
Никогданеувяданье
Нашей слитности с тобой.
Гул небесный, шёпот Божий:
Родилось стихотворенье.
Буду этому подарку
Удивляться до конца.
Слово, музыка, картина —
Никогданеповторенье,
Никогданеумиранье,
Даже если нет творца.
А природы нашей роскошь!
А детей моих рожденье!
А мордашки внуков милых!
А друзей моих глаза!
Жизнь, люблю тебя за это
Никогданеповторенье!
Сохрани меня в потомках,
Если повторить — нельзя…

На часах…

Страна задремала, и город уснул.
Но время забыло сменить караул,
И я на часах стою.
А что охраняю? Родную речь?
Да как же её сохранить, сберечь
В далёком степном краю?
Но я охраняю, который год,
И верю, что смена моя придёт
И строчек подхватит бег.
И надо держаться, ведь за чертой —
И Пушкин, и Чехов, и Лев Толстой.
И весь Серебряный век.

Прогулка в тбилисском ботаническом саду

М. Ляшенко и А. Шахназаровой

Тбилиси закружил,
Заворожил туманно…
Но вывел Михаил!
О, Михаил — и Анна!
В тот день после дождя,
Под запах пряных лилий
В тифлисский сад входя
(куда там ваш Вергилий!) —
Спускались в прошлый век,
В до-смерть и до-рожденье…
И был тот день для всех —
Одно стихотворенье.
Беседка и овраг,
И водопад, и мостик…
И с нами — Пастернак,
А с ним — другие гости.
И покоритель львов,
В экзотику влюблённый,
В сторонке Гумилёв
Сидел уединённо.
И кактусы цветут,
И вверх ползёт лиана.
И Маяковский тут,
И профиль Мандельштама…
Пусть наши времена
Глядят вприщур, по рысьи,
Поэзии волна
Вас выручит в Тбилиси!
Сто лет бы тут прожил.
Здесь так прекрасно-странно…
Спасибо, Михаил!
Поклон, кни́гиня Анна!

В Батуми

● ● ●

Гуляем с внучкой под сенью башни грузинского алфавита.
Июльский вечер. Такая нега во всём разлита…
И даже в море, сегодня тихом, покой и нега.
А буквы светятся, убегают в ночное небо.
Грузинской речи люблю гортанность, её певучесть.
О, языка прекрасна данность, небесна сущность.
Бульвар батумский—магнолий запах, фонтана свечи.
Разноголосье, разноязычье единой речи.
Грузинский эпос, и ридна мова, и русский логос,
Соединившись уже навеки, уходят в космос.

У церкви Самеба (Святой Троицы) над Батуми

Серпантинная вьётся дорога.
Спелая земляника…
Ближе к небу и ближе к Богу.
Очень близко.
Наравне с пушистыми облаками,
С райским садом.
И родные души—не за горами,
Где-то рядом.
Как немного нам надо, Боже—
Любви, хлеба.
Но в себе разобраться не можем.
Прости, Самеба.

● ● ●

Захлёбываюсь воздухом твоим!
Здесь праздник обонянья, вкуса, зренья!
О, Грузия, твой день неповторим,
В нём ценишь чудо каждого мгновенья.
Дни горячи, как камни на песке.
Ступай по ним легко и осторожно.
А в декабре в заснеженной Москве
Такой ожог не вспомнить невозможно.
И вот тогда тебе приснится сон,
Прорвавшись через сеть ночного шума,
Что ты идёшь—и молод, и влюблён
По старым узким улочкам Батума.

«Ямщик, не гони лошадей…»— на Батумском бульваре

Боже, как печальны песни эти
Милой, но заснеженной отчизны…
В Грузии не думаешь о смерти,
Потому что слишком много жизни.
Потому что слишком много солнца,
Моря, неба, ветра, вдохновенья,
И навеки сердце остаётся
В горных незатейливых селеньях…
В Грузии, конечно, всё иначе,
Потому что вечность всюду рядом.
Но, услышав «Ямщика», заплачу
И на скорый поезд сразу сяду.

Уреки

● ● ●

И ныне, присно и вовеки
Край этот светел и высок.
Живу не у реки—в Уреки,
Где чёрный жгущийся песок.
И дни—как белые ракушки
На зыбком мареве песка,
И белоснежны моря стружки,
И той же формы облака.
О, Грузия, твоя равнинность
Великолепна, хоть мала.
Смешна была моя наивность,
Что ты—лишь острая скала.
И здесь, от линии прибоя,
От олеандра и сосны,
Любуюсь, Грузия, тобою,
Твои разгадываю сны.

● ● ●

Когда безмерно утомит Москва,
Мы знаем ход, мы знаем путь с тобою…
Как чёрная аспидная доска
Песок Уреки в полосе прибоя.
Цепочкой наши тянутся следы,
То вдруг возникнут, то опять прервутся…
Чего здесь больше—неба иль воды?
Чего здесь больше—радости иль грусти?
О чём же грусть? О, Боже, лишь о том,
Что целый год, когда прикроешь веки,
Ты будешь видеть этот белый дом
И чёрные, как смоль, пески Уреки.

Дельфин

А по утрам приплывал дельфин.
Люди кричали: «Смотри, дельфин!»…
Как его звали, никто не знал.
Может быть, просто Дельфин.
Ах, как резвился, с волной играл!
Жалко, что быстро он уплывал.
Кто не успел, тот опоздал,
Хоть закричись: «Дельфин!».
Умные глазки, блестящий весь,
Кажется, нёс он какую-то весть.
Спрашивал, может: «Зачем вы здесь?
Это не ваш ареал!».
Был он посланцем китов, акул?
Выпрыгнул к солнцу, опять нырнул.
Словно кусочек счастья блеснул.
Может, меня искал?

● ● ●

Эти ночи в Уреки… Побывайте, поймёте сами.
Не у моря лежишь на песке—меж двумя зеркалами.
И на небе—тот же чёрный песок с ракушками белых звёзд.
И не сдержишь слёз.
Чёрный тёплый песок—такой же безмерный космос.
Лишь бы зеркало это подольше не раскололось.
Плыть без времени, в этой вселенной, меж двух зеркал—
То, что ты искал.

Тифлис

Как серо, скучно пролетела жизнь—
Ни океанских волн, ни гор Кавказа…
Я так скучаю о тебе, Тифлис,
Хоть в Грузии я не была ни разу.
Но Лермонтов! Но Пушкин! Пастернак!
Но Мандельштам, Есенин, Кушнер, Белла
Мне шлют в стихах призывный ясный знак:
«О, поезжай, полюбишь непременно!»…
И сердце, принимая этот звук,
Уносится в заоблачные выси.
Уже смакую семь волшебных букв,
Как терпкое вино во рту: тби-ли-си…
И так щедры грузинские дары,
Что в каждой строчке—чистый горный воздух.
Вперёд, вперёд, на берега Куры!
Спешу, лечу, пока ещё не поздно…

● ● ●

О, как легко рифмуются слова
Грузинские и русские. Наверно,
Тот, Кто придумал языки, сперва
Зарифмовал значенья непременно.
И если разом утомила жизнь,
И позабыть захочешь о печали,
Какое слово вспомнишь ты, скажи?
О, милый друг, конечно—*цинандали!*
И лёгким колокольчиком в горах
Оно звенит и эхом отдаётся…
Есть тайна в этих звуках и словах:
Грусть улетит, а радость остаётся.
А сладкие *чурчхела, пахлава!*
От «ха» першит, и пересохло горло.
Любой простак срифмует—похвала!
Себя похвалит и посмотрит гордо.
…В сибирском небе полная луна
Прилипнет к небу… Снежно, зябко, сыро.
Но сразу же напомнит мне она
Лаваш на чёрном куполе тандыра!

Сергей Шилкин

Петербургские тайны

Питер-Ленинград

Мы беды не боялись и злого недуга.
Было весело нам. Но бывало и туго.
От судьбы—с ней играя в её карамболи—
Принимали удары, сжав зубы от боли.
Собирали в столовых от хлеба обрезки.
В стенах «Спас-на-Крови» изучали мы фрески,
Засиявшие с лёгкой руки Васнецова
Неземным отражением Лика Отцова.
Разобраться пытались мы в старых иконах.
До общаги мотались в трамвайных вагонах.
Тротуары вдоль «конок» гранитом брусчаты.
Мы к себе и друг другу не знали пощады,
Проводя на идейных ристалищах битвы—
Были споры острее, чем лезвие бритвы.
День—на фронте учёбы, а вечер—на личном.
Жили в доме, который был раньше публичным
(посещаем он был и купцом, и князьями)—
Мы в нём годы свои коротали с друзьями.
Пили водку, туда добавляя «бифитер».
Ленинград называли мы ласково—«Питер».
Каждый день признаваясь в любви Ленинграду,
Ощущали душою свой Крест, как награду…

Эту жизнь мы смели, повинуясь «дуркому».
Всё сегодня не так. Нынче всё по-другому…

То же самое вроде, но всё же иначе.
Справедливость свернулась в спираль Фибоначчи.
Не звучат больше знойные речи Руматы.
Всюду чуждый язык, стран чужих ароматы.
Неподвластные запахам рынка Сенного,
Позабыв про закон притяженья земного,
Рвутся с привязи в небо чугунные кони.
Спят бомжи в тупике в прожавевшем вагоне.
Их права не учли ни законом, ни биллем.
Право их—лишь гордиться сияющим шпилем.
Под полами соборов—цари и царицы.
По подъездам валяются грязные шприцы.
Напевается бездной мотивчик ехидный.
Нас слепя́т купола позолотой алкидной.
Те же страсти, что видели Брейгель и Кранах.
Злость и алчность—в пудах, милосердие—в гранах.
Боль пронзает меня, душу мне раздирая…

Я люблю Ленинград, ни на что не взирая!

Октябрь

Столица ждёт худые вести.
Бурлят окраины предместий.
Пора, как сказано в Авесте,
Пожать безбожия плоды.

Идёт война. На фронте татки.
В домах доедены остатки.
Толпой голодные солдатки
Громят питейные склады.

Надев парик, собой довольный,
Вперёд шагает вождь крамольный.
Горит в ночи огнями Смольный.
В нём воцарились шум и гвалт.

Декрет готов. Он в духе старом—
«Свободу всем и землю дар-ром!»
Ильич матросским комиссарам
Шлёт телеграммы в Центробалт.

Призыв фальцетом в три октавы
Несёт в эфире глас картавый.
Дым с Нарвской стелется заставы
С гремучим привкусом золы.

Часы идут. Их ход отлажен.
И кто грядёт, тот ликом страшен.
И все калибры бронебашен
К Дворцу направили стволы.

Волны свинцовой бег неспешен.
«Аврора» выплыла на стрежень.
Стоит, как страж, ростральный стержень.
Час остаётся до утра.

Кричат испуганные чайки.
Ночь жмётся к жару обечайки.
Грядущий страх «черезвычайки»
Повис над городом Петра.

Трамвайный лязг узкоколейки.
Трёхгранный штык на трёхлинейке.
Шаги чеканит по аллейке
Дозор неведомых планид.

Разрушен мир великороссов.
Костры из мебельных торосов.
И ругань пьяная матросов
Дворцы собою полонит.

Упала Русь и с нею иже.
Кто сгинул здесь, а кто в Париже.
Темнеет наст местами рыже
От крови, пролитой зазря.

Льёт с неба хлад из тысяч ведер.
Оставил нас апостол Петер.
Трепещет судорожно ветер
В кровавых стягах Октября.

Таверна

Жизнь познавая не с обложки,
Мы ели щи из общей плошки
И в знаменитой «Техноложке»
Зубрили нудный сопромат.

Был за лиижтом бар «Таверна»,
Стоявший со времён Жюль Верна.
В нём было сумрачно и скверно—
Нас окружал отборный мат.

Мы пиво свежего увара
Пивали в сумерках пивбара
И с нами вождь из Занзибара
Едал сушёных карасей.

И, невзирая на простуду,
Кричал—мол, вечно не забуду
И расскажу всем в Удагуду,
Как жил я в лучшей из Рассей!

Блуждал я днём по барахолке
С Анжелой Дэвис на футболке.
К ночи, снимая зубы с полки,
В гранит науки их вонзал.

Не думалось о жизни бренной.
По моде—твистомаккаренной—
Стирал я «манкой» изопренной
В дк замызганный танцзал.

От вихря быстрого круженья,
Ко мне прильнув, девчонка Женя
Впервой мужского напряженья
Порыв познала—хоть кричи!

Мы с ней бродили в выходные
Через задворки проходные.
Мосты дремали разводные,
Как знак белеющей ночи.

Пришла пора—учиться боле
Заботы нет. По Божьей воле,
Отметив финиш в «Метрополе»,
Мы разбежались по стране.

Прошли тревоги и усталость.
Нам за труды с лихвой воздалось.
Лишь Женька милая осталась
На Петроградской стороне…

Взвилась эпоха без подпруги.
Умыл—кто поподлее—руки.
А кто-то кровь пролил за други.
В подлунном мире всё старо.

А я в саду сажаю груши,
Стихи пишу в дни лютой стужи,
Пророча—чтоб умирить души—
Без всякой магии таро.

Петербургские тайны

Я гулял вдоль Невы, где за век—никаких изменений,
Где на старой стене след воды от былых наводнений.
Посетил Эрмитаж, был в театре на «Пиковой» драме,
И, уйдя с площадей, я бродил проходными дворами.
Всё смешалось во мне: половодья, протоки, каналы,
Анекдоты, романы, легенды, преданья, анналы,
Бесконечность дуэлей, балы, с аксельбантами звёзды
И, из камня, в классическом стиле, дворянские гнёзда.
Снег кружился по льду вдоль канала, позёмкой влекомый.
Здесь жила Лизавета—прамать моей близкой знакомой.
В лунной дымке их дом. Я зайду—ничего не задену—
И увижу, что видеть нельзя сквозь эпоху и стену…

Тонкий запах лимона—в стакане сухая мелисса.
У окошка сидит, в ожидании, бедная Лиза.
Лиза, полночь настала—а Германа нет и в помине.
Может, снова с друзьями бюджеты верстает в кабмине?
Если б так, но, увы…
Я не мот, не пройдоха, не Joker,
Но готов на ломберном столе раскидать с тобой покер,
Чтоб утешить тебя. Но не слышит меня Лизавета.
В темноте бой часов и мерцанье лампадного света.
Небо сыплет снега, и они, пав на землю, не тают.
Душу мне любопытство и жажда познанья снедают.
По моим телесам растекаются жар и истома.
Манит вглубь тишина и сакральность старинного дома.
Скрип сухих половиц, за портьерой «газон» из левкоев.
Я в потёмках, на ощупь, добрался до барских покоев.
Дверь открылась. Туда б не вошёл—мне сказали бы если,
Что сидит там, как мрамор, старуха в вольтеровском кресле.
И увидев старушку, ей бью, с извиненьем, поклоны.
Но графиня молчит, и глаза у неё непреклонны.
На старушечьих плечиках кошкой облезлой шиншилла.
Вдруг раздался щелчок… И старушка как будто ожила.
Мну со страха картуз, козырёк пятернёй «парафиня».
«Три, семёрка и туз»—прошептала внезапно графиня.
И, вдогонку—рефреном—последняя бабкина фраза:
«Будешь, парень, богат, только если сыграешь три раза…»

Я совсем не игрок, мне не надо богатств Роттердама!
Ты мне в душу не лезь, окаянная чёртова дама.
Я из дома на улицу вылетел бешенной пулей.
Не дай Бог повстречаться опять с этой страшной бабулей.
Небеса над снегами чернее девчонки-чернавки.
Ищет призрак графини пропажу вдоль Зимней канавки.
Я сбежал от неё, нос уткнув в воротник-чернобурку…

Я бродил этой странной зимой по *тому* Петербургу.

Дарьяна Антипова

Нарисуй на небе солнце

Глава 1

Стёпа ненавидел чёрных. Они были повсюду. Вон, на соседском участке какую-то фигню возводят, то ли новую сауну, то ли крытый бассейн. Если высунуться до пояса из окна и посмотреть налево — через ещё один соседский заброшенный участок — опять они. Сидят на допотопных «девятках», кругом машины (если эту рухлядь можно назвать машинами) понаставили и музыку свою слушают, слушают, слушают… А там барабаны какие-то играют, потом не пойми чё — то ли гитара, то ли их национальная бандура, название которой Стёпе знать не хотелось.

Он посмотрел направо, где почти до горизонта тянулись коттеджи, и из-за них с гудением взлетали самолёты.

Стёпа уже третью ночь не мог спать: он ворочался с боку на бок в непривычной домашней кровати, и ему снились эти самолёты. Будто он сидит себе, смотрит в ноуте «мемы», которые друзья запостили ему на стену «ВКонтакте», и вдруг становится темно, земля начинает трястись, гудеть, и Стёпа видит сквозь розовые занавески, как с потемневшего неба спускаются на их участок десантники. И совсем это не русские десантники. Они одеты во всё чёрное, как ниндзя, и в руках у них оружие. Стёпа бросается вниз, падает на крутой лестнице, расшибает колено, там, в комнате, спит его младшая сестрёнка. Ей почему-то всего годик, но она именно в эту ночь спит одна и не замечает, как у её окон тенями десантируются враги. Как ночное небо начинает озаряться жуткими протяжными молниями, наверное, враги обстреливают МКАД, чтобы никто живой из Москвы не выбрался, а вместе с дорогой захватывают и все прилежащие к нему дома. Стёпа бежит, хватает спящую сестрёнку, вытаскивает её прямо с пелёнками из ажурной кровати, видит, как тёмная фигура выбивает окно, а у него самого ноги становятся ватные-ватные, и нужно всего несколько секунд, чтобы добежать до подвала, спрятаться за стиральными машинками, бесшумно, дрожащими руками, стараясь не выронить сестру, закрыть дверь…

Стёпа кричал и просыпался. Скидывал жаркое одеяло с тела и распахивал окно, за которым качалось тёмное, по-осеннему голое дерево. Стёпа уже и не помнил, какое именно, не так уж и долго живут они в этом доме. Вернее, не так долго в нём живёт он.

Где-то за домом зашумели ворота, отъезжающие в сторону, значит, мама всё же её привезла. Стёпа бросился к двери, захлопнул её со всей силы, подбежал к шкафу и налёг на него всем телом. Книги посыпались на пол, снизу закричала бабушка:

— Степан! Ты чего придумал! Ну-ка быстро спускайся вниз!

Ага, щас. В этом доме сильнее Стёпы только его отец, но тот в Питере, по бизнесу. То ли открывать там магазин, то ли закрывать и увольнять тупого директора, который променял отцовскую фирму на участок в глухом лесу с заброшенным заводом и мечтает его подороже продать. Так что отец не скоро приедет, а когда и доберётся до дома, Стёпа уже будет далеко отсюда — вернётся к дедам в родной Екатеринбург.

Забаррикадировавшись, Степан залез на стол, потом на подоконник и, подтянувшись на ветке тополя, забрался по стволу наверх, ногой нащупал крышу, перелез туда и пополз ещё выше.

Мама в машине долго пыталась заехать в ворота. Год как водит, а всё научиться не может, — хмыкнул Стёпа. Автоматические ворота то закрывались, то открывались, мама высовывала руку с пультом из окна, потом хваталась за руль, машина истерично пищала — сзади, в полуметре, был ещё один соседский забор. Через несколько минут, когда у Стёпы уже замёрз живот — всё-таки не лето на дворе, мама вышла из машины, накинув новое пончо на плечи, а с другой стороны машины вышло худое существо в длинном чёрном пальто. Стёпа чертыхнулся, прыгнул обратно на дерево, слез с него и в два прыжка добежал до забора. Подтянулся на руках, кувыркнулся, как их учили в кадетском корпусе, через голову и замер в соседской траве. Мама с новой репетиторшей вошли в дом.

Этот небольшой заросший участок был единственным Стёпиным утешением после возвращения домой. Здесь его никто не искал. Посреди жёлтой, пока ещё яркой травы лежали заплетённые вьюном плиты. Несколько яблонь скрывали участок от чужих глаз. Стёпа сорвал одно яблоко, надкусил звонко, и по губам у него потёк сладкий, холодный сок.

К нему медленно подбрёл пёс. Это был безымянный старый пёс. Он жил на этом участке всего несколько дней, как и Стёпа. Он пришёл сюда умирать, это было ясно сразу. Худые бока нервно дрожали, когда Стёпа водил рукой по костлявой голове и слегка тёр за длинными ушами. Пёс был абсолютно бездомным. Поэтому Стёпа вытащил из карманов джинсов полную горсть всякой ерунды — остатки от печенья, раздавленные на крыше, и чипсы.

— Стёпа! — кричала во дворе мама. — Иди сюда, неприлично же!

— Ну вас всех, — Стёпа принялся за второе яблоко и вздрогнул от холода. Сбежать-то сбежал, да вот, тупая башка, куртку забыл взять.

— Степааааан! Я сегодня видела директора соседнего совхоза, им очень нужны лишние сильные руки! Не выйдешь — пойдёшь к нему работать! Я уже почти договорилась! — кричала бабушка.

— Стёпаааа! — тонким голосом завопил Егорка, Стёпин младший брат. — Выходииии! А то я на твоей гитаре буду играть! Она внизу стоит.

Стёпа заметался по траве. Вот невезуха! Точняк, он чуть ли не всю ночь рисовал маску Джокера и учил аккорды Раммштайн! А Егорка её точно сломает. Или струну порвёт, или уронит на бетонный пол.

— Даже трогать не смей! Убью! — заорал он во весь голос и высунулся из-за забора.

— Вот он! Наш будущий комбайнёр! — воскликнула мама и улыбнулась. — Ты не бойся, Стёпа, мы за тебя досрочно заявление в армию напишем! И подпишем за тебя! У нас там тоже знакомые есть.

Репетиторша оказалась совсем молодой. Откуда мама вообще её откопала? Говорила, что нашла хорошего репетитора из университета. Из-под тонкой шапочки торчал веснушчатый нос и тёмные волосы. Чёрными-чёрными глазищами она с удивлением смотрела на него. Ну и ладно. И не таких видели.

— Прошу вас! — Стёпа демонстративно открыл дверь дома перед репетиторшей и галантно отступил, пропуская вперёд её и маму. Забрал у матери тяжёлую сумку с едой.

— Опять у хачей купила? — строго спросил он.

— Ой, ну хватит уже! В магазине я купила! Какая разница, у кого?

— Не буду их есть!

— Твоя воля. Тогда не тырь шоколадки.

Стёпа хмыкнул. Он уже давно перерос маму головы на три. Ещё годик — и будет ростом с отца. Он всегда был выше своих одноклассников.

Репетиторша неловко стояла в прихожей и оглядывалась. Бабушка в коротких шортах выглянула из кухни, бронзовая от загара.

— Привет! Будете чаю?

— Да, спасибо, — улыбнулась репетиторша и протянула Стёпе руку. — Меня Эля зовут. Привет.

— Просто Эля? Без отчества? На «ты»?

— Да.

— Не… — немного подумав, ответил Стёпа. — Лучше на «вы», так всё-таки серьёзнее.

Стёпа быстро пожал руку и унёс пакет на кухню. Ну совсем ему не хотелось сегодня заниматься английским языком. Да и вообще заниматься. Да ещё и за два месяца до дня рождения!

Стёпа посмотрел на часы, затем взял неожиданно тяжёлый рюкзак у Эли и понёс его на второй этаж, показывая заодно и дорогу в свою комнату. Репетиторша медленно шла за ним и смущённо оглядывалась по сторонам.

Перед дверью Стёпа встал и хмыкнул. Он и забыл, что дверь он закрыл изнутри. Совсем забыл.

— Извините… Подождите секундочку.

Стёпа надавил плечом на дверь, затем, как только внутри что-то громко посыпалось на пол, протиснулся в появившееся пространство и через мгновение уже открыл дверь.

— Извините ещё раз… Это моя комната. Здесь мы будем заниматься. Сразу говорю, я английский не знаю. Вы у меня… уже третья. А ещё меня выгнали из… пяти школ. И больше никуда особо не берут. Поэтому я учусь онлайн. Редко хожу в школу сдавать книги или демонстрировать свою персону лично. А это тупо и скучно. И вообще всё это — скучно.

Стёпа пододвинул два стула к большому столу, ткнул на выключатель и поставил на стол ноутбук. Пока Эля садилась и раскладывала какие-то очередные учебники, он запихал книги с пола под кровать ногой. Поставил шкаф на место. Вечером Глория приберёт и расставит всё по своим местам.

— У нас всё вот тут, в инете, — Стёпа подошёл наконец к столу. — И домашку мы тоже по инету делаем. А вы со мной домашку будете выполнять, да?

Эля осторожно опустилась рядом на стул. Видно было, что она стесняется. Сколько же ей лет?

— А что вы в школе проходите? Это для тебя слишком сложно? — Наконец спросила она и взглядом показала на стопку учебников. — Какие у тебя любимые предметы?

— У меня нет любимых предметов. Всё — скука и суета сует.

— Ну, это понятно…

— Чё вам понятно?

— Что английский ты не любишь.

— А зачем его любить?

— Ну… — протянула Эля и откинулась на стуле. — Это же не правила. Это — язык, который тебе открывает дверь в мир. И ещё — это очень эротичный язык.

— Чего? — Спросил Стёпа и хихикнул.

— Ничего. Включай ноут, заходи в контакт. У тебя есть контакт?

— Ну, есть.

— А девушка есть?

— Неа… Но это не того… не потому… просто… я наказан пожизненно, и из этого дома меня никуда не отпускают. Да и не нравится мне никто.
— Чего так?
Стёпа почесал затылок.
— Чё искать-то?
— А какая у тебя любимая музыкальная группа?
— Раммштайн. У меня даже их автографы есть. Показать? — осторожно спросил Стёпа и прикусил язык.
— Тащи.
— *Ааа!* Круто! — Стёпа подпрыгнул на месте, взлетел на кровать и стал рыться на верхней полке. — Я их тут прячу от брата. Смотрите! Я прям к ним сквозь толпу! Я прям… первый как выпрыгну! А там охрана! А я…
Эля, улыбаясь, посмотрела на фотографию с четырьмя автографами.
— И как ты им объяснил, что тебе нужно?
— Да просто! Раз — под нос! Меня — раз — под руки охрана. А я — раз!
— А если бы по-английски говорил, то мог бы и на чай напроситься. Ну… или что они там после концертов пьют… Я так однажды… ну, не с Раммштайн… ну неважно.
— Ну да… Но у них нет песен на английском.
— А спорим, что есть. Открывай аудиозаписи. Итак…
Вечером Стёпа слушал Джоан Осборн в наушниках, выстукивая ритм пальцами по столу, и смотрел на тёмные ветви голых деревьев, качающихся на сентябрьском ветру. Приоткрыл окно, и тёмно-какие-то шторы приподняли свои подолы и смахнули тетрадку с английскими упражнениями со стола. Сотик пикнул. Стёпа лениво провёл пальцем по экрану. Открылся контакт.

АНАСТАСИЯ
Очень мешаю? 😔

Кто это, Анастасия?

СТЕПАН
Скорее не очень

С аватарки на него смотрела типичная 14-летняя девчонка, изогнувшаяся перед камерой: одна рука на худом и ещё не сформировавшемся бедре, вторая — у выпяченных губ. Жесть.

АНАСТАСИЯ
Хорошо, один вопрос и я отстану…
Ты в Москве сейчас?

СТЕПАН
А что?

АНАСТАСИЯ
Просто интересно

СТЕПАН
Да, в Москве

АНАСТАСИЯ
Спасибо

И что это было? Стёпа вставил телефон в планшетник, с которого слушал музыку. Алгебра? Русский? Английский? Что Эля задала учить? Так… English Grammar in Use, страница… сорок шесть. If I do. If I did. Условные наклонения. Опять они. Каждый год учит — каждый год забывает. Хотелось спуститься в подвал, в комнату, которую мать называет «спортзал», и покачать пресс.
Планшетник тоже пикнул и автоматически открыл контакт. Да что ж это за такое? Они сговорились?

АЛЕКСАНДРА
Привет! Можно вопрос?

СТЕПАН
Привет. Можно.

АЛЕКСАНДРА
Ты с кем-нибудь встречаешься?

Стёпа откашлялся. Глубоко вдохнул несколько раз. Спокойствие, только спокойствие.

СТЕПАН
Нет. А ты?

АЛЕКСАНДРА
И я сейчас нет.

СТЕПАН
Почему? Неужели никто не
предлагал встречаться?

АЛЕКСАНДРА
предлагал
он
но
они все были дебилы
только секс интересовал

Стёпа открыл учебник по английскому и начал делать упражнения, автоматически отвечая в чате.

СТЕПАН
Понятно.

АЛЕКСАНДРА
спасибо тебе мася

СТЕПАН
за что?

АЛЕКСАНДРА
за понимание

If we go by bus, it will be cheaper.
If we went by bus, it would be cheaper, but the train is quicker.
Нужно быть вежливым с девушками.

СТЕПАН
Обращайся

АЛЕКСАНДРА
хаха) девушки твоей повезёт
или повезло)))))))))

СТЕПАН
Ну не знаю

Часы на стене щёлкнули. Полночь. А спать не хочется. Ну совсем не хочется! В спортзал теперь не спустишься — весь дом на сигнализации, даже не пожрать. А жрать хотелось. Или пресс покачать? Или всё же пожрать?

АЛЕКСАНДРА
Что ты делаешь?

СТЕПАН
Чай пью.

АЛЕКСАНДРА
Какой-то особый чай?

СТЕПАН
Да. Бамбуковый.

АЛЕКСАНДРА
лол и как ты?

СТЕПАН
Вкусно)

АЛЕКСАНДРА
чё правда)

СТЕПАН
Серьёзно)

АЛЕКСАНДРА
я тоже хочу

СТЕПАН
Я не жадный) Угощу)

АЛЕКСАНДРА
ахах) спасибо
а можно вопрос?

СТЕПАН
Конечно)

АЛЕКСАНДРА
а почему у тебя нет девушки?

СТЕПАН
Трудный вопрос…

АЛЕКСАНДРА
)))))))))) прости если заставила задуматься))))))))

СТЕПАН
не нравлюсь никому, наверное))
Всё хорошо, я люблю думать)

АЛЕКСАНДРА
как
ты че
ты просто супер
поверь
мне

СТЕПАН
Спасибо))
Иди ложись)) Сон полезен)

АЛЕКСАНДРА
хаха) спасибо)))))))))) ты чё меня гонишь????????

СТЕПАН
Я тебе желаю сладких, добрых снов)
А не гоню))

АЛЕКСАНДРА
ахах) спасибо приятно
всё всё всё щас иду

СТЕПАН
Хорошо)
Да что с ними всеми такое?

Глава II

Эля, подобрав пальцами концы скользкой тряпки, потянулась всем телом в дальний угол полки. Да так, что мышцы на животе свело. Большая стопка старых курсовых работ вдруг зашаталась. Эля, цепляясь руками за шкаф, попыталась инстинктивно поддержать их подбородком, но они расползлись прозрачными файлами и рухнули вниз. Эля медленно слезла со стула и села на кафедральный диван двадцатилетней давности. Может быть, даже тридцатилетней давности.

Утро за окнами кабинета начинало звучать завываниями сотни машин в пробках. Поэтому Эля просыпалась каждое утро в 6 утра, чтобы пораньше быть на работе. Она здоровалась с сонным охранником, поднималась по погрызенным временем ступеням института на третий этаж и открывала кафедру.

Эля посмотрела на многолетнюю груду курсовых и контрольных работ по теоретической стилистике, разлетевшихся даже до входной двери, и грустно вздохнула. Всё утро насмарку. Тихо тикали настенные часы, подаренные выпускниками какого-то лохматого года. Что-то шипело в старых трубах у подоконника.

Эля встала, помыла несколько чашек в ледяной воде в туалете, погрузила их в тёмное чрево шкафа и присела у работ. «Может, выкинуть их к чёрту?» — подумала она и подняла несколько книг, свалившихся вместе с папками. Одна из книг была про муравьёв, очевидно, написанная бывшей заведующей кафедрой. Эля полистала книжку и положила к себе на стол. Вторая книга была посвящена английским сказкам. Поглядев на часы и убедившись в том, что ещё есть время прочитать одну сказку, Эля откинулась на диване и включила чайник.

Первая сказка была про английскую игру XVII века. В длинные тёмные вечера аристократы,

которым надоело сидеть в замке, играли в прятки. Они тушили весь огонь, прятались за вековыми пыльными шторами и, когда ведущий проходил мимо них, должны были шёпотом говорить «it's me» и незаметно исчезать в бесконечных коридорах замка. Так, однажды во время этой игры было убито около двадцати английских аристократов кем-то из гостей особняка.
— Ой, какой у вас бардак!

Эля подскочила, но Людмила Валентиновна уже внесла своё большое тело в кабинет. Её ярко-красные губы расплылись по кривой диагонали.
— Это чьи работы, Эльвира? Печникова? Он их хранит? Пылит?—заговорила она медленно, но так, чтобы Эля не успела вставить слова.—Маразм крепчает у нашего профессора? Свои мысли забывает, так перечитывает в работах студентов?

Эля молча отложила книгу, поздоровалась в стену и начала собирать работы, стараясь не смотреть на синее платье, занимавшее половину кафедры.
— Ах, а почему у вашей заведующей нет своей папки? У всех есть, а у неё нет? Я ей сказала, чтобы она с вами поговорила об этом, это даже как-то неприлично—забывать о собственном начальнике!

Эля вежливо и нарочито громко произнесла:
— Мне было сказано, что папка не нужна.
— Ах, бедная моя Ксюша! Как же она в этом гадюшнике будет работать? Такой светлый гениальный человеке! Будет работать с этими вашими… «хачатряно-гаспарянами»? Скажите, *как?*

Эля потрогала холодной рукой лоб и взяла сумку.
— Никто вашу Ксюшу здесь не трогает. Аспирантка и мечтать не может о лучшем к ней отношении, как здесь! Извините, мне нужно сходить в деканат.
— Вот ты!—Людмила Валентиновна внезапно по своему обыкновению перешла на «ты» и перегородила проход.—Считаешь, что ей нужны советы ваших неудавшихся профессоров-доцентов?

Она ткнула толстым пальцем с красным ногтем в папки преподавателей.
— Да она умнее всех их! Кто они? И кто я! Я! Её научный руководитель! Я—доктор наук! Только у меня на этой кафедре защищаются аспиранты!

Эля умудрилась протиснуться между Людмилой Валентиновной и неработающим ксероксом, вылетела из кафедры, перевела дух и пошла вниз. Но Людмила Валентиновна скрипнула наверху ключами и на удивление быстро догнала её на лестнице.
— Мне тоже в деканат надо, Эльвира. А ты уши на правду-то не закрывай! Где твой начальник? Как всегда её нет. А я каждый день работаю за всех, в деканате сижу, а они выбрали заведующей её! Решили перекроить мой индивидуальный план! Так я ей не дам, слышишь меня?

Эля свернула к преподавательскому туалету и начала трясущимися руками доставать ключи. Людмила Валентиновна стояла рядом, наклонившись, и почти шипела:
— Слышишь меня, пусть она понервничает, пусть попляшет…
— Извините…—сказала Эля и захлопнула дверь. «Ну и денёчек начинается!»—подумала она и, прислушавшись к коридорному шуму и для правдивости нажав на кнопку смыва, вышла наружу.

Сердце стучало в такт убыстряющимся шагам студентов. Прозвенел звонок. Мимо прошёл декан заочного отделения и, поздоровавшись с Элей, всунул ей в руки расписание. Эля подошла к информационной доске, вытащила из сумки припасённое с пятницы объявление о переносе аудиторий и приклеила его к стенке.
— Ой, Эльвира, ты мне была нужна!—бухгалтер кинула ей несколько листов с гербовыми печатями.—Отнесёшь своим?

Эля только кивнула в ответ и, опустив глаза, поспешила спрятаться в аудитории, в которой им должны были читать лекцию.
— Что же вы так смеётесь?—радостно и одновременно сонно крикнул профессор Гаврилов. («Никакой он не профессор, так, доцент, здесь настоящий профессор—только Я!»—пролетело в голове у Эли. Тем же голосом Людмилы Валентиновны.)—Это так только первый курс смеётся, потом они уже не смеются…

Эля плюхнулась в красное кресло в переднем ряду концертного зала, в котором, из-за нехватки аудиторий, занимался их пока ещё большой первый курс.

Эля открыла тетрадь, достала оттуда большие листы с незаконченным текстом и наклонилась над ним:

«Так… продолжаю письмо. Вчера посмотрела три фильма подряд, все какие-то депрессивные и маниакальные. Фу, потом спать боялась. Была в институте, сделала ведомость для Александрова для должников с прошлого года, поменяла надпись на табличке на кафедре, теперь заведующая радуется, хотя я там и сделала какую-то опечатку, пришлось переделывать. Нам сегодня снова давали молоко в институте в деканате, скоро выпью. Вчера ещё купила книжку для подготовки к экзамену по Древней истории. Но всё вылетает из головы, да и читать негде, постоянно таскаю её с собой, всё надеюсь открыть. Нам обещали сегодня дать вопросы к экзаменам, но как и всегда, профессор всё забыла. Ещё вчера пили чай с Флешкой, сегодня хотели пить чай вечером с Катькой. Надо будет ещё в комнате убраться, вчера перебирала диски, которые зачем-то с собой привезла из дома, половину выбросила. Понаслушалась всего, так домом пахнуло… Уже хочется тепла и лета. Утром готовила кашу на кухне, вместе с Цоем, он варил борщ. Утром. Борщ».

Под монотонный гул задних рядов и голос преподавателя Эля вспоминала, как вчера одноклассники стояли на площадке седьмого этажа у таксофона. На зеркале перед раковиной висела «молитва перед экзаменом по античной литературе».

В первый же день Эля прыгала у плиты в общей кухне и училась готовить сама, а заодно и не бояться тараканов. Они выскакивали из духовки и злобно разбегались по стенам, почуяв запах газа. Эльвира их жутко боялась и подходила к плите, громко стуча ложкой по раковине и стене, чтобы к её приходу между конфорками их осталось поменьше. Её соседки по комнате давили самых маленьких и не таких страшных тараканов.

К ней подошли какие-то девочки, видимо, её будущие сокурсницы. Сияющие глаза, смех. Осторожно спросили, как жить в общаге.

— Хорошо,— ответила Эля. И начала рассказывать о поступлении, о нервных иностранцах на третьем этаже, легенды о Нобеле, Мачо, Медведе, Сталлоне и других.

— А как вас зовут-то?— спросила она на исходе первого часа своих рассказов.

— Рузанна.

— Йондоз.

— Там ещё Эмиля заселили на седьмом.

— Ярослава с Нежданой будут жить вместе на пятом.

— А тебя как зовут?— встречный вопрос.

— Эльвира.

Так и сложилась у них компания, которая теперь сидела в аудитории на первом ряду и откровенно спала.

Эля даже здесь была самой младшей. Она никому бы не призналась, кроме новоиспечённых подружек, что ей всего шестнадцать и что мама отпустила её учиться в Москву. Да и устала она жить с мамой и бабушкой в старом доме. Особенно после всех этих взрывов в столице республики и гибели соседки.

На первом же практикуме по практической грамматике преподавательница заявила, что на их кафедре появляется вакантная должность секретаря. Точнее, методиста по научно-методической работе. Зарплаты почти нет. То есть… как можно назвать зарплатой жалкие 5 тысяч рублей? В аудитории все смеялись, а Эля после пары подошла к преподавательнице и попросилась к ним. На кафедру русского языка. Пусть будет пять тысяч, зато хоть что-то. Из дома всё равно денег высылать не смогут. Что мать вышлет со своей работы библиотекарем? Она получает шесть тысяч. По ценам в их деревне — так Эля ещё и хорошо устроилась. Общежитие почти бесплатное. Обед раз в день бесплатный. До учёбы недалеко, да и обещанный студенческий проездной тоже дешёвый. Как-нибудь да проживёт.

Эля посмотрела в окно. И вновь открыла письмо:

«Мам, сегодня ещё и история будет. Надоела мне эта история! Если бы для себя просто так почитать, то конечно! А когда понимаешь, что тебя могут спросить всё что угодно, то от этого начинаешь всё заново перечитывать и сидишь по несколько часов над одним вопросом. Говорят, здесь на Истории Древнего мира всех валят на первой сессии. Очень боюсь. Сегодня ещё и лило как из ведра. Посмотрела фильм „Любит — не любит“, ужасный фильм, стёрла. Тема ужасна. Но композиционно фильм сделан очень даже ничего. Но потом пришли Флешка с Катькой и принесли клёвый фильм, с той же Одри Тоту, которую я не очень люблю. На самом-то деле. Светлый фильм про любовь. Мне нра. Вчера ещё приходила Ульянка, она предлагает поехать летом на фестиваль Пустые Холмы, это под Калугой, но в местах сражений с немцами. Причём священник, который должен был освящать это место для фестиваля (зачем?), отказался это делать, сославшись на то, что там лежат одни немцы (как это он решил, интересно?). Этой осенью там ходят толпы людей с металлоискателями, ищут и находят!— бомбы всякие, железную проволоку, там, по-моему, даже кладбище есть с неизвестными могилами. Вот такое отличное место для фестиваля».

Посреди лекции в аудиторию ворвался их новый преподаватель по физкультуре. Прокричав что-то безумное, он вновь исчез, чтобы появиться уже на большой перемене и зачем-то провести перекличку. Наверное, чтобы понять, сколько народу не ходит на его важнейший в Литературном институте предмет. Вооружившись журналом, он начал выкрикивать фамилии. Сначала всё шло нормально. А потом…

— Патова!

— У нас нет такой.

— Значит, не пришла Патова!

— У нас нет на курсе Патовой!

— Я и сам вижу, что нет! Ни на одном занятии не появилась! Прогульщица!

Далее:

— Кобзеева!

— КТО?

— Кобзеева!

— У нас такой нет!

— Я знаю, что её нет! Наверное, с Патовой прогуливает!

И наконец.

— Кайфулин.

— Шайхулин!

— Файхулин?

— Шайхулин!

— Нет, Файхулин! Что, тоже прогуливает? Девочки, кто хотел плавать, но нет купальника, приходите ко мне после занятий!

— Мы вас вчера искали после занятий! — крикнул Кирилл. — Но мы вас не нашли!
— Я всегда бываю в общежитии, в том числе и вчера! Так что вы зря так! Призываю вас ходить на физкультуру! Ребята, которые плохо ходят. Проснитесь! Ребята! Мужчины! Я вас прошу! Будут проблемы! Если у вас есть часы или много часов…

Эля усмехнулась и тихо выскользнула из аудитории.

Стёпа хотел спать. Стёпа хотел есть. Ему нужно было выучить какие-то уроки, но телефон на столе вибрировал беспрестанно.

АНАСТАСИЯ
Привет, как жизнь? Как дела?

СТЕПАН
Привет. Супер, твои как?

АНАСТАСИЯ
Тоже отлично)
Как в школе дела? Как тебе вообще школа?

СТЕПАН
Порядок, всё нравится.

АНАСТАСИЯ
Тогда отлично. Что делаешь?

СТЕПАН
Уроки, а ты?

АНАСТАСИЯ
Ничего…
Какой урок сейчас делаешь?

СТЕПАН
Химию

АНАСТАСИЯ
Я наверно со своими вопросами тебя уже достала?

СТЕПАН
Нет

АНАСТАСИЯ
Сделал уроки? Какие вообще задавали?

АНАСТАСИЯ
Чем занят?:)

СТЕПАН
Зеваю, а ты?

АНАСТАСИЯ
😄 Я просто печатаю сообщение
Скоро спать то собираешься?

СТЕПАН
Не собираюсь.

АНАСТАСИЯ
Вообще?)

СТЕПАН
Так точно

АНАСТАСИЯ
И почему же?

СТЕПАН
Режим такой

АНАСТАСИЯ
Из за чего? Ты что, ночью куда то ездишь?
И как же ты только высыпаешься…
Странно, днём по тебе вообще не
видно, что ты не спишь
Так всё-таки почему?
Или это секретная тайна?

СТЕПАН
Необъяснимо, но факт.

АНАСТАСИЯ
Но очень странно…
И что тебе помогает, не спать всю ночь?

СТЕПАН
Голова

АНАСТАСИЯ
Я думала ответ будет немного другой,
например телефон или кофе или компьютер
И всё же странно, ты вроде бы в школе
такой позитивный и ничуточки не усталый.
Тебя не раздражает этот график?

СТЕПАН
Ни капельки

АНАСТАСИЯ
И как долго ты живёшь так?

СТЕПАН
Сколько помню

АНАСТАСИЯ
И сколько?

СТЕПАН
Долго

Стёпа пытался разучить на гитаре новую песню. Он подключил гитару к комбику, надел наушники, чтобы не разбудить спящий дом, и подбирал мелодию на слух.

АНАСТАСИЯ
Ну зачем же… Это тайна останется
навсегда не раскрытой…
Я даже не представляю, как ты
такой не нервный из за этого
Хорошо, сменю тему…
Как ты относишься к Маслову?
Просто интересно

СТЕПАН
Кто такой Маслов?

АНАСТАСИЯ
Одноклассник твой.

СТЕПАН
Ему лечиться надо.

АНАСТАСИЯ
Слава богу ты не такой как он….
Я тоже так считаю
Какие у тебя интересы?
Хобби?

СТЕПАН
Гитара

АНАСТАСИЯ
Какой жанр музыки любишь?

СТЕПАН
Oomph! — Ich Will Deine Seele

АНАСТАСИЯ
Ничего не поняла.
На кого поступать будешь?
Кем хочешь стать?

СТЕПАН
Юристом

АНАСТАСИЯ
И как с учёбой? В нашей школе

СТЕПАН
Порядок

АНАСТАСИЯ
Кто родители по профессиям?

СТЕПАН
У отца бизнес, мама филолог.

АНАСТАСИЯ
Есть животное?

СТЕПАН
3 cj, frb
3 собаки

АНАСТАСИЯ
Классно, какие?

СТЕПАН
Понятия не имею.

АНАСТАСИЯ
Почему? Они живут не с тобой?

СТЕПАН
Я породу не знаю

АНАСТАСИЯ
То есть собаки твои, а породы не знаешь?)

СТЕПАН
Ага

АНАСТАСИЯ
Большие собаки-то?

СТЕПАН
Средние

АНАСТАСИЯ
Прям ни у одной не знаешь породу?

СТЕПАН
Породу матери не знаю, а оба других — щенки.

АНАСТАСИЯ
А, теперь ясно.
Как себя чувствуешь? В данный момент.

СТЕПАН
Нейтрально, а что?

АНАСТАСИЯ
Просто интересно, как чувствует
себя почти не спящий человек.
В доме живёшь?
В смысле не в квартире.

СТЕПАН
В доме

АНАСТАСИЯ
С кем сейчас в особенности в школе общаешься?

СТЕПАН
С одноклассниками

АНАСТАСИЯ
Только с десятиклассниками?

СТЕПАН
Да

АНАСТАСИЯ
И как они тебе? Знаю, какие-то глупые вопросы

СТЕПАН
Неплохо

АНАСТАСИЯ
Ты ещё не устал отвечать на мои вопросы?
Похоже, что устал.

СТЕПАН
Откуда столько вопросов?

АНАСТАСИЯ
Просто интересно узнать о тебе.
В школе же у меня это всё обсудить не получается)
Ты щас с кем то ещё общаешься?
Вдруг я тебе мешаю.

СТЕПАН
Я играю

АНАСТАСИЯ
Во что? Если не секрет?

СТЕПАН
На гитаре.

АНАСТАСИЯ
Хорошо… Тогда замолкаю.

АНАСТАСИЯ
Я тебя бешу? :(так и скажи, я пойму…

АНАСТАСИЯ

Степан.....
Ты можешь сказать правду?

АНАСТАСИЯ

Стёп ответь, я просто обязана знать правду.

Глава III

Это было ещё там, во Владике. В прошлой жизни. Бэн был лысый, высокий. Он учился в штате Пенсильвания, переживал расставание с бывшей девушкой и называл Элю «My Russian Flower». У него был очень красивый почерк, замечательное чувство юмора, маленькая белая собачка, которую он любил больше бывшей девушки. В его комнате на стене висела огромная коллекция экзотичных ножей и винтовок, доставшихся от отца-полицейского. Бэн тоже собирался быть полицейским.

Будучи романтиком, Бэн звонил по вечерам и говорил, как хочет приехать в Россию. Просто познакомиться.

Эля при этих словах расплывалась в улыбке, откидывалась на диване и представляла, как этот красивый стройный парень войдёт в её жизнь и как вдруг она поедет в Америку в гости в штат Пенсильвания. В комнате появилась карта США, но попытка выучить названия всех штатов провалилась.

Когда почти все планы по встрече Бэна были созданы в голове, а экспедиционные маршруты по родному городу и республике начерчены на бумаге в специальной тетрадке, Бэн поехал с друзьями на машине во Флориду на выходные. И пропал.

Эля села писать длинное письмо. На пятой странице мелким почерком бросила на время эту затею и записала диск с любимой музыкой. Получилось два варианта. Один—романтичный, другой—депрессивный и какой-то гнусный.

Романтичный с письмом был на следующий день отправлен в США. А гнусный, провалявшись на столе с месяц, был отправлен другому человеку—Саймону из Англии. Саймон ничем Эльвиру не вдохновлял, писал странные, короткие, сухие электронные послания раз в две недели и ничем не выделялся из толпы временных переписчиков. Тех, которые появились только благодаря желанию выучить английский и которые пишут от силы месяц—два, да и теряются навсегда в джунглях Интернета.

Денег у Элиной мамы на репетитора не было. В школе английский язык то почти не преподавали, то преподаватели увольнялись пачками. Оглядываясь по сторонам, Эля понимала, что без русского и английского языков она никогда не выберется с Кавказа. Не то чтобы её влекла огнями Москва, но прятаться от реальности больше было негде. И Эля погрузилась в литературу, а затем всё чаще и чаще стала приходить к маме в библиотеку и по часу в день копаться в Интернете. Сначала—самоучители по английскому, затем—клубы друзей по переписке. Началось всё с курьёза, Эля получила несколько писем от «single guy» и не ответила им только потому, что не знала таких слов. Она знала только «singer» и «gay», но переписываться с геями-певцами ей почему-то совсем не хотелось.

Она не копировала первые письма с помощью Ctrl + C, а каждый раз каждый день писала их заново. Что её зовут Эля, что ей 15 лет, она живёт в пригороде Владикавказа на берегу реки Терек, воспетой Лермонтовым, русским поэтом из далёкого XIX века, в республике Северная Осетия—Алания и она изучает английский язык самостоятельно, поэтому ищет друзей по переписке.

Через полгода от Бэна пришёл диск с музыкой. Без записки, без нежных слов. Студентка из Беркли, видимо, увлекла его больше, чем Россия и перспектива любоваться на снежные вершины. От Саймона тоже пришёл диск с песнями Мэрилин Мэнсона, Нирваны и Пласибо. Диск был безвозмездно отдан однокласснице на вечное хранение.

Однажды Эля нечаянно назвала Саймона Иосифом, и он обиделся. Они поругались и двадцать дней не общались.

Когда летом Эля наконец-то собралась поступать в институт в Москву, то зачем-то написала об этом Саймону.

АНАСТАСИЯ

Привет

СТЕПАН

Привет

АНАСТАСИЯ

Что делаешь? Просто интересно
Интересно было бы с тобой
пообщаться хотя бы тут

СТЕПАН

Ничего особенного, а ты?

АНАСТАСИЯ

Тоже...
Через что сидишь?
К примеру через компьютер. Планшет?
Я так понимаю ты занят?

СТЕПАН

Чуть-чуть, сижу через компьютер.

АНАСТАСИЯ

Я тебе скорее всего мешаю? :D

СТЕПАН

Не то что бы

АНАСТАСИЯ

Очень мешаю?

Стёпа три раза ударился лбом о стол и выключил телефон.

Эля остановилась перед объявлениями в институте.

«Ректорат и кафедра физ. воспитания рада видеть вас у объявления! Всем желаем удачного дня и приятных сюрпризов сегодня! Как радостно, что вы пришли в родной институт, несмотря на слякоть, пробки и осеннюю хандру! Вы лучшие студенты, которые у нас были! С уважением и любовью навсегда!» «2-ой курс, пожалуйста, подумайте!!»

Эля поздоровалась с преподавателями на кафедре, несколько женщин сидели вокруг небольшого круглого стола посреди их тесной кафедры и пили чай.

— Здравствуйте, Эльвира! — воскликнула Елена Анатольевна, рассеянно потянувшись за сахаром. При этом папка с контрольными работами с её колен упала на пол.

— Я подниму, — сказала Эля и наклонилась у стола, стараясь протиснуться сквозь стулья.

Раздался стук в дверь, и все обернулись на девушку с короткой стрижкой. Та поправила на переносице очки и улыбнулась.

— Здравствуйте, уважаемые преподаватели!

— Здравствуй — здравствуй, Алёнушка, проходи, поздравляю с окончанием института!

— Ещё год остался, поздравлять особо не с чем! Как у вас дела, Елена Анатольевна? Я хотела с Вами поговорить, если это возможно.

— Сейчас чай допью… Хотя давайте пройдём, точнее, переместимся поближе к окну. Как Ваши дела?

Эля исподлобья взглянула на Алёну и переложила чью-то толстую папку со своего стола на принтер. Вещи лежали повсюду, для пятнадцати преподавателей это помещение было явно тесным. Вот бы шкаф сюда поставить… а лучше два… И по папке каждому преподавателю завести, для контрольных работ, для программ, для отчётов, чтобы всё было красиво и систематизировано. Что для этого нужно сделать? Куда писать заявление? Или требование? У кого подписывать? Кому нести? В какой форме писать?

Пока Эля разгребала завалы на своём новом рабочем месте, она невольно прислушалась к Елене Анатольевне и Алёне. А если произнести друг за другом и быстро: Еленаанатольевнаиалёна. Жесть просто. Говорили они что-то о подготовке к аспирантуре.

Скоро должен прозвенеть звонок на занятие. А отчёт, о котором говорила заведующая кафедрой, так и не написан. А кружки после вечно спешащих преподавателей так и не вымыты. Но сама причастность к институту через эту кафедру уже казалась волшебной. То Эля — обычная девочка из далёкой кавказской деревни, и вдруг — методист кафедры русского языка в московском институте.

— Привет, — раздалось сзади.

Эля вздрогнула и обернулась. Алёна широко улыбалась и протягивала руку.

— Меня Алёна зовут, а ты, видимо, новая хозяйка этой кафедры?

— Типа того…

— Тебе повезло вообще! Это — лучшая кафедра в нашем институте, не чета остальным. А ты на кого учишься?

— На переводчика…

— Итальянского? — радостно воскликнула Алёна.

— Ну да… я хотела на английский поступать, но в этом году только на итальянский набирали, с нуля фактически. Я даже не поняла, как я экзамены прошла.

— Все проходят, у кого мозги есть. Хочешь, помогу с итальянским на первых порах? Я как раз сейчас заканчиваю пятый курс перевода с итальянского, а ты поступила. Здорово! — Алёна даже подпрыгнула, и её светлые волосы взметнулись в разные стороны. Эля завидовала таким лёгким людям с лёгкими волосами. У неё всегда они были настолько тяжёлыми, что к вечеру начинала болеть голова.

— А тебе не лень?

— Нет! После занятий? По четвергам? Или утром? До занятий?

— Наверное… — Эля совершенно опешила от такого поворота событий. — Только я хотела подработку найти… ну, у нас все в Булгаковский музей в кафе официантками устраиваются… я и подумала…

— Пф… Глупости! Записывай телефон. Это мои бывшие ученики. Вроде им сейчас не итальянский, а английский требуется. Потянешь? Мальчика зовут Стёпа.

— Я… Я никогда английскому не учила… я его и сама-то…

— Потянешь! Запомни: никто ничего не знает. Поняла? Тебе сколько лет, кстати?

— Шестнадцать…

— Ой, и много тут вас теперь таких? Выглядишь умнее.

— Половина курса. Спасибо.

Алёна хмыкнула.

— Это всё, что я хотела сказать, — проплыла мимо девочек Елена Анатольевна. — Сейчас пойду за другим куском!

Алёна засмеялась, записала быстро номер телефона на бумажке и с первыми звуками звонка испарилась в воздухе.

На занятие Эля опоздала. Она крутила в руках телефон незнакомых ей людей и сомневалась. Села за крайнюю парту, так, чтобы не попадаться на глаза Олегу Ивановичу, который вёл у них практикум по орфографии, как Эля поняла, тоже профессор с её кафедры, и открыла под партой «Поэтику» Аристотеля. «Мысль — то, посредством чего доказывают существование или несуществование чего-нибудь, или вообще

что-нибудь высказывают» — прочитала кем-то до неё выделенную цитату и вздрогнула.

«Целое — то, что имеет начало, середину и конец. Начало есть то, что само, безусловно, не находится за другим, но за ним, естественно, находится и возникает что-нибудь другое. Конец, напротив, то, что по своей природе находится за другим или постоянно, или в большинстве случаев, а за ним нет ничего другого. Середина — то, что и само следует за другим и за ним другое».

Вновь открыла письмо.

«Так… на чём я в прошлый раз остановилась? Ага… Ещё девчонки зовут в Крым, говорят, что там красиво. Может быть, скатаемся туда на майские. Советуют поехать в Севастополь. Хочу везде. Всё хочу объехать, только нужно денег заработать за этот год. Я немного начала привыкать к местной жизни. Я мало говорю, больше слушаю. Меня всё удивляет. Многое пугает. Кстати, вчера пришли поздно вечером две девушки с заочки, сказали, что наши преподаватели что-то без меня праздновали вчера вечером, жалели, что меня не было, наверное, было лень посуду мыть самим. Так вот. Говорят, пили за моё здоровье зачем-то, а потом отправили с ними мне в общагу два литра вина, кучу хлеба и какие-то овощи. Теперь у меня полочка в холодильнике полна какой-то еды с барского стола. Ещё на днях ходила в библиотеку, зарылась там в песенники старые и летописи. Что-то оттуда выписываю постоянно и получаю от этого непонятный кайф. Как дома. Посмотрела в полночь «13 друзей Оушена», фильм идёт часа полтора, а я смотрела часа четыре! Потому что раз пять приходила Светка, Цой кормил пловом, ещё кому-то что-то нужно было… Я медленно теряю себя. Не знаю, как это объяснить. Я всегда с кем-то. На учёбе, на кафедре, в метро, даже в общажной комнате. Помнишь, как я могла часами сидеть в саду и смотреть на закат? Или читать книгу под виноградными ветками? Читать, затем смотреть на бабочек, перелетающих с цветка на цветок, замечать, как сверкают у них крылья. Или учить английское стихотворение перед печкой, глядя на огонь? Он прыгал по дровам, красный становился чёрным, а иногда и фиолетовым. Пока я смотрела на огонь, на чистое пламя или на качающиеся ветви за окном, я чувствовала себя живой. Я чувствовала себя частью Вселенной, частью этого мира и Земли. Теперь же я не остаюсь одна. Никогда. Я только улыбаюсь и киваю, поддакиваю, что-то делаю. Механически. И даже когда я на несколько минут остаюсь одна, например, глубоко ночью, когда мои соседки уходят в другие комнаты, чтобы там потусоваться, я не могу сидеть и смотреть в окно. Там — всего лишь Останкинская башня, как Око Саурона, всегда светится. Всегда шумит дорога и перекрёсток. Я включаю музыку в наушниках или чаще всего — компьютер одной из соседок. И смотрю фильмы. Будто даже в эти драгоценные минуты я боюсь остаться сама с собой, наедине со своими мыслями. Либо оказаться в тишине, хотя тишины здесь не бывает, и понять, что мыслей-то и нет. Пустота в моей голове. Так… о чём же это я. Да. О ночи. Часа в два ночи смотрели со Светкой «Другая сторона постели», сидели и ржали. Знаю, ты не одобришь и скажешь, что нужно было спать. Я каждый раз почему-то думаю, запретил бы мне это делать отец или нет. Обычно получается, что да, запретил бы. И я делаю всё наоборот. Да. Нужно было спать. Спать. Но не спится. Очень по тебе и бабушке соскучилась. Вроде на два дня в себя пришла, а теперь опять бессонница. Только будильник — тик-так…»

За орфографией следом шла история России: «Да будет так! Да будет так! Да будет так! Все были одописцами. Век такой!» — вещал преподаватель.

Затем быстро закончилась и античная литература: «Сначала хор был хором. Сейчас трудно об этом судить!», «Миф можно съесть!».

Эля снова оказалась на кафедре на большой перемене. Эля сорвалась быстрее всех, еле протиснулась сквозь мечтающих покурить однокурсников, добежала до деканата. Там, приветливо поздоровавшись с секретарём и Людмилой Валентиновной, которая пыталась преградить своим необъятным телом выход, выскользнула наружу уже с листком посещений и, столкнувшись в коридоре с ректором, а затем и с главным экономистом института, взлетела вверх по кривой старой лестнице. Зашла на кафедру и буквально рухнула за свой стол. По правде сказать, иметь своё рабочее место на этой тесной кафедре, где преподаватели ютились на коротком старом диване и на разваливающихся стульях вокруг крохотного стола, было круто. У Эли был и стол, и стул, и компьютер, и даже тумбочка для документов. И слишком много вопросов в голове. Особенно насчёт той кучи бумаг в шкафу у входа… или ещё одной кучи около неработающего ксерокса…

— Я сегодня зачем-то посреди лекции прицепился к грекам — и всё занятие их тревожил по тому или иному поводу, — наливая себе чая, жаловался Александров.

— А мы сегодня заговорили о… ногах… — рылся в пустой коробке из-под печенья Иванов.

— Зачем? — ужаснулась Елена Анатольевна. — Зачем вы стали говорить о ноге и совершили такой варварский акт?

— Вид… женской ноги был в 19 веке таким… скандальным…

— Я бы сказала — волнующим, — добавила Елена Анатольевна и села за стол. — А мужской тем более!

Эля уставилась в чёрный монитор и пошевелила мышкой. К разговорам уставших преподавателей она уже начинала привыкать.

Итак… что нужно… что нужно… Нужно заменить диван. Где же найти в этой помойке на компьютере заявку для хозяйственного отдела? А кто занимается хозяйственным отделом? Как называется человек, который руководит хозяйственным отделом?

Эля в растерянности оглянулась на преподавателей.

— Я подписала-таки договор на издание книги. Она у меня родилась экспромтом, под впечатлением захоронения Суворова! — размахивала руками Евгения Львовна. — Я её писала почти три года! Строка заканчивалась, стих заканчивался… когда-то же он должен закончиться… А книга не заканчивалась! Я три года не могла поставить точку!

— Вам нужно было отложить микроскоп, взять бинокль и посмотреть на книгу издалека, — философски заметил Александров.

— А скоро книга выйдет? — спросила Елена Анатольевна. — Мы с вами обязательно должны будем собраться и хорошенько это дело отметить!

— Хороводы поводим от радости.

— Возьмите хоровод и найдите там всё в зачаточном и не расчленённом состоянии! — ляпнул Александров, и все вдруг разом замолчали. Даже Эля услышала, как её однокурсники возвращаются с обеда в «макдаке» и столовой обратно в институт. Обед… Когда она в последний раз обедала?

До Стёпиного дома она добиралась долго. Сначала до Киевского вокзала с пересадками на метро, в котором она ещё путалась, затем — электричка до Кокошкино мимо Переделкино. Там её встретила Стёпина мама — Анна. На огромной красной машине, из окна которой она приветливо помахала рукой. Эля три раза глубоко вдохнула, набираясь смелости и, широко улыбнувшись, залезла вовнутрь.

— Здравствуйте, меня Анна зовут, мы с вами по телефону общались.

— Да, да, конечно, здравствуйте…

— Надеюсь, вы не замёрзли?

— Да нет. Даже интересно было за пределы Москвы выехать.

— Давайте сразу оговорим цену и время. Вы не против заниматься два часа?

— Два академических или два… нормальных? — от волнения Эля чувствовала, что забывает слова.

— Два нормальных! — засмеялась Анна. — Два раза в неделю по два часа. Вторник и четверг, допустим? В 10 утра?

— А… у меня семинары в это время… Может быть, после обеда?

— Семинары? Вы ведёте? Кто ваши студенты?

Эля с тоской посмотрела на моргающий светофор и вновь глубоко вдохнула. Ей нужна эта работа. Ей нужна эта работа. Пять тысяч рублей в месяц, которые ей планировали платить на кафедре, в Москве просто ничто.

— У меня… группа итальянская и английская. Но… это переводчики, поэтому есть мастера по переводу, по художественному переводу, и есть я… я язык преподаю, чтобы затем студенты работали над переводом.

— Вы говорите по-итальянски? Я всегда хотела учить итальянский! Я уже занималась с вашей Алёной итальянским, она прекрасна, но я после Доминиканы уже всё забыла! Вы позанимаетесь со мной итальянским? Помимо английского со Стёпой?

— Э… — Эля даже похолодела при мысли об итальянском. — Давайте попробуем!

— Ура! Здорово! Вас устроит вторник — четверг в три дня? Два часа со Стёпой, а потом час со мной? Допустим, две с половиной тысячи рублей за Стёпу и две с половиной за итальянский?

Эля удивлённо взглянула на Анну, размахивающую руками и совсем не обращающую внимание на дорогу. Пять тысяч за день. Пять тысяч рублей за день. Пять тысяч в месяц в институте и десять тысяч в неделю за занятия. Придётся учить итальянский быстрее.

— А вам… сколько лет, извините, что спрашиваю, — осторожно спросила Анна и покосилась на Элю.

— Двадцать… один… — пробормотала Эльвира. — Я в шестнадцать лет поступила, в прошлом году закончила, и теперь в аспирантуре.

— Ага, — недоверчиво откликнулась Анна.

На дорогу ушло почти двадцать минут. Распахнулись огромные ворота, и машина въехала на небольшую территорию участка, обнесённого высоким забором. Половину участка занимал трёхэтажный дом. Обычный такой, кирпичный трёхэтажный дом. С закрытым бассейном.

В доме стоял какой-то невообразимый гул. Высокая бронзовая женщина представилась бабушкой, младшая девочка была такой же бронзовой. Как поняла Эля, они только что вернулись из Доминиканы, где недавно купили дом. Средний ребёнок, мальчик, что-то кричал насчёт гитары. Стёпин отец был в отъезде. А сам Стёпа оказался очень симпатичным и высоким парнем. Выше её как минимум на две головы. Примерно её возраста. С тёмными глазами и хитрой улыбкой. «Он — мой ученик, он — мой ученик» — несколько раз повторила про себя Эля и тоже улыбнулась.

Глава IV

Прозвенел звонок на большую перемену, и Эля с Алёной столкнулись в дверях кафедры. Эля вежливо пропустила будущую аспирантку вперёд. На кафедре уже сидела Швецова Галина Анатольевна.

— Нет, вы представляете? — воскликнула она при виде девушек. — Вчера я уходила с работы после

четвёртой пары, это было около пяти, и всё было на своих местах! Сегодня вернулась к десяти утра — и в шкафу пусто!

Елена Анатольевна покачала головой и пробормотала «А ведь у нас новый методист всего две недели»…

— Мы сдавали по 200 рублей буквально… Когда мы сдавали деньги на еду, Эльвира, напомните? — продолжала Швецова.

Эля чувствовала, как краснеет.

— Позавчера, — пробормотала она и забилась в угол между «чайным» шкафом и шкафом с научной литературой.

— Нет, вы подумайте, там столько печенья было!

— И шоколад… — сказала Евгения Львовна, роясь в шкафу.

— Вафли, пряники, даже два круассана осталось!

— И шоколад… — повторила Евгения Львовна.

— Даже сахар спёрли! — крикнула Галина Анатольевна.

— Да весь шкаф вычистили, подлецы! Разве так можно? Там же печенья на месяц вперёд было! А теперь мы будем пить остатки дешёвого зелёного чая в пакетиках! Даже без сахара! — Елена Анатольевна устало села за пустой стол.

— Я даже кружки вчера помыла! Все! За всю кафедру! А то чистая посуда кончилась, кто-то даже открыл пачку с одноразовой посудой, лишь бы не мыть за собой чашку! — из папки Швецовой вновь выпали чьи-то контрольные работы.

Стоя у принтера, Эля негромко сказала:

— А почему принтер выдаёт чистые листы?

— Позавчера он полосил, вчера чихал чернилами, а теперь — вот… — Ольга Викторовна демонстративно включила чайник.

— Как обычно Ира делала, когда принтер не хотел работать? Ну… Ира, бывшая методистка? Забыли вы её уже?

— Вот так она делала! — сказала Евгения Львовна, достала картридж и начала трясти его, да так, что из него на ковёр посыпалась чёрная сухая краска.

— О, лучше поставьте его на место. А то теперь у меня даже чай чёрный стал. — Елена Анатольевна чихнула.

— Эльвира, а куда вы звоните, когда у нас техника ломается?

— Я пока ещё никуда не звонила… — тихо ответила Эля.

— Да никуда. Я не помню, чтобы она у вас ломалась, — заявила Алёна.

— Техника у нас постоянно ломается, только мы этого не замечаем. Не могли же мы, в конце концов, за неделю всё из строя вывести, пока Эльвира тут обустраивается? — спросила Евгения Львовна.

— Где же нам теперь печенье искать? — стучала длинными музыкальными пальцами по столу Елена Анатольевна.

— И вы посмотрите! Ладно бы одну печеньку украли, а то все наши баночки вынесли!

— Какие баночки?

— Сахар у нас в коробочке лежал.

— Обычные баночки! — сказала Швецова. — Ну, не баночки, штуки эти, из-под подарочных наборов конфет, в которые Ира печенье кладёт, чтобы оно не засохло.

— А! Из-под «Рафаэлло»? — воскликнула Елена Анатольевна.

— Уже из-под «Рафаэлло»? Вроде на прошлой неделе цветная от новогоднего подарка была?

— Я её поменяла, — вставила Эля и опять ушла в тень шкафа.

— Может, сходит кто-нибудь, узнает у охраны, кто мог ночью забрать с кафедры печенье? — вдруг предложила Алёна.

Эля выползла из сумрака и, оглядываясь по сторонам, по тёмному коридору пошла налево. Сначала постучала в двери деканата.

— Чего тебе? — грубо спросила Наталья Григорьевна, даже не поднимая взгляд от бумаг.

— У нас с кафедры ночью кто-то украл все печенья. На тысячу рублей. Так как покупала я, теперь как-то неуютно стало. Вы не знаете, кто вечером в институте оставался?

— Посмотри расписание заочки.

— Смотрела уже… — вздохнула Эля.

— Тогда пиши на имя ректора заявление о воровстве.

— Воровстве?

— О воровстве печенья. Три года назад мы забыли закрыть деканат и вышли на три минуты, чтобы в чайник воды налить. Приходим, а шубы-то уже и нет!

— Чьей шубы? — ужаснулась Эля.

— А ты догадайся, чьей! А два года назад из деканата исчезла сумка с документами и деньгами. А через день её подкинули обратно. Без денег, так хоть документы вернули. И сумка хорошая, я её в Индии покупала.

— То есть заявление писать?

— Пиши, пиши… — сказала Наталья Григорьевна и снова уткнулась в пропуски студентов.

Тогда Эля пошла обратно к себе на кафедру.

— Нет, слушайте, я уже двадцать лет профессор, доктор наук. Но не помню такого случая, чтобы с кафедры ночью кто-то выносил всю еду. Ладно бы красная икра была! А то ведь — печеньки! — Почти кричала Галина Николаевна. Елена Анатольевна уже пыталась найти на своём столе блокнот.

— Как могут звать нашего техника?

— Ильёй его зовут! Вроде, — подсказала Алёна.

— А, вот, нашла. Сейчас позвоню… Здравствуйте, Илья! Это вас кафедра №4 беспокоит. Что? А кто вы? Владимир? Техник института? С прошлой недели?

— Пусть принтер починит! — прошептала Галина Николаевна.
— И ксерокс! — добавила Алёна.
— Деканат советует писать заявление на имя ректора, — сказала Эля так, чтобы её слышала только Алёна, но обернулись почему-то все.
— И напишем! Почему нашей кафедрой вечно кто-то пользуется?
— Кто пользуется? — спросила Эля.
— Пять лет назад у нас на месте стола с ксероксом… — начала Елена Анатольевна, положив трубку.
— Нашей кафедре даже ксерокс заменить не могут! — возмутилась Галина Николаевна.
— …стояла кушетка с пледом, — продолжила Елена Анатольевна, — и каждое утром мы приходили на работу и видели, что на ней кто-то спал, а утром чай пил с нашими печеньками.
— Даже не мыл за собой чашку, подлец!
— Как раз в то время в Москве проблемы с регистрацией были.
— Я знаю, кто это был… — сказала Алёна. Казалось, она знала всё на свете. Наверное, следовало её и про хозчасть спросить.
— Охрана!
— Нет. Тузов, ныне заведующий кафедрой №5, — улыбнулась Алёна.
— Потому что он не русский?
— Потому что у него сейчас половину кафедры занимает диван, а внутри лежит постельное бельё. Уборщица говорила охране, охранник — кассиру, а я в кассе подслушала.
— Грех-то какой — воровать. Кто в институте продался дьяволу?
— Да ещё шоколад… — вздохнула Евгения Львовна.

У Эли заболела голова, и она вышла в коридор. Подумав немного, оглянулась на небольшую кучку студентов у кафедры перевода.
— Привет, Эля, мы тут попросили ключ у охраны, хотим на кафедре оставить наши дипломы.

Это были будущие выпускники. Тоже итальянцы, те, которые с Алёной учились. Эля ещё не запомнила их имена.
— Ты представляешь, мой рецензент потерял мой диплом!
— А мне в прошлом году за две недели до защиты заявили, что один мой рецензент не имеет права вообще работать с дипломами! И оставили на второй год! Поэтому теперь я отдам им диплом осенью!
— А мне надо на кафедре кое-что посмотреть, — произнесла Эля и толкнула дверь. Она открылась. Эля присела и открыла дверцы буфета.
— И здесь ничего нет…

Та же девушка с длинными кудрявыми волосами положила на стол пачку дипломов.
— А что ты ищешь?
— Пытаюсь выяснить, кто украл у нас на кафедре вчера ночью печеньки…
— Расследование проводите?
— Скорее обыск. Здесь ничего нет, пойду дальше. Деканат говорит, надо заявление писать, а принтер всё равно не работает. Да и ректор в командировке, подписывать некому. Придётся самим разбираться.

И Эля вернулась обратно на кафедру и отрапортовала:
— На кафедре перевода наших печенек нет!
— Надо позвонить в хозяйственный отдел и выяснить, у кого от нашей кафедры есть ключи.

Постучали в дверь, и на кафедру вошёл незнакомый толстый парень.
— Здравствуйте! Какие у вас проблемы?
— У нас миллион проблем. А вы кто? — спросила Елена Александровна.
— Меня Владимир зовут, вы мне звонили.
— У нас принтер перестал работать.
— Так… мне звонили и просили вроде ксерокс поменять?
— Теперь мы просим и принтер поменять, — сказала Евгения Львовна.
— А что у вас с компьютером?
— А что с ним? — удивилась Елена Анатольевна и отодвинулась от него, как будто сделала что-то неправильное.
— Не хотите зелёного чая? — предложила Эля.
— Я в прошлый раз удалял с рабочего стала свои ярлыки, потом удалил из корзины. А они снова появились! — удивился Владимир.
— Чудеса!

Елена Анатольевна устало села за свой стол заведующей и вздохнула:
— Мне кажется, что ксерокс — это символ нашей кафедры. Он большой, дорогой. Стоит в центре комнаты и занимает целый стол. И он не работает.
— Мы на него чайник ставим, — добавила Евгения Львовна.
— Да! Розетка близко. А рядом с ксероксом стоит доисторическая лампа.
— Она здесь стояла, когда я была аспиранткой и пришла впервые работать на эту кафедру, — сказала Галина Николаевна и налила себе чаю в немытую кружку.
— Теперь её нельзя назвать доисторической. Иначе вы обидитесь. — Улыбнулась Алёна.
— Лампа коричневая, пыльная. Но она исправно работает. А ксерокс — нет.
— У вас можно попросить ключ от туалета? — вдруг поинтересовался Владимир.
— Берите. Он висит над ксероксом.

Владимир потянулся за ключом, и тот упал за стол с ксероксом. Владимир начал толкать ксерокс, вытаскивать из стола пачки курсовых работ, чтобы стол стал немного легче, и его можно было отодвинуть от стены.

Эля покачала головой и снова вышла с кафедры. Постучала в дверь напротив. Там работали проректора по научной и учебной части.

— Здравствуйте! Чем обязан? — Умнов был на месте. Стены в его кабинете были завешаны фотографиями с церквями.
— Можно задать вам несколько вопросов?
— Чай будете, Эльвира?
— А можно к вам в шкаф с чашками заглянуть?
— Думаете, я вас обманываю насчёт чая? Смотрите!
— Увы, здесь её нет. — Эля с улыбкой присела перед тумбочкой и открыла её.
— Чего нет?
— Коробки с нашими печеньками. Её кто-то украл. И кафедра пытается выяснить, кто именно.
— Мы не брали. — Умнов тоже улыбнулся.
— А вы не знаете, кто вчера вечером на нашем этаже что-нибудь отмечал?
— Я точно знаю, кто это был. Это кафедра зарубежки. Они вчера вечером что-то отмечали. Когда уже все ушли.
— А вы не видели никого на нашей кафедре?
— Сиротин. У него пара закончилась почти в восемь вечера. А я работал в одиночестве, он ко мне заходил чай пить. Так и передайте своим, что у меня есть алиби!
— Ясно… У вас есть алиби. Спасибо за помощь… Я пойду. А то у нас там тарарам.
— Как обычно! — Умнов сел обратно за компьютер.

Когда Эля вновь вошла на кафедру, то увидела, что Владимир заносит туда ещё один принтер и ставит на её стол методиста. Затем он потянулся к телефону.
— Осторожно! Не ставьте телефон на сканер!

Владимир вздрогнул.
— Почему?
— Иначе вы нажмёте телефоном кнопку на сканере, и компьютер зависнет!
— А когда перегрузится, то все ваши удалённые ярлыки вновь появятся на рабочем столе, — добавила Галина Николаевна.

Владимир хмыкнул и начал подключать новый принтер к компьютеру.
— А вы уверены, что он будет работать без нужных драйверов?
— Не знаю… Посмотрим… — пробормотал Владимир и поправил очки на носу.
— Даже я знаю, что не будет! — проговорила Галина Николаевна.
— Не мешайте работать! Для этого мне и нужен телефон!
— Зачем вы двигаете сканер?
— О! А зачем вам под сканером деньги?

Галина Николаевна взмахнула руками.
— Ну вот, наш тайник раскрыт.
— Так как сканер тоже не работает, то Эля под ним оставляет для всей кафедры авансы, которые ей выдаёт касса.
— Владимир, мне кажется, или вы не в то гнездо засовываете шнур…
— Извините, вы не могли бы проконтролировать? А то я дома очки забыл, ничего не вижу. Это запасные, но они старые.

Эля заметила, как Евгения Львовна крутит пальцем у виска.
— Извините… А что вы заканчивали?
— Я десять лет назад учился у вас!

Все переглянулись.
— А почему я вас не помню?
— Так я вылетел с первого курса. Зимняя сессия. Античная литература.

Галина Николаевна тихо засмеялась.
— И вы закончили технический университет?
— Я ничего не закончил. Эльвира, вы не могли бы набрать мне в Интернете службу поддержки Canon? — сердито ответил Владимир и снова уткнулся в монитор.

Эля устало подвинула стул к своему столу.
— Не продиктуете телефон справа в верхнем углу?
— Восемь… четыре девять девять… Алёна, ты не могла бы помочь? Мне нужно ещё на одну кафедру сходить, проверить.

И выскочила наружу. На свежий воздух. Температура на кафедре уже превысила все допустимые нормы.

Дверь на зарубежке открыла Макеева.
— Здравствуйте, Эльвирочка! Давно вас не видела! Как вам ваша новая работа?
— Медленно, но продвигается. Мы к вам с обыском.
— И что будете обыскивать? — Макеева развела руками и засмеялась.
— Где вы храните кружки?
— Вы стоите рядом с ними. Может, объясните, что случилось? А ко мне сейчас завалят должники с летней сессии.
— У нас украли всё печенье и шоколад. Месячный запас кафедры. Все только позавчера сдали деньги, и тут… всё исчезло!
— Идут орки! Вокруг нас одни орки! — пробормотала Макеева. — Вы проводите расследование?
— Дело о печеньках, — подумав, ответила Эля.
— Вы шутите? Мы бы не стали ничего красть!
— Ага! — вскрикнула Эля.
— Не кричите так, у меня через десять минут лекция.
— Наша баночка!
— Вы на кафедре питаетесь «Рафаэлло»?
— Вот они! Шоколадки! Жалкие остатки вафель! Наша месть будет страшна!
— Я расскажу о вашем взломе ректору. Не забывайте, что он — наш заведующий кафедрой!
— Да вы всё съели!
— Я — ничего не ела! — гордо ответила Макеева и хмыкнула. — Меня вообще вчера в институте не было! Но я хочу сказать, что кто-то из ваших пришёл на наш праздник! И *сам* принёс всё это!

— Гнусная ложь! Среди нас предателей нет!—Эля схватила все три банки с печеньем. Нужно было взять одну, но получилось, что взяла она всё, что видела.
— А вот и есть...—хитро прищурилась Макеева.
— Кто этот человек? Назовите его!—Эля прижала коробки с печеньем к груди, чтобы они не вывалились.
— О, нет... Пусть подозрение закрадётся в ваши ряды.
— Это доцент? Профессор?

В дверь постучали, и на кафедру ввалились студенты. Эля, издав странный победный клич, вышла в коридор.

Швецова всплеснула руками:
— Вот и пропажа!
— Теперь у нас есть подозреваемый,—сказала Эля, ставя на стол коробки.—Это Сиротин. Он единственный поздно вёл у заочников.
— Неправда. Он не общается с кафедрой №3. С ними дружит только Александров. Он мог великодушно отдать им всё что угодно.
— А я склонна думать, что это Сиротин! Это к нему ректор ходит на каждое занятие и контролирует посещаемость его студентов.
— Он писал заявление на свой курс, чтобы его не обвинили в том, что он плохо преподаёт.
— Извините, я вас плохо слышу! Алло! Драйвер удалить старый? А как это сделать?—кричал в трубку телефона Владимир.
— Это не просто воровство...—задумчиво сказала Евгения Львовна.
— Да... Это—политическое дело!—добавила Елена Анатольевна.
— Ректор нам мстит.—Алёна достала шоколадку из коробки.
— И заставляет своих преподавателей воровать у нас печеньки.
— Как будто других кафедр нет!
— Ректор нашу кафедру не любит, так как считает, что это мы голосовали против него на прошлых выборах.
— А вы за него голосовали?—осторожно спросила Швецова.
— А я не скажу.
— Будем считать, что да.
— А он думает по-другому,—уверенно сказала Алёна, которая уже сидела за столом с остальными преподавателями.
— Он после выборов весь месяц ходит по занятиям нашей кафедры и смотрит, кто как преподаёт.
— Какое унижение...
— Пятьдесят лет работаю, а такого не случалось...—прошептала Галина Николаевна.
— Он входит через пятнадцать минут после начала лекции, встаёт в дверях, и смотрит, смотрит...
— Нажимать «далее» или «отмену»?—продолжал говорить по телефону Владимир.
— И не будешь же ему от доски кричать, что я за него голосовала.
— А вдруг Сиротин за него не голосовал?
— Извините, Владимир, нам очень нужен телефон, вы скоро закончите?—спросила Эля, у которой начала сильно болеть голова.
— Не мешайте! Алло! Да, я вас слушаю! И теперь нужно скачать новый драйвер? Установить его? А как это сделать?—кричал Владимир, поправляя без конца очки.
— Какой кошмар...—продолжила Галина Николаевна громким шёпотом.—Мой муж такой же бестолковый. Когда-то заряжал воду с Кашпировским. А я смотрите, что умею...—она вытащила бумажную купюру в 10 рублей и положила её на руку.—Сейчас она будет скручиваться.
— А мой заболел. Когда бумажные салфетки кончились, начал в трусы старые сморкаться... Фу...—отхлебнула чая Ольга Викторовна.
— Что-то не скручивается. Наверное, настроение не то из-за этого печенья,—Галина Николаевна убрала деньги в карман.
— Да, я всё делаю правильно! Это вы неправильно объясняете! Почему принтер бумагу жуёт? Что значит—это не ваше дело?—кричал Владимир.
— Скажите, пожалуйста, мне сегодня рассказывать на семинаре про языковые построения с установкой на чужое слово?—спросила Алёна Лесную.
— А вы сами читали «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтина?
— Ну всё, дело о печеньках закрыто?—спросила Эля.
— Ну уж нет... Звоните Сиротину, Эльвира!—крикнула со своего места Елена Анатольевна.
— А где мои очки?—Галина Николаевна стала рыться у себя в сумке.

Эля вытащила сотовый и набрала номер Сиротина.
— Здравствуйте! Я вас не отвлекаю? Скажите, вы не знаете, кто виноват в том, что вся еда нашей кафедры оказалась на кафедре №3?
— Нет, это ужасно...—откинулся на стуле Владимир.—Новый принтер тоже жуёт бумагу. Пусть пока он тоже здесь постоит. Я не могу ничего сделать. Я приду к вам через неделю.
— Не ставьте его на сканер!—воскликнула Эля.
— До свиданья,—сказал Владимир и исчез.
— Вы отдали? Лично?—продолжала спрашивать Эля у Сиротина.—Зачем? Какие студенты из Гнесинки? Пели? Где пели? Спасибо.

Она отключила телефон.

Преподаватели зашумели. Лекция начиналась уже через минуту.
— Где мои проверенные контрольные работы?—Галина Николаевна залезла под чайный стол, там иногда преподаватели хранили текущие контрольные работы.

— Ой, мне тоже пора! — Елена Анатольевна встала из-за стола.
— Так кто виноват в конце концов? — спросила Алёна и потянулась.
— Студенты Гнесинки выступали в институте, их пригласил ректор. Потом было поздно, все хотели пить чай, пошли на кафедру №3, а там был только чёрный чай и не было печенья. И тогда они зашли к нам, потому что здесь был Сиротин, и попросили дать им печенья. Он отдал всё, — доложила в полной тишине Эльвира.
— То есть виноваты студенты Гнесинки… — подвела итог Алёна.
— Где мои очки? — снова риторически спросила Галина Николаевна.
— И Сиротин тоже виноват! — произнесла Елена Анатольевна и, улыбнувшись, исчезла в дверях.
— Ну ладно печеньки. Но зачем было шоколад отдавать?
— Кто поставил принтер на мои очки??? — закричала Галина Николаевна.

Глава v

Никто в Москве ещё не помнил июль таким жарким. Эльвира выехала в аэропорт на четыре часа раньше, вышла на Царицынском парке и пошла по дорожке в тень деревьев между кучками мусора и дохлой кошкой. Парк напомнил Эле родную деревню, с заросшими холмами и высокими деревьями. Кузнечики прыгали на белую юбку, один залез в босоножку, и был уничтожен большим пальцем ноги. Подавляя в себе брезгливость, Эля быстро спустилась к пруду, и зашла по колено в ил. Солнце блёстками купалось в воде, по пруду плавала молодёжь в лодках. Сзади на небольшой холм поднимались старые деревья, под кустом загорала пожилая женщина. Она приподняла соломенную шляпу и, прищурившись, поглядела на Элю, на её ноги и задранную юбку. «Здесь плавать нельзя», — сказала женщина и удивлённо легла обратно под куст.

«Не больно-то и хотелось» — проворчала Эля, вымыла босоножки, помочила лоб и тоже села в тень. Английский язык она знала ещё не очень хорошо, грамматику-то ещё ладно, но вот разговорный английский… Произношению её пугалась даже бабушкина кошка. И о чём она будет говорить с этим Саймоном? О Ленине? О группе Тату? Что ещё он знает о русской истории и культуре? Как он выглядит? Эля представила самое лучшее — светленький, длинноволосый, подтянутый… Да, и зелёные глаза.

От этого образа стало веселее, и она поехала в аэропорт Домодедово.

Фотографии Саймона она никогда не видела, она вообще не особенно им интересовалась. Они больше ругались за эти недолгие полгода переписки.

Договорились: Эля будет в белом. Как всегда. Длинная белая юбка, как у невесты, открытый топик и распущенные чёрные волосы. И Саймон её узнает.

В аэропорту она была на час раньше. Почему? Она не знала. С дрожью в теле она слушала объявления прилётов и утешалась только тем, что в это время идёт открытие литературного фестиваля и консультация перед экзаменом по изложению в институте, а она толкается здесь среди иностранного народа в холле с огромными стёклами.

Сзади кто-то подскочил к ней, обнял за талию — как целая вселенная, светлая, тёплая. Наверное, такое же ощущение бывает у верующих людей в церквях. А здесь…
— Elya! Is it you?
— Да, Саймон… — Эля обернулась и чуть не взвизгнула. Перед ней стоял молодой человек ростом под два метра, бритый под ноль, с огромными чёрными глазами. В простой чёрной футболке с Раммштайном, с цепью на шее, в напульснике с шипами, в широченных джинсах и сумкой через плечо.

«Вот чччёрт!» — подумала Эля и потянула Саймона за руку на выход.

Эля болтала целый день и не могла остановиться. Она провезла его через всю Москву до Измайловской гостиницы, поселила на десятом этаже в заранее забронированном номере. Она говорила о Москве, о Кавказе, о России, о каких-то национальных менталитетах, этнической музыке, о Мэрилин Мэнсоне и об отличии контакта от фэйсбука. Говорила быстро, с запинками, чтобы он сам не начал говорить. Потому что его речь Эля не понимала совсем… И вечером Саймон, выйдя из душа, сел перед ней на колени и, заглядывая в глаза, медленно сказал по-английски:
— Эльвира, я тебя не понимаю! Ты говоришь так много, а я тебя не понимаю! У тебя акцент хуже, чем у моего ирландского друга, у которого родители жили в Австралии.

Она закрыла глаза, готовая выпрыгнуть в окно десятого этажа от стыда. Развернула его голову к включённому телевизору и прошептала:
— Это фильм про Электроника. Посмотри его.
— Кто такой электроник?
— Робот…
— А! — задумчиво отозвался Саймон. — Твой любимый фильм про робота?

Он обнял руками её колени. Эля разглядела его глаза — как у доброй коровы, с такими же влажными ресницами.
— Нет. Мой любимый герой — Карлсон.
— Карлсон? — переспросил Саймон. — Кто это? Твой друг-сценарист?
— Да нет же! Сказка Астрид Лингрен! Не читал?
— Нет. Про кого?

— Про… э… Карлсона…— Эльвира поняла, что бредит,— который живёт на крыше… и на спине у него пропеллер…

Саймон был похож на ребёнка из глубинки. Подарил зачем-то ей английский флаг. Хотел купить ноутбук в подарок, а Эле стало стыдно, и она отказалась. Конечно, было бы круто приехать домой, работать в универе на этом маленьком компьютере стоимостью в дедушкину машину. Но она отказалась. Какая-то девочка из абитуриентов из соседней комнаты по общаге, которая навязалась гулять с ними, воскликнула: «О, Саймон! Мне такой подари, ну чего тебе стоит?». Эля в шоке смотрела на наглый флирт и на то, как наивно Саймон ему поддаётся. Вот почему этот бордель на ножках может попросить чужого мужчину купить ей дорогую вещь и разорить его в ресторане, куда он повёл *другую?* А она не смеет попросить купить ей карточку на метро и занимает деньги у приятелей из Вологды?

На Красную площадь отправились всей компанией из её крыла общаги. Эля даже имена их ещё не запомнила, называла всех по названию городов, откуда они приехали. Парень из Харькова фыркал и говорил, что ходить к Кремлю — попса. Саратов прыгал вокруг вечного огня и изображал из себя шамана, у которого три руки. Саймон явно скучал и громко зевал.

— Скажи, Эля, а почему вы так носитесь с этой войной?

— Ну как же,— ответила за Элю Вологда.— Мы победили в этой войне. Кровью своей залили всю землю.

— Россия? СССР?— Саймон хмыкнул.— Не смеши. Во Второй мировой войне победила Англия. Это же в любом учебнике написано.

Эля остановилась, посмотрела на него, не веря своим ушам.

— Почему везде должны быть только вы? Американцы пишут, что это именно они победили в сорок пятом, Франция — что они!

— Но победы бывают разные!— Саймон снова зевнул и почесал руку. Эля впервые заметила, что на его руке нет волос.

— Ты бреешь руки?

— Не переводи разговор!— вступилась Вологда, и Омск с гневным лицом тряхнул рыжими волосами.

— Да, брею! Ты посмотри вокруг, Эля! Во Второй мировой экономически победила Америка, политически — Германия, она освободилась от урода. А вы ей помогли. Европа, в том числе Англия, во всех остальных сферах. А вы… вы потеряли миллионы и залили своей кровью мир.

— Ты… Ты…!— Эля скрестила руки на груди.— Как ты можешь это говорить здесь, у вечного огня? У курантов, под которые я просыпалась всю свою жизнь? Они били, а я слушала их по радио! У бабушки! Ты сейчас плюёшь на всё, что мне дорого, на моё детство, на все майские дни, проведённые у телевизора! На все гвоздики, которые мы в детстве дарили ветеранам!

— О чём она говорит?— Саймон с удивлением взглянул на Омск.— Я опять её не понимаю.

— Она тебя ненавидит,— Дальний Восток отошёл к Эле, и Саймон оказался напротив всей компании. Видно было, что он растерялся.

— За что? Что я сделал? Почему вы так ненавидите остальной мир?

— Наша страна — велика и огромна!— отчеканил Саратов.— И все хотят отломить от неё кусок. Кто там говорил, что богатства Сибири принадлежат всему миру?

— Тэтчер?— поморщился Омск.

— Надо смотреть на мир реально, а не сквозь призму ваших политиков!

— Наша страна — велика и прекрасна! И не трогай нас.— Эля отошла от Саймона, взяла под руку Саратов и парня из Харькова и пошла вперёд. И как она могла жалеть Саймона? Глупый, глупый Саймон. Пусть катится обратно в свою Англию.

Саймон постоянно лез под машины на красный цвет, отставал в метро, не понимал насмешек парней, поступающих на поэзию, которые тыкали друг в друга пальцами и говорили: «Хи из май бойфрэнд!», а потом дебильно ржали. Саймон выносил всё. Но однажды вечером после экзамена, Эля, послав всех в одно известное место, уехала ночевать к нему. Они всю ночь сидели на подоконнике тринадцатого этажа и смотрели на неспящую Москву.

— Саймон, я не понимаю, почему они такие злые?

— Они не злые.

— Ну, не завидуют же они тебе! Но почему ведут себя как придурки со двора, но не как люди, получающие литературные премии и читающие по вечерам стихи Цветаевой? Почему?

— Потому что я англичанин!— сказал Саймон. Эля думала, что он смеётся, но он был серьёзен и даже гордо выпрямился, стал ещё выше. И по-другому начал выглядеть. Как герой книг Остин, даже несмотря на свои огромные чёрные глаза, доставшиеся ему по наследству от прабабки из Индии.

Вечером перед последним экзаменом все сидели в комнате Омска, Эля засыпала на плече Саратова, который вместе со всеми добросовестно слушал Харьков. Саймон же сидел где-то сзади, фотал каждого участника и пил потихоньку пиво из банки. Кто-то читал стихи. Кто-то пел песни. Затем все аплодировали. Экзамены ещё не кончились. Ещё никто не видел своих оценок, но Эля уже знала, что принадлежит этому месту, этому институту, и что всё у неё будет хорошо.

Песня. Аплодисменты. Омск прошептал Эле на ухо:

— Там в коридоре Саймон плачет. Иди к нему. Не из-за меня же он так убивается.

Московское солнце давно село за соседние дома, и тени от них падали на позолоченные закатом окна, подоконник, на котором, в уголочке, сидел, сжавшись, Саймон. Слёзы катились по щекам из его огромных глаз и мочили кожаные с шипами браслеты на руках.

— Саймон, что случилось?

— Я… Я не хочу завтра отсюда уезжать. Эля, может быть, ты будешь смеяться, но это самые счастливые дни в моей жизни! Я не хочу в Англию… Я люблю этот город, я не хочу уезжать от тебя и знать, что я никогда тебя не увижу.

— Саймон, дорогой. Ну зачем ты так? Мы же ещё когда-нибудь встретимся! И… э… Лондон — прекрасный город!

— Да?.. Эля, я тебя люблю… Я попросил передать тебе это Антона, но он отказался.

— Омск зовут Антоном?

— Ты выйдешь за меня замуж?..

Он вдруг рывком притянул её голову, запустил руки в длинные распущенные волосы и, гладя пальцем её щёку, поцеловал в ложбинку около губ.

«Боже ты мой!» — Эля смотрела в этот момент поверх его головы на открытую дверь, где все её ребята напивались вином и как обычно рассказывали друг другу что-то философское… «Вот мне во Владике проблем-то не хватает».

— Эля, ты будешь меня ждать?

— В смысле?

— Подожди немного! Я накоплю денег, я буду работать ночами, я ведь ещё на первом курсе колледжа! И я приеду к тебе опять! Или заберу тебя к себе! И мы поженимся? Почему ты так на меня смотришь?!

«О, блин, блин. Блин, как же тут всё запущено и сложно»… Эля вздохнула и соврала:

— Нет, Саймон, у меня есть бойфренд. Его зовут… Эльяс. И ему это не понравится.

Саймон удивлённо взглянул на неё:

— Где? В твоём городе? Вы с ним всё равно расстанетесь, и ты выйдешь за меня замуж. Я ни разу до этого момента не целовал девушку.

— Ну какой «замуж», Саймон! Мне же *шестнадцать*!

Эля с ужасом взглянула на этого красивого парня и спрыгнула с подоконника. Интересно-то как! Но в этот момент ей расхотелось возвращаться домой. Почему-то вспомнилось, что скоро осень. У бабушки опять будет приступ, головные боли, крики. А после больных, бессонных ночей она никогда не будет помнить, что делала и что говорила. А вдруг Эля не поступит в институт?

— Что это? — спросил Стёпа и взял у Эли из рук тетрадь. — Лекции? «Мужики, стоя с фотоаппаратами возле подъезда, просят облегчить им жизнь». *Что это?*

— Это то, чем мы на лекциях занимаем… занимались. Я, например, за преподавателями записывала разные интересные штуки, — смутилась Эля. Она встала и подошла к окну.

— Так Вы давно закончили институт? — подозрительно спросил Стёпа.

— А у тебя скоро день рожденья?

— Через месяц. Мне шестнадцать. Так когда вы закончили институт?

— Н-н-недавно… закончила и стала преподавать.

— Вам там нравится?

— Я пока не поняла.

— Платят много?

— Нет.

— Тогда зачем вы там работаете?

— Мне преподавать нравится.

— Хм… Но кушать-то тоже нужно. Зачем работать, если это не приносит денег? Работа равняется деньги. Это же работа. А не хобби. Ну-с… «Заходит, а там бюстры висят», «Тогда модно было писать историю села». Это у вас реально такие лекции были? А зачем вы сейчас эти тетради с собой носите?

— Подруга… поступила… и попросила принести… записи… её Алёна зовут.

— «Было два жанра: роман и не роман», «Илье Муромцу некогда любовью заниматься». О… ладно, забирайте ваши тетради. Что вы там про to used to говорили?

— Ты домашку сделал?

— Нееееет… у меня времени не было.

— Поклонницы одолевают? — зачем-то спросила Эля и почувствовала, что краснеет. Отвернулась к окну, за которым уже привычно качались голые ветки берёзы, а вдалеке за полем бесконечным потоком ехали машины.

Стёпа хмыкнул.

— С чего вы взяли?

— Я твою страницу в контакте видела.

Эля вернулась за стол и села рядом со Стёпой. Резинка, сдерживающая длинные волосы в тугом хвосте, который, как казалось Эльвире, придаёт ей преподавательский вид, до боли стягивала кожу на голове. Эля оглянулась на закрытую входную дверь и медленно стянула резинку с волос. Вздохнула с облегчением, почувствовав привычное прикосновение волос на шее и щеке.

— А песню выучил?

— Конечно!

— Давай петь.

— Не буду я петь. Я вам её речитативом прочитаю.

— Какую следующую возьмём? Давай Скорпов. Про Парк Горького. Там говорится о 1991 годе, когда все верили в то, что наступят новые светлые времена.

— Но они же наступили.

— Ты думаешь? Do you really think so?

— I don't know. I wasn't even born in 1991 yet.

— Your English isn't that bad at all by the way.
— Thank you!

Эля взглянула на часы, наконец закрыла учебник и откинулась на стуле, нечаянно задев локтем Стёпину руку. Вздрогнув, отдёрнула руку и перешла на русский. Оставалось всего несколько секунд до конца урока, но материал уже был весь пройден, а спускаться вниз и ехать в общежитие не очень-то и хотелось.

— Знаешь, что такое офени?
— Нет, а что это? — Стёпа же свою руку так и не убрал, и даже подвинулся ещё ближе.
— Я тут долго пыталась выучить фразу, услышанную на диалектологии. Пример речи офеней 19 века: «Взю бывает и один, и ко́кур, а Екой — всегда взю».
— Чего?
— Гугл в помощь.
— Но вы же преподаватель, вы всё и объяснять должны.
— Тесто.
— Что?
— Тут смешная история в общаге случилась вчера.
— Вы в общаге живёте?

Эля покраснела.

— Д-да… Жила, пока училась. Теперь живу как сотрудник института. Там весело…
— Да ладно? Весело?
— Слушай… Ночью, часа в три, меня разбудил звонок сотового. «Спаси!» — орала Алёна в трубку. «Алён, ночь… ты чё? Пьяная?» — «Нет! Я трезвая! Просто — спаси!» — «От чего?!» Дальше — ответ, который до сих пор повергает меня в шок. «От теста! Тесто, оно ведь, зараза, всемогуще!» Молчание… «Элька, помоги! Оно лезет и лезет из кастрюли!» — «Может, ты его вилочкой, ножичком…» — «Идея!» Пять часов утра. Мне снится всемогущее тесто. Звонок. «Спасибо, Эля! Я его закрыла и колготками обмотала!»
— И что?
— Ничего. Смешно.
— А…
— Алёна на какой-то концерт меня сегодня зовёт.
— Везёт. Хотите. я вам песню сыграю? Вчера её разучил? Ну. Пожалуйста! Урок ведь уже закончился.

Эля пожала плечами. Стёпа радостно подскочил к стене, у которой стояли его электрогитары, схватил одну из них и сел на стол прямо напротив Эльвиры. Стёпа взял первый аккорд и запел «Nothing Else Matters». Играл он намного лучше, чем пел. Но пел как-то… проникновенно, что ли. Да и вообще, казалось, что он пел только для неё, а не просто для того, что похвастаться, и ему важно, чтобы именно она его слушала.

Эля почувствовала, что не может, никак не может произнести следующую фразу.

— А ты хотел бы пойти?
— Куда? — Стёпа перестал играть.
— На концерт, — Эля опустила голову.
— Меня не отпустят, я же говорил. Я раздолбай.

Эля хихикнула.

— Хотя с вами, может, и отпустят. Вы же вся такая со всех сторон положительная.
— Это плохо?
— Да не… наоборот… щас спрошу. *Мааааам!* — заорал Стёпа так, что Элю чуть не сдуло со стула. — *Маааам!*
— Может, хотя бы дверь открыть?..
— *Можно мне с Элей сегодня пойти на концерт???*
— Какой? — глухо раздалось откуда-то сверху.
— Какой концерт-то? — обернулся Стёпа.
— Классический какой-то, в консерваторию.
— *В консерваторию!!!*
— Сейчас спущусь! — откликнулась Анна и уже через мгновение открыла дверь. Она пристально посмотрела на Элю, затем поправила волосы. Ногти были покрашены в ярко-оранжевый цвет и коротко обрезаны. Ещё два часа назад руль машины крутили пальцы с красным маникюром. — Так что это за концерт?
— Меня… подруга пригласила. Там будет скрипичный квартет, в котором играет её парень… ну… не парень… не знаю… и известный пианист.
— И Стёпе это интересно?
— Ну маааaам… Я хочу подышать свежим воздухом.
— В Москве-то? Ну хоть в кафе зайдите тогда.
— Ты денег дашь?
— Ты лучше на работу устройся.
— Куда я устроюсь в свои шестнадцать???
— Промышленный альпинизм — это для тебя!
— Ты меня совсем за личность не считаешь!
— Для меня труп — это не личность, а в тебе я ещё не определилась.
— *Мам!*
— Вот я пошутила, а вы не смеётесь.
— Где у тебя кнопка выключения, а? — Стёпа тяжело вздохнул и гневно сверкнул глазами.
— Я же не преподаватель, у меня её нет. Извините, Эльвира. Студенческая шутка. Вырвалось. Собирайтесь, а то опоздаете, сейчас даже в нашей деревне пробки.

Анна исчезла в дверях, а Стёпа тяжело вздохнул и вдруг начал расстёгивать джинсы. Ещё до того, как Эля поняла, что происходит, Стёпа стоял перед ней в одних облегающих трусах, а она не могла оторвать взгляд от его загоревших ног.

— Может, вы хоть отвернётесь? — спросил Стёпа и вытащил из-под кровати брюки.
— А? — отозвалась Эля и начала собирать учебники со стола, чувствуя, как кровь отливает от её лица.

Стёпа оделся быстро, правда, половину этого времени крутился перед зеркалом и поправлял то брюки, то волосы.

— Степан, вы прекрасны. А в консерватории всё равно будет темно. — Сказала Эля, уже стоявшая на первом этаже в тёплой куртке и шапке.

Глава VI

Стёпа, на удивление, вёл себя очень галантно, даже руку подавал при выходе из метро. Моросил дождь, и в городе было очень мокро.
— У нас ещё время есть… давай пройдёмся?— Эля не очень понимала, где находится консерватория, поэтому решила следовать Алёниным инструкциям, то есть идти от института.

Тверской бульвар залило дождём, и он весь сверкал от падающих брызг под светом фонарей и фар. Эля шла рядом со Стёпой и понимала, что безнадёжно влюбляется в этот город. Она будто чувствовала, что держит невидимую нитку, ведущую её в правильном направлении. Нужно просто расслабиться и следовать за ней, принимая подарки судьбы.

— У тебя очень хорошая семья,— наконец, проговорила Эля.
— Да. Подфартило так подфартило. Я не спорю. А как вы язык выучили так хорошо?
— Ну… ботанила много. По мне незаметно?
— Нет. Если скажу «немного», вы обидитесь, да?
— А ты умнее своих сверстников.
— Да ладно?— Стёпа удивлённо посмотрел на неё.— Мне скоро семнадцать, а я всё ещё в десятом классе. Мои одногодки давным-давно в университетах учатся, кто в Ёбурге, кто в Калифорнии, а я дома сижу… с бесконечными репетиторами… не обижайтесь только. У меня испанский ещё, плюс математика. Может быть, и русский язык будет. Каждый вечер по репетитору.

Эля хмыкнула. Они прошли памятник Есенину.

— Кстати, с отцом мы постоянно ссоримся в последнее время.
— Девушку найди, и сразу станешь меньше ссориться с отцом.
— Да ну, наоборот. И с мамой боюсь на темы общаться.
— На какие темы?
— Да на любые… она сразу взрывается и орёт.

Эля поёжилась.

— И школу свою ненавижу. Я мог бы и учиться в ней, но это же капец какой-то… Я ненавижу своих одноклассников, и одношкольников, и завуча. Они такие мудаки все. Я иногда появляюсь на занятиях, типа… контрольные сдать там… Они не хотят воспринимать элементарные факты. Сегодня к нам приходили из что-то типа познавательной науки и рассказывали про курение. Тётка, которая рассказывала, говорила, что курение вызывает отложение холестерина из-за табака. Блин. Холестерин только в животном жире есть. Плюс. Потом она сказала, что все сигареты вредны, и электронные тоже. В них, конечно, ничего полезного нет, но она сказала, что никотин содержит смолу!

Эля снова поёжилась. Без зонтика усиливающийся дождь уже заливался за ворот куртки.

— И все такие «да-да, всё так!» Бесят они меня, тупые мрази! Вы правы… мне нужно почаще выбираться из дома…
— Ну вот!— Эля показала на качающиеся деревья вдоль бульвара.— Красота такая!
— Да… А про родичей-то что… Мама тут убралась у меня в комнате. Все мои учебники пропали. Все тетради пропали. Еле нашёл. Вот. А папа из принципа хотел мне стол переставить.

Эля улыбнулась и покачала головой. Хорошо, что Стёпа этого не заметил.

— Стёп, ну не моё это дело, но тебе не кажется, что тебе пора уже самостоятельно комнату в порядке держать?
— На это у нас есть Глория. Она деньги за это получает.
— Откуда она?
— Филиппинка.
— А…— протянула Эля и повернула к Итар-Тассу.
— Да отцу просто хотелось что-нибудь подвигать! Мама потом сказала, что всё было не на своих местах, хотя, наоборот, всё было на своих местах! Даже в собственной комнате у меня нет личного пространства! Я убираюсь в комнате! Глория там только пыль протирает. Вот вы же приходили, так же было чисто? Только честно!
— Да,— улыбнулась Эля и оглядела перекрёсток. И в какой из этих переулков нужно свернуть?
— Одно дело бардак, а другое дело— рабочий стол! Там куча важных вещей была, я прихожу, а он *пуст!* Ну да, книжки я положил на пол, а мама их убрала.
— Ужас,— хихикнула Эля.
— Вы смеётесь?

Наткнувшись на Стёпин взгляд, Эля постаралась сделать серьёзное лицо.

— Нееет, что ты… А ты куда поступать хочешь?
— В МИФИ. Там круто. Там у меня друг учится. А я вчера открыл в себе талант к физике.
— Да ну? Мы пришли, кстати.
— О, Чайковский. Привет.

Концерт был чудесным, но Эля засыпала. Утренняя работа на кафедре, лекции, лица профессоров, Стёпа, Глория, мокрый бульвар… всё крутилось у неё перед глазами. Звуки скрипок и пианино влетали в голову и закручивались там, танцевали, причиняя настоящую, физическую боль.

— Эй… Ну ты даёшь!

Эля с трудом приоткрыла глаза, зал и люди летали вокруг ещё с большей скоростью, чем на концерте. Рядом с ней стояла Алёна с небольшим букетом цветов, и она была сама на себя не похожа.

— Ой,— прошептала Эля и подняла голову с плеча… с плеча… со Стёпиного плеча… кошмар.
— Вы храпели,— хихикнул Стёпа.— Причём на весь зал!

Кошмар. Эля вскочила со стула и пошла куда-то к выходу. Голова кружилась.

— Солнце, я тебя домой не пущу. Сейчас я буду тебя приводить в чувство.
— В чувство? — Эля обернулась к Алёне. — Мне так стыдно… не надо было соглашаться…
— Забей. Пойдём. Это кто? Ты кто?
— Меня зовут Степан. Приятно познакомиться.
— Вежливый. Молодец. Когда ты успела парня подцепить? — Алёна взяла Элю под руку.
— Это…
— Меня Алёна зовут. Ты с нами?

Они вошли в какой-то дом на Тверской, долго ехали в лифте и оказались на последнем этаже. Когда дверь наконец-то открылась, на Элю обрушились звуки живой музыки, гул многочисленных голосов и спёртый горячий воздух.

— Привет! — поздоровалась Алёна, улыбнувшись незнакомой молоденькой девочке, открывшей дверь, и прошла вовнутрь. Наконец Эля поняла, что именно её смутило в подруге — её новый цвет волос. Сегодня Алёна была рыжей.
— Кто это? — прошептала Эля.
— Не знаю… тут каждый раз новая дверь открывает.

Алёна гордо прошла в дальнюю комнату, бросила на кресло свою куртку и подошла к окну. Казалось, она чувствовала себя здесь как рыба в воде. Из окна был виден Кремль.

— Знакомьтесь, ребята. Это — Эдик.

Рядом с ней стоял невысокий полный парень в запотевших очках. Эля со Стёпой украдкой переглянулись, а Алёна поцеловала Эдика в щёку.

— Эльвире очень понравилось, как ты сегодня играл. Правда, Эльвира?

Эля кивнула и, схватив Стёпу под руку, увела его в другую комнату.

— Не убегай, солнце! На вот. Полегчает.

Алёна вновь оказалась рядом и протянула бокал вина.

— Белое, сладкое… мне кажется, ты только такое и любишь.
— Я вообще не пью.
— Так хоть для приличия возьми!
— Откуда ты этого Эдика вообще выкопала? Тебе он правда нравится?! — воскликнула Эля.
— Тшшш… Да ладно тебе… Сама вон со школьником на вечеринку заявилась. Смысл-то в чём?
— Он хороший.
— Он маленький!
— Мне столько же!
— Ты — студентка. Он — школьник. Даже не думай. Тебе нужен кто-то… кто-то… вон видишь? В углу Артемий Троицкий сидит, иди, познакомься.
— С ума сошла? Отстань…
— Тогда пойдём, послушаем музыку. Я здесь сама толком ещё никого не знаю. Третий раз сюда прихожу, потому что Эдику нужно связи заводить среди музыкальной среды.
— А тебе-то это зачем?

Алёна пожала плечами, сделала глоток вина, села на пол и прислонилась спиной к роялю. Эля села рядом с ней, оглянулась в поисках Стёпы. Он болтал с кем-то в соседней комнате.

— А разве у классических музыкантов бывают такие квартиры? — тихо спросила Эля. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Нужно было ехать в общагу до её закрытия, готовиться к завтрашнему семинару… да ещё и в расчёте часов нашли много ошибок, поэтому нужно было их как-то исправлять.
— Ему от отца досталось, неважно. Смотри.

Под аплодисменты находившихся в комнате людей к огромному роялю, у которого сидели девушки, подошла статная женщина. Она взмахнула чёрными кудрями, села на невысокий стул, заиграла, а затем и запела.

— Она же не по-русски поёт? — удивилась Эля и толкнула плечом Алёну.
— Ну… она же Гвердцители, наверное, на грузинском. Вроде у неё скоро новая программа в Крокусе.
— Откуда… — Эля покачала головой и заслушалась.

Всё это казалось слишком невероятным. И этот поздний вечер, и поющая в метре от неё известная певица, которую обожает Элина мать, и это движение рояля, которое чувствовала Эля спиной, и белое вино. Эля закрыла глаза и поняла, что наконец-то ей хоть немного удаётся расслабиться.

После Гвердцители на середину комнаты вышел гитарист, которого публике представил Троицкий, и тоже начал играть что-то испанское, прекрасное и явно авторское.

— Спасибо тебе огромное… — сказала Эля и обняла Алёну. — И за помощь с итальянским, и за Стёпу, и за это… Ты как настоящий ангел-хранитель…
— Не придумывай…
— Мне, наверное, пора… Общага закрывается в полночь…

Алёна пожала плечами и помогла Эле встать с пола. Они осторожно выскользнули из комнаты, чтобы не мешать гитаристу, и подошли к Стёпе.

— Да вы не бойтесь так насчёт общаги. Мама пишет, чтобы вы к нам в гости приезжали. Она нас ужином накормит. Ну как?

Алёна приподняла одну бровь и, чмокнув Элю в щёку, убежала с Эдиком.

— Мне кажется, это не очень прилично… — сказала наконец Эля, уже и не надеясь, что этот день когда-нибудь кончится.
— Ой, да бросьте! Здесь было круто. Спасибо вам! Скоро метро закроется, нужно торопиться.
— Я люблю Лит… — сказала Эля, откинувшись на диване и положив ноги на стул. — Он наполнен мифами, легендами, сумасшедшими историями…

— Например? — Стёпа тоже сел рядом, волосы в разные стороны, на широких плечах — мокрое полотенце.
— Например… Рассказывают, что однажды один студент-грузин пошёл и покрасил ботинки статуи Герцена ваксой.
— Герцен?
— Памятник такой… Во дворе стоит.
— А… Вы чай ещё будете?
— Тащи.

Стёпа легко соскочил с дивана и пулей вылетел из комнаты.

Элю «поселили» в гостевой напротив Стёпиной комнаты. На этаже был и огромный туалет с ванной. Анна «выдала» Эльвире большое полотенце, а Стёпа — смешную футболку с изображением Доктора Хауса.

Стёпа вернулся и плюхнулся рядом и протянул кружку Эле, разлив половину по полу.
— Зелёный без сахара, как вы любите.

Эля почувствовала, что краснеет. Этого только не хватает.
— Нужно пол вытереть.
— Ща сделаю, — Стёпа вытащил из шкафа небольшое полотенце и бросил его на пол. Поводил тудасюда ногой и, смяв полотенце в клубок, кинул в ванную комнату через весь коридор. Эля заметила, что полотенце упало прямиком в корзину с грязными вещами.
— А ещё легенды?
— Что? Ну… Одна девочка, поступив к нам в Лит, мыла Герцену ботинки каждый месяц. Говорят, на пятом этаже жил Николай Рубцов. Мы решили, что в 505-й комнате.
— Почему?
— Потому что я там жила на абитуре. И опять же, считается, что он там себя убил.
— Круто.
— Да уж… Раньше в общаговских коридорах стояли телевизоры и студенты жили по одному. А теперь вот у меня ещё две соседки. А комната… наверное… меньше, чем эта. И туалет общий на всё крыло.

Стёпа странно посмотрел на Элю.
— Из ободранной деревянной плитки в холодную зиму бедные и замёрзшие студенты жгли костры в комнатах, после чего в общаге поставили противопожарную сигнализацию. Так много всего… с ходу и не вспомнишь…
— А вам там нравится, я вижу.
— Да… Тяжело только… — Эля оглянулась по сторонам. На столе лежала груда учебников по математике. Странная красная лампа тускло освещала комнату, и Стёпина кожа казалась ещё темнее, чем обычно. — Я тут сидела на кафедре, готовилась к семинару по античке и вдруг начала плакать над книгой. Профессор спросил, что со мной. А я: «Он умер…». «Кто?» — спрашивает профессор. «Поэт» — отвечаю. «Когда? Вчера?» — спрашивает профессор. «Нет», — говорю. — «В 621 веке до нашей эры…»
— Ну… ладно. — Хмыкнул Стёпа. — Мне завтра в школу рано. А уже почти три часа ночи. И мне ещё пресс нужно покачать. И 50 отжиманий.
— А мне… завтра в свою школу.
— Спокойной ночи?
— Спокойной ночи, Стёпа.

Глава VII

— There is this girl
I think is so fine.
There is this girl
That I want to be fully mine.
There is this girl
Who's beauty cannot be described!
Elya, will you be mine?

Эля, что ты думаешь о моём первом стихотворении? — Саймон радостно и немного стесняясь, спросил по телефону.

А она, обхватив колени, сидела на полу комнаты и тёрлась щекой об обнажённое плечо. А Саймон продолжал говорить:
— Пожалуйста, будь осторожна! Я никогда и никого не любил так сильно, как тебя. И не забудь, что я прилетаю на следующей неделе!
— Как твоя семья поживает?
— Моя семья поживает, как всегда, отлично, она хочет тебя встретить и хочет, чтобы ты стала её частью. Моя мама тут в трубку кричит «привет», слышишь? Мам, не мешай, прошу тебя! Брат купил акции одной фирмы, думаю, скоро войдёт в кабинет директоров. Эля, я не могу дождаться, чтобы увидеть тебя снова.
— Саймон, мне так грустно по вечерам.
— Что ты делаешь?
— Сижу на полу в комнате. Пью горячее молоко с мёдом.
— Во что ты одета?
— На мне… растянутая большая футболка и грязные шорты. И я неумытая.

Саймон рассмеялся за тысячи километров от неё.
— Эльвира, ты любишь детей?

Приехали. Эля кинула карандашом в цветочный горшок, не попала, и решила признаться.
— Я не знаю, Саймон. Я люблю детей, но… Не рановато ли о таком говорить вообще?
— Мммм, — протянул Саймон. — Я с тобой согласен. Не раньше тридцати. По рукам?

Эля взяла с кровати большого плюшевого медведя, которого ей подарил очень давно отец, зажала его между ног и положила телефон ему на голову.
— Ты любишь людей? — спросил Саймон.
— Да.

— А я люблю животных больше, чем людей. Хочу уехать на годик на отцовский остров и пожить на ферме.

Эля даже не стала переспрашивать об острове.

— Расскажи мне о своей семье!

Саймон сказал что-то в сторону, быстро, и Эля поняла, как он старается медленно с ней разговаривать, чтобы она всё понимала.

— Моя бабушка дружит с нашей королевой, живёт в центре. Мы в пригороде. Всё.

— Всё?—разочарованно заныла Эля.

— А что ты хочешь? Приедешь—сама увидишь. Но моя бабушка—это мой идеал.

— Почему?

— Потому что я тоже хочу дожить до восьмидесяти лет, танцевать на званых вечерах, по утрам ездить на пикник в лес на собственном велосипеде. А ты?

Эля приоткрыла дверь и посмотрела на свою бабушку. Бабушка сидела в старом кресле, которое собственноручно обшила на прошлой неделе, вязала тёплые носки для внуков. Смотрела вечернюю музыкальную передачу, в которой пела одна и та же отвратительная попса. Каждый вечер одна и та же. Пенсия две с половиной тысячи. Миллионы болячек. Десятки операций на сердце. Старое пальто. И её подруги ждут, когда же к пенсии прибавят ещё хотя бы сто рублей.

«Хочу ли я такой старости, которую предоставляет русскому человеку наша великая страна?»

И при этом бабушка—самый оптимистичный на свете человек. Но какие же усилия требуются для того, чтобы так радоваться каждой минуте и ждать полного одиночества?

— Сладких снов!

— Саймон…—прошептала Эля,—Саймон… Спаси меня…

— Что ты говоришь?—переспросили на другом конце провода.

— Ты до сих пор хочешь выучить русский? Может, тебе помочь? Индивидуальные уроки по телефону! Как тебе?

— Да!

— Dame, dame dame dame todo el power, para que te demos en la madre!

— Что?

— Звони завтра! Пока!

Как хорошо было бы тихо собраться утром и тихо выскользнуть из этого большого чужого дома, в котором Эле почему-то пришлось провести целую ночь. Она почти не спала. Слушала завывающий и такой близкий ветер на улице. Странно было засыпать без дикого гула машин под окнами. Эля слышала, как ворчала во дворе собака, как кто-то ходил по первому этажу и открывал холодильник. Наверное, у Стёпы проснулся ночной жор. Что такое бывает у парней, Эля теперь знала очень хорошо. Соседи в общаге каждую ночь просыпались ровно в четыре утра (притом что переставали орать друг на друга только часа в два ночи) и, открыв холодильник, снова орали. Эля с соседками стучали по стене, парни начинали барабанить по батареям, на «зов» приходили соседи снизу, затем просыпались соседи напротив—и больше в общаге не спал никто.

«Вот и воспользовалась бы случаем!»—проворчала Эля и, вырубившись минут на десять, подскочила от звона будильника в 6 утра.

Она нежилась на мягкой подушке, не видевшей десяток, а то и всю сотню, неизвестных абитуриентских и студенческих голов. Гладила воздушное одеяло, так не похожее на тот ссохшийся коврик, который ей выдали в общаге. Правда, с туалетом здесь была всё та же проблема. Очередь.

Стёпа долбился в дверь и орал, чтобы Егор поскорее вылезал наружу. Егор орал, чтобы его оставили в туалете в покое. Бабушка кричала, что мальчики уже перебудили весь дом. Сестрёнка плакала где-то внизу. Эля натянула футболку пониже и проверила, на месте ли полотенце, которое она повязала на талию.

— Здрасти,—сонно буркнул Стёпа и стукнул дверь пяткой.—Эльвира тоже хочет в туалет!!!

Эля покраснела и скрылась в комнате. Нужно было срочно одеться. Неприлично щеголять перед учеником в одном полотенце. Хотя сам Стёпа по привычке ничего, кроме трусов, и не надел, он-то находится дома, а она…

— *Завтрак!!!*—крикнула снизу бабушка.

«Вот Гамлет, окажись он в такой ситуации… а он в ней и оказался»,—почему-то вспомнилось Эле.

— Смотрите!—Стёпа вдруг оказался в дверном проёме Элиной комнаты и провёл рукой по голому животу.—У меня кубики появились! Не зря я качаюсь!

«Отвернись, дура!»—кричала она про себя и всё равно продолжала смотреть на Стёпин живот.

— Э… Ну да…—промямлила наконец она и попыталась пройти в туалет, придерживая полотенце на бёдрах, но Стёпа схватил её руку и положил её себе на живот.

— Ну как! Чувствуете? Правда же, появились?

Эля пискнула про себя что-то и залетела в туалет, захлопнув за собой дверь.

Когда Эля спустилась вниз, на кухню, там была только Глория, невысокая темнокожая девушка. Она приветливо махнула рукой.

— Good morning!

— Good morning, Gloria!

С Глорией ещё ей не приходилось сталкиваться так близко и наедине. Эля знала, что Глория живёт в подвале, напротив прачечной и сауны и рядом с рабочим кабинетом Стёпиного отца. Там, где, как говорит Стёпа, самый лучший вай-фай. Глория вела себя совершенно незаметно, Эльвира только замечала, как исчезает грязная посуда или пол сам по себе становится чистым после того, как

мальчики пробежали по первому этажу в грязных ботинках.
— Ты хочешь завтрак?—спросила Глория по-русски и улыбнулась.
— Ты говоришь по-русски?
— И немного понимаю.
— Но ведь все думают, что ты…
— Да! Я плохо говорю по-русски.
— Мне кажется, иногда лучше не понимать то, о чём другие говорят.

Эльвира присела рядом с окном на стул.
— А что есть на завтрак?
— Всё есть на завтрак. Яичница, гречка, сосиски. Даже красная икра. Хочешь красная икра?
— Хочу. Ты же улетала куда-то? Стёпа говорил, что без тебя дом погрузился во мрак.
— Просто много пыли.

Глория подала Эльвире тарелку с яичницей и двумя сосиками.
— Ты скучаешь по дому?—вдруг спросила Эля и поперхнулась.

Глория впервые посмотрела ей в глаза.
— У меня дома дети. Два мальчика. Пять лет и два с половиной.
— Они…—Эля поняла, что не сможет теперь ничего съесть.
— Они с мамой. Моей мамой. А я отсылаю им деньги. Я очень по ним скучаю. Смотрю на Егора и скучаю по своему сыну.

Анна молча вела машину, спрятавшись от хмурого неба за тёмными очками.
— Ну что за погода, дождь и дождь,—наконец, хмыкнула она и надавила на тормоз.—Ну что это за пробка? Ещё рано для пробок!

Эльвира вежливо улыбнулась и сжала руки под сумкой.
— Вот раньше, когда мы жили на Урале и у нас совсем-пресовсем не было денег, у нас хотя бы было солнце. А теперь сплошной мрак.
— На Урале?—переспросила Эля.
— Да. Я сама из Иркутска, а потом мы переехали. И моим родителям было всегда плевать, где я и что я делаю. Я полы мыла в детстве для того, чтобы себе репетиторов перед поступлением оплачивать, а Стёпа… Стёпа вообще что-нибудь учит?

Эля откашлялась. Что сказать? Сказать, что заставляет трогать свой живот и не делает домашние задания, зато начал хоть немного интересоваться английским языком в целом? А вдруг это плохо? Или ответить, что Стёпа исправно всё учит и соврать? Стёпа ведь такой Стёпа. Зачем ему что-то учить, когда у него есть всё?
— Да,—кивнула головой Эля.
— Я люблю языки. Всегда хотела выучить итальянский. И французский. Может быть, ещё испанский. Но никогда не было времени и сил. Я занялась языками тогда, когда родила Егорку. Вы знаете, Эльвира, когда выходишь из-под наркоза, лучший способ вновь почувствовать себя живой—это начать учить какой-нибудь язык.

Она несколько минут вела машину молча.
— Вам домой нужно одеяло? Или хорошая подушка? У нас есть лишние.
— Ну…—Эля не знала, что ответить. Честно сказать, что спит на полу, так как в комнату положено всего две койки, а их поселили втроём? Или что спать на полу на старых жёлтых матрасах всё же удобнее, чем на койках?—Спасибо.
— Да вы не стесняйтесь! Когда мы в первый год приехали в Москву на Жигулях, у меня был маленький Стёпа в руках и сумка с детскими вещами. Всё. Я три года на полу спала. И питалась в Ашане супчиками за 6 рублей.

Эльвира недоверчиво посмотрела на своего работодателя.
— Не верите? Ну и зря. Всегда нужно с оптимизмом смотреть в будущее. А когда вас бьют, снова и снова подниматься. Это же какой-то спортсмен сказал, вроде?
— Вроде,—эхом откликнулась Эльвира.
— Поэтому не отказывайтесь от подарков.
— Хорошо.—Эля покорно кивнула и улыбнулась про себя. Неужели скоро она перестанет чихать от вековой писательской пыли, каждый вечер ложась спать?
— А что вы заканчивали?—спросила Эля и замолчала. А вдруг зря спросила?
— Я?—Анна усмехнулась.—Не поверите, но моё первое образование—это домра. В колледже искусств. Да, я играла на домре.
— Это здорово.
— Ой, да бросьте. Затем я училась в педе на преподавателя русского языка и литературы. А сейчас у меня два ребёнка и Стёпа, который вообще учиться не хочет.
— Он будет учиться.
— Он из окон выпрыгивает при виде преподавателей!
— Вот уже несколько уроков не выпрыгивал.
— Это ненадолго…—вздохнула Анна и надела тёмные очки.—Вот увидите.

Через полтора часа Эля осторожно перешагнула порог «Старбакса» и вздрогнула от громкого «здравствуйте»! Она кивнула в ответ и медленно подошла к витрине. Сказать, что она *никогда* не была в настоящем кафе—совсем ничего не сказать. Пить кофе по утрам в центре Москвы? Это ли не классика жанра? Некоторые однокурсницы уже сбивались кучками для того, чтобы перед занятиями (а иногда и вместо них) выпить кофе в «Макдаке» или в итальянском кафе около института, изображая из себя героинь сериала. Другие же устраивались в кафе работать официантками. А Эле никогда—никогда даже мысль в голову не приходила, что можно потратить 300! рублей на какой-то кофе. Но до занятий деваться было

некуда. На кафедру идти не хотелось. А карман жгли первые заработанные деньги.

Эля зашла в первый попавшийся магазин и осторожно провела рукой по платьям. Таким разноцветным, таким манящим, удивительным. Если бы вместо этих однообразных джинс Эля бы надела хоть раз новое красивое платье… например это, с огромными синими цветами по подолу, или то, чёрное с глубоким вырезом впереди. Как тогда приезжать к Стёпе на занятия? С таким-то вырезом? Никак. Жаль. Придётся брать что-то поскромнее.

Зелёное и расклёшенное прямо от груди? В этническом стиле с тесьмой по рукавам? Строгое коричневое? Может быть, хоть в нём она будет выглядеть немного старше?

Эля держала в руках стаканчик с латте гранде и с восторгом смотрела на одежду вокруг. Неужели теперь она могла себе позволить и лишнюю пару джинсов? И кофе почти за 300 рублей?..

Нет, конечно, она мыла пол в маминой библиотеке. И помогала бабушке продавать овощи с огорода на рынке в городе, куда они ездили с тяжёлыми сумками на автобусе. За день работы они получали эти самые 300 рублей. 300 рублей работы на родине. 300 рублей за кружку кофе в Старбаксе. Элю передёрнуло. Ей до боли стало жаль и бабушку, и маму, оставшихся совсем одних в посёлке. И шум Терека, и высокую гору, у подножия которой стоит их дом, и воспоминания о детстве.

Эля уткнулась в кофе носом.

Мама говорила, что Эля всегда может вернуться домой.

Но что-то внутри подсказывало, что не вернётся она обратно… И одна страница её жизни безвозвратно потеряна…

— Чёрт! — вдруг пробормотала Эля, взглянув на часы. — Чёрт-чёрт-чёрт!

Схватив покрепче стаканчик с недопитым кофе, она вылетела из кафе и побежала по Тверской к институту. Быстрее, быстрее. Как же она могла забыть?

Неожиданное солнце светило так ярко, Эля и забыла уже, как давно она не видела в Москве солнца, что впервые ей захотелось купить тёмные очки. Но вместо этого она замедлила бег и подставила лицо солнцу, пытаясь впитать в себя его тепло. Сквозь однообразный гул машин Эля даже разобрала пение какой-то птицы, сидящей на дереве на Тверском бульваре. Радужно сияла мокрая брусчатка. Бомж у метро раскладывал картонки, чтобы потом целый день на них играть. Эля приметила его ещё в сентябре, тогда он выглядел как симпатичная и немного потрёпанная жизнью рок-звезда. Длинные кудрявые волосы, две серёжки в левом ухе, татуировка во всю руку. И играл он классно. Это нужно иметь настоящий талант, чтобы *так* барабанить по картонкам. В день, когда Эля устроилась на работу методистом, музыкант уже не барабанил, а обнимался с какой-то жуткой тёткой с синяком под глазом. Когда Эля первый раз бежала из института на Киевский вокзал, чтобы уехать к Стёпе, этот человек с грязным уже лицом дрался у метро с другим грязным бомжом. Сейчас, когда Эля шла в институт, неся в руке стаканчик с кофе за 300 рублей, после ночи, проведённой у рояля в квартире с видом на Кремль, бомж, в котором уже с трудом можно было узнать музыканта, ползал на коленях по тротуару и собирал картонки в одну кучу.

Элю передёрнуло, она отвернулась от него и побежала дальше.

— А вот и она! — улыбнулась Алёна и чихнула. — Я думала, не придёшь уже. Домашку сделала?

Эля поставила кофе на столик и протянула листики.

— Не, проверять я не буду… я ж тебе не препод.

— А кто ты? — улыбнулась Эля. — Препод и есть. Меня вот учишь.

— «И вот верблюд, слава те господи, из норы выбрался… Но уже без ушей…» — проговорила Алёна и открыла учебник.

— Я бы добавила, что ты — самый классный препод из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться.

— Спасибо! Мы — вымирающая цивилизация… Я — последний из эльфов!

Они сидели в небольшой аудитории, освещённой утренним солнцем.

— О, чудо-юдо! Красою посрамил верблюда. Чё-то меня сегодня колбасит и на верблюдов тянет. Глаголы выучила? Молодец… Все были бы такими хорошими учениками…

Алёна села рядом. Солнце упало на её волосы, и те стали золотыми, как и всё вокруг.

Эля зажмурилась. Эля продолжала влюбляться в Москву, в эти старинные стены, в деревянные парты, в портреты неизвестных ей советских писателей на стенах, в Алёну, объясняющую ей очередное правило итальянского языка, в кофе по утрам, в мокрые бульвары, в шелест голых деревьев за окном, в одинокие жёлтые листочки в ветвях, в скамейки во дворе и в солнце, освещающее одновременно Алёнины и мамины волосы. И саму маму, там, очень далеко, одиноко идущую на работу в библиотеку.

Глава VIII

Летнее солнце сквозь окна светило так, будто золотые монеты переливались в прозрачной воде. Бабушка сидела в своём любимом кресле с бахромой, ела борщ и смотрела какую-то мыльную бразильскую оперу по телевизору. Оторвалась на минуту.

— Меня так возбуждает, как ты разговариваешь с Мэнсоном…

— Саймоном, бабушка!

— Один леший… У тебя ещё хотеняшки не выскочили?
— Кто не выскочили?
— Хотеняшки, прыщи то есть, мы их так в детстве называли! Говорили: если они выскочили, то ты в кого-то влюбилась.
— Бабушка…
— Ты так со своим Эльясом так и общаешься?
— Общаюсь.
— Зачем? Тебе Мэнсон звонит, а ты—Эльяс… заладила… Бросит тебя твой Эльяс! Помяни моё слово! И не за твоё общение с Мэнсоном.
— Саймоном, бабушка!
— Один леший. Просто так бросит! В тебе слишком свободы много, мужики таких не любят. Тем более всякие Эльясы. Ты у нас слишком современная.
— Мне кажется, что у Эльяса кто-то появился…
— А разве у вас с ним всё настолько серьёзно?
— Да нет… Просто он не даст мне в Москву уехать.
— Так он же вроде сам там учится? А почему ты должна его спрашивать? Он же вроде жениться не предлагал. Уезжай. Нет, милая… Если хочешь сохранить для себя мужика, запомни два правила. Первое—даже если что-то подозреваешь, никогда не заявляйся и не проверяй. Нарвёшься на любовницу—конец вашим отношениям. А так—может, перебесится и вернётся. Это на будущее. А второе—приезжаешь и сразу его в постель тащишь. И мучаешь сексом, тьфу ты, слово какое, пока он сам не отвалится… Поняла? И чтоб он после тебя на других женщин и смотреть боялся! Чтоб сил у него на других не оставалось! А сегодня—прижми задницу потуже и сиди покрепче! Не бегай ты к нему… Вдруг Мэнсон позвонит… И перестань общаться с Эльясом. Он молодец против овец, а против молодца сам как овца…

Бабушка замолчала и демонстративно открыла газету. Эля молча села на диван.
— Я ж с ним и не общаюсь. Это он со мной общается.
— Значит, он всей деревне уже показал, что ты—его женщина. А его все боятся, и к тебе никто и никогда не подойдёт.
— Бабуль, что у нас можно поесть?
— Утром чай, в обед чаёк, вечером чаище, всё-то у нас с тобой перемена пищи…—бабушка не отрывалась от газеты.—Ты посмотри, опять кто-то заживо сварился в своей квартире, и к чему это написали? К подъёму цен ЖКХ?
— Я серьёзно!
— И я тоже… Кашку будешь? Есть гречка.
— Да ну… Всю жизнь всё плохо у нас…—Эля поморщилась и стала копаться в сумочке, чтобы раздобыть немного денег на шоколадку.
— Шелудивому поросёнку и в Петровке холодно…
— Бабуль, может, мне в Нальчик на филфак поступить… Что я в Москве буду делать?—Эля нашла двадцать рублей пятаками и шесть—десятикопеечным железом. Потянулась и уставилась на бабушку.
— А здесь ты что будешь делать? Что скисла? Мужика нет, так и сиськи на бок?—бабушка перелистнула газету, быстро оглядела рекламные объявления и наконец обратила внимание на внучку.

Эля скривилась, притянула подушку и положила на неё голову.
— У меня их целых два получается… И мне никто по-настоящему не нравится… Сложно быть шестнадцатилетней. Ты меня о таком не предупреждала… А то бы я передумала взрослеть.
— Ииииитить твою налево! Я ей про Фому, она мне про Ерёму.
— И работать преподавать в этой школе по вечерам. Всё равно это без толку. Что я их, за год научу смыслу жизни? А с кабардинцами что делать? Мальчики они умные, но грамматику русского языка не выучат—однозначно. Надоело работать…
— Работы—и завтра её не переделать, и послезавтра не переделать, а сегодня и приматься не стоит. Правильно я говорю? Тебя бы к нам в деревню, тебе бы понравилось, отдохнула бы, как я в молодости. И ведь от какой хорошей жизни в город сбежала, ты подумай! Завтрак сделаешь, коров подоишь, скотину в поля выпустишь—и отдыхаешь! А потом в поле поработаешь, в огороде пополешь—и снова отдыхаешь! Обед сделаешь, посуду помоешь, вечером коров встретишь, надоишь, попоишь, ужин сваришь на семью в двенадцать ртов, воды наносишь, дров нарубишь—и снова отдыхаешь! Ну а и эти, хобби по-вашему, у нас были—пошить, повышивать, бельё поштопать ночью. Целый день отдыхаешь! Вот жизнь! А ты жалуешься! В деревню тебя, в деревню, моя милая! Как мудро говорил твой отец—не нравится работать—иди на завод! Или в деревню тебя отправим, парубка на бульдозере тебе найдём. Живи—не горюй, только водку у него отымай! Не хочешь?
— Не хочу…—Эля грустно потянулась за лаком для ногтей и положила поудобнее ноги на табуретку.
— И в Москву свою не хочешь! Чего ж ты, дурёна, хочешь-то от жизни? Сидеть у окна и ждать принца на белом коне, который будет кидаться в окна цветами? А потом подарит тебе особняк в Шотландии? Так вот ты его и дождалась!
— Не знаю, он ли это. И не окажется ли этот пентхаус заброшенным замком с пустыми залами и развалившимися ступенями. И придётся мне самой каждый день сидеть над огнём и следить, чтобы он не потух. И Интернета там не будет.
— Ой, сердце закололо… За тебя… Мне иногда кажется, что вот ты—умная, красивая девка, а дурная, будто сглазил тебя кто. На Руси такое слово было—бедовая. И хотя есть в тебе эти осетинские-ингушские корни, подери твоего отца,

царство ему небесное, но всё-таки русская. Вот по-настоящему русская. Знаешь, когда я жила под Архангельском в молодости, после замужества, меня сглазили. Огляд наслали… Одна женщина… Я слегла, у меня кровь шла, покос был… И отказаться не могу, и идти страшно—до тошноты дурно. Стоит не появиться на покосе, и всё, бабы по деревне засмеют! Никто мне не верил, что я болею. «Притворяешься—лжёшь», и все слова… И я пошла. А вечером едва добрела до шалаша, упала, и чувствую, сейчас умру… Никому ни слова, цепляясь за деревья, потопала в лес. Приспичило—как в туалет—оглянулась, а там из меня что-то красное выпало, большое, волосатое… Как мышь…

— Баба! Что за ужас!—Эля чуть не выронила лак. Чертыхнулась и отставила его в сторону.

— Нет, ты слушай… Насилу меня до дома довезли. А потом шла мимо цыганка какая-то, все её от дворов гнали, а моя мама и говорит: денег, мол, дать не могу, а помочь чем… нет, *что* бог послал, всегда рады. Хотя тогда бога не вспоминали. И дала еды. А цыганка зашла в дом, увидела меня. Беда, говорит, умрёт она у вас. Потом села за стол, что-то шептала, у меня волос вырвала, что-то ещё делала, не помню уже, я в полуобмороке была… Потом что-то сварила… и говорит: теперь она пойдёт на поправку, только очень медленно…

Эля молчала.

— У нас тоже много ворожей в роду было. Один только дядька мой—посмешище одно. Когда мода на всю магию эту и религию началась,—одно от другого недалеко падает, всё на вере человеческой стоит,—он объявил себя провидцем и целителем. К нему с разных городов в Архангельск ехали! А он напьётся, набрешет что-то над человеком, деньги возьмёт и отправляет восвояси… Во какие люди! А ты говоришь—благодарность… Вера во что-то сверхъестественное всегда губит людей.

Эля посмотрела на икону, заставленную книгами по садоводству в шифоньере.

— Но ты же молишься.

— Я дома молюсь! За упокой деда. Я денег не ношу этим попам жирным, я не стою как оболваненная в очереди за чудом. Вера—моя вера, и ничья другая. Мне учителя не нужны. Учителя—это всегда плохо, хоть современные, хоть мёртвые и замученные.

В туалете института была отдельная комната с раковинами и большим столом, на котором все списывали домашнюю работу. Эля на переменке зашла туда и застала несколько человек, ползающих под столом. «Бей её! Бей! Давай!!»—разносились крики и удары тапками по всему туалету.—Таракана бьёте?—поинтересовалась Эля.

— Нет! Аккомодацию!—крикнула одна из однокурсниц.

— Сессия, что ли, приближается?—усмехнулась Эля.—Не рановато ли?

Она вошла в аудиторию, в которой Ирина Павловна проводила консультацию по пройденному материалу. Перед ней сидел Денис.

— Денис, а что вам сегодня снилось?—спросила Ирина Павловна.

— Мне снилось, что я папирус Гомера и что меня ищут…

— Тааак…—протянула Ирина Павловна.—Следующий?

К ней подсел третьекурсник.

— Здравствуйте, Валерий. Вы сумели прочитать Бродского для зачёта?

— Вы знаете, я собирался читать, но потом мы ушли в лес… а там нечем было костёр развести…

— И развели костёр *Бродским?*—спросила Ирина Павловна и побледнела.—Люблю я поэтов… Забавный вы народ…

— Я сам себя не люблю,—ответил Валерий и поник головою.

— А вы читали Кысь?

— Нет…

— Так идите, почитайте.

— В библиотеке Кыси нет, есть только Некысь.

— А у меня Кысь!—вдруг раздался голос Дениса, сидящего теперь напротив Эли.

— А у меня Некысь!—отозвался Валерий.

— Подискутируйте насчёт этого!—парировала Ирина Павловна.

Телефон пискнул. Эля открыла его, у неё был старый телефон, никакой не «тачпэд», и он совершенно не подключался к Интернету.

«Доброе утро! У нас сегодня будет занятие?»

Стёпа. Степан.

«Будет. А что?»

«У меня завтра днюха!
Мне исполнится семнадцать!»

«Поздравляю».

«Ноябрь—это круто!»

«Ещё бы».

В аудиторию ворвался физрук. Он взмахнул рукой с лыжной палкой так, что чуть не убил Элю и крикнул:

— Пешко!

— Я!—откликнулась с задней парты Катя.

— Я всё решил!

— Что?—спросила Катя.

— Вам нужен массаж!—крикнул физрук.

— Зачем?—растерялась Катя.

— Обратитесь к Валерию! Он вам скажет, куда идти!

Валерий даже подпрыгнул на месте от неожиданности, а физрук уже исчез в дверях.

«Так как?» — тренькнул телефон. — «Предки мне билеты на концерт подарили. В ММДМ. Это на Павелецкой. Пойдёте?»

«Почему я???»

«А почему бы и нет? Мне сказали пригласить друга. Я вот и приглашаю».

«Хорошо. Только я не ожидала. Поэтому не накрашенная».

«У меня вакса есть».

«Ха, ха».

Эля отложила телефон и улыбнулась. Учиться расхотелось. Работать тоже. Нужно было найти предлог и сбежать отсюда. Но в дверях показалась Алёна, она, приветливо махнув рукой преподавателю, протиснулась сквозь узкие проходы между рядами стульев и плюхнулась рядом с Элей.
— Здорово. Как учёба продвигается?
Эля пожала плечами.
— Я вот тут подумала… Это не совсем привычная вещь, и многие русские девочки, а тем более гордые кавказские девочки отказались бы, но… есть один фонд. Там за главную — офигенная американская женщина. Она прекрасна. И этот фонд помогает много кому, в том числе и первокусникам, особенно талантливым и тем более приехавшим за тридевять земель. Тебе это интересно?
Эля удивлённо посмотрела на Алёну.
— Из плюсов — они клёвые и у тебя стабильно будет еда. Из минусов — нужно ездить далеко от общаги с рюкзаком в назначенное время, таскать тяжёлые сумки с едой и писать ежемесячные письма старичкам с благодарностью за помощь. Фактически отчитываться. Потянешь?
— Почему я? Потяну.
— Ты *не* пишешь о своей подработке в Кокошкино, всё-таки это — капля в море. А обо всём остальном пишешь полную правду.
— Поняла. А что за старички?
— Немецкие пенсионеры, которым до сих пор стыдно за Вторую мировую. Эта женщина начала проект ещё в девяносто первом. Они скидываются ежемесячно по 20 евро. Раньше деньги давали, теперь — еду. Чтобы по чесноку всё было. Я уже на пятом курсе, я автоматически вылетаю, меня и попросили посоветовать кого-то из новичков. Завтра нужно будет съездить к Татьяне Владимировне. Вот адрес. Передавай от меня привет.

Всё-таки странно было вести урок, когда рядом сидел ученик её возраста. Наверное, бабушка была права, когда говорила, что южные женщины выглядят старше своих лет. Никто Элю до сих пор ни в чём не заподозрил. Она старалась произносить слова медленно, уверенно. С Анной она говорила о кафедре, о смешных преподавателях, об их достижениях, о публикациях научных работ в международных сборниках. К занятиям со Стёпой готовилась не один час, по несколько раз сверяя правила в разных учебниках, подбирая самые понятные упражнения, самые интересные тексты, по десять раз выверяя незнакомые слова и их произношение. Ей хотелось, чтобы английский язык забирался в Стёпину голову незаметно, легко. Нравилось говорить с ним по-английски, это напоминало ей прошлое лёгкое лето, улыбку Саймона, жаркое солнце, оставляющее следы на её коже, свежую малину, сорванную с кустов у дома. Такое прекрасное лето, полное надежд на будущее.

Эля сидела на жёстком стуле, перелистывая страницы, и занималась тем, что возвращала Стёпу с небес на землю и к учебникам английского. Стёпа витал где-то высоко, через каждые три фразы его глаза загорались и он выпаливал:
— Это ужасное — ужасное день рождения просто! Меня наказывают! Вот на четырнадцатилетие меня отпустили с классом друга в Германию! Да, я бывал в Германии! Там было круто! У нас была договорённость с хозяйкой дома, где мы жили. Она за небольшую сумму евро не вмешивалась в наши дела. Мы уходили на всю ночь гулять, сидели в парке, ездили на фестиваль в соседний город, это было круто!
— Степан… Неопределённые артикли жаждут вашего внимания… The giraffe is the tallest of all animals… you see that «the» here doesn't mean one specific thing, right?
— Yeah… The giraffe… and last year we went to Dominican Republic. Did I tell you about it?
— No…
— В Доминикане тоже было круто. Поначалу. А потом там мозги плавятся и, кроме еды и пляжа, тебе уже ничего не надо. Мне кажется, мы туда ещё вернёмся. Вы бывали в Доминикане?
— No.
— А в Германии?
— Same answer.
— Рекомендую вам туда слетать. Можете к нам в гости туда прилететь.
Эля вздохнула и закрыла книгу.
— Хорошо, пойдём на концерт. Наверное, уже пора.

Вечером Эля лежала в большой кровати и прислушивалась к тишине. Интересно, что делали в этот момент Наташа и Рая? Играли в карты? Клеили на грязные обои винтажные фотографии? Наверное, Наташа трясла над головой книгой и кричала что-то типа: «А Мольер — не мужик?», а Рая отвечала: «Он мёртвый!». И они пытаются учиться, но у них всё равно ничего не выходит. А беруши не спасают от шума с улицы. Телефон тренькнул.

«У нас был шмон».

Эля перевернулась на живот.

«А мы ходили на концерт. Со Стёпой».

«Вы с ним целовались?»

«Ты чего вообще… мы с ним типа дружим. Это ты со всеми целуешься».

«Но ты хоть когда-нибудь с кем-нибудь… ну… это?»

«Я предпочту тебя не понять, Наташка».

«Ты девственница?»

«Да! И я не понимаю, почему тебя это так волнует!»

«Не психуй. У нас тут ходила огромная толпа, там и ректор, и проректор, и куча других чуваков, плюс охранник общаги, директор общаги, комендант. У соседей чайник отобрали. У Мишки—обогреватель. Говорят, Лёша прятался в туалете, а они даже в туалете шмонали».

«Жесть».

«Тебе повезло, что тебя не было. Комендант посмотрел на твою сумку неразобранную под кроватью, и сказал, что если бы ты была тут, сделал бы тебе выговор…»

«За что??? За то, что у нас одна полка для вещей на троих в комнате???»

«Ну, ты поняла, что он тебя ещё не помнит в лицо, поэтому отстал».

Настроение сразу ухудшилось.

«Так как концерт?»

«Хороший. Рок-концерт какой-то. Они там по сцене скакали, зубами и языком струны дёргали. Стёпа был счастлив. Даже меня приобнял в порыве счастья».

«И всё? Только приобнял? Это точно в ммдм происходило?»

«Да».

«Ты подготовила доклад на завтра?»

«*Чёрт*».

«Нельзя писать сраму ради. Чем хорош творческий вуз—здесь можно быть самой собой. То есть ничего нет странного в танцах перед лекцией, в вальсе у туалета. Смеёшься без видимого повода—опять нормально. Поэтому придумай что-нибудь за ночь. И вперёд. Читай доклад и танцуй».

«А Рая что делает?»

«Пытается учиться. Она делает это редко, но хорошо! Ну давай. Покедова».

Эля перевернулась на диване. Села.

Постучала в стенку. Оттуда донёсся тихий ответ. Через секунду Стёпа постучался в дверь и вошёл в тёмный проём.

— Чего?
— У тебя есть запасной ноут?
— В смысле запасной? Могу свой отдать, я всё равно с планшета.
— Давай…
— Зачем вам?
— Забыла к работе подготовиться… к лекции… у меня же завтра первая пара… совсем из головы вылетело.
— Хорошо, сейчас…

Стёпа исчез в коридоре и снова появился. Уже в штанах. Спать он явно не собирался. Сел рядом, совсем близко, так, что их руки соприкасались. Эля поняла, что никакого доклада она не сделает.

— Вы ходите в походы?—спросил Стёпа и посмотрел на Элю. В темноте глаза его сияли, а губы казались ярко-красными.
— Ходила… несколько раз.
— Мы в кадетке тоже ходили. Идём однажды по заснеженной дороге. Перед нами с остановки уже давно идёт толпа ребят с рюкзаками. Долго идут. У нас с собой были металлоискатель и лопата. Мы собирались копать место боёв. Ребята стали на нас поглядывать. Мы такие: «Эй, чуваки! Куда мы идём?».—Они нервно «Вы—не знаем. Мы—в ЮнТур».—Мы: «Эй, чуваки! А зачем нам лопата и металлоискатель? И где Федя?».

Стёпа засмеялся и лёг на спину.

— Какой Федя?—спросила Эля и прислонилась спиной к холодной стене.
— Ну, был у нас прикол такой. Мы всех называли Федями и искали Федю.
— Весело было в кадетском?
— Весело?—Стёпа присвистнул и покачал в темноте головой. Кончики его пальцев едва тронули Элину голую ногу, и Эля вздрогнула.—Да ну, чё там весёлого… Подъём—отбой—тренировки эти… Отношения такие странные. Меня хотели в Питер отправить, но мама не дала. Зато я в Севастополе бывал на подлодке. Там круто было.
— Ты поэтому такой?
— Какой такой?
— Настоящий…

Стёпа медленно поднял голову и посмотрел на Элю.

— В смысле?
— Да неважно… Кстати, полночь. С семнадцатилетием!
— Ёёёёё…—Стёпа подпрыгнул на кровати и открыл ноут.—Что смотреть будем?

Эле хотелось поцеловать его в щёку. Вроде день рождения. Или потеребить волосы. Но, тяжело вздохнув, она взглянула на экран.

— Что-нибудь смешное, может быть? Мне тут рекомендовали фильм «Неадекватные люди». Русский.

Стёпа поморщился, отодвинул ноутбук к краю кровати и снова лёг на живот, вытянувшись во весь свой рост.
— Хочу в Доминикану…
— А что там хорошего?
— Ну… Там люди всегда хлопают, когда самолёт приземляется. В такси всегда есть ещё одно место для пассажира, даже если там уже сидит пять человек… Что ещё… Доминиканское время, например.
— Все опаздывают?
— Не то слово! Даже если вы за год вперёд всё спланируете, всё равно всё будет по-другому и в другое время. Когда вы встаёте в пробку, нужно очень громко сигналить, так, чтобы быть громче всех остальных в пробке. Там такие… такие девушки! Они все выглядят старше, чем есть на самом деле. И у них попы — *во!* Большие такие!
— Стёпа…
— Не, ну правда! И для них возраст просто не существует! На меня даже тридцатилетние вешались.
— И как?
— Ну никак… Давайте лучше фильм посмотрим. Идите сюда.

Эля, помедлив несколько секунд, легла рядом и прикрыла голые плечи длинными волосами.

Глава IX

Саймон прилетел в самом начале августа, когда Эля уже знала, что поступила. Она ещё не успела отнести книги обратно в библиотеку, ещё глаза были красные от недосыпания, а по ночам снились незнакомые преподаватели, задающие примитивнейшие вопросы, на которые нет ответа, а дядя Костя уже стучался в дверь.
— Ты почему ещё спишь?! Саймон через час приземлится! Нас подняла всех, будто султан какой-то приезжает. Брала бы да и ехала на общественном автобусе.
— Дядь Кость, ещё рано… ещё темно…
— Да, а я, наверное, засветло вставал! Забыла, что самолёт в 7 утра? Я с другого конца города мчался! Мне этот мужик нужен или тебе?
— …а…

Бабушка уже переодевалась и начинала копошиться на кухне. Мама вытащила какие-то вещи из шкафа, кинула их на кровать и распахнула одеяло.
— Ну мам…

Её вытолкнули в ванную комнату, облили водой лицо, потёрли жёстким полотенцем, запихнули в рот бутерброд, дали в руки косметику.
— На, по дороге прихорошишься.

Эля посмотрела на себя напоследок в зеркало и пробурчала, что здесь прихорашивать нечего, ещё страшнее будет, если этот страх обвести.

В машине замерзала. Холодное июльское утро пробиралось в щели УАЗика, от сквозняка её белая длинная юбка развевалась и подтирала пыльные уголки кабины. Машина ревела, неслась по асфальту, Эля засыпала прямо на переднем сиденье, хотя реальность уже складывалась довольно чётко. Саймон прилетел. Он здесь, во Владике! Почти на месяц, и с этим нужно что-то делать. Селить у себя дома было практически невозможно, хотя Саймон и напрашивался. Нужно будет его выпроводить в гостиницу. Ну, или хостел по соседству в городе.

Сквозь утреннюю темноту выползали дачи, домики деревень, полицейские машины на обочине с сонными постовыми. Холмы у дороги под фарами вырастали до невероятных размеров.

Ближе к аэропорту начали появляться первые машины, все спешили, обгоняя друг друга, «летели» к самолётам.
— Эля, накинь кофточку…
— Нет, — она вылезла в одном топике и задрожала от холода, — нет, дядь Кость, так надо! Сама на это пошла, теперь надо отрабатывать.

Первой из ворот вышла баскетбольная команда, и Эля растерялась. Не то чтобы она за неделю забыла, как выглядит Саймон, — это было попросту невозможно. Но она надеялась увидеть его издалека, самого высокого среди прилетевшей толпы. А вдруг он потеряется, уйдёт не туда? Люди с табличками, люди в тёплых одеждах… Эльвиру уже трясло не от холода. Саймон вышел из прохода, мимо решёток с дикой и красной, как на зоне, сигнализацией. Подошёл, улыбнулся, обнял. Со спущенными широкими джинсами и в растянутой длинной футболке. Большой, сильный, добрый. Он поздоровался по-русски — молодец, выучил! — с дядь Костей, и они растерянно пошли к машине.
— Я привёз тебе кольцо, оно немного странное, конечно… Из титана!

«Хорошо утро начинается» — поёжилась в машине Эля.
— Поэтому ты будешь единственным человеком в своём городе с титановым обручальным кольцом, — засмеялся Саймон.

«И единственной девушкой, у которой уже *два* обручальных кольца» — ненароком подумалось Эле. Она совершенно не понимала, что делать с этим кольцами. Ведь, думала она, ни Саймон, ни Эльяс всерьёз не считают, что, подарив какие-то дешёвые безделушки шестнадцатилетней девушке, они вроде как обручены? Ни за одного, ни за другого Эля замуж не собиралась. Но как вести себя? Сказать, нет, мне твоё позолоченное кольцо не нужно? Титановое кольцо из Англии? Нет, спасибо, Саймон, положи его обратно. А вдруг он обидится? Да Эльяс особо и не старался произвести впечатления. Просто надел то кольцо на безымянный палец, понял, что оно слишком большое, и просто надел его на средний. Считается ли позолоченное кольцо на среднем пальце обручальным? Эля посмотрела в окно, а Саймон взял её за руку. Он всю дорогу до города болтал,

вытаскивал всякие вещи из сумки и показывал их Эле. Какие-то приторные красные листочки, которые жевал. От них руки становились ядовито-красными. Эля улыбалась и поглядывала на дядю Костю, который, казалось, потерял дар речи.

Дома был уже накрыт стол. Бабушкино лицо была накрашено какими-то дикими цветами радуги, Эля мимоходом зажала её в углу и стёрла пальцем сине-фиолетовые тени на глазах. Бабушка из-за её плеча не могла оторвать глаза от большой фигуры Саймона и всё твердила: «Господи, боже мой, Господи, боже! Вот это мужик! Не то что твои глисты в обмотках! Какой глазастый! Он так всё изурочит тут!» Саймону было тесно в маленьком доме на окраине села, он постоянно на что-то натыкался, кому-то нечаянно попадал рукой по лицу и, в конце концов, сел на диван и зажал руки между ног, как ребёнок…

По вечерам Эля сидела на диване, а Саймон, прикрыв глаза, потихоньку мурлыкал, сидя на соседском кресле. Бабушка, часто слушая их непонятные разговоры на английском, рассказывала о прошлом и настоящем. Она загорела на грядках, руки стали тёмными от земли и от сока прополотых трав.

— Знаешь, кто мне вчера звонил?! Не поверишь — Пирожок! И опять нудил в трубку, как ему нужна в доме женщина. А потом ляпнул, мол, приезжай, Тоня, потри мне спинку в бане…

— А ты что?

— Я сказала, чтоб он об косяк потёр свою старую спину! Щас, полечу на ночь глядя. Не на ту нарвался! В деревне, где я жила, в детстве ещё, была одна девочка, которая постоянно меня доставала и подставляла. Сама что-нибудь своруест — и на меня пальцем тычет! Стукнет — и на меня показывает! Позорила постоянно… ещё та коза… И я решила её убить. Привела её на мостик через речку, а мостик тоненький, навесной, и говорю, давай качаться! Это такое у нас развлечение было. Один качает, а другой пытается равновесие держать. И когда она ещё только отпускала руки от верёвочных перил, я со всего размаху качнула мост. И она улетела в реку. А я помахала ей ручкой вослед и спокойно пошла домой…

— И всё?.. — Эля замерла и взглянула на Саймона. Тот открыл глаза и с удивлением старался понять, что происходит.

— И всё… Она плавать не умела, её спас случай — платье надулось пузырём над её головой, и сберегло ей воздух. А пастух увидел что-то тёмное в реке, подумал, что телёнок упал, и вытащил на берег… Как же меня тогда били… по всем полям за мной гонялись.

Утром Эля стояла в огромной ванной комнате и смотрела на себя в зеркало. Нет, красавицей она бы себя не назвала. Обычно смесь кровей порождает прекрасных созданий, но у её родителей это явно не получилось. И брови давно не выщипывала. И ногти уже несколько месяцев как не красила. Брюки — джинсы. Ни одного платья! А ведь преподаватели должны выглядеть серьёзно и красиво! Но чтобы носить платья — нужны хорошие сапоги… И колготки. Где же на всё это набрать денег?

«Поздравляю, доченька!» — пискнул телефон. — «Бабушка передаёт привет и целует!»

— Вам что-нибудь нужно? — крикнул Стёпа, постучавшись в дверь.

— Да! Мне нужно с тобой серьёзно поговорить! — откликнулась Эля.

— О чём?

— Мне кажется, настал важный момент в моей жизни, когда мне требуется принести к тебе в дом собственную пижаму и зубную щётку!

— Хаха! Точняк! — Засмеялся за дверью Стёпа. — Ну, вы это… пальцем там!

— Что пальцем? — хихикнула Эля.

— Что — что, зубы почистите! Ладно, я внизу! Завтрак ждёт!

Эля поняла, что краснеет и, закрыв лицо руками, покачала головой.

«Боже, Боже… что я тут делаю?» Но нужно было выходить и ехать в Москву.

За завтраком бабушка молча пила кофе, а Стёпа, уткнувшись в планшетник, полностью погрузился в просмотр очередной серии «Теории большого взрыва». На английском.

— Стёпа…

— Что? — Степан на секунду поднял взгляд.

— У тебя есть какой-нибудь небольшой рюкзак? Одолжишь на несколько дней?

— Да без проблем.

На учёбу не хотелось. На кафедру не хотелось. В общагу тем более. После этого дома вся привычная жизнь начинала казаться тусклой и… какой-то бессмысленной.

Поэтому когда бабушка, чуть не врезавшись раз двадцать во все машины на встречке, довезла её до станции, а ещё через какое-то время Эля оказалась на Киевской, то прямиком пошла в торговый центр. Чувствуя какую-то непонятную вину, она ходила мимо магазинов. Почитала расписание киносеансов. Посмотрела меню в ресторанном дворике. Цены пугали. А полученные за два урока деньги будто выпрыгивали из кармана. Эле казалось, что все смотрят на её старую шапочку и выцветшее пальто. Мамино пальто, которое она выслала ей по почте, как только наступил октябрь. Сначала Эля спрятала шапочку, затем запихнула в рюкзак пальто. Но и её костюм теперь тоже казался ужасным. Всё казалось ужасным. Чтобы скрыться от самой себя, Эля всё же запрыгнула в какой-то магазин.

— Здравствуйте! — приветливо и наигранно сказала девушка в форме.

— Здравствуйте...— прошептала Эля.
— Ищете что-то определённое? — девушка уже стояла на неприлично близком расстоянии.
— Хм... Э... Я ничего про ваш магазин не знаю. Может быть, расскажете?

Вроде выкрутилась.

Дальше на Элю прыскали туалетной водой с натуральными цветочными маслами, мазали ей лицо кремами с натуральными-натуральными цветочными ингредиентами, руки были покрыты тремя слоями различных кремов. Вышла Эля из магазина, благоухая на весь торговый центр, с самым-самым дешёвым кремом для рук в сумке.

«Ну что ж»...— вздохнула Эля и заказала себе свежевыжатый сок с яблоком и ананасом.— «Гулять так гулять».

На телефон пришли смс-ки.

«Ты где?» — спрашивала Наташка.

«Не в институте»,— ответила Эля.— «Подменишь меня?»

«Ага. Взятки брать можно?»

«Только на моё имя не записывай».

«ок».

«Вы ко скольки сможете подъехать?» — спрашивала Татьяна Владимировна также по смс.

«Можно сейчас?» — ответила Эля.

«ок».

Ещё через час Эля бродила вокруг Домодедовской и пыталась найти нужный дом на Ореховом бульваре. Наконец, когда дверь с неработающим домофоном всё-таки открыла странная старушка со злобными морщинами, Эля поднялась пешком на пятый этаж и нажала на звонок.

— Здравствуй-здравствуй! Вот ты какая, Эльвира! — воскликнула Татьяна Владимировна и протянула руку.

Эля смущённо топталась у порога.

— Я должна тебя сфотографировать. Надеюсь, ты не против? — Татьяна Владимировна уже подняла фотоаппарат и щёлкнула.— Спасибо. Это для отчётности. Чтобы старички знали, куда идут их деньги, и что я не забираю их к себе в карман. Распишешься здесь? И здесь? Вот твой пакет. Получение всегда в середине месяца. Как тебе твой вуз?
— Хорошо.
— Здесь есть каши, консервы, сахар, одна шоколадка, пряники к чаю, чай чёрный. Но больше всего круп. Ты ешь каши?
— Я всё ем.
— Молодец. Как тебе Москва?
— Привыкаю. Мама говорит, что ассимиляция три месяца проходит. Через полтора месяца всё станет ясно, думаю. Пока я немного в шоке ото всего происходящего.
— Шок лучше депрессии. У москвичей одна болезнь — глобальная депрессия. Трудноизлечимая. Точнее, абсолютно неизлечимая.

Эля улыбнулась.

— С тебя письмо. В следующий раз принесёшь. Напиши там, кто ты, что ты, откуда ты. Хорошо?
— Хорошо. Спасибо. Приятно познакомиться.
— Привет Алёнке!
— Передам.

Пакет с продуктами едва влез в Стёпин рюкзак. И оказался просто невозможно тяжёлым. Наверное, из-за консервов. Эля медленно шла по улице и чувствовала, что сгибается под ним всё больше и больше. Эля осторожно сняла со спины рюкзак и поставила на землю. Плечи болели.

— Глазам своим не верю!

Эля вздрогнула. Она даже обернуться боялась. Онемели ноги, онемела она вся. Откуда-то изнутри поднималась тошнота. Никогда в жизни Эля не испытывала ничего подобного. Бросить рюкзак и бежать. Быстро бежать к метро. Да ведь от чемпиона не убежишь. Ей-то ли не знать, сколько раз он обгонял её в школе на физре. Она пробегала один круг, а он уже заканчивал третий. И пока он бегал, ей казалось, что он как кобра наматывает кругами своё тело на её шею.

Эльяс сам обошёл её вокруг и встал напротив.

— Вот кого не ожидал увидеть, так это тебя. Что ты забыла в нашей глуши?

Эля молчала и смотрела, пытаясь привыкнуть к Эльясу московскому. В родном посёлке он всегда ходил с расстёгнутой курткой. Казалось, что он был в сговоре с ветром, постоянно дующим ему в лицо, отчего Эльяс щурился, а все школьницы ахали и без памяти влюблялись в него с первого взгляда. Все, кроме Эли. Её же он просто загипнотизировал.

Эльяс стоял напротив неё и даже не пытался обнять. Ни приветливо улыбнуться. Он просто знал, что она здесь и никуда от него не убежит. Москва оказалась таким маленьким городом.

— Ты от меня умело всё лето скрывалась. Хотя я вас с Саймоном видел во Владике. Да. Ничего так. Всегда так ходили на расстоянии метра друг от друга. Как брат и сестра просто. Тебе он так и не понравился?
— Привет,— выдохнула наконец Эля и растянула губы в улыбке.
— А я только хотел тебе позвонить. Твоя мама сдала твой новый номер.
— Ага,— ответила Эля и передвинула рюкзак поближе к себе, как будто пытаясь им оградиться от Эльяса.
— С днём рождения, солнышко! — наконец хихикнул он и обнял Элю. Она уткнулась ему в куртку, как обычно распахнутую настежь, и вдруг поняла, что плачет. Эльяс провёл рукой по её голове, затем сжал покрепче и замер. А Эля стояла, чувствуя, как его рубашка становится всё более и более влажной.
— Ты сейчас домой? — глухо спросил Эльяс.
— В общагу... Это... на Дмитровской...
— Далеко тебя судьба забросила. Поехали. Это что? Кирпичи?

Эльяс отодвинулся, не глядя в Элино заплаканное лицо, и легко закинул рюкзак на плечи. Взял Элю за руку и пошёл вперёд.

В метро было, как всегда, шумно и, умудрившись сесть, Эля положила Эльясу голову на плечо и закрыла глаза. Они ехали молча. Все полчаса до Тверской. Молча перешли на серую ветку и зашли во второй вагон, чтобы быть поближе к выходу.

Эля хотела заскочить в троллейбус, но Эльяс уверенно пошёл в нужном направлении, будто точно знал, где находится общежитие.

Эле казалось, что люди смотрят на них. Несмотря на русые волосы Эльяса, хорошую одежду и отсутствие акцента, как-то всё в нём сразу же выдавало Кавказ. Находясь в Москве, Эля ещё ни разу не задумывалась о том, откуда приехала сама и что её шикарные чёрные волосы могут в один момент начать так привлекать внимание.

— На тебя всегда и везде пялятся,— сказала она и толкнула Эльяса в бок.

— Не… дома пялились с уважением. А здесь с ненавистью.

— А чего ты хромаешь?— вдруг заметила Эля.

— Да всё потому… Ножом саданули. Болит.

— Ты совсем дурак, да?— Эля выдернула руку.— И к врачу ты, конечно, не ходил.

— Зачем? Забей. Завтра к врачу универовскому схожу.

— Как твоя учёба?

— Да нормально. мвд как мвд. Институт как институт. А куда мне ещё, кроме военки? Преподы меня боятся— и это приятно.

— У тебя мама— профессор филологии! Пошёл бы к нам в Лит.

— Ты издеваешься? Солнце? Какая филология? Это ты девочка, вот сиди и книжки читай.

— Забыл, где мы с тобой познакомились?— воскликнула Эля.

— Напомни,— усмехнулся Эльяс и перекинул рюкзак на другое плечо. Обошёл Элю и взял её за левую руку.

— У мамы в библиотеке! Ты книг больше меня, наверное, прочитал за свою жизнь.

— И чё? И кому это надо? Ты знаешь, где я первый год в Москве работал?

— Охранником, ты же говорил.

— Да, в ночной охране в клубе. А потом меня выперли. Знаешь, почему?

— Ты не говорил.

Эльяс остановился и встал напротив Эли. Они уже проходили мимо парка. Небольшого такого парка, немного скрашивающего унылый серый пейзаж заводского района.

— Посмотри на меня. Я что, похож на амбала?

Эльяс был чуть повыше Эли. Совсем чуть-чуть. Даже будучи невысоким, он казался самым брутальным на свете.

— Нет, на амбала ты не похож. Но ты всё равно нереально крут.

— Ой, да ладно тебе… Что с того, что я могу Уайльда в оригинале цитировать? В клубе нужно было разнимать разных богатых амблов, улаживать конфликты. А я не могу физически этого делать. Я умею только душить. Сдавить горло вот так,— Эльяс обхватил рюкзак и сжал его так, что внутри что-то хрустнуло.— И всё. Кранты. С работы выгоняют.

Эля молчала. Они подошли к общежитию, и она развернулась, чтобы попрощаться.

— Ты чего?— спросил Эльяс более дружелюбно.

— Тебя не пустят. У нас охранники раньше пяти не пускают.

— Ой, да ладно… Пойдём. Уладим.

Эльяс толкнул дверь, Эля вошла следом. Она представить себе не могла, как Эльяс может что-то уладить с этими вечно пьяными мужиками, от которых страдали все студенты. Казалось, что они не студенты гуманитарного института, не поэты и не переводчики, а обычное тюремное быдло без права голоса.

Эльяс не стал наклоняться к окошку в будке, он сразу открыл дверь к охранникам, что-то сказал, засмеялся и подмигнул Эле. Она по привычке потянулась за пропуском, но Эльяс снова взял её за руку и она, опустив голову, прошла за ним.

— Какой этаж?— спросил Эльяс в лифте.

— Седьмой.

— Хороший вид, наверное.

— Да… Я по вечерам сижу за компьютером и смотрю на Москву. Внизу— старые дома и небольшой сквер. А над ними— потрясающий закат. Таких закатов не бывает, а здесь— будто гуашь пролили…

Эльяс посмотрел на Элю. Как-то по-другому посмотрел.

— Одна живёшь?

— С двумя соседками.

— Дома?

— Не знаю.

Они пошли по длинному коридору к дальнему окну.

— Сейчас приду, потом уйду, я не могу…— стонала Наташка, лёжа посреди комнаты.— Вот она утють! А мы с вами не утють! И ничего нам не светит в этом городе.

Эльяс бросил рюкзак на кровать. Наташка подскочила.

— Тебе, Наташка, надо лопату купить. Сразу жизнь без лопаты легче покажется.— Эля с облегчением вздохнула и, разувшись, села рядом с рюкзаком.— Наташа— Эльяс— Эльяс— Наташа, которая должна быть сейчас в институте и подменять меня!

— Ой, да ладно… Я Катю попросила.

— Я очень плохая староста.

— Да, ты— очень плохая староста,— засмеялась Наташка и взяла кастрюлю.— Пойду суп сварю. На второй этаж. На часик.

Эльяс сел на стул, качнулся на нём. Встал и посмотрел на полку с книгами.
— Каким боком ты — староста?
— Так получилось, — пожала плечами Эля. — Мне сказали в деканате, что нужно срочно выбрать старосту, потому что они мне и каждому на курсе ничего лично объяснять не будут. Только старосте. Я пришла на курс, встала на стул и сказала, что нам нужно срочно выбрать старосту. А Никита закричал, чтобы я сама и становилась старостой. Кто-то его тоже поддержал. Так я стала старостой. Сама в шоке.
— Власть — это хорошо.
— Это не власть, одни нервы. Даже прогулять спокойно нельзя. После каждого учебного дня я должна сдавать специальные листики со списком отсутствующих. Или бежать в деканат. И меня никто не любит. И дружить со старостами тоже не прикольно. Я хочу остаться с девчонками поболтать, но нужно идти на кафедру. Или в ректорат. Или ещё куда-то. Меня правда на курсе никто не любит. У меня нет друзей. И это ужасно.
— Ничего ужасного. Это система. И мы в ней живём.

Пискнул телефон.

«Вы слышали, что произошло в Бирюлёво? Мы с пацанами едем туда. Не поминайте лихом и не говорите маме. Стёпа».

Эля включила чайник.
— Как обычно?
— Как обычно.

Эльяс пристально смотрел на неё.

«Нет. Не слышала. Зачем в Бирюлёво?» — набрала сообщение Эля.
— Кто это? — спросил Эльяс.
— Ученик.

Эля оперлась о коленку.
— Я не уверен, что ещё к тебе в гости приеду, хотя надо бы, — сказал Эльяс.
— Почему?

Эльяс встал.
— Я о тебе беспокоюсь. Тут чёрти чё творится.
— Ты очень хороший человек, Эльяс. Пожалуйста, не забывай об этом.
— Очень сложно об этом помнить... Мы же с братом квартиру снимаем, в общаге я жить не хочу. И ты знаешь, к нам каждую неделю кто-то приезжает из Владика. И они такие... такие... мудаки, Эль! И что-то говорят о национальной гордости, постоянно на конфликты нарываются, а мы с братом их потом отмазываем или вступаемся...
— Зачем? Зачем ты за них вступаешься?
— Это сложно.

Эля застонала.
— Почему ты просто не можешь заниматься учёбой? Не ввязывайся ты в это!
— Как соседи?
— Ужасные... Тут парень какой-то типа из аспирантуры, я не знаю, что он там пишет, но спать мне не даёт... и девчонкам тоже.
— Ты к нему ходила?
— Я его боюсь. Он вечно пьяный, руки все изрезаны, длинные сальные волосы такие... Я однажды ночью, часа в три, перед контрольной прихожу к нему, стучусь в дверь, прошу, чтобы музыку выключил, так он на меня накинулся, сказал, чтобы я... заткнулась, иначе вылечу отсюда. Ну... и грубостей много наговорил
— Какая, говоришь, комната у него?
— Вот эта. — Эльвира указала на стену по левую руку. — А что?
— Да ничего. Щас.

Эльяс вышел за дверь, затем Эля услышала, как тяжело сосед встаёт с койки, пинает пустую бутылку на полу, открывает дверь. Тихий короткий разговор, и Эльяс снова вошёл в комнату.
— Больше он не будет музыку включать. Совсем. А включит — зови, ногу сломаю. Вторую.

«Бить черномазых», — пришла смс-ка. Эля похолодела.
— Я тебя просто прошу, — Эльяс подошёл ещё ближе и взял её за руку. — Просто прошу быть осторожнее. Ты ещё слишком маленькая для этого города. Слишком наивная. Сиди на парах. Читай книжки за нас двоих. Поняла?

Эля кивнула.
— Регистрацию сделала?

Эля снова кивнула.
— Вот и молодец.

Эльяс наклонился и поцеловал её. Губы у него были удивительно мягкими. Его рука приобняла её за плечи.
— Зачем ты это делаешь? — прошептала Эля.
— Потому что я никогда этого ещё не делал, — тихо ответил Эльяс и снова поцеловал её. Эля не хотела, чтобы Эльяс останавливался, но он вдруг молча встал, снял с её пальца кольцо, положил рядом на койку, быстро впрыгнул в ботинки и исчез в дверях.

Эля встала, села на широкий подоконник, взглянула на серую улицу внизу, на Останкинскую башню, исчезающую в тёмных облаках. И поняла, что больше Эльяса не увидит.

Глава x

На первой паре преподаватель решила сама провести перекличку и стала выкрикивать фамилии:
— Вугина!
— Вучина! — осторожно поправила Эля.
— Чужак!
— Чутак! — снова сказала Эля.
— Доцент!
— Дащан!
— И О-о-о...
— *Осинкина!* — рявкнул весь курс.

— Эльвира, я вам высказываю своё неудовольствие по поводу вашей работы! — воскликнула Людмила Павловна.
— Что? — опешила Эля.
— Разве так можно заполнять журналы? Если у вас такой плохой почерк, как вы вообще решили поступать в Литературный институт?
— Извините… — от неожиданности и обиды Эля даже встала. — Вообще-то, в обязанности старосты не входит заполнение курсовых журналов по предметам! Это должны делать методисты кафедр, у вас таковой имеется. Вы можете попросить его переделать журналы, если вас не устраивает мой почерк. На моей кафедре я заполняю журналы в компьютере, так как у нас журналы свои, и я знаю, какой там размер строк. Извините.

Эля села обратно, но чувствовала, как её начинает трясти.
— Таааак… Проехали. — Людмила Павловна откашлялась. — Скажите мне, чем человек отличается от зверей? Медведей там, змей, птиц?..
— Внешностью? — ответил Виталик.
— Хорошо-о-о… — протянул недоумённый преподаватель. — Тогда скажите, вы, современные люди, вы можете себя ассоциировать с животными? Как индейцы когда-то?
— Да! — хор голосов.
— Мда… — протягивает преподаватель. — Я и забыла, что вы литературный институт…

САЙМОН *(на английском)*

Привет! Ты как?

ЭЛЯ

Нормально.

САЙМОН

Читал в новостях про события в Москве.
Это ужасно. Всё это ужасно, в целом. Я не хочу, чтобы ты жила в Москве. Я убедил маму сделать тебе вызов. Ты бы могла перейти на заочное отделение. И переехать ко мне.

ЭЛЯ

Что?

САЙМОН

Ты. Должна. Переехать. В Англию. Напиши, куда выслать приглашение и документы. Билеты тебе забронирую и выкуплю завтра. То есть нужны даты. Родители хотят мне помочь. Люблю!

— Ванька-встанька, что это? — спрашивала преподавательница.

Курс нервно засмеялся.
— Это повелительное наклонение глагола?
— Нет! А вы можете преобразовать его в прилагательное?
— Ванькин-встанькин?
— Они с ума сошли? Так рано звонок подают?!
— Это не звонок, это дрель!
— Крышу ремонтируют.
— Какая-то сегодня неразбериха везде… Ваня… эээ… Дима, начинайте, пожалуйста! *(Пауза.)* Петя, ну вы начнёте?

«Мама, привет! Это снова я. Да, я ленюсь. Мне всё сложнее и сложнее писать тебе каждый день, как я обещала тебе делать. Цой сегодня снова заходил, мы с ним какие-то слова на испанский переводили. Мои базовые знания испанского в произношении и грамматике помогли. Я поехала сегодня в Лит, поела в столовке, думала насчёт увольнения весной, там одна девочка в деканате хочет к нам на кафедру. Ещё я спрашивала Цоя о Киргизии, куда там можно пойти, если я туда к нему в гости когда-нибудь доберусь. Что ещё было на днях… Новая девочка у нас на курсе из иностранцев, я что-то в последнее время совсем разучилась понимать, где мальчики, а где девочки в Москве. Вот эта девочка, например, вот явная лесбиянка, хриплый голос, полная, с короткими крашеными волосами, с серёжками в ушах, кольца на руках. Спрашивала меня на английском обо всём, об учёбе всё утро, ну я её тоже о чём-то спросила, о Германии, откуда она родом. И сказала ей, что меня зовут Эльвира, а она говорит: А я Дэниэль. И паспорт просит отксерить на кафедре, у них международный отдел вечно закрыт. Открываю и понимаю, что это парень. Кошмар. Всё такое… непонятное! Давно не могу попасть в душ в общаге, вечно очередь многочасовая, все души заняты. Кажется, что скоро уже царапаться начну. Проверяла вчера компьютер на вирусы, он их *столько* нашёл! Потом самостоятельно что-то перегрузил и теперь такой тормозной стал. И странный. И ведь это не мой компьютер, а соседки, которая позволяет мне на нём работать. Но я сама нашла антивирус в интернете, сама устрановила и проверила всё! Уже достижение! Главное, окончательно его не доломать. А ещё мне вторую ночь снится Стёпа».

Эля наклонилась над партой, делая вид, что сосредоточенно что-то записывает за преподавателем, а сама попросила у Наташки планшет и подключила WiFi. Сколько стоит виза в Англию? Какие требования? Какое количество документов нужно собрать? Кто должен написать спонсорское письмо? Саймон? А если она студентка и ей ещё нет восемнадцати, то что делать ей? Да и зачем ей туда ехать? Зачем? Ей же Саймон даже не нравится. Он и правда как брат. Как младший брат. Глупенький. Наивный. Младший брат.

Семинар прошёл, а Эля всё сидела и просчитывала, сколько ей нужно денег на поездку. Как рассказать маме о плане Саймона? Бабушка-то будет рада. Она постоянно про это говорила, но вот мама…

ЭЛЯ

Алёна, меня Саймон зовёт в Англию.

АЛЁНА

Даже не думай ехать. Я тебе ещё ученицу нашла. Она — бизнесвумэн. Английский аппэр-интэрмедиат. Оплата — 3 тысячи рублей за полтора часа в кафе на Кузнецком мосту. Один раз в неделю по пятницам. *Но!* Шесть утра. Очень занятая женщина.

ЭЛЯ

Они обещают помочь с документами.

АЛЁНА

Щас скину её телефон. Не вздумай отказываться, тётка классная! И ещё. Здесь — твоя родина, какой бы она ни была и как бы она ни болела.

ЭЛЯ

А я всегда хотела пожить в чужой стране, получить «международный опыт».

АЛЁНА

Ты можешь это и сама сделать. Для этого Саймон не требуется.

ЭЛЯ

У меня денег нет на поездку за рубеж.

АЛЁНА

Заработаешь. Поработай год. Откладывай. Через год тебе будет 18 и ты сможешь поехать получать международные сертификаты.

ЭЛЯ

Какие?

АЛЁНА

Ну тот же TEFL, с ним ты станешь профессиональным преподавателем английского. А не просто девочкой, живущей и зависящей от своего бойфренда.

ЭЛЯ

Он не мой бойфренд. Я не знаю, кто он. Он меня за два месяца фактически научил английскому. Он мой друг.

АЛЁНА

Это ты так думаешь. Набери учеников. И работай как волк. Ты это умеешь.

Эля нахмурилась. Она понимала, что Алёна всё говорит правильно, но… сколько ещё девочек из Владикавказа могут похвастаться тем, что их зовут жить и учиться в Англию?

Эля автоматически ответила на вопрос преподавателя и снова погрузилась в свои мысли. Что там Алёна говорила про курсы преподавателей английского? Что такое TEFL? Она открыла несколько ссылок на Наташкином планшетнике. Наташка спала на плече у Кати, сзади дурачились парни, нужно было заполнить отчётный листок с посещаемостью группы, но только от одной этой мысли у Эли начинала болеть голова.

ЭЛЯ

Мамуль, привет! Ты на работе? У меня вопрос.

МАМА

Здравствуй, солнышко! У тебя перемена? Как учёба?

ЭЛЯ

Сижу на семинаре. Но я же староста и методист, поэтому меня никто не трогает. А ответы на вопросы я итак знаю. Вчера посмотрела план работы на семестр и уже всё выучила вперёд.

МАМА

Умничка доча! У нас всё хорошо. Урожай собрали. Добавили зарплату, смешно сказать, на 500 рублей увеличили. Бабушка гуляет по участку и сплетничает с соседками.

ЭЛЯ

Я хочу получить международный сертификат преподавателя английского языка. Не сейчас. Через год, когда мне исполнится восемнадцать. Он стоит полторы тысячи евро. Плюс билеты, но на них я заработаю. И на проживание там — ещё тысяча евро. Их я тоже заработаю. Мне нужно откуда-то найти денег на оплату обучения.

МАМА

Машина стоит в гараже. Если нужно, продавай летом.

ЭЛЯ

Мама…

МАМА

Это же твоя машина. Не волнуйся, попросим дядю Костю помочь с продажей. Жигули, конечно, не очень много стоят. Но как раз полторы тысячи евро можно получить. Если ты уверена в этом.

ЭЛЯ

Уверена. Спасибо. Целую!

МАМА

Я тебя тоже целую! Спасибо за письма, дорогая! Очень приятно их получать!

Прозвенел звонок, и группа направилась в другую аудиторию. Сергей подгонял всех, приговаривая «Кошёлочки мои! Пойдёмте!», за что сильно получил от Эльвиры учебником по голове.

— На древних русских рукописях 11 века писцы на страницах книг оставляли и свои приписки, иногда рассказывая об отношениях с соседями, а иногда и свои поэтические опыты. Например: «На улице пьють, а меня не зовуть».

Эля листала журнал и смотрела по сторонам. Половины курса не было на месте. Из поступивших 120 человек в аудитории вряд ли набиралась и половина.

САША

Эля, здравствуй, пожалуйста, поставь мне плюсик, я проспала, скоро буду!

Эля потянулась, закрыла глаза, чтобы не кружилась голова. «Мы живём в системе», вспомнилось ей. Сколько уже Саша просыпает? В прошлый понедельник её не было на итальянском. В среду — весь день. Две недели назад она каждый день писала такие смс-ки. Эля тяжело вздохнула и поставила в журнале плюсик напротив Сашиной фамилии.

ВЛАДА

Элечка, солнышко, ты знаешь, чего я хочу, да? У меня свидание!

Ну хоть честно. Свидание. Владе — тоже плюс.

ЗАРИНА

Да, мне стыдно, но меня сегодня нет. Даже просить больше не буду об одолжении. Но если… то… спасибо…

Эля вдруг поняла, что разозлилась. Да сколько можно? Если прогуливать — то честно прогуливать. И не просить старосту постоянно тебя отмечать. Должна же быть у людей гордость, в конце концов? Эля перечеркнула все плюсы и поставила «н»-ки. Закрыла журнал. Стёрла остальные пять непрочитанных сообщений.
— От злости один глаз Кухулина ввалился так глубоко, что ни одна цапля не могла его достать, а другой вывалился так далеко, что только этот вид ввергал врагов в ужас.

«Мама! Я что-то устала… От людей устала, от их поведения. Странные люди. Не понимаю я их! *Ааа!* Помнишь, я говорила тебе, что бабушка мне звонила? Она попросила меня съездить и найти могилу её дяди, о котором уже никто и не помнит, он умер в 1942 году в Смоленской области. Вот пытаюсь найти хоть какие-то данные о той деревне, где он погиб и захоронен. А на форуме того малюсенького города Велиж — только и просьбы, что о помощи в поисках могил, информации о погибших родных. Какая же у людей жестокая история. Бабушка мне перечитала последнее его письмо её матери, про то, что земля и неба смешались воедино. Много прочитала про те жестокие бои под Смоленском в сорок втором. Там погибла сибирская дивизия. Но как ехать и искать одной? Или найти кого-нибудь и поехать вместе? Извини, что мои письма такие… бытовые, что ли! Просто писать больше ни о чём не хочется. Не хочется плакаться на жизнь. На проблески редкие какого-то позитива. Не хочется ныть. Но живой я себя тоже не очень чувствую в последнее время. Больше сонной. Давно нормально не спала. Очень давно. Только не переживай за меня, хорошо? Так обнять тебя хочется! И бабушку! Иногда прямо домой тянет. Сильно-сильно. Бестолково провожу свои дни. В полусне. Уставшая, бегаю и бегаю туда-сюда. Полночи просидела перед чужим компьютером и ничего так и не сделала. Целую! Завтра отправлю письмо».

Зарубежная литература. Приговор. А ведь дома Эля читала всю зарубежную классику ночи напролёт. Почему же сейчас так неприятно брать книги в руки? Потому что нужно не просто читать, а читать по-другому? Аналитически? Или потому что после семинаров перевода ты постоянно обращаешь внимание на перевод? Ты видишь ошибки перевода, ты видишь кальку и небрежности переводчика?

АННА

Здравствуйте, Эльвира! Нам придётся отменить уроки сегодня. У Стёпы каникулы. Увидимся через неделю!

ЭЛЯ

Хорошо.

Ничего хорошего. Ничего хорошего. Как можно отменять уроки? Это же работа. Она готовилась к уроку. Это её хлеб. Это её время. Эля почти откинула от себя журнал посещений.

АЛЁНА

Почему я так хорошо крашу глаза, только когда иду к своему мастеру, которому 72 года?!

ЭЛЯ

Хаха. А у меня отмена урока. И как жить дальше?

АЛЁНА

Возьми ещё учеников, я уже устала повторять. Или займись фрилансом.

ЭЛЯ

Чем?

АЛЁНА

Подработкой. Могу подкинуть перевод книжки детской с итальянского. Заодно и язык выучишь.

САЙМОН

Я выслал тебе на электронку всё, что нужно. У тебя загранпаспорт есть?

ЭЛЯ

Есть. Спасибо. Посмотрю вечером.

САЙМОН

Люблю!

Эля поморщилась. Не ответила.

СТЁПА

Здравствуйте! Мама написала, что мы отменяем урок?

ЭЛЯ

Да.

СТЁПА

Извините, что так получается. Отец приехал из командировки. У меня каникулы. Мы все вместе едем отдыхать к друзьям. Они миллионеры долларовые, зовут к себе в отель.

ЭЛЯ

Здорово.

СТЁПА

Да! А вы куда-нибудь пойдёте на выходные?

ЭЛЯ

Ещё не знаю. Работы много.

СТЁПА

У вас уроки по выходным?

ЭЛЯ

Буду книгу переводить.

СТЁПА

Круто!

ЭЛЯ

Очень.

АЛЁНА

Пойдём сегодня на вечеринку?

ЭЛЯ

Куда?

АЛЁНА

К скульптору. К Потоцкому.

ЭЛЯ

Стёпа, хочешь на вечеринку к Потоцкому? Сегодня?

СТЁПА

Щас отца спрошу.

ЭЛЯ

Алёна, а как же книга?
А контрольная по итальянскому завтра?

АЛЁНА

Ты всё знаешь. Я же тебя учу.

СТЁПА

Меня отец не отпускает. Говорит, что никто меня не повезёт и не будет ночью встречать.
И что я слишком маленький для таких поездок.

ЭЛЯ

А.

СТЁПА

Вы не обижайтесь. Нас ночью ограбили. Помните байк огромный стоял у дома? Теперь его нет.
И в дом проникли, в подвал. У мамы истерика.

ЭЛЯ

У вас сигнализации нет?

СТЁПА

Сегодня будут ставить. И решётки на окна.

ЭЛЯ

Грустно. Понятно. Напиши, когда урок будет.

СТЁПА

ок.

Эля медленно шла по парку к общежитию, пиная пакет с едой. По дороге заскочила в магазин и купила замороженных овощей. Мама всегда говорила, что они полезнее консервов. Ну что ж. И дешевле — это точно. Без запланированного урока Эля уже с тоской раздумывала над выходными. Будет сидеть безвылазно в комнате, смотреть на Наташкины театральные постановки (Наташка училась на драматурга) или готовиться к семинарам. Нужно было ещё написать отчёт по гранту для кафедры, а для этого собрать со всех преподавателей отчёты, затем распределить всё по пунктам. Научно-исследовательская деятельность, учебно-методическая работа, общественная деятельность, международная деятельность. А ещё составить таблицу классификации бессоюзных сложных предложений закрытой типизированной структуры. Тёмные ноябрьские тучи спустились ещё ниже, и у Эли сильно заболела голова. Наверное, впервые в жизни. Земля под ногами перестала чавкать.
— Стой, — раздался сзади низкий и очень неприятный мужской голос.

Эля вздрогнула, но не оглянулась и постаралась не ускорять шаг, всем видом показывая, что ей всё равно. — Сказал — стой. Телефон.

Эля почувствовала, что с двух сторон её окружили. Дыхание сорвалось. Два парня шли рядом с ней, контролируя, так, чтобы она не смогла убежать. Эля сжала в руках пакет. Телефон? Да как она им отдаст телефон? А вдруг им ещё что-то понадобится? Открывать сумку? Что бы она сделала дома?

Парень говорил с сильным акцентом. Сколько их? Только двое по сторонам или сзади её тоже кто-то идёт? Эля прибавила шаг и остановилась, наткнувшись на одного из них, выпрыгнувшего откуда ни возьмись. Чёрная тонкая бородка, узкие глаза, спортивный костюм. По виду — лет 25. Таджик, наверное. Не Киргизия точно, на Цоя не похож. Если её институтские подруги не смогли бы их различить, то Эля делала это с лёгкостью.

Она налетела на него и отпрыгнула назад, двое по сторонам тоже остановились. Бежать? Куда? Если они увидят, что она вошла в общежитие, пиши — пропало. Будут караулить. Точно будут. Они не позволят девушке убежать от них. Они не принимают отказа.
— Зачем? — резко спросила Эля. — Не дам.
— Дай телефон.
— Да, отдай телефон, — сказал кто-то сзади. Эля поняла, что ноги у неё трясутся.

Она была так близко к выходу из парка. И, как назло, ни одной бабушки в округе, ни одной

женщины с ребёнком, ни одного хозяина собаки. Хоть мопса.

Эля засунула руку в сумку.

Парень стоял так близко, что она чувствовала, как он дышит.

— Вы откуда?—спросила она.

— Таджикистан,—усмехнулся парень.—Дай телефон.

— Он у меня старый.

Парень засмеялся.

— Ты—глупый!—сказал он Эле.—Номер телефон.

Он пристально смотрел на неё. Так на неё ещё никто не смотрел.

— Нет. У меня есть парень.

— Нет, уже нет. Теперь у тебя я—новый парень. Я звонить тебе. Говорить про любоф.

Эля чувствовала, что её трясёт. Страх сменился какой-то непонятной истерикой. Им нужен её телефон. Для этого четыре мужика держат её посреди пустого парка, словно котёнка. Нельзя их злить.

Эля упрямо пошла прямо него, он засеменил рядом.

— Ты думаешь, это нормально так с девушками знакомиться?!

— Что?

Наверное, он и правда не понимал ничего из того, что она говорила.

— Не дам.

— Телефон. Секс. Любоф.

Эля знала, нужно выйти из парка, а затем—всего несколько метров до магазина. А там—люди. Там можно будет кричать, бить пакетом по их мордам, всячески привлекать внимание.

— Телефон давай,—повторял парень.

«Ещё 50 метров»—отсчитывала Эля и шла быстрее и быстрее.

— Хорошо, дам. Записывай.

Парень, осклабившись, достал свой сотовый.

Эля продиктовала свой номер, изменив последнюю цифру. Рискованно. Зря. Парень начал набирать номер.

— Это. Не. Твой. Телефон,—сказал он, разозлившись. Эля чуть не заплакала.

— Извини, я ошиблась. Это новый номер, я ещё не запомнила.

Парни остановились и прижали её друг к другу.

Эля всхлипнула.

— Поменяй последнюю цифру. Там «семь». Кажется.

Парень, нахмурившись, нажал на вызов, и заиграла весёлая мелодия из сериала «Queer as a Folk».

— Я звоню вечером. Поняла?

И тут Эля вырвалась и побежала. Побежала так быстро, как только умела. Как тогда, на физкультуре, когда её в шутку обгонял Эльяс. Он бежал впереди задом наперёд, махал рукой и смеялся.

Глава XI

— Три пять три,—закончил Стёпа.—Вы запомнили? Ещё раз скажите всё вместе.

Эля повторила номер.

— У вас хорошая память на цифры.

— Да не…

— Хорошая. В следующий раз, когда какие-нибудь уроды будут у вас номер телефона просить—сразу давайте мой. Я с ними разберусь. Как они вообще посмели к вам подойти?

Анна вышла из кухни с большим подносом с блинчиками.

— Угощайтесь, Эльвира. Может быть, вы хотите пообедать?

Живот скрутило от одной мысли о еде.

— Это было бы здорово… Спасибо!—пробормотала Эля.

— Если вы хотите, можете остаться сегодня на ночь у нас. Уже поздно и темно. После такого кошмара я бы боялась в общежитие возвращаться.

Эля покачала головой.

— Мне завтра рано утром на работу. А все бумаги остались в общежитии.

— Как знаете. А то муж нам наладил сауну в подвале. Можем туда сходить. У меня есть прекрасный крем для тела. После сауны он просто идеален! Мы привезли его из Доминиканы, там удивительное кокосовое масло. Вам сейчас просто необходим отдых. А завтра утром я вас подброшу до электрички так рано, как вам нужно.

— Они ещё и звонили вам?—спросил Стёпа и налил себе кофе из кофемашины.—Вам латте или капучино?

— Весь вечер.

— Какой ужас!—Анна села напротив.

— И теперь каждый день звонят. Никак успокоиться не могут. Главное, я вот чего не понимаю—они случайно около общежития оказались или они там живут? Мне страшно…

Эля впервые произнесла это вслух.

— Я вас прекрасно понимаю!—задумчиво сказала Анна.—Когда у нас две недели назад взломали подвал и проникли в дом…

— Вы представляете?—выглянул из кухни Стёпа.—Там очень маленький человек был! Я в подвальном окне застреваю! А он спустился по стене, там отпечатки остались! Отпечатки ног! Спайдермен какой-то.

— Вы понимаете… Стёпа был у друзей.—Продолжила Анна.—А я одна в доме с маленькими детьми и бабушкой… вот что я могла бы сделать с ними? Муж снова в отъезде. Я уверена, там было много человек. Пока один залазил в дом, другие выносили на носилках мотоцикл! Они знали, как открыть дверь! Они знали, что у нас тупые собаки—и принесли им сосисок! Собаки лаяли, мы все слышали! И подумали, что, собаки же у нас тупые, поэтому и лают посреди ночи просто так.

— Я понимаю,— опустила голову Эля.
— Жить становится всё страшнее и страшнее, Эльвира! Бежать нужно из этой страны, уезжать! Хвататься за любую возможность и уезжать! Послушайте меня! Если у вас появится шанс уехать — уезжайте! — Сказала Анна и взяла в руку дольку апельсина.— Не хотите вина? Итальянского? Берегла до какого-нибудь случая. Мне кажется, он уже настал.

Эля кивнула. Не любила она вино, но не отказываться же, в самом деле.
— Ненавижу конец ноября. Когда снега нет.— Произнёс Стёпа, стоя у окна.— Мы, наверное, уедем в Доминикану на Новый год, да, мам?

Анна пожала плечами.
— Это будет зависеть от того, как ты будешь себя вести, дорогой мой. Вы представляете, что он вчера снова сделал? Опять поссорился с отцом. И из-за чего?
— Из-за чего? — спросила Эля.
— Из-за чая! — Анна удивлённо развела руками.
— Я сам в шоке! — крикнул Стёпа из кухни.— Я просто хотел купить вкусного чая. А он не дал! И грубо ответил. И началась словесная перепалка. Он меня послал. А я сказал, что всё равно куплю этот чай.
— Было девять вечера. Вот так и живём,— Анна отпила вина из бокала.
— Мама, мама! — К Анне подбежал Егорка.— Что такое рыба-коршун?
— Коршун — не рыба, это птица.
— А почему тогда он плавает?
— Где он плавает?
— В волнах! Так в стихотворении написано. «Коршун бьётся с ним в волнах». Как же птица может драться в волнах, если она не рыба?
— Мне нужно солнце! — застонал Стёпа.
— Да, в Москве несколько лет назад солнце просто стёрли с неба.
— Нарисуй на небе свастику, ибо солнце кончилось,— пробормотал Стёпа.

Эля взяла блинчик.
— Степан! Тогда уже лучше солнце на небе нарисовать! А в Москве жить страшно.
— Во Владике страшнее.— Вдруг сказала Эля.
— На Дальнем Востоке? Вы оттуда?
— Нет, во Владикавказе. Я приехала из Владикавказа.

Над столом повисло молчание. Эля глянула на Стёпу. Тот смотрел на неё какими-то чужими глазами.
— Так почему они к вам пристали, если вы… вы…
— Степан! — воскликнула Анна.— Это неприлично!
— Но вы же… вы же… не похожи на…
— На кого? — вопрос получился уж слишком резким.
— На хачей…

Эля молчала. Чувствовала, как закипает в ней какая-то необъяснимая ярость, наполняющая всё её тело, до кончиков пальцев. Хотелось встать из-за стола, врезать ладонью по Стёпиной физиономии, затем взять обеими руками его лицо, подтянуть ближе и заорать «Это же я, Стёпа! Я! Эльвира!»

Анна приподнялась из-за стола. Лицо её пылало так, будто Эльвира в мыслях дала пощёчину ей, а не её сыну.
— Степан. Попроси прощения.
— За что?! — взвился Стёпа и откинул от себя телефон.— Ты сама говоришь, что в Москве стало страшно жить! Что нужно валить! Каждый день только об этом говоришь!!! А тут!.. Меня учить… Извините, Эльвира. У меня взрыв шаблона просто в голове. Извините… Мне нужно подумать.

Стёпа выскочил из комнаты.

Анна села обратно и налила Эле бокал вина.

Эля чувствовала, что сейчас заплачет. Глаза заполнялись слезами, а вместо ярости внутри всё заболело вдруг, будто бы вся кровь вылилась из её тела и Эльвира, с трудом приподняв руку, взяла бокал. Рука дрогнула, и вино пролилось на скатерть.
— Ничего, я вам ещё налью. Не волнуйтесь вы из-за пустяков. Извините моего сына. Он добрый человек на самом деле.
— Я знаю. Просто… у меня мама и бабушка русские. Я всегда ощущала себя полукровкой, но всегда только русской! Я даже подумать не могла, что… в Москве это станет такой проблемой. У меня идеальный русский! Я — образованный человек! И я не ощущаю себя «другой»!

Несколько минут они сидели молча. Анна подвинула тарелку с едой к Эле и подала ей вилку.
— Какие у вас дальнейшие планы, Эльвира? — Наконец, спросила Анна.

Эля пожала плечами. Болела голова. «Это просто болит голова» — пронеслась знакомая до боли строчки из песни. Лишь через мгновение Эля поняла, что это Стёпа врубил в своей комнате музыку.
— Есть идея поехать получить международный сертификат преподавателя английского языка. Куда-нибудь в Прагу. Через год.
— И что вам это даст?
— Возможность преподавать английский в языковых школах всего мира.
— Хорошая идея. А почему Прага?
— Потому что на билеты в Америку денег нет. А Прага под боком. Если что, смогу пешком вернуться.

Анна улыбнулась.
— Смотрите, снег пошёл,— вдруг сказала она, показывая на окно.— Я думаю, что всё у вас будет хорошо.

АНАСТАСИЯ

Привет, Стёпа. Что делаешь? Почему
поменял аватарку в профайле? Чёрный
квадрат? А почему чёрный квадрат?

СТЕПАН

Порядок. Мне грустно. Меня предал
лучший друг. Я не могу никому верить.

АНАСТАСИЯ

Я хочу быть твоей девушкой. И твоим другом.

СТЕПАН

Правда? Хорошо, давай попробуем. Как насчёт
завтра? Идём кататься на моём байке?

АНАСТАСИЯ

Я не ожидала… Стёпа… Хорошо!!!

СТЕПАН

Я ничего не обещаю. Не обещаю
веселья. Но мне нужно отвлечься.

АНАСТАСИЯ

Хорошо! Куда пойдём?

СТЕПАН

Куда хочешь?

АНАСТАСИЯ

Мне всё равно.

СТЕПАН

Мне по большому счёту тоже.
Просто хочу сбежать из дома.

— Один из них закончил институт, другой полинститута. Вы хотите присоединиться ко второму или первому?—спрашивала преподавательница у курса. Курс молчал и хихикал.—Уже конец декабря! Скоро сессия! Что у вас в головах-то осталось, первый курс? Вы понимаете, что с вашей-то посещаемостью (Эля нагнулась пониже к парте) половину из вас я вижу в последний раз? А раз ректорат запретил спаривать две пары, то времени на то, чтобы вложить в ваши светлые головы ещё хоть что-то, остаётся всё меньше и меньше.

Эля вздохнула. Очень хотелось спать. Она сидела над итальянскими упражнениями и внаглую делала их на консультации по зарубежной литературе.

— Эльвира, пожалуйста, сходите в деканат и принесите ведомости, если они уже сделаны!

Эля отложила в сторону учебник, прикрыла его тетрадкой, и вышла из аудитории под недоброжелательные взгляды сокурсников.

Несколько шагов по коридору, и она в деканате.

— Здравствуйте,—постучавшись, Эля вошла вовнутрь.—Можно мне…

Не успела Эля закончить предложение, как кто-то большой и сильный схватил её на руки и закружил по деканату, чуть не сбивая сотрудников института с ног. Эля даже запищала от неожиданности. Сильный удар по голове. Очевидно, её стукнули об открытую дверцу шкафа.

— Only you!—пропел над всё ещё кружащейся головой знакомый голос. Элю поставили на землю, и она пошатнулась. Крепкие руки Саймона поддержали её.

— Что ты здесь делаешь?—спросила она по-английски и обернулась на замерших сотрудников деканата.—Извините! Меня за ведомостями отправили.

— Ведомости ещё не готовы,—сухо ответили ей голосом Людмилы Валентиновны.

— Спасибо. Извините ещё раз,—хихикнула Эля и выскочила из деканата, держа за руку Саймона. В коридоре прислонилась к стене. Спросила по-английски.—Ты ли это, Саймон? Как ты меня нашёл?

— Ты писала очень подробные письма. Интернет вообще тоже хорошая вещь. Там адреса можно найти. Я был в общежитии. Познакомился с твоей соседкой. Она лежала на полу. Странная у тебя соседка.

— У меня их две.

— Вторая лежала под кроватью, закрывшись от мира простынками. Я её даже не увидел. Затем приехал сюда. Здесь почему-то совсем никто не говорил по-английски. Сегодня ты получишь свою визу. И мы будем планировать наше будущее. Мама передаёт тебе привет! А это тебе.

Саймон неловко протянул цветы, наклонился и чмокнул Элю в щёку. Потом обнял.

— Я очень рад тебя видеть.

Эля улыбнулась. Она почему-то думала, что этот институт принёс в её жизнь счастье. Странное и непонятное счастье. Она здесь меньше года, а случилось всего уже на целую жизнь. И она не хочет получать визу.

— Спасибо за цветы.

— Пожалуйста, дорогая.

— А почему их четыре?

— Что?

— Четыре цветка! Чётное количество цветов—это только мёртвым людям дарят.

— Нет, это нечётное количество «дарят мёртвым людям», как ты позволила выразиться.

— Ой… Но я не могу расхаживать по городу с чётным количеством цветов!

— Это розы!

— И что?

— С розами можно расхаживать в любом их количестве!

— Мне нужно пойти на семинар по переводу.

— После посольства?

— До. А потом придётся прогулять ещё одну пару. Пойдём?

Семинар шёл своим чередом. Саймону разрешили остаться в аудитории, и он удивлённо оглядывался по сторонам.

«Этот перевод—просто мелодичный свист!»—Говорил мастер, а Эля писала на листочке бумаги:

«Саймон, ты как?».

«Я… не знаю. Это очень странное место».

«Да. Согласна».

«Вы и правда сидите тут и переводите книжки с итальянского на русский язык?»

«Правда».

— Это не текст, а набор банальностей, как говорят актёры, это «тёплая жопка»!— Воскликнул мастер.

Алёна, сидящая у окна, подмигнула Эле.

«Я хотел в армию уйти. Ну, до того, как мы с мамой решили тебя к себе пригласить».

«Зачем тебе армия?!»

«Всегда хотел».

— Из какого кошмара взялась аналогия «Я — горькая» в контрольном переводе, Лёша?!!

«Интересно тут у вас. А почему та девушка постоянно мне подмигивает?»

«Она мне подмигивает. Это моя лучшая подруга».

«Это азбука Морзе, что ли?»

«Хаха».

«Мы можем отсюда уйти? Время идти в посольство и отмечать новую главу в нашей жизни».

«Давай».

Эля знаками показала Алёне, что они уходят.

У посольства стояла длинная очередь, посыпанная снегом. Москва под белым покрывалом казалась удивительно красивой. И Москва-река, в которой отражался Белый Дом, и поблёскивающий на солнце пешеходный мост у Киевского вокзала. Эля и Саймон шли от института пешком. Сначала по бульварам, затем по Старому Арбату. Саймон пытался постоянно взять её за руку, стряхивал снег с шапочки и через каждые три минуты спрашивал, не замёрзла ли она.

А Эля мысленно прощалась с Москвой, которую так успела полюбить. После Нового года она полетит в Лондон, затем в Бристоль. Бристоль… Про который она раньше и не слышала, а теперь знает о нём почти всё. Это будет совершенно новая жизнь, новый язык со странным диалектом, новый дом. И пусть пока она не знает, как по-настоящему относится к Саймону, но ведь все говорят, что за границей жизнь лучше, чем в России, правда? Анна так постоянно говорит. А Саймон — прекрасный человек. Он её в обиду не даст. И, наверное, в Англии всем будет плевать, что она приехала из Владикавказа, и она никому ничего не будет доказывать, например, на сколько процентов она русская. Или будет? Или она останется бесправной на несколько лет и, наоборот, всю жизнь будет биться головой о стены и постоянно чувствовать слабость, когда не сможет красиво выигрывать словесные споры? В конце концов, это институт, ради которого она приехала в Москву. Легендарное место. Может ли Бристоль быть таким же удивительным? А что насчёт мамы Саймона? И почему Эля не думала об этом всём до того, как ответить «да»? Была слишком занята?

Эле вдруг стало страшно. Пока они подходили к посольству, стояли в странной очереди и их осматривали с металлоискателями. Страшно было переступать порог этого огромного и блестящего места и полностью попадать под влияние этих неизвестных людей. А вдруг Саймон не такой уж прекрасный и положительный, как ей казалось эти несколько месяцев? А вдруг он её бросит одну в чужой стране, и ей придётся возвращаться не солоно хлебавши обратно в Россию? А что ещё хуже — в родную деревню? Вряд ли в институте ей дадут второй шанс. Взять академический отпуск на год и посмотреть, что будет? Тогда это будет нечестно по отношению к Саймону. Боже, как же сложно… Что же делать?

— Не может быть,— прошептал Саймон и побледнел. Он держал в руках конверт с ответом из посольства и Элиным загранпаспортом.— Здесь отказ. Тебя не пускают в Англию. И запрещают подавать документы в Англию весь следующий год.

Ещё толком не понимая, что происходит, Эля услышала, как пискнул её телефон. Она автоматически достала его и прочитала сообщение.

СТЁПА

Эльвира, мы остаёмся жить в Доминикане. Прощайте.

Глава XII

«Алёна, привет! Даже не знаю, с чего начать моё письмо… Ты была права, получить этот сертификат оказалось сложно… А если по порядку…

То каждое утро на остановке мы встречаем высокого парня в балахоне Burzum, лица его не видно под капюшоном. Каждое утро он садится на велосипед, быстро обгоняет наш автобус и исчезает в утренней темноте Праги. Автобус плавно переваливается с боку на бок, спускается по Липкам и мчится среди холмов к Андель.

Я сейчас сижу на старом кладбище, сюда меня притащила Вэсна, говорит, здесь любила читать письма Цветаева. Вэсна кричит по телефону по-сербски, а меня рвёт прямо между старыми могилами. Я не спала уже неделю.

Вчера Крэйг пил водку под крышей, к нему в гости пришла Мэган, недавно получившая работу в нашей школе, сразу же после окончания курса. Её парень живёт в Дубаи, а она тусуется в Праге, водит туристов по старому городу. За последний год она жила в Париже и в Кёльне. Ей 33, и сегодня ночью она громко пела караоке прямо над моей комнатой.

В доме нас живёт почти двадцать человек, если считать с Мэган и Себастьяном, то двадцать два. Я живу на третьем этаже и слышу, как у Вэсны тихо играет музыка, как Самэт общается с Лори на подоконнике, как Уолтер флиртует с Лорэн, а Маркос держит в секрете, что Себастьян уже третий день ночует у него в комнате. Почти все наши с Вэсной соседи приехали из небольших городов Америки, кажется иногда, что во всей Америке нет работы для молодёжи. Из молодых, от 18 до 23, нас всего трое вместе со мной, остальным — около тридцати. У всех у них — растерянные глаза.

Вэсна говорит, что в России у нас ещё всё хорошо. Вчера звонила её мама, говорит, что ночью не смогла купить лекарство от жара для бабушки, без рецепта не продают. Звонил ей и Милош. Просил вернуться домой. Звонила Оливера, её лучшая подруга, после окончания аспирантуры, она плавает где-то на огромном американском корабле недалеко от Египта, уже второй год работая официанткой в кафе.

Почему-то именно здесь, на кладбище, Вэсна вспоминает, как американцы бомбили её город, как дымилась и рушилась телевышка, как дико кричала мама, ведь именно в этой телевышке в тот день работал её отец. Сегодня она рассказывала, как взорвали поезд на мосту и оттуда выбегали горящие люди. Как она кралась из школы, где сдавала экзамен по английскому языку, домой. Никогда не думала, что именно английский язык станет её профессией. А думала ли об этом я? У нас с Вэсной очень много общего — у неё — бомбёжка Нови Сада, у меня — мой Кавказ.

Мы с Вэсной понимаем, что нам обеим здесь не место, что после TEFL-курса на работу в лингвистическую школу в центре Праги возьмут только десять человек, носителей языка. А нас двадцать, и все мы хотим остаться в Праге, хотим, чтобы школа помогла нам с визами и с жильём. В школе платят всего 7 евро за академический час, но мы уже смирились с этим и устали от соперничества. Я сдалась первая. Ты ведь помнишь, что я продала отцовскую машину, единственное, что мне осталось от него? Чтобы заплатить за сертификат и полтора месяца в Праге. И теперь мне стыдно перед ним, перед умершим отцом. У Вэсны же был выбор — оплатить год магистратуры в университете на языковом факультете, либо поехать в Прагу и получить международный сертификат преподавателя английского языка. Приехав в Прагу, мы узнали, что сертификат дадут не всем, а только успешно, по их мнению, закончившим курс. Меня поселили в самую маленькую подвальную комнату без окон. На мой удивлённый вопрос, почему? — директора честно ответили, что «потому что ты русская». Крэйг шутил, что даже камера в Лондоне, в которой он очутился два месяца назад за какой-то проступок, и то была больше и чище. „Забудь про своё сраное классическое русское образование!“ — кричали на меня преподаватели и вбивали, вбивали свою методику.

По вечерам почти во всех комнатах гремит музыка, заглушая соседей. Кирэн поёт Coldplay под гитару, безбожно фальшивит и скучает по Новой Зеландии, по своей бывшей девушке. Его родители готовы давать ему деньги только для того, чтобы он катался по миру, играл в массовке орков в Хоббите, учил английскому языку чехов и никогда не возвращался домой. Остальные по вечерам пьют в Джип-баре, странном частном заведении на территории небольшого дома. Среди деревьев стоят танки и советские машины, а пиво там очень дешёвое. Нас с Вэсной давно уже не зовут на эти сборища. Мы обе не смотрели фильмов про Бэтмана, не понимаем их шуток. Они приехали учить родному языку, а мы — две славянские девушки, выскочки, самоучки. Брэндан всю первую неделю выцеплял меня, в одиночестве бродящую по коридору, и спрашивал, как приготовить хороший борщ. Сначала я отвечала. Затем замолчала и смотрела ему в глаза, пока он издевался.

The worst month in my life — сказала однажды пьяная Сэнди, засыпая над учебником на кухне. Сэнди, наша прекрасная Сэнди, тоже сорвалась и кричала „Америка!“ после каждого вопроса преподавателя. Директора школы очень хотят заполучить её себе, но она громко отвечает так, чтобы все слышали: „Слушай сюда! Я живу в центре знаешь чего? Нью-Йорка! Ты меня слышишь? Нью-Йорка! В собственной квартире! Работаю в частной школе за большие бабки! Вы меня сюда не переманите! Здесь мне жить *не добже!*“

Уолтер работал в Грузии за 300 евро в общеобразовательной школе с любимой девушкой. Но это было до Праги. Сейчас он смотрит только на Лорэн, на её прозрачную ирландскую кожу и медные волосы.

Мы просыпаемся в шесть утра, в семь уже выезжаем с остановки, молчаливые и бледные, в восемь начинаются тренинги, продолжающиеся до часа дня, когда мы на сорок пять минут выползаем на солнце и, морщась, пытаемся запихнуть в себя немного еды. В два мы входим в классы и сами ведём занятия чехам под пристальными взглядами наших преподавателей, которые за каждое лишнее слово снижают оценки и вероятность получения сертификата. Мы дрожим, бледнеем, забываем слова, мы боимся лишний раз объяснить что-то своим ученикам, ибо за каждое лишнее слово — минус один балл и крик «Your TTT is too high!». Мы меняемся, преподаём по очереди, затем нас заставляют критиковать работу друг друга. В шесть вечера мы спускаемся в библиотеку и готовим уроки на завтра. Мы пишем бесконечные планы, расписания, копируем материалы,

подбираем учебники, тексты, вопросы, придумываем „warm-ups“, activities, monitoring, instructions. Возвращаемся в трамваях до Андель, когда уже темнеет, и Карлов мост вызывает только усталый вздох и неприязнь. Пять минут в магазине, и последние автобусы увозят нас в дом, где мы вновь садимся за уроки, переписывая их на десятый раз, на чистовую, проговаривая каждую тему вслух.

Что мне делать, Алёна? Остаться? Бороться за место в школе? Ехать домой и учиться дальше? Саймон исчез сразу после отказа. Наверное, ушёл в армию, как и хотел до поездки в Москву. Или уехал в Марокко. Стёпа вчера написал. Вроде бы они возвращаются обратно в Россию. Я очень по нему скучаю. Помнишь, когда он исчез, я рыдала прямо на плече у Саймона около английского посольства? А Саймон думал, что это из-за него и из-за отказа в визе? А на самом деле я не понимала, как жить без Стёпы дальше. Без наших встреч и уроков. Без разговоров с его мамой в машине по дороге к электричке. И вот он возвращается. Через полтора года. А я очень надеюсь, что ему по-прежнему нужен преподаватель по английскому языку.

Вэсна сейчас сидит на памятнике и смотрит пустым взглядом на старинный монумент с грустным юношей в длинном саване и белом капюшоне. Я сейчас тоже сяду рядом, обниму Вэсну за плечи, как родную сестру, протру платком губы, и тоже буду смотреть на этого юношу, исчезающего в темноте наступающих пражских сумерек. Эля».

«Возвращайся домой. Мы тебя ждём. Алёна».

Наталья Данилова

Собиратель слёз

«Ridero», 2018

Наталья Данилова — «повивальная бабка» духа. Как Сократ. Только работает она не со взрослыми людьми, закосневшими в предрассудках, а с маленькими детьми, дошкольниками. Ей помогает в этом собственная литературная одарённость. Наташа создала целый мир — фантастический и реальный, в котором живут и действуют герои придуманных ею целебных игр. Две относительно самостоятельные части романа-сказки Натальи Даниловой «Остров детства» опубликованы в «ДиН»: «Собиратель слёз» — в 2008 году, «Сила двенадцати» — в 2011-м. Мало этого: вместе с коллегами, психологами и педагогами, Наталья Юрьевна разработала стройную и чрезвычайно эффективную образовательную систему, которую назвала «Юный гений» и проверила на практике в течение многих лет. Этот подход помогает преодолеть множество психологических проблем, связанных с вхождением в мир современных детей, особенно — одарённых (Наташа, правда, уверена, что «неодарённых» детей не бывает!). То, что она рассказывает о своих воспитанниках, вызывает ужас и восторг. Ужас — потому что её работа нередко обнаруживает в психике отпрысков более чем успешных семей такие бездны страхов и комплексов, что поневоле задумываешься о будущем цивилизации! Восторг — потому что она раскрывает в ребятишках неисчерпаемый умственный и чувственный потенциал, проявляющийся тут же в рисунках, сказках, стихах, играх, беседах. В методичке, сопровождающей интеллектуально-развивающую игру, созданную Натальей Даниловой, говорится:

«Никаких сомнений, ваш ребёнок — гений. А как же иначе?! Ведь он — носитель генов. Тех самых, которые вы передали ему при рождении, словно некую интеллектуальную собственность. Юный гений растёт, мы помогаем ему развиваться, помогаем преодолевать сумеречное, сонное состояние сознания. Будим его. А всё для того, чтобы наш наследник смог найти своё великое предназначение в этом мире — своё призвание. Чтобы впоследствии он смог не только выживать, используя навыки и знания, которые вы ему привьёте, но и для того, чтобы он получал удовольствие от дела, которому посвятит свою жизнь. <…> Все дети — гении. В них скрыт потенциал, который не поддаётся описанию».

Таков исходный посыл этого педагогического чуда. Как всякое настоящее чудо, в сегодняшней российской действительности укореняется оно с большим трудом. Однако Наталья Данилова героически стоит на своём — работает, ищет, настаивает и — добивается.

МАРИНА САВВИНЫХ
«ДиН», №4, 2012 г.

Вадим Наговицын

Жертва вечерняя

fundatur in vera historia

«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею — жертва вечерняя…»
(Псалом 140, ст. 2)

1.

Кирилл вот уже целый час стоял возле окна своего кабинета и рассеянно смотрел на хмурое небо, изредка пробиваемое лучами майского солнца. Его пальцы иногда постукивали по широкому пластиковому подоконнику, потом замирали и через некоторое время снова пускались в дробный перестук.

В оконном стекле отражалось его лицо: широкий лоб с большими залысинами в светло-русых коротко стриженных волнистых волосах; выразительные серо-голубые глаза с немного опущенными внешними уголками; высокий узкий нос, тонкие поджатые губы; аккуратные короткие усы пшеничного цвета и гладко выбритые немного впалые щёки под выпуклыми скулами…

Томительное ожидание затягивалось и всё сильнее бередило душу. Пальцы продолжали перестук по подоконнику, и мысли Кирилла становились всё тяжелее и тяжелее, поэтому, когда на письменном столе зазвонил телефон (в 1995-м году в России ещё не было мобильной связи), Кирилл вздрогнул, мгновенно пришёл в себя и тремя быстрыми шагами подскочил к аппарату.

— Алло! — сорвав трубку, выкрикнул он. Но вместо ожидаемого голоса жены, услышал низкий, слегка скрипучий мужской голос, который, в принципе, ожидал услыхать тоже, но точно не сейчас, не в эту минуту. Скрепя сердце, медленно, на выдохе выговорил:

— Слушаю!

— Мы нашли его, — твёрдо произнёс скрипучий голос.

Кирилл сразу же понял, о ком идёт речь, и его сердце застучало сильнее и чаще. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

«Как не вовремя!» — подумалось ему. Но вслух сказал:

— Давайте встретимся в «Бастионе»! В полдень. Там всё обсудим…

Помедлив, голос в трубке ответил:

— Хорошо.

Раздались гудки отбоя. Кирилл положил трубку и глянул на большой настенный хронометр в серебряной оправе — до встречи оставалось ещё более двух часов.

Волнение слегка поутихло, но заниматься делом, несмотря на накопившуюся текучку, ему не хотелось, да и не моглось. Исподтишка подкатывала слабость, начиналась мелкая дрожь в руках. Ему было трудно сосредоточиться на работе, пока не прояснится тревожно ожидаемая ситуация.

Кирилл уже собрался было обзванивать нужные, как ему казалось, телефоны, но аппарат на столе запел снова.

— Слушаю! — рука сильно прижала трубку к уху.

В динамике зазвучал, перебиваемый всхлипами, голос жены:

— Ему плохо!.. Очень плохо!.. Врач не знает, что делать… сделали уколы, он немного успокоился, но состояние тяжёлое…

— Погоди! — выкрикнул Кирилл, — Приступ остановили?

— Остановили… Врач не знает, что делать дальше…

— Как это, не знает, что делать? Он врач или коновал? — Кирилл начал свирепеть.

— В больнице… нет… нужных лекарств… — прорыдала жена.

— Что значит нет?! Я сейчас приеду! Вы в какой больнице? В детской? На Ульянова? Дождись! Буду через полчаса.

Кирилл бросил трубку и расстегнул ворот рубахи. Его душили ярость и отчаяние.

Накинув чёрную джинсовую куртку, он вышел из кабинета в просторную приёмную, в которой среди шкафов и стеллажей сидела за длинным столом его сотрудница.

— Валерия Евгеньевна, — обратился он к ней, — мне нужно срочно отлучиться.

Увидав на его лице сильное смятение, сотрудница сочувственно поинтересовалась:

— Что случилось, Кирилл Петрович?

Валерия Евгеньевна исполняла в фирме Кирилла обязанности проектировщика, экономиста и секретарши — три должности и за одну зарплату. Но ей оставалось совсем немного до пенсии, и труд у Кирилла её вполне устраивал, поэтому она никогда не жаловалась и исполняла всю работу

прилежно и добросовестно. Да и к Кириллу относилась с сочувствующей симпатией и даже с некоторым материнским покровительством. Поэтому у Кирилла не было особых секретов от добрейшей Валерии Евгеньевны.

— У меня сын в больнице! — с болью вымолвил Кирилл.

— Лёша?! — прижав руки к груди, с искренним огорчением воскликнула Валерия Евгеньевна, — Господи! Что с ним случилось?!

Кирилл замотал головой, но всё же поведал:

— Утром, сегодня... У сына случился приступ... Он чуть не задохнулся! Приехала скорая. Сказали, что это аллергическая астма, и увезли в больницу... Жена поехала с ним. Я всё утро ожидал звонка от неё, из больницы. И вот, она только что позвонила, сказала, что врач не знает, что делать. И что состояние у Лёши тяжёлое... — Кирилл едва сдерживал слёзы, лицо его побагровело. — Я сейчас поеду в больницу. Нужны лекарства.

Валерия Евгеньевна поспешно встала из-за стола и взяла Кирилла за руку.

— Вы езжайте, Кирилл Петрович, езжайте! Вам, конечно же, сейчас надо быть там, с сыном, с женой. Вы сумеете помочь. Езжайте! А я отвечу на все звонки и переговорю с заказчиками. Не переживайте! Всё будет хорошо!

Она встряхнула руку Кирилла и отпустила. Он слегка успокоился, благодарно кивнул и вышел, затворив за собою массивную деревянную дверь.

Кабинеты Кирилловой фирмы располагались в самом конце не очень длинного коридора, выходящего в просторный холл. Не дожидаясь лифта, Кирилл стремительно побежал вниз по лестнице — всего-то пятый этаж.

2.

На парковке возле широкого газона рядом с офисным зданием ждал автомобиль — чёрный ГАЗ-24 «Волга». На машине стояла входившая в моду новинка — электронный замок с дистанционным ключом, который, пискнув, отпер дверцы авто. Кирилл сел за руль, завёл мотор и плавно тронулся с места. Волнение почти отпустило его.

Выехав на главную улицу, он направился в сторону детской больницы, находившейся на южной окраине города в лесопарковой зоне, за которой пролегало федеральное шоссе, ведущее на запад — в Москву.

В это время машин на улицах было ещё совсем немного, и Кирилл быстро доехал до тихой улицы Ульянова. Припарковавшись возле высокой протяжённой ограды из железобетонных декоративных панелей, он подошёл к закрытым металлическим воротам, ведущим на территорию детской больницы. Рядом с воротами находилась проходная — маленький кирпичный домик с большими витринными окнами и открытой для прохода посетителей дверью. Окно, выходящее на улицу, было распахнуто, и в нём был виден грузный немолодой охранник. Тот поднял голову и невыспавшимся взглядом вопросительно посмотрел на гостя.

— Мне нужно к сыну, — произнёс Кирилл почему-то дрогнувшим голосом.

— Фамилия? — поинтересовался охранник.

— Никонов... Кирилл Петрович...

Охранник внимательно разглядел его, сделал запись в журнале и не стал требовать документа:

— Проходите! — утвердительно кивнул и опустил голову.

— А где отделение для лёгочников?

— Третий корпус. Пульмонология, — не поднимая головы ответил охранник.

Кирилл прошёл через дверь проходной и ступил на территорию больничного комплекса, густо усаженную невысокими подстриженными кустарниками. Он направился по узкой асфальтированной дорожке к третьему от левого края корпусу. Это было длинное трёхэтажное здание из светло-серого бетона с большими квадратными окнами и несколькими дверями по фасаду. Разглядев над одной вывеску «Приёмный покой», зашёл внутрь.

В небольшом светлом вестибюле с квадратными колоннами стояли прохлада и тишина, чувствовался ментоловый запах какого-то лекарства. Справа за невысоким барьером из тёмного полированного дерева, возле самого окна, сидела молодая худощавая женщина в белом халате и докторском колпачке.

— Здравствуйте! — Кирилл подошёл ближе и слегка поклонился. Женщина подняла глаза — её бледное лицо выглядело очень усталым.

— Вы к кому? — спросила она тусклым голосом.

— К вам поступил сегодня Лёша Никонов... — Кириллу было трудно говорить. — С астмой... Его мама должна быть с ним... Можно мне пройти к сыну?

Женщина в белом халате склонила голову и перелистала несколько страниц в толстом журнале записей. Найдя нужную, снова взглянула на посетителя и тихо произнесла:

— Пройдите на второй этаж, в пятнадцатую палату. Только сначала вот там, — она указала на дальний угол у противоположной стены, в котором на хромированных вешалках висели белые халаты, а на низких деревянных полочках стопками лежали тапки, — переобуйтесь и наденьте халат. Пожалуйста.

Кирилл послушно выполнил просьбу и снова вернулся к барьеру:

— Скажите, как его самочувствие?.. Лёша Никонов.

Кириллу было боязно и неловко, но женщина теперь поглядела на него, кажется, с явным сочувствием, и от этого он ещё больше разволновался.

— Пока что состояние стабильно тяжёлое. Мальчик в сознании. Приступ удалось остановить,

но требуется срочное медикаментозное лечение. Обратитесь к лечащему врачу, Анатолию Андреевичу, он в двадцатом кабинете на том же этаже. Он вам всё объяснит подробнее. Проходите — дверь там.

Женщина снова указала, но уже в другую сторону, и Кирилл обратил внимание на то, какая у неё тонкая и белокожая рука.

Пробормотав слова благодарности, он прошёл мимо колонн в распахнутую дверь, ведущую на лестничную клетку. На втором этаже вдоль широкого и длинного коридора, освещённого лампами дневного света, по обеим сторонам располагались ряды остеклённых дверей. Коридор был пуст и за столиком дежурной никого не было. Найдя палату под номером пятнадцать, Кирилл осторожно приоткрыл дверь и заглянул. Внутри просторного помещения стояло шесть кроватей — по три с каждой стороны. Посередине находилось широкое окно, прикрытое серыми полупрозрачными шторами, с высоким подоконником и длинной гармоникой теплового радиатора под ним. На двух кроватях слева лежали ребятишки лет десяти-двенадцати и, видимо, спали, а у кровати справа, возле самого окна, спиной к нему сидела на табурете, сильно ссутулившись, Ирина, его жена.

Войдя в палату и прикрыв за собой дверь, Кирилл подошёл ближе и тихо позвал:

— Ира!

Жена обернулась — у неё кровинки не было в лице, растерянный взгляд скользил куда-то мимо него. Кирилл подошёл ближе. На кровати лежал под капельницей укутанный белой простынёй худощавый мальчик лет семи. Он был очень бледен, тёмно-русые волосы взмокли от пота, а глаза с синими кругами отёков плотно закрыты. Он не спал: веки дёргались, а губы кривились от боли.

Кирилл наклонился к сыну:

— Лёша, ты как?

Мальчик, не открывая глаз, с трудом прошептал:

— Привет, папа… Я пока живой.

Жена закрыла глаза ладонями и тихонько заплакала. Мальчик прошептал уже громче:

— Мама, не надо плакать. Мне и так больно. Тяжело дышать…

Ирина попыталась унять плач, но от этого только сорвалась на безудержные всхлипы и, вскочив с табурета, стремительно вышла из палаты — в коридоре она громко разрыдалась.

Кирилл присел на её место и положил ладонь на лоб сыну. Мальчик попытался улыбнуться, уголки тонких синюшных губ едва растянулись, но вместо слов у него вырвался сухой частый кашель.

— Ты выздоровеешь. Обязательно выздоровеешь! Я знаю. Только обещай, что ты будешь помогать себе выздоравливать.

— Обещаю, — вымолвил Лёша.

— Ты должен сам себе говорить: «Я буду здоров!»

— Я буду здоров.

— Погоди, я сейчас схожу к доктору. А ты держись пока. И выздоравливай. Пожалуйста!

Кирилл погладил сына по горячей голове и вышел из палаты. У него в горле стоял плотный ком, и слёзы готовы были брызнуть из глаз. Он сдерживался из последних сил. Возле стены стояла Ирина и вытирала носовым платочком слёзы на щеках. Он подошёл к ней:

— Я сейчас зайду к доктору. Поговорю с ним. А ты иди к Лёше. Я ещё загляну.

Кирилл взял Ирину за плечи и слегка встряхнул. Она покивала головой, соглашаясь с ним, и вернулась в палату к сыну.

Кирилл пошёл искать двадцатый кабинет. Тот находился в самом конце коридора — на двери из орехового шпона висела табличка: «Главный врач отделения Колбин А. А.». Кирилл постучал и услышал приглашение: «Войдите!»

Кабинет был небольшим, но просторным из-за минимального количества мебели: письменный стол, пара металлических стульев и стеллаж. Врач стоял возле окна и рассматривал на просвет рентгеновский снимок. Положив снимок рядом с собой, он указал Кириллу на стул, приглашая сесть, но сам остался стоять, опершись спиной о подоконник. Белый халат висел на его плечах как на вешалке.

— Вы, наверно, папа Лёши Никонова? — уверенно спросил врач неожиданно низким густым голосом. Его бритое костистое лицо со впалыми щеками было тревожно и печально, и только глубоко посаженные серые глаза под высоким лбом блестели сердито и вызывающе.

Кирилл присел на никелированный стул и непроизвольно сцепил руки на груди:

— Да. Меня зовут Кирилл… Кирилл Петрович.

— Давайте сразу к делу! — произнёс врач без обиняков. — У мальчика очень тяжёлое состояние, у нас мало времени. Надо что-то предпринимать.

Кирилла больно ударили эти слова.

— Скажите, что надо делать?!

— У нас нет нужных лекарств! Вы же знаете, что сейчас творится с нашей медициной. Больницы фактически не финансируются, зарплаты у врачей нищенские, да и те не платят по несколько месяцев. Медперсонал разбегается, некому работать. И нам просто нечем лечить! — почти выкрикнул врач.

— Что же делать? — Кирилл почувствовал отчаяние.

— Ваша жена сказала, что вы работаете в коммерческой фирме… Это так?

Кирилл закивал:

— Если речь идёт о деньгах, то я готов…

Врач нервно дёрнул головой и произнёс уже совсем сердито:

— Деньги нужны не мне! Деньги нужны, чтобы купить лекарство. В нашем городе есть коммерческая аптека, там продаётся необходимый для лечения вашего сына препарат. Его можно там

приобрести. За деньги. Но это очень дорогой импортный препарат!
— Доктор, сколько надо заплатить?
— Пятьсот долларов за упаковку в десять ампул. Для лечения понадобится две упаковки. Надо бы и третью, на всякий случай. Если вы в состоянии купить лекарство за полторы тысячи долларов, то мы спасём вашего сына. Других вариантов просто нет.

Врач опустил глаза. Ему было очень стыдно. Но у него не было никакого другого выхода. Большую часть лекарств, которые действительно лечат, можно было купить — очень дорого — только в коммерческих аптеках, которые открыл, по слухам, сам начальник городского здравоохранения.

Кирилл встал, громыхнув стулом, и подошёл к врачу.
— Доктор, — твёрдо произнёс он, — у меня есть деньги. Я готов купить лекарство.

Врач поднял лицо, и в его взгляде появилась надежда:
— Очень хорошо! Тогда поезжайте прямо сейчас в аптеку, — Анатолий Андреевич протянул Кириллу рецепт. — Тут написан адрес, это неподалёку. Купите лекарство, три упаковки, и сразу же возвращайтесь. Я тотчас начну лечение. И поторопитесь, пожалуйста. У мальчика в любой момент может случиться отёк лёгких.

Кирилл испугался последних слов врача. Он протянул руку, и Анатолий Андреевич крепко пожал её.
— Спасибо, — сдержанно произнёс Кирилл.
— Ступайте! Не теряйте времени! — Врач поднял рентгеновский снимок и отвернулся к окну.

Кирилл вышел из кабинета и чуть ли не бегом кинулся вниз, сжимая в руке рецепт.

Уже в машине, заведя мотор, он достал из внутреннего кармана кожаный бумажник и заглянул внутрь — там было ровно сорок стодолларовых купюр. Затем он внимательно рассмотрел листок с рецептом и разобрал адрес: улица Воронова, дом 37.

«Совсем рядом!» — подумал Кирилл и рванул с места.

Через двадцать минут он вернулся назад к больнице уже с лекарством.

3.

Заведение «Бастион» в советские времена было популярным пивным баром в просторном одноэтажном остеклённом павильоне, именовавшимся в народе «стекляшкой». «Стекляшка у парка» — так уточнял народ, когда собирался в выходные погулять в городском парке и заодно попить пива в баре неподалёку от центрального входа. Здесь подавалось свежее разливное пиво от местного пивзавода и, хотя кружка стоила дороже обычного, 60 копеек, народу, особенно в субботу, было не протолкнуться — все двадцать столиков всегда были заняты постоянными посетителями. И у входа в томительном ожидании вакансий обычно толпилась очередь. В зале «стекляшки» всегда стояли крепкие ароматы пива, сушёной рыбы, жареных сосисок, потаённой водочки, а за столами гудели важные разговоры о политике, о выполнении производственных планов, о бабах и о жизни в целом — народ культурно отдыхал.

В окаянные послесоветские дни «стекляшка у парка» и ещё несколько пивных «стекляшек» в городе попали в ловкие руки пронырливого дельца Пал Митрича, бывшего начальника «Продторга». Пал Митрич отремонтировал все «стекляшки» и превратил их в респектабельные пивные рестораны. В них было чисто, красиво и уютно. Кружка пива стоила уже от двух до пяти долларов[1] — в зависимости от сорта. А сортов здесь появилось более двух десятков: от светлого чешского и бархатного тверского до тёмного ирландского и крепкого пльзенского. Позже Пал Митричу достался и местный пивзавод, который резко увеличил объёмы производства, и ассортимент народного пенного напитка значительно расширился.

«Стекляшка у парка» сильно преобразилась: стеклянный фасад заменила кирпичная стена с каменным рустиком и высокими арочными окнами с мелкой расстекловкой под старину. Над углами вознеслись декоративные готические башенки, а поверху протянулся парапет в виде крепостных зубцов. На входе появилась массивная дубовая дверь с медной оковкой, а над ней нависла большая бычья морда из бронзы. Заведение стало именоваться «Бастион», что вызывало регулярные усмешки у посетителей. Теперь поход в пивбар стал называться «взятием бастиона».

Посетители заведения тоже изменились: уже не простые работяги с заводов и чванливые конторские служки, а всё больше пролетарии умственного труда из казённых офисов, труженики местного бизнеса и базарная интеллигенция. Все они любили вечерком захаживать в «Бастион», чтобы отдохнуть от напряжённых трудов, и потому народу здесь всегда пребывало достаточное количество, хотя ажиотажа советских времён уже не было вовсе.

Кирилл приехал в «Бастион» в половине двенадцатого и зашёл внутрь. В зале стояла приятная прохлада от хорошей вентиляции. Справа от входа тянулась длинная высокая стойка из тёмного морёного дуба. Над ней красиво висели рядами большие стеклянные кружки и гирлянды пакетиков с рыбной закуской. За стойкой красовался ряд никелированных краников с рукоятками — отсюда разливали пиво. Рядом же находился арочный

1. Здесь и далее упоминаются доллары, которые были основной платёжной валютой и средством сбережения в постсоветской России из-за бешеной гиперинфляции.

проход на кухню, из которой доносились аппетитные ароматы копчёной рыбы и жареных колбасок.

Посетителей было мало — всего человек пять. В это время многие ещё трудились на благо общества, а места за массивными деревянными столами на толстых ножках занимали либо празднолюбцы, либо те, кто назначал тут деловые встречи.

Кирилл любил здесь бывать, потому что контингент посетителей был вполне устоявшимся: посторонние сюда заглядывали редко, а ментовские и вовсе брезговали посещать пивбары. Так что днём здесь чаще всего проводились деловые встречи за кружкой альтернативного кваса и скромной закуской. Да ещё захаживали на недорогие обеды дельцы с местного вещевого рынка.

Кирилл присел на широкую дубовую лавку за самым дальним столом в углу у окна, в котором хорошо просматривался подъезд и вход в парк на противоположной стороне улицы. В дальнем углу торцевой стены, украшенной огромными медными чеканками на темы западноевропейского средневековья, за багровой плюшевой шторкой прятался запасной выход, который днём никогда не запирался, и через него всегда можно было незаметно ускользнуть от нежелательных встреч.

Кирилл заказал кружку кваса, капустного салата, ржаных сухариков и солёных огурчиков — хотелось немного перекусить. Расторопная официантка Света, молоденькая худая девчонка с тонкими жёлтыми косичками, в немецком сарафане с высоким кожаным поясом, быстро подала заказанное, улыбнулась Кириллу заученным полуоскалом и вернулась за барную стойку — протирать стеклянные кружки белым полотенцем.

Закончив скромную трапезу, Кирилл глянул на наручные часы, «Командирские» в позолоченном корпусе, — было уже почти двенадцать. За окном мелькали редкие прохожие и совсем не было автомобилей — в будни парковая улица была достаточно глухой.

4.

Ровно в полдень в зал вошёл невысокий очень плотный мужчина средних лет в чёрных широких джинсах и синей рубахе в клетку с длинными рукавами, обтягивавшими накачанные мышцы. Заметив Кирилла, он подошёл к нему и протянул руку. Кирилл поспешно встал, крепко пожал широкую ладонь и пригласил гостя присесть. Тот втиснулся за стол, уселся на лавку и, сцепив замком толстые пальцы, положил руки перед собой. Кирилл тоже сел.

— Квасу?! — учтиво предложил он. Гость отрицательно крутанул головой.

— Давай сразу к делу! — произнёс он низким скрипучим голосом. — Я хочу знать, кто этот человек, которого ты просил разыскать, и суть твоей проблемы. Если можно, то поподробнее.

Кирилла охватило нервное возбуждение — он не знал, с чего начать разговор. Помолчав немного и не решаясь посмотреть в глаза человеку напротив, он всё-таки заговорил:

— Игорь Олегович, я никогда не мстил своим обидчикам. Никогда не наказывал мелких проходимцев и жуликов, которые кидали меня на небольшие суммы. Но в случае с этим фраером… В общем, речь идёт о довольно крупной сумме — двадцати тысячах долларов. И дело даже не в деньгах…

— Давай на «ты» и обращайся ко мне просто по имени, — перебил гость.

Кирилл согласился:

— Хорошо! Конечно… Так вот… Игорь… — не без осторожности продолжил он — Полгода назад, в середине декабря, пришёл ко мне Гена Кичигин с предложением купить по дешёвке металлопрокат у его фирмы. У меня производственно-строительный бизнес: цех, мастерские, сантехника, стройматериалы, железобетон, нулевые циклы и так далее. Понемногу строю и ремонтирую… Этот Гена предложил двести тонн арматуры по сто долларов за тонну. Цена просто бросовая! Сейчас арматура уже за триста, а год назад дешевле чем за двести двадцать и не достать было. Многие прокатные заводы стояли и стоят до сих пор, и профильный металл всегда в большом дефиците. Но строить-то надо!

Так вот, Гена обосновал, что, мол, старые запасы распродаёт и ликвидирует фирму. Дескать, налоговая полиция на него круто наехала, потому и решил обанкротиться. Я тогда железобетонные балки изготавливал под большой заказ для «Химстроя», и арматуры мне остро не хватало. Ну я и повёлся на такую цену.

Игорь Олегович слушал внимательно, и Кирилл заговорил уже с большей уверенностью:

— Поехали мы тогда с Геной на его склад. Я посмотрел — всё большим штабелем уложено. Там арматуры, судя по пачкам, было больше, чем двести тонн. Но Гена сказал, что отдаёт всё как двести. А такая низкая цена, сто долларов за тонну, дескать, потому, что ему нужна наличка и без оформления договора купли-продажи. В общем, просил он за всё-про всё ровно двадцать тысяч долларов наличными! Я и возрадовался! В смете-то у меня заложена цена двести пятьдесят, значит, я только на этой сделке мог заработать себе лично тридцать тысяч баксов! Мой подряд оплачивал областной химзавод — авансировали без проблем. А наш местный банк за малую мзду обналичивал мне любые суммы. Так что у меня с финансами всё было на мази! Вот я и не смог отказаться от такой выгодной сделки… В общем, ударили мы с Геной по рукам. Он попросил рассчитаться с ним срочно…

Кирилл вздохнул. Он не мог спокойно вспоминать эту историю, и его начинало трясти от возмущения. Сдерживаясь, заговорил дальше:

— Эта тварь!.. Этот Гена... Закрыл склад на замки и протягивает мне ключи. Мол, металл твой — вывози срочно. А то через неделю аренда склада заканчивается. Я ему сказал, что всё вывезу завтра с утра. Склад его находился на старой промбазе, там все ангары были сданы в аренду под склады коммерсантам. Мы тогда ещё подошли к сторожу, я поинтересовался, надёжная ли охрана. Сторож сказал, что охрана заводская, надёжная. Гена сторожа уведомил, мол, со склада распродал всё и в конце недели вернёт помещение пустым и сдаст ключи. А я предупредил, что завтра утром придёт мой транспорт, и мы вывезем арматуру со склада Гены. После вывоза я обещал оставить ключи сторожу. Сторож покивал, сказал, что они только регистрируют номера автомобилей на въезде-выезде да записывают — от каких складов идёт вывоз грузов.

Кирилл мотнул головой и напряжённо улыбнулся:

— Я тогда ещё пошутил, мол, кому надо сторожить арматуру и вообще весь этот металлопрокат! Кто же его украдёт?! Да не учёл, что это уже не Советский Союз с его тотальным учётом и контролем да с мелкими карманными воришками в автобусах. Сейчас-то пришло время жуликов крупных. Хищных!

Кирилл непроизвольно сжал кулаки:

— Гена тогда настоял, чтобы мы поехали ко мне в контору и чтобы я срочно рассчитался с ним. Я был весь на воздусях от радости, барыши в уме подсчитывал. Такую сделку выгодную провернул!

Игорь Олегович неожиданно ухмыльнулся, и Кирилл немного смутился, но рассказ продолжил дальше:

— В общем, приехали ко мне. Я достал из сейфа две пачки новеньких баксов и отдал ему. Гена пачки распушил, проверил, не куклы ли, но пересчитывать не стал, запихнул в боковой карман пиджака. Я предложил ему выпить коньячку — обмыть сделку. Но он отказался, сказал, что спешит. Ушёл. Я позвонил в АТКУС[2], заказал два спецвоза и автопогрузчик с утра и на весь день. Я всегда заказываю спецтехнику в АТКУСЕ, там дешевле за наличный расчёт. У меня-то в фирме своих только два бортовых «газика». В общем, ничто не предвещало беды...

Кирилл подтянул кружку, намереваясь сделать глоток, но та была пуста. Нервно отодвинув её, поднял руку и дважды громко щёлкнул пальцами. Затем продолжил:

— На следующий день утром поехала моя бригада на склад за арматурой. Я бригадиру Толику ключи вручил лично перед отправкой. Спецтранспорт должен был ждать возле проходной на промбазе. Всё как обычно...

Подбежала официантка Света: поставила на стол новую кружку с квасом и забрала пустую. Кинула вопросительный взгляд на Игоря Олеговича. Тот решился:

— Мне тогда тоже кваску, пожалуйста.

Официантка исчезла. Кирилл сделал несколько больших глотков, вытер с губ пену.

— Через час раздаётся у меня в конторе звонок. Это Толик звонил. Нервно так сообщает, что склад совсем пустой и никакой арматуры в нём нету! Я сорвался туда. Приезжаю...

Снова подлетевшая официантка поставила кружку с квасом перед Игорем Олеговичем. Тот одобрительно кивнул. Света показала ему свой фирменный полуоскал и удалилась за стойку. Игорь Олегович аккуратно отпил, причмокнул и довольно покивал головой:

— Дальше! — почти приказал он.

Кирилл был в запале от рассказа, сцеплял и расцеплял пальцы, похрустывая суставами:

— Приехал я... Мать честная! Склад действительно пустой! Толик стоит растерянный. Мужики из бригады напуганные. Впервые такая оказия случилась! Что делать?! Кинулся я к сторожу. Тот спокойно так смотрит на меня рыбьими глазами и заявляет, что никто ни вчера, ни сегодня арматуру с территории промбазы не вывозил. Ворота промбазы со вчерашнего дня никто не открывал вообще. При обходе и вечером, и ночью, и ранним утром все ангары были заперты и все замки висели на своих местах. Никакого постороннего движения на территории не наблюдали. Я был в шоке!..

Кирилл сделал ещё несколько глотков и судорожно вздохнул:

— Отпустил я спецвозы, пришлось заплатить за полсмены, и сразу же поспешил в милицию. Мне сначала в голову не приходило, что это Гена провернул аферу, думал, просто жулики арматуру украли. В ментовке... — Кирилл, спохватившись, на секунду смутился, но не заметив недовольной реакции у собеседника, продолжил в прежнем тоне. — В ментовке знакомый работал, Серёжа Потапов, он сразу же выезд на место организовал. Осмотрели всё: замки целые, не взломанные, снег плотно укатан, следов нет. Опросили сторожа, начальничка местного, пару грузчиков с соседних складов. Составили протокол. Приняли менты мою заяву неохотно и уехали восвояси. А я кинулся искать Гену — он кабинетик арендовал в «Горстрое». Но там никого не было, кабинетик закрыт, и Гену никто не видел. Исчез Гена!

Кирилл побарабанил пальцами по столу:

— Неделю я не мог отыскать Гену. И менты всю неделю молчали. Хотя я каждый день им названивал — интересовался, как продвигается розыск похищенного. Через неделю менты Гену всё-таки отыскали, он в соседнем районе у тётки гостил! Пригласили его в отдел — он приехал. И я тоже.

2. Автотранспортная контора управления строительства.

Нам очную ставку. Мол, что да как?! Я всё рассказал, как было. Гена с невозмутимым видом рассказал то же самое, что и я — всё подтвердил. Мол, продал мне металл, передал ключи от склада на месте, получил с меня деньги в моей конторе и уехал из города. Знать ничего он не знает! Кто украл металл?! Куда он делся?! И на меня так глядел! С такой детской непосредственностью! Мол, как же я посмел его заподозрить в чём-либо?!

В общем, ничего не дала очная ставка! Подписал Гена протокол допроса. Я тоже. И отпустили Гену…

Ну и тогда Серёжа Потапов говорит мне, что Гена, мол, не при делах, что у него алиби. А металл упёр кто-то посторонний. И вообще, сделка-то незаконная! Без договора и за наличный расчёт. Да ещё и в иностранной валюте. Потапов мне так прямо и сказал, что дело тухлое. Что арматуру вряд ли отыщут. Её, скорее всего, спёрли начальники промбазы. Ночью перекинули в какой-нибудь соседний ангар. А там у многих хранится и арматура, и прочий металлопрокат. Как мою-то арматуру опознать?! Да и обыск складов никто не разрешит…

В общем, пожалел Серёжа Потапов, что опрометчиво связался со мной, что дело завёл не подумав, что теперь висяк[3] будет на нём…

Я Серёже-то за хлопоты стодолларовую купюру на погон положил. Он взял — не побрезговал…

Игорь Олегович отпил полкружки:

— Хороший квас! Холодный. Я раньше здесь только пиво пробовал. Но и квас у них отменный. Рассказывай дальше!

— Ну, погоревал я, погоревал. Всё-таки на двадцать тонн баксов меня кинули! Сумма существенная! По крайней мере, для меня! Я как раз собирался новый грузовик покупать и так попал на деньги!.. — с досады Кирилл сильно дёрнул головой. — А через три месяца, уже в марте, я случайно узнал, что Гена где-то по пьяни прихвастнул, что, мол, крупно он обул Кирюшу Никонова, мол, как лоха развёл на двадцать тысяч долларов. Доброжелатели мне поведали, что Гена бахвалится своим кидаловом! Тут мои подозрения на его счёт и укрепились. Обидно мне стало…

Кирилл допил квас и громко стукнул пустой кружкой о стол.

— Поехал я к нему… Адресок верные люди подсказали… Зависал тогда Гена у одной бабы. Она мне и открыла. Я — в квартиру! Там Гена, поддатый, на диване развалился. Меня увидал, обрадовался, мол, «привет, дружбан». Я ему сразу же: «Поясни тему!» Он: «Какую?» — «Да ходят гнилые базары про то, что ты меня на деньги развёл». Гена рожу удивлённую делает: «Кирюха, да ты что?!» Я ему конкретно: «Ты арматуру спёр? Ты меня на деньги кинул?» А он вдруг в лице так резко поменялся, приосанился, добродушие его в миг улетучилось, и он мне жёстко так заявляет: «А хотя бы и я! И что ты мне сделаешь?! Чем докажешь?!»

У меня в глазах тогда потемнело от такой наглости. Сцепились мы. Гена-то не сильно крепкий, я его просто придушил бы. Да баба его завизжала, громкий хай подняла, водой холодной меня из ведра окатила. Соседи сбежались. Гена кричит, что бандит у него деньги вымогает, убить грозится. На меня пальцем показывает — мол, я бандит! Соседи зароптали, про милицию заголосили. Убрался я подобру-поздорову. Не в моих интересах было попадать в милицейскую хронику…

На следующий день я к Серёже Потапову. Мол, Гена виноват — сам признался, что развёл меня. Помоги наказать мерзавца! Но Серёжа в тот день старлея[4] получил, на повышение пошёл. Да и друзья у него завелись уже посолиднее меня. Не сподручно ему стало возиться по всяким мелочам. Отказал Серёжа в помощи. Отказал!..

Но меня обида всё время терзала! Решил я сам наказать Гену. Принялся искать его, но он как в воду канул. Я подумал уже, что он уехал из города с концами. Ищи его теперь — страна-то большая! Да мелькнул он где-то в городе пару недель назад. Вот я и решил обратиться к Евгению Александровичу за помощью. Он уже к вам перенаправил. А вы этого гада за три дня сыскали. Спасибо!

Кирилл наконец замолчал.

5.

После некоторой паузы заговорил Игорь Олегович:

— История мне в целом понятна… — он наклонился вперёд и начал пальцами покручивать кружку туда-сюда. — Я согласился тебе помочь только потому, что за тебя попросил Евгений Александрович. Он меня пару раз крупно выручал, и я к нему с большим уважением отношусь…

Да и про тебя я навёл справки. Бизнес у тебя легальный. С криминалом ты никогда не связывался. Дела у тебя идут ровно. Как я понял, деньги в твоей фирме крутятся не особо большие, но зато со стабильным доходом. На чужой бизнес ты тоже не посягаешь — работаешь на своей поляне. И Евгений Александрович оказывает тебе своё покровительство. В общем, деловая репутация у тебя вполне приличная.

Кирилл самодовольно улыбнулся и добродушно развёл руками. Игорь Олегович улыбнулся в ответ, показав ряд крупных белых зубов:

— Хотя… Но об этом речь дальше пойдёт. А что ты знаешь про меня и мою контору?

Кирилл не ожидал такого вопроса и ответил немного растерянно:

— Ну… Только общих чертах… Евгений Александрович рекомендовал к вам… К тебе… обратиться. Знаю только, что ты очень серьёзный и опытный

3. Нераскрытое уголовное дело.

4. Старший лейтенант.

человек и умеешь разруливать деликатные проблемы. Да и твоё детективное бюро имеет солидную репутацию…

Кирилл слукавил. Он хорошо знал биографию Игоря Туманова. Ещё пять лет назад Игорь Олегович был большим милицейским начальником в городе. Говорили, что он был правильным и неподкупным милиционером и поэтому в начале девяностых его и выжили из органов — не вписался в новые реалии!

Игорь Олегович отодвинул кружку с недопитым квасом в сторону и, положив локти на стол, произнёс с твёрдостью:

— Я открыл самое первое в городе частное детективное агентство и уже заработал себе авторитет больше, чем он был у меня, когда я командовал угрозыском. Я дорожу своей репутацией и стараюсь вести все свои дела по закону, — Туманов пристально поглядел в глаза Кириллу, и тот выдержал его жёсткий взгляд.

— По твоей просьбе мы разыскали этого Гену — это было не очень трудно. Он сейчас прячется на даче у одной своей знакомой и в городе почти не показывается. На нём ещё много всяких мелких косяков висит. А твой случай, пожалуй, самый крупный. По деньгам, разумеется, — понизив голос, Туманов спросил прямо:

— Так чего ты хочешь с ним сделать?

Кирилл на минуту задумался, затем неуверенно произнёс:

— Хочу вернуть свои деньги… И наказать мерзавца за кидняк!

Игорь Олегович задвигал челюстью, выпятив подбородок и, помедлив, неторопливо ответил:

— Деньги ты уже точно не вернёшь… С Гены нечего взять. Фирма была не его, он — лишь зицпредседатель… Квартиры у него нет — оставил жене после развода… Машину у него отобрали ещё в прошлом году за карточный долг… Да и сам Гена всего лишь шестёрка… Он работал под Тереховым. Слыхал о таком?

Кирилл подтвердил:

— Да. Конечно. Авторитетный человек. Занимается отжатием бизнеса у торгашей. Говорят, что он тоже под кем-то работает. Слишком много торговых точек он под себя подмял, один бы не справился.

— Точно! — согласился Игорь Олегович. — Терехов работает в связке с Газизовым. А Газизов заведует промбазой и сдаёт коммерсантам в аренду ангары под склады. Понимаешь, к чему я клоню?

Кирилл намёк понял сразу:

— Значит, Потапов был прав?! Кто-то из промбазовских украл мою арматуру?

— Не совсем так, — покачал головой Туманов. — Никакой арматуры у Гены и не было. Терехов дал ему какой-то металлопрокат, тот нашёл клиента, показал на складе якобы свой товар, продал, получил деньги и свалил. Ночью прокат забрали и вернули на тот склад, где он и был раньше. Ты же видел только груды из пачек арматуры, а что там под ними — не видел? Там, может, всего и надо было тонн двадцать накидать с горкой и показать покупателю. А ночью разобрать «куклу» из металлопроката можно всего за пару часов двумя автоподъёмниками. И сторожа ничего не заметят. Хотя не заметить возню возле склада трудно… Может, сторожа в теме, а может, и просто пьяными продрыхли в сторожке и на самом деле ничего не слыхали и не видали.

— Значит, так всё и было на самом деле? — Кирилл снова начал злиться от того, что стала проясняться примитивная мошенническая схема.

— Наиболее вероятно, что именно так всё и было, — подтвердил Игорь Олегович. — Терехов с Геной таким образом развели ещё нескольких иногородних клиентов. Те повозбухали, да ничего доказать не сумели и разъехались не солоно хлебавши. Местных они пока что не трогали.

У Кирилла сильно заколотилось сердце:

— А кого-нибудь Гена ещё кинул в нашем городе?

— Ну, в нашем городе по-крупному он только тебя кинул. Ты первая жертва такого масштаба. По мелочам-то тут много разных кидал промышляют. В основном в торговле. Лавочники друг друга частенько кидают и разводят, но тоже всё по мелкому. Но вот кинуть солидного бизнесмена на двадцать тысяч долларов — это серьёзный прецедент в нашей уголовной практике!

— Но почему?! Почему Гене пришло в голову кинуть именно меня? Ведь у нас строительством не только я один занимаюсь! Кроме меня, ещё десяток фирм строят разные объекты и в городе, и по области, и спрос на арматуру всегда есть у всех. Почему Гена других-то не развёл? Почему только меня?!

Туманов внимательно разглядывал Кирилла, понимал его эмоции и очень деликатно произнёс:

— Потому что он тебя не боится.

— А других боится?

— Других боится, — подтвердил Туманов. — Мошенники отваживаются на развод только тех, кого не боятся и кто не даст им сдачи. Тех, кто может за себя постоять, обычно не трогают. А если они знают наверняка, что ответки не будет, то действуют нагло и решительно.

— Значит, меня можно трогать безнаказанно? Значит, у меня репутация белого и пушистого зайчика?! — выкрикнул Кирилл.

Кто-то из сидящих в зале оглянулся на него.

— Не шуми! — попросил Туманов. — Ты же воспитанный интеллигентный человек. Политехнический институт окончил. Инженер-строитель. Ты же не из братков и не из блатных. Многие про тебя слышали. Многие знают, что ты сам по себе и ни с кем не связан — ни с ворами, ни с бандитами,

ни с ментами. Как говорят в интеллигентных кругах: «Один на льдине!» — Игорь Олегович изобразил грустную улыбку. — Говоря совсем по-простому — крыши у тебя нет…

Туманов почему-то оглянулся и внимательно поглядел на двух мужиков, сидевших поодаль с недопитыми кружками кваса и вроде бы о чём-то беседующих с глубокомысленным видом. Игорь Олегович вернул взгляд на Кирилла и продолжил:

— Евгений Александрович не в счёт. Он крупный чиновник, и у него, кроме личного авторитета и связей, больше ничего нет. У тебя, конечно, тоже есть связи с большими людьми, но их недостаточно, чтобы тебя прикрывать по-серьёзному. Нынче-то ведь сила у человека с пистолетом. А у тебя нет ни человека с пистолетом, ни самого пистолета! — Туманов иронично усмехнулся, пытаясь шутить. — Так что многие считают, что ты толковый, но довольно безобидный коммерсант и что никто за тебя не подпишется в случае серьёзных наездов. Таково мнение о тебе в деловых кругах нашего города!

Кирилл напряжённо молчал. Кровь заиграла в нём и прилила к голове. Наконец он спросил с лёгким раздражением:

— Значит, ты уже всё знал о моём деле? Зачем же тогда я тут соловьём заливался?!

— Я не всё знал, поэтому хотел уточнить некоторые детали, — с саркастической ухмылкой ответил Игорь Олегович. — И заодно изучить твой психологический портрет.

— Изучили?! — Кирилл уже не мог сдерживать раздражение. Но Туманов, не реагируя на его эмоции, спокойно продолжил разговор:

— Скажи, пожалуйста, ты вообще давно бизнесом занимаешься?

Кирилл подумал: «Чего спрашиваешь, если сам всё про меня знаешь!» Но вслух произнёс:

— С осени девяносто первого. Сразу после августовского путча я пошёл регистрировать малое предприятие. Потому что мне всё стало ясно как белый день! Стране пришла хана! И теперь надо приспосабливаться к новой жизни. А в новой жизни понадобится много денег. Так что с октября девяносто первого я начал своё собственное дело. Из прорабов я ушёл и успел сманить нескольких толковых строителей. Да и у бывшего начальника стройконторы забрал в длительную аренду пустующие помещения. Так что у меня изначально была кое-какая производственная база. Потом раскрутился понемногу.

Игорь Олегович добродушно кивал.

— Я удивляюсь, что тебя вообще до сих пор никто по-крупному не пощипал! — Туманов печально улыбнулся, выгнув губы. — Удивляюсь, что на тебя ни разу всерьёз не наехала ни братва, ни гопота, ни менты, ни налоговая!.. Просто везунчик какой-то!

Кирилл пожал плечами. Туманов продолжал:

— У тебя ведь не простой бизнес. Не торговля, не спекуляции. У тебя бизнес производственный: стройки, ремонты, пуски-наладки, механизмы. Таким бизнесом не каждый сможет руководить — это сложно! Поэтому тебя и не трогали до поры до времени. Но как только ты чуть-чуть повыше поднимешься, местные шакалы тебя сожрут моментально. Случай с Геной — это лишь первый звонок. Пробный шар, так сказать.

Кирилл решился взглянуть в глаза Туманову. Тот смотрел на него с покровительственной улыбкой уверенного в себе старшего товарища. И это почему-то вызвало сильное раздражение у Кирилла, но он набрался терпения продолжить разговор до конца.

Игорь Олегович тяжело вздохнул:

— Так вот, Кирилл, положение у тебя в городе и в бизнесе не такое уж и прочное. Просто тебе везло до сих пор. Ты удачливый и осторожный парень. Но ситуация изменилась! Многие уже слыхали о кидалове Гены, он сам многим растрепал языком, и теперь все будут ждать развязки.

— Какой развязки?! — поинтересовался Кирилл, почувствовав неприятный трепет в сердце, и уже сам в глубине души знал ответ на свой вопрос.

Туманов посмотрел на него с укором, он понимал, что жестокие реалии нынешнего времени требуют жёстких ответов и решительных действий. Он наклонился ближе к Кириллу:

— Кирилл, пожалуйста, говори со мной откровенно! Этот разговор останется только между нами. Ты друг Евгения Александровича, и я его друг. Это значит, что мы оба приличные люди, а не криминальная шушера. У тебя возникли проблемы. Ты обратился ко мне. Я тебе помог. Пока что совсем немного — отыскал твоего обидчика. Но я хочу помочь тебе и дальше. По идейным соображениям. Я хочу помочь нормальному порядочному парню продолжать заниматься своим делом честно и без опаски. Иначе, если сожрут тебя и таких, как ты, то на ваше место придут стаи прожорливых и беспринципных хищников. Так что доверься мне и будь со мной откровенен. Если, конечно, хочешь, чтобы я помог тебе по-настоящему.

Туманов откинулся назад, скрестил руки на груди и принялся глядеть на Кирилла с выжидательным прищуром.

Кирилл задумался — разговор принимал характер гораздо более серьёзный, чем он предполагал.

6.

— Игорь, а что бы ты сделал на моём месте?.. Как бы ты поступил с обидчиком?

Туманов, вероятно, ожидал такого вопроса. Он резко наклонился вперёд и, вытянув бычью шею, приблизился к Кириллу вплотную. Произнёс негромко, но с металлическим тембром в голосе:

— На твоём месте я бы просто убил своего обидчика! — помолчав, добавил, — И на своём месте тоже. Прощать обиды, особенно если это касается денег и репутации, — нельзя!

Игорь Олегович снова откинулся назад и поглядел на Кирилла уже со строгим превосходством и некоторой надменностью.

Кирилла особо не смутили слова Туманова, потому что он и сам не раз строил в мыслях жестокие планы насчёт подлеца Гены. Мечталось о мести, медленной, неотвратимой и кровавой. Иногда Кирилл заходил в своих коварных помыслах слишком далеко: пытки, мучение, медленное умерщвление, расчленение. Но вовремя спохватывался, старался отгонять эти дурные мысли, понимая, что они постепенно захватывают его всё сильнее и сильнее. Кирилл пытался мысленно простить Гену-мошенника, успокоиться и продолжить жить и работать дальше, навсегда вычеркнув этот неприятный случай из своей жизни. Ему это даже удавалось на некоторое время, но проходили две-три недели, и мысль о мести опять выползала из каких-то тёмных уголков его души, с новой силой охватывала сознание и будоражила все чувства. Поняв, что не справится с навязчивой мыслью о мести, Кирилл решил всё-таки отыскать Гену и как-нибудь наказать его, успокоив и своё самолюбие, и свою совесть, и свою душу. Это решение привело Кирилла к встрече с Тумановым.

— Я хорошо понимаю твои чувства, — заговорил Игорь Олегович. — Я сам пару раз попадал в такую ситуацию. Нет, не на деньги попадал! Моё профессиональное достоинство несколько раз унижали чрезвычайно сильно. При свидетелях. При моих же подчинённых! И первым моим желанием было — умертвить обидчика... Но пёс тем и отличается от волка, что он никогда не загрызёт человека. Покусать может, а убить — никогда! А волк загрызёт без всяких колебаний! Хотя, конечно, могут быть исключения. Например, если собака бешеная или волк кастрированный! Тогда больная собака сможет загрызть человека, а волк только потявкать и повилять хвостом!..

Я стал милиционером ещё в советское время. По своей доброй воле стал. Потому что с детства мечтал быть защитником людей. Я давал присягу служить закону и охранять порядок! А у меня всё это отобрали! Отобрали право и обязанность служить Родине и защищать народ! Как будто из моей груди вырвали сердце и выкинули в мусор! — Туманов с досадой несильно стукнул кулаком по столу, он сохранял самообладание. Голос его рокотал, становясь то тише, то громче, но до чужих ушей не долетал:

— Я не стал волком! И не стал хищником! Я остался верным псом — охранителем, сторожем, защитником! Легавым! И я не могу загрызть человека насмерть. Это как клятва Гиппократа, данная врачом один раз и на всю жизнь. Или как клятва священника при рукоположении — не убий! Незримая черта стоит передо мною и не позволяет перешагнуть её... А ты... Да вообще все вы, гражданские, вы не обременены такой клятвой. Вы не давали священной присяги. Поэтому вы свободны в своих поступках и действиях!

Теперь уже Кирилл пригнулся к Туманову и задал прямой вопрос:

— Так вы... Игорь Олегович... советуете мне убить Гену?

Туманов снова пригнулся вперёд — они едва не коснулись друг друга лбами.

— А ты разве не хочешь его убить? — Игорь Олегович глядел на Кирилла в упор, и голос его стал зловещим. — Ты же именно для этого и просил его разыскать?! Я разыскал. И что ты теперь намерен с ним сделать? Просто поколотить и отпустить? Как после школьной ссоры из-за девочки? Да уже на следующий день весь город будет знать, что ты просто мягкотелый слабак!..

А потом жди серьёзных гостей! Тебе вежливо предложат накатать крышу, настелить полы, оградку покрасить... на твоей могилке! И самое лёгкое, что с тобой может случиться, — это ежемесячные и регулярные отстёгивания мзды в фонд помощи ветеранам уголовного мира. Или попросят взять в долю какого-нибудь тихого Фунта. С долей этак в восемьдесят процентов. Или просто заставят переписать твою фирму на какого-нибудь Ивана Макаровича. А тебе предложат должность сторожа или водителя для нового директора фирмы. Я посмотрю тогда, как ты начнёшь действовать! Ко мне прибежишь? К Евгению Александровичу? А у нас своей частной армии пока что нет! Мы к тебе пожизненно легион приставить не сможем. И к семье твоей...

Напоминание о семье сильно задело Кирилла. Острая мысль о сыне пронзила его. «Надо позвонить в больницу! — подумал он, — узнать, как идёт лечение?! Помогает ли импортное лекарство?»

Туманов уже совсем сердито глядел на Кирилла.

— Я жду твоего решения. Прямо сейчас! И пора уже заканчивать разговор! — Игорь Олегович демонстративно поглядел на свои наручные часы. Кирилл сделал то же самое — разговор длился уже более получаса. Нужно было принимать решение.

Кирилл и без выпадов Туманова прекрасно понимал все расклады в сложившейся ситуации. Не трогать Гену и забыть про его обидное мошенничество? Сильно это не подмочит репутацию, но, как верно заметил Игорь Олегович, не позволит защититься от дальнейших провокаций и наездов. Отсидеться, отмолчаться, сделать вид, что никакого кидалова не было, — это значит закрепить за собой репутацию позорного терпилы. И тогда мошенники, кидалы, жулики и просто рэкетиры выстроятся в очередь, чтобы проверить

на прочность и бизнес Кирилла, и его самого. Чего доброго, будут давить и на семью. А они обязательно будут давить на его семью! Кириллу стало неприятно от всех этих мыслей.

«Надо действительно что-то предпринимать! Надо решаться!» — думал он. Ещё вспомнил о недавнем разговоре с Евгением Александровичем. Тот завёл речь о начале крупного жилищного строительства в пригородах. Область, город и частные инвесторы собрались вложить большие средства в строительство многоэтажных домов в городской черте. Ещё подключалась федеральная программа по переселению людей с Крайнего Севера — деньги должны пойти огромные.

«Твоя фирма, Кирилл, одна из самых надёжных! — говорил Евгений Александрович. — Поэтому ты у нас стоишь первым в списке на получение заказа. Даже если ты возьмёшься только за фундаменты и ростверки, то уже лет на пять обеспечишь себя гарантированной работой. И обогатишься! А если ещё осилишь монтаж и общестроительные работы, то, считай, золотая жила будет у тебя в руках. Тогда и о маленькой доле для дяди Жени подумай!» — Евгений Александрович задорно подмигнул при этих словах. «Разумеется! Для вас благодарность наша не будет иметь пределов!» — в шутку ответил Кирилл. Он почувствовал тогда, что вот она, удача, уже почти в его руках! Для этого нужно только лишь набраться терпения и не допустить какой-нибудь глупой оплошности. И сейчас, в этот момент, Кирилл остро понимал, что может допустить роковую и непростительную ошибку. Если смалодушничает!

Не трогать Гену и получить репутацию лоха и терпилы? Или грохнуть Гену и заработать репутацию крутого парня, к которому опасно приближаться? А если убийство Гены вскроется? Если он даже сам по себе исчезнет, то потом наверняка поползут слухи, что, дескать, он, Кирилл, виноват в его смерти? Тогда ещё хуже — посадят в тюрьму! Тогда он наверняка потеряет всё: и бизнес, и семью, и жизнь! И снова Кирилла кольнула мысль о сыне.

«Сейчас позвоню. Прямо отсюда. Здесь есть телефон у бармена», — подумал Кирилл.

Время шло. Секунды кололи виски. Надо было принимать решение. Туманов, сидя напротив, положил перед собой на стол правую руку и начал медленно сжимать и разжимать свой огромный кулачище — как будто пульсировало сердце в томительном ожидании.

У Кирилла сильно стучало в груди и шумело в ушах, перед глазами всё плыло, голова налилась тяжестью… Наконец, он решился, мотнул головой и твёрдо произнёс:

— Убью!

Туманов, видимо, не ожидал такого ответа и невольно расплылся в довольной улыбке, одобрительно закивал своей большой бульдожьей головой:

— Правильное решение! По-другому…

Кирилл поспешно перебил его:

— Но вы должны мне помочь!

Туманов наклонился ближе, кивнул:

— Я готов! Весь внимание.

Кирилл заговорил почти механически, как будто по написанному, сам удивляясь своей внезапной решимости:

— Возьмите его… доставьте в какое-нибудь укромное место. Там я его заберу… И…

У Кирилла не было точного плана, и он рассчитывал на совет и деятельную помощь Туманова. Тот с готовностью начал излагать свой план действий.

— Понятно, что ты никогда такого ещё не делал, — Игорь Олегович говорил вполголоса, но очень внятно. — Всё когда-нибудь совершается впервые! Теперь послушай. Я продумывал эту операцию, да и практический опыт у меня тоже имеется.

Туманов ещё раз оглянулся, окинул взглядом немногочисленных посетителей, сидевших за своими столами, и продолжил:

— В общем, сделаем так. Сейчас мы разъедемся. Через пару часов мои ребята захватят Гену и подержат его в каком-нибудь изоляторе. Ты — ровно в семь часов вечера подъедешь к повороту на село Стасово. Знаешь, где это?

Кирилл кивнул:

— Знаю, в двадцати километрах на север.

— Точно. После поворота на Стасово проедешь семь километров. Затем повернёшь налево на просёлочную дорогу без указателя. Проедешь в лес ещё километров пять и увидишь два заброшенных сарая — это бывшие склады «Заготконторы». Там мы и будем тебя ждать. В девятнадцать часов. Постарайся не опаздывать!

Кирилл снова кивнул.

— Передадим тебе Гену с рук на руки. Везти его никуда не понадобится. Отведёшь глубже в лес — это густой сосновый бор. Есть там пара неглубоких оврагов. Заставишь его выкопать яму и пристрелишь. Как собаку. Затем прикопаешь труп и закидаешь ветками. Там его точно никто не найдёт. А если и найдут, то уже ничего не восстановят. Преступление будет нераскрываемое! Если только ты сам не сознаешься и не укажешь место. — Туманов злобно усмехнулся. — Но ты же ведь не дурак? В тюрьму-то не захочешь идти добровольно?

Кирилл слушал с интересом, внутренне уже на всё согласившись. Гену вряд ли кто-нибудь станет искать, и если он исчезнет с концами, пойдёт слух, что его грохнули — наказали за кидняки и прочие шалости. И наверняка будут судачить, что грохнул, скорее всего, Кирилл Никонов. Потому что, судя по его успешным делам, авторитет у него железобетонный, и солидные люди с ним считаются.

Кирилл окончательно утвердился в намерении прикончить мошенника Гену. И к нему мгновенно

вернулись уверенность и хладнокровие—он снова обрёл нормальное состояние. Сердце успокоилось, и в голове прояснилось.
—У меня нет оружия,—произнёс Кирилл.
Туманов протянул руку и накрыл ладонь Кирилла, одобрительно похлопав:
—Молодец! Всё правильно! Надо быть мужиком. Ствол я тебе подгоню.
Кирилл выдернул ладонь из-под руки Туманова и отвёл в сторону.
—И ещё,—Игорь Олегович перешёл на очень тихий голос,—не езди за город на своей «Волге». Возьми какую-нибудь другую машину—попроще, незаметнее.
—У меня есть старый армейский уазик—на нём приеду.
—Хорошо,—одобрил Туманов,—только номер подскажи! На всякий случай.
Кирилл продиктовал номер автомобиля, на котором собирался приехать вечером. Игорь Олегович записывать не стал—запомнил.
—Вроде бы всё обсудили?—спросил он.—Хотя… Давай сразу по деньгам решим.
—Давай!—охотно согласился Кирилл.
—Мы договорились с тобой, что розыск стоит три тысячи долларов. Тысячу ты уже дал в качестве аванса. Мы Гену нашли—осталось ещё две тысячи… Теперь. Наше участие в операции будет тебе стоить пять тысяч долларов. Ну, и за ствол ещё тысячу.
—Мне ствол насовсем не нужен. Дайте на время попользоваться, напрокат, потом верну!—Кирилл уже с некоторым азартом включился в обсуждение деталей.
—Что значит «напрокат»? Ты про трассологию слыхал? Ствол даже от одноразового употребления приходит в негодность. Куда я его потом дену, если на нём будет мокруха висеть? Ты уж купи его в собственность, как следует, а потом сам решай, что с ним делать—выбросить или спрятать. Так что ствол пойдёт в нагрузку за услуги и стоит ровно штуку баксов!
Кирилл вынужденно согласился.
Туманов продолжил, он любил обсуждать денежную сторону соглашения:
—Значит, ещё восемь тысяч с тебя. И можешь мне сейчас дать аванс—половину.
Кирилл помотал головой:
—У меня с собой сейчас только две тысячи.
—Ну давай две!—нехотя пробурчал Игорь Олегович.
Кирилл достал бумажник, вынул двадцать купюр и протянул под столом. Туманов с равнодушным видом сунул руку под столешницу и взял деньги. Бросил взгляд на банкноты, убедился, что это доллары в нужном количестве и, перегнув купюры пополам, засунул в нагрудный карман рубахи:
—Значит, ещё должен мне шесть тысяч. Отдашь вечером.
Кирилл кивнул, подтверждая.
—Ну, до вечера?!—Туманов встал и протянул руку. Кирилл поднялся следом и ответил на рукопожатие.—Ровно в девятнадцать. Не опаздывай! И обязательно привези остальные деньги! Ждём тебя ровно час, и если ты не появишься, то мы отпустим Гену на все четыре стороны. Скажем, что ошиблись. Но деньги тебе всё равно придётся нам заплатить. Понял?
Кирилл кивнул. Туманов выбрался из-за стола и направился к выходу. Перед дверьми он оглянулся в сторону Кирилла и подбадривающе подмигнул ему.
Кирилл ещё некоторое время сидел за столом, пока его не отвлекла от раздумий официантка Света:
—Чего-нибудь ещё желаете?
—Нет, спасибо!—ответил Кирилл, подавая деньги.—Можно я позвоню от вас?
—Да, пожалуйста!—спрятав купюру в карман передника, разрешила официантка.—Телефон за стойкой. Я сейчас подам.

7.

Кирилл подошёл к барной стойке. Света поставила на полированную столешницу красный телефонный аппарат, старый—ещё с диском. Кирилл глянул на часы, начало второго, затем достал из кармана сложенный пополам небольшой листочек бумаги с нужными номерами телефонов и начал накручивать диск, набирая номер дежурной медсестры. После трёх длинных гудков трубку подняли:
—Алло, пульмонология!—ответил приятный женский голос.
—Здравствуйте,—Кирилл бросил взгляд на официантку, и та деликатно удалилась на кухню,—я хочу узнать, как состояние Алексея Никонова… Это его отец звонит.
На другом конце длилась долгая непонятная пауза. Затем прозвучало:
—Погодите минутку! Сейчас ваша жена подойдёт.
У Кирилла снова застучало в висках. Потянулось нестерпимое ожидание. Наконец он услышал в трубке приближающиеся звуки женского рыдания.
—Приезжа-а-ай!—проревела в трубку Ирина, и у Кирилла едва не остановилось сердце. Он моментально понял, что сейчас услышит что-то очень страшное.
—Приезжай! Срочно! Лёше очень плохо!
И хотя не прозвучало самое ужасное, оно всё же повисло где-то рядом с ним—пугающее и холодное.
—Что с Лёшей?!—с трудом выговорил Кирилл.
—Ему хуже…—Ирина сквозь судорожные всхлипы с трудом выдавливала из себя слова.—Полчаса назад… Ему внезапно стало хуже… Он снова задыхается… Губы синие… Приезжай! Срочно!

Кирилл бросил трубку и кинулся к выходу. Перед глазами всё мельтешило и прыгало из стороны в сторону. Усевшись в свою «Волгу», он попытался успокоиться — в таком состоянии ехать нельзя! Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов и с силой помотав головой, он немного пришёл в себя. Затем завёл мотор и тронулся с места.

Через полчаса Кирилл затормозил возле больницы. Он бегом пробежал от проходной у ворот до корпуса, промчался через вестибюль и взлетел на второй этаж. Никто его не останавливал и даже не окликал. Дверь в пятнадцатую палату была открыта, и Кирилл увидел, что кровать, на которой ещё утром лежал его сын, пуста — только смятая простыня и тонкая подушка с синим больничным штампом на уголке. Он оглянулся — за столом дежурной по-прежнему пусто. Кирилл кинулся к кабинету Колбина, но тот был заперт. Тогда он бросился к кабинету, на котором было написано «Процедурный». Распахнув дверь и увидав медсестру в белом халате и с марлевой повязкой на лице, поднявшую на него настороженный взгляд, он выкрикнул:

— Где мой сын?! Где Лёша Никонов? Что с ним?

— Погодите! Погодите, пожалуйста! — медсестра спешно выскочила из-за стола и крепко схватила его за руки. — Успокойтесь! Лёша сейчас в реанимации! Ему делают интенсивную терапию.

— Где врач? Где Колбин! Я же привёз ему лекарство! — выкрикивал Кирилл. Ему самому было трудно дышать, в горле что-то клокотало и затекало внутрь, в трахею; слова вырывались с бульканьем и клокотанием:

— Я же привёз лекарство! Доктор сказал, что оно поможет. Где моя жена?

Кирилл закашлялся, и на пол обильно брызнула пенистая слизь с кровью. Дышать стало легче, но ноги его уже не держали. Медсестра подхватила Кирилла и подтолкнула к кушетке, на которую он грузно осел, совсем потеряв силы. Резкий запах нашатыря, сунутого под нос, немного привёл в чувство.

— Успокойтесь! — повелительно прикрикнула медсестра. — У вас уже сосуды в горле полопались! Ещё немного, и у вас случится удар. Держите себя в руках! Вы же мужчина!

Кирилл мутным взглядом посмотрел на медсестру, она стянула с лица марлевую повязку, и он разглядел круглое строгое лицо немолодой женщины.

— Скажите, где жена? — пробормотал Кирилл. — Я хочу видеть её.

Ему хотелось плакать, но слёзы прикипели где-то внутри: жгли и не протекали наружу!

— Пойдёмте! Она возле реанимации, — медсестра помогла Кириллу встать на ноги и, держа под руку, повела его в дальний конец коридора. Там, возле остеклённой двустворчатой двери, на кушетке, сидела совсем чужая женщина. Она подняла лицо и поглядела на Кирилла безумными глазами — это была Ирина. Но Кирилл, пугаясь, не узнавал её — так сильно она изменилась!

Медсестра усадила его рядом с женой:

— Ждите здесь! Врач скоро выйдет.

Она удалилась в свой кабинет и вернулась через пару минут, принеся на маленьком белом подносе два пластиковых стаканчика с налитой до половины прозрачной жидкостью:

— Вот, выпейте! Это успокоительное.

Кирилл и Ирина послушно выпили из стаканчиков горьковатое лекарство. Медсестра ушла, оставив их вдвоём.

Они молча сидели минут пятнадцать, может, дольше, пока Кирилл не решился заговорить:

— Я же привёз необходимое лекарство. Врач ведь начал лечение. Он обещал, что это поможет. Почему Лёше стало хуже?

Ирина ответила совсем глухим, сорванным до хрипоты голосом:

— Сначала ему стало лучше… Лёша заснул и дышал уже легче. Но без двадцати час, я как раз на свои часы поглядела и подумала о тебе, Лёша вдруг закашлялся, и у него снова начался сильный приступ. Прибежал Колбин. Лёша потерял сознание. Его перевезли сюда, в реанимацию… И до сих пор все врачи там… Уже полтора часа! — Ирина с силой, почти ударив себя, закрыла ладонями лицо и прохрипела. — Я уже не могу ждать!

Кирилл обнял Ирину за плечи и подтянул к себе, но она напряглась и не поддалась ему, отклонилась от него в противоположную сторону, не желая приблизиться. Он отпустил её, и она откинула голову назад, упёршись в стену и задрав подбородок; устремила взгляд в потолок, затем закрыла глаза и тихо тоскливо замычала. Кириллу стало страшно. Он впервые видел свою жену такой. Она как будто постарела лет на двадцать. На лице приятной тридцатилетней женщины проступили морщины и обозначилось почти звериное выражение испуганной отчаявшейся самки. Кирилл отвёл взгляд от несчастной жены и опустил голову, упёршись лбом в кулаки.

Так они просидели ещё некоторое время, и только едва слышное гудение ламп дневного света чуть-чуть разбавляло мёртвую тишину. Не было слышно ни пациентов, ни медперсонала, как будто вымерла вся больница, и только Кирилл с Ириной одни застряли в безжизненном пространстве белого электрического света.

Внезапно распахнулась дверь реанимации и вышел, почти выскочил, врач. Он сдёрнул марлевую повязку. Его лицо было бледным и растерянным.

Кирилл моментально вскочил на ноги, а Ирина осталась сидеть и только сильнее зажмурила глаза, ожидая услышать окончательный приговор…

Врач поглядел на Кирилла лихорадочно блестящими глазами и отвёл взгляд:
— Он жив… Пока ещё жив! — голос Колбина скрежетал, как будто ржавый нож скоблил по стальному листу, вызывая у Кирилла неудержимую дрожь по всему телу. — Я сделал всё, что мог. Но результат непредсказуем. Сейчас он в медикаментозной коме и на искусственной вентиляции лёгких. Состояние стабильно тяжёлое.

Кирилл шагнул к врачу и спросил с еле сдерживаемым надрывом:
— Доктор, скажите, почему не помогло лекарство?!

Анатолий Андреевич устало присел на кушетку рядом с Ириной, она даже не повернула головы, но открыла пустые глаза, ожидая ответа.
— Это очень эффективный препарат, — Колбин говорил медленно, тщательно подбирая слова. Его одолевали страшная усталость и опустошённость. Ещё тяжелее ему было отвечать родителям ребёнка, которого он отчаянно пытался спасти. — Им лечат подобные случаи по всему миру. Я сделал сразу две инъекции, как того требует предписание, и мальчику сразу же стало легче. Воспаление пошло на убыль. Он даже стал дышать ровнее и спокойно уснул. Но через некоторое время ему совершено внезапно стало хуже. Приступ возобновился с новой силой! И я не могу дать этому объяснения! Поверьте, я сделал всё, что было в моих силах!

Ирина снова закрыла глаза и тихо замотала головой из стороны в сторону, а Кирилл совершенно не знал, о чём ещё спросить врача. Тот добавил лишь несколько фраз:
— Мы сделали все анализы — переносимость лекарства у него нормальная. Причин для новой аллергической реакции в больнице нет совершенно — всё вокруг стерильно! Что вызвало внезапное ухудшение — я не знаю. Давайте ждать и надеяться на лучшее! Через два часа я сделаю ему ещё одну инъекцию. Посмотрим, как будет развиваться ситуация дальше.

Колбин поднялся с кушетки и качнулся, едва не упав:
— Извините, я очень устал! Мне надо немного отдохнуть. Вы можете остаться здесь и подождать. А вы, — доктор наклонился к Ирине, — пройдите в кабинет к старшей медсестре. Она сделает вам укол, и там можно будет прилечь на кушетке. Я знаю, что вы не поедете домой, но вам обязательно надо отдохнуть и успокоиться. Вы уже много часов в напряжении.

Ирина замотала головой, не соглашаясь на предложение врача. Тот покивал головой:
— Хорошо. Оставайтесь здесь.

Анатолий Андреевич тяжёлой походкой направился в свой кабинет, но пройдя пять шагов, обернулся и, обращаясь уже к Кириллу, в растерянности застывшему возле жены, строго произнёс:
— Кирилл Петрович, зайдите, пожалуйста, ко мне!

8.

Кирилл следом за врачом вошёл в кабинет. Тот жестом пригласил его присесть и сам тяжело, почти упав, сел за стол, устало уронив руки перед собой. Кирилл пытался заглянуть доктору в глаза, как будто надеялся почерпнуть в них правду. Но глаза Колбина ускользали от него. Наконец через минуту, собравшись с духом, врач заговорил:
— Кирилл Петрович, вы мужчина и сможете выслушать меня без эмоций. Разговаривать с матерью всегда тяжелее.

Кирилл напрягся, предполагая, что сейчас начнётся самое страшное в его жизни.
— Я буду говорить с вами откровенно и начистоту. И рассчитываю на вашу ответную искренность.
— Анатолий Андреевич, Лёша… не выживет?! — вопрос Кирилла прозвучал резко, как будто вдребезги разбилось стекло. Врач пристально поглядел Кириллу в глаза, и это был беспощадный и холодный взгляд строгого судьи. Колбин заговорил, но уже не усталым голосом потерявшего надежду врача, а голосом воодушевлённого ещё теплящейся верой проповедника:
— Кирилл Петрович, сегодня утром, когда вы привезли лекарство, я был уверен, что спасу вашего сына. И сначала всё пошло хорошо — так, как и должно! Препарат начал успешно исцелять… Затем совершенно внезапно наступило резкое ухудшение!..

Доктор помолчал. После звенящей паузы продолжил:
— Я лечу детей вот уже более двадцати лет и точно знаю, что таких случайностей не бывает! — Анатолий Андреевич поднял перед собой руки. — Если бы я допустил врачебную ошибку или если бы была допущена какая-нибудь халатность со стороны медперсонала, то мне тогда была бы предельно ясна вся ситуация. И я не стал бы тогда юлить перед вами. Я бы вам сразу всё рассказал. Но мы всё сделали правильно!

Колбин опустил руки и немного помолчал, собираясь с силами:
— Я много раз спасал и вылечивал ребятишек с такими же точно симптомами. Много раз спасал и излечивал! Раньше у нас было своё, отечественное лекарство от таких острых состояний. Сейчас, к сожалению, приходится пользоваться импортными препаратами, аналогичными нашим, но они все проверены и рекомендованы к применению в наших клиниках. Я сделал анализ лекарства — оно в полном порядке! Это качественный медицинский препарат, который должен был вылечить вашего сына.
— К чему всё это доктор? — уже безучастно спросил Кирилл. Его раздражали рассуждения врача, и он не понимал их смысла.
— А к тому, Кирилл Петрович, что причина ухудшения здоровья Лёши может находиться за пределами нашей больницы! — Колбин резко встал

и, опершись обеими руками на стол, навис над Кириллом. Тот невольно подался назад.
— Как это понимать? — пробормотал Кирилл растерянно.

Анатолий Андреевич вышел из-за стола и принялся мелкими шагами расхаживать по кабинету из стороны в сторону, резко размахивая руками перед собой. Не глядя на Кирилла, он говорил громко и внятно, чётко артикулируя каждое слово:
— Три года назад к нам в отделение привезли пятилетнюю девочку с острым воспалением лёгких. Мы спасли её, и она быстро пошла на поправку. Но незадолго до выписки девочке внезапно стало очень плохо — у неё снова начался непрекращающийся кашель, который мы не могли остановить в течение нескольких часов. Вечером к девочке приехала мать, и я узнал, что она работает судьёй. Я поинтересовался, что она делала в тот день, и та поведала, что у неё было судебное заседание, на котором она вынесла приговор молодому парню, обвиняемому в убийстве своей девушки. Я спросил судью, уверена ли она в виновности парня, на что та ответила, что полной уверенности нет, но все улики и свидетельства были против обвиняемого. И она, сочтя доказательства вины достаточными, признала парня виновным и назначила ему суровое наказание — двенадцать лет!..

Я тогда впервые подумал — не связан ли поступок матери с состоянием здоровья девочки? Если мать совершила что-то нехорошее, вынесла несправедливое решение, то не могло ли это отразиться на здоровье её дочери?! И как я мог это проверить?

Кирилл с мрачным удивлением посмотрел на доктора. Тот ответил на его взгляд:
— Да, это смахивает на мистику! Но я уже много лет практикую исцеление людей по всем правилам медицинской науки и пришёл к выводу, что не всё в человеке зависит от его телесного состояния. Не всё в человеке проистекает от физиологии и его внутренней биохимии! Человек — слишком сложное существо! Гораздо сложнее животного! Потому что многое из того, что происходит с человеком, лежит не в его теле и не в его взаимоотношениях с материальной природой. Очень сильно на человека влияют его социальные и родственные связи, его душевное и нравственное состояние…

Да-да! Я видел немало людей с сильно изношенными организмами, но у которых были светлые души и радостное восприятие жизни — они жили, как будто бы не замечая своих болячек и проживали гораздо дольше, чем это позволяли их больные организмы. И ещё чаще я встречал людей с молодыми и отменно здоровыми организмами, у которых были мелкие душонки, подлые повадки и злобное отношение к людям — все они умирали досрочно от необъяснимых причин. Я назвал это феноменом психосоматической корреляции. И, представьте себе, я не сделал никакого открытия! Это всё уже давным-давно было известно и медикам, и простым людям. Ведь даже на бытовом уровне, в повседневной жизни, мы отмечаем связь душевного состояния с состоянием здоровья телесного. Это многократно описано и в литературе, и отображено в искусстве.

Кирилла что-то задело в словах врача, и он начал слушать доктора с бóльшим вниманием — ему показалось, что в рассуждениях Анатолия Андреевича забрезжила маленькая надежда на выздоровление сына.

Доктор Колбин, расхаживая по кабинету, продолжал:
— А ведь ещё известно о прямой связи нравственного состояния человека с его физическим здоровьем. Чистые и порядочные люди меньше болеют и с ними реже происходят несчастья. С людьми же гадкими и подлыми беды случаются чаще, и их чаще одолевают сильнейшие хвори. Не буду утверждать, что есть совершенно прямая зависимость между нравственностью и здоровьем, но то, что такая связь, пусть и опосредованная, существует, я убеждён на все сто процентов! И мой врачебный опыт только подтверждает наличие этой связи. Здоровье коррелирует с нравственным состоянием человека!

Кирилл решительно перебил доктора:
— Скажите, Анатолий Андреевич, а вы в Бога веруете?

Колбин остановился напротив и, глядя в глаза, ответил без всяческих колебаний:
— Я понимаю причину вашего вопроса. Я — не религиозный человек! Но я считаю, что Бог скорее есть, чем его нет. Бог, как разумное начало нашего мира, по моему мнению, — существует! Не буду сейчас тратить время на философские рассуждения, у меня нет на это ни сил, ни времени, ни особого желания, но замечу вам, Кирилл Петрович, что каждый нормальный человек, проживая свою жизнь, постепенно приходит к пониманию некоторых закономерностей, существующих в нашем мире. Особенно явно проявляются закономерности во влиянии нравственных поступков человека на его общественное состояние и душевное здоровье.

Колбин ещё раз пристально поглядел на Кирилла, и в его взгляде загорелись огоньки какого-то странного фанатизма.
— Разве вы никогда не замечали, что, сделав какую-нибудь гадость другому человеку, через некоторое время получали в ответ ещё большую гадость с совершенно неожиданной стороны и в самой непредвиденной ситуации? А когда вы совершали добрый и благородный поступок в отношении окружающих вас людей, разве не возвращалось вам это сторицей, большей добротой и благородством уже по отношению к вам? Неужели вы никогда не наблюдали в жизни такого эффекта?

Кирилл задумался. Он и не думал возражать Анатолию Андреевичу. Да, конечно же, врач совершенно прав! Кирилл уже с самых юных лет замечал, как на каждый его дурной поступок неотвратимо происходила ответная реакция, присылая к нему ещё бóльшие неприятности и огорчения. И на любой добрый поступок незамедлительно приходил благодарный отклик в виде самых разных благоприятных событий.

Дожив почти до тридцати лет, Кирилл пришёл к внутреннему, хотя и не совсем твёрдому убеждению, что каждый поступок человека отражается своеобразным эхом и в последующих событиях, и в жизни и оказывает колоссальное влияние на всю дальнейшую судьбу. Понимая всё это, Кирилл, тем не менее, не всегда соблюдал простейшие, хотя и не вполне очевидные правила. Он частенько совершал мелкие проступки: лгал, кривил душой, хитрил, злословил, грубил друзьям и близким, завидовал, раздражался и злился. Кирилл считал себя самым обыкновенным человеком и совершал всё то, что совершали и все остальные люди вокруг. И в этом он постоянно находил оправдание своим неприглядным проступкам — все же так поступают! Хотя сразу же понимал, что это слабое и лукавое утешение и что всё-таки придётся самому нести ответственность за все свои пакости и прегрешения, потому что не удастся оправдать их ссылками на коллективное безнравственное поведение окружающих. Человек самостоятельно несёт личную ответственность за все свои помыслы и деяния! За спины остальных не спрятаться!

В последние годы, уже став опытным коммерсантом и толковым руководителем, Кирилл всё чаще совершал такие поступки, которых раньше он определённо стыдился бы. Но с возрастом и повышением своего общественного статуса Кирилл всё больше утрачивал критичное отношение и к самому себе, и к своим, нередко просто омерзительным, поступкам. Ему всё чаще и чаще приходилось лукавить, обманывая товарищей и родственников; лицемерить, соглашаясь на то, что было отвратительным; льстить влиятельным людям, добиваясь выгодных заказов; кричать и срываться в матерную ругань на своих подчинённых; утаивать истинные доходы в своей фирме и завышать производственные затраты; скрывать и недоплачивать налоги, хотя они в действительности были непомерно велики; и, самое главное, в отношениях с женой начались серьёзные проблемы, вызванные собственной моральной нечистоплотностью.

Именно в этот момент, сидя в кабинете у врача, Кирилл впервые за много лет задумался наконец о состоянии своей души. Он отдавал себе отчёт в том, что все последние годы жил не совсем так, как хотел бы жить на самом деле, как мечталось ему в светлые юношеские годы; что жизнь его складывалась внешне вроде бы вполне удачно, а внутри всё сильнее нарастала какая-то душевная язва, проявляющая себя редкими приступами внезапной растерянности и острого осознания бессмысленности своих действий и поступков. Но у него никогда не было времени на спокойные раздумья и на обстоятельный анализ своей жизни.

Темп и объёмы его работы постоянно нарастали, всё больше и больше сил и времени требовал его бизнес, и, вымотавшись к концу дня, Кирилл обычно искал отдыха и спокойствия в семье. Но с некоторых пор между ним и женой стало возникать необъяснимое охлаждение, которое нарастало с каждым днём и с какого-то момента превратилось в отчуждение. Ирина начала сторониться его, избегать общения — дома они предпочитали находиться каждый в своей комнате и давно уже спали порознь. Кирилл вспомнил, что уже более полугода не имел близости с женой и совсем не тяготился этим, даже был вполне доволен тем, что Ирина не кокетничает и не домогается его, не допекает своей ревностью и истериками — их отношения стали холодными, ровными и параллельными, как рельсы железной дороги.

Кирилла как будто всё устраивало, хотя он понимал, что отношения между женою и мужем не могут быть такими. Но он опять утешал себя тем, что почти у всех его товарищей, друзей и ровесников в семьях то же самое, и объяснялось это якобы естественным угасанием чувств между супругами по прошествии нескольких лет совместной жизни. Ну раз существуют такие почти научные закономерности в семейной жизни, то с этим нужно просто смириться. А семья — это, прежде всего, дети.

Кирилл хорошо помнил день, когда родился сын, помнил тот прилив необычайной радости. Встретив жену с ребёнком из роддома, Кирилл две недели не отходил от колыбели, любуясь младенцем: он обожал сына, обожал жену и чувствовал себя совершенно счастливым. Но шли годы, и радость остыла, ей на смену пришла размеренная бытовая рутина, на которую он тратил всё меньше и меньше времени, вовлекаясь всё больше и больше сначала в работу на стройке, а чуть позже и в собственный бизнес. Но семья по-прежнему занимала в его жизни большое и важное место.

В бизнес Кирилл пошёл только потому, что ему хотелось хорошо обеспечить семью, жену и сына, помочь уже начавшим стареть родителям, завести ещё детей, сына и дочку. И он целиком отдавался своей новой работе. Благосостояние понемногу росло и, несмотря на бешеную инфляцию и развал хозяйства в стране, семья Кирилла имела вполне приличный достаток: Ирина хорошо и модно одевалась, Лёша имел замечательные игрушки и много хороших книжек, каждое лето они ездили на южное море. Кирилл купил

большую четырёхкомнатную квартиру и обставил её добротной мебелью. Потом купил престижный автомобиль «Волгу». Затем начал приобретать дорогие и статусные вещи, которые подчёркивали достаток их семьи и обеспечивали материальное благополучие.

Когда Лёше исполнилось пять лет, он стал всё чаще приставать к родителям с наивной просьбой: «Мама, папа, я хочу братика или сестричку!» И это вызывало улыбку у обоих. Ирина испытующе глядела на Кирилла, а тот в этот момент почему-то начинал задумываться о каких-то посторонних проблемах и всё переводил в какую-нибудь дежурную шутку.

Однажды Ирина прямо спросила: «Ты хочешь ещё ребёнка? Пора уже родить второго». Кирилл, в принципе, был не против. Он, конечно же, желал и второго, и третьего ребёнка. Достаток вполне позволял им иметь ещё нескольких детей. Но именно в этот момент в его жизни стали происходить какие-то не по-доброму странные изменения.

Кирилл постоянно развивал и расширял бизнес, наращивал производственные мощности, постоянно закупал новое оборудование, инструменты, материалы. У него становилось всё больше заказов и подрядов, объёмы работ постоянно возрастали. Кирилл экономил на специалистах, сам проектировал и делал расчёты, тратя на это сутки, проводя ночи без сна. Он почти не позволял себе праздность и развлечения, с презрением относясь к тем своим знакомым, которые тратили деньги на пьянки, рестораны, продажных женщин, бессмысленную роскошь и прочие низменные удовольствия. Особо презирал азартных игроков, спускавших свои состояния в карты или в новомодную рулетку. Кирилл считал себя морально выше всех этих мелких развратников и гуляк, потому что у него в жизни была цель — стать крупным бизнесменом и заработать большой капитал. Заработать приличное состояние для семьи, для сына, для будущих детей. Но вся эта напряжённая работа полностью отнимала его время у семьи.

Кирилл редко проводил выходные со своими. Редко гулял и играл с Алёшей и очень редко выходил куда-нибудь с женой, ограничивая своё общение с ними частыми подарками. Жену он баловал нарядами и ювелирными украшениями, правда, довольно скромными по стоимости, а сыну старался покупать в меру дорогие и современные игрушки, появлявшиеся в магазинах. Кирилл ясно понимал, что катастрофически мало уделяет времени семье, но бизнес требовал от него всё больше и больше времени, ещё больше сил и здоровья.

У Кирилла никогда не возникало мысли и желания завести любовницу. Ему едва хватало сил на свою семью, на самых близких и тех редких друзей, которые ещё поддерживали с ним нечастое общение. Тратить дефицитное время на постороннюю женщину, когда его совсем не хватало на жену, Кирилл считал неправильным и постыдным. Но именно после того, как он не сумел ответить жене на вопрос о втором ребёнке, в их отношениях и возникла первая трещина. Кирилл полагал, что вот ещё немного, и он увеличит обороты своего капитала, возведёт ещё один цех по производству штампованного пластика или резинотехнических изделий для сантехники, нарастит портфель заказов и тогда можно будет перевести дух, перейти на более плавное управление фирмой, нанять хорошего менеджера и самому немного сбавить темп работы. Вот тогда, рассчитывал Кирилл, он станет больше времени тратить на семью, вот тогда и можно будет завести ещё одного ребёнка, дочку или сына. Но этот момент всё не наступал. За завершением одного этапа в работе наступал новый этап, ещё более сложный, и конца этому не было видно.

— Кирилл Петрович! Вы меня слышите? — Колбин тряс его за плечо. — Придите в себя! Кирилл Петрович!

Кирилл очнулся. Он так глубоко ушёл в свои раздумья, что перестал ощущать реальность, и только окрик врача вернул его к действительности.

— Простите! — Кирилл потёр сначала виски, затем глаза и внимательно посмотрел на доктора. Тот достал из стола пару таблеток, налил из графина в стеклянный стакан немного воды и протянул Кириллу:

— Вот, выпейте, пожалуйста, это вам немного поможет.

Кирилл выполнил просьбу доктора: проглотил таблетки и запил тёплой водой. Через некоторое время почувствовал заметное улучшение — стало спокойнее.

Колбин с тревогой поглядел на часы, лежавшие на углу стола, и покачал головой:

— Ну вот, хотел отдохнуть, а времени уже совсем не осталось. Мне надо навестить ещё одного маленького пациента, а потом я пойду к Алёше — скоро надо будет делать новую инъекцию.

Анатолий Андреевич снова уселся за стол и, пристально глядя на Кирилла, осторожно спросил:

— Кирилл Петрович, у меня к вам ещё один вопрос. Только ответьте, пожалуйста, откровенно, как врачу, от которого зависит жизнь вашего сына.

— Я вас очень внимательно слушаю, — Кирилл даже попытался улыбнуться, но лицевые мускулы были так болезненно напряжены, что вместо улыбки изобразилась жуткая гримаса. Врач понял его состояние и продолжил:

— Скажите, в последнее время или даже сегодня, в течение дня вы не совершали каких-нибудь поступков, которые могли бы оказать дурное воздействие и на вас, и… на вашего сына?

По телу Кирилла будто прошёл лёгкий электрический ток, напрягший все мышцы и возбудивший

мысль. Но он не знал, как реагировать на этот странный вопрос — то ли возмутиться, то ли разозлиться, то ли продемонстрировать искреннее удивление, то ли изобразить холодное равнодушие. Тем более он не знал, как вообще ему ответить на этот вопрос. Первое, что подумалось Кириллу, — с какой целью врач спрашивает о таких вещах? На какую откровенность рассчитывает?

Кирилл мысленно перебрал все события сегодняшнего дня и ничего, кроме страшных огорчений, не нашёл такого, что могло бы дать вразумительный ответ на странный вопрос врача. Сегодня Кирилл был страшно удручён болезнью сына. Ещё решал вопрос по своему старому обидчику…

Стоп! Может быть, доктор Колбин что-то знает о проблемах Кирилла? Может быть, он что-то слыхал и теперь пытается интерпретировать слухи? Но какая ему от этого польза? Какое отношение врач имеет к мелкому аферисту Гене, которого именно сегодня Кирилл вознамерился наказать? А может, доктор прав?! И поступок Кирилла, его злонамеренность, его замысел лишить жизни человека, пусть даже и падшего негодяя, как-то оказали влияние на болезнь сына? Ведь приступ случился у Алёши сегодня утром, когда Туманов собирался сообщить о найденном мошеннике. А ухудшение здоровья, новый приступ у сына произошёл почти сразу после того, как Кирилл за разговором с Тумановым принял твёрдое решение убить негодяя. Может, всё-таки какая-то незримая связь между этими событиями существует?

Злость внезапно охватила Кирилла: «Какая чушь! Какое мракобесие! Этот доктор просто морочит мне голову! Он не может спасти ребёнка, вот и придумывает жалкие оправдания своей профессиональной несостоятельности!»

Взгляд Кирилла наполнился жгучей ненавистью к врачу, и он уже вознамерился произнести какую-нибудь дерзость, возможно, даже оскорбление, но в ответном взгляде Анатолия Андреевича он увидал непреклонную твёрдость, острую проницательность, уверенность в своей правоте и даже великодушное сострадание к нему, к несчастному и растерянному отцу умирающего ребёнка. И это сразу же охладило Кирилла и удержало его от опрометчивых и резких слов.

— Знаете, доктор, — выговорил Кирилл тихо, — если бы всё было так взаимосвязано, как говорите вы, половина человечества уже передохла бы от собственной дури. А уж среди наших, российских, бизнесменов, так сразу бы процентов девяносто вымерло! И вся их родня вместе с ними! А они ничего — здравствуют и процветают!

— Давайте подождём несколько лет и посмотрим, что станет со всеми, кто сейчас сознательно творит зло! И с их близкими! — возразил доктор с твёрдой уверенностью.

— А я не могу ждать, Анатолий Андреевич! — воскликнул Кирилл и прижал руки к груди. — Я хочу, чтобы мой сын не умер, чтобы он выжил и стал здоров! И я… Я не совершил ничего дурного и подлого, что могло бы отразиться на моём сыне…

Понизив голос, добавил неуверенно:

— Пока не совершил!

Колбин хлопнул ладонью по столу:

— Вы подумайте, Кирилл Петрович! Хорошо подумайте и всё проанализируйте! — устало произнёс врач и опустил погасший взгляд. — Но если завтра у Лёши не наступит улучшения, то надежды на его спасение не останется никакой!

Наступило тягостное молчание.

— Никакой! — повторил врач, и голос его будто прогремел, гулко отражаясь от стен кабинета. — А сейчас, извините, мне надо идти. Звоните дежурной медсестре и справляйтесь о состоянии Алёши. Пусть ваша жена останется здесь, она всё равно не поедет домой… — Почти прошептал. — Ступайте, Кирилл Петрович!

Кирилл несколько секунд помолчал, затем медленно поднялся со стула и зачем-то попытался что-нибудь возразить доктору, но тот снова твёрдо, как удары камнем, произнёс, уже не глядя на собеседника:

— Ступайте! До свидания!

Кирилл немного постоял в нерешительности и наконец вышел из кабинета в полной растерянности. В голове у него, как в погремушке, металлической дробью колотились слова врача: «Никакой надежды на спасение! Никакой надежды на спасение! Никакой надежды!..»

9.

Кирилл вернулся к зданию, где располагались кабинеты его фирмы, уже в пять часов вечера. Сначала он заехал в свои производственные гаражи и, оставив там «Волгу», пересел на старый армейский уазик с тентовой крышей. На нём он обычно ездил на загородные объекты по бездорожью и в дальние районы области, где постоянно стояла распутица, и поэтому требовалась высокая, вездеходная проходимость транспорта. Уазик, отслуживший четыре года в армии и купленный по дешёвке у знакомого прапорщика, уже пять лет исправно служил на гражданке. Кирилл любил этот неприхотливый и надёжный автомобиль и тщательно следил за его техническим состоянием. Сейчас ему понадобился УАЗ для поездки за город по намеченному делу.

Кирилл поднялся к себе. Валерия Евгеньевна сидела на прежнем месте, обложенная толстыми папками и чертежами, и что-то записывала в разлинованный лист. Она подняла голову, когда Кирилл зашёл в приёмную, и вопросительно поглядела на него.

— Ничего хорошего сказать не могу! — глухо произнёс он и, подвинув стул, сел напротив Валерии

Евгеньевны, тяжело облокотившись на край стола. Кирилл чувствовал страшное опустошение и усталость. И ему необходимо было с кем-нибудь просто поговорить.
— Я купил дорогое импортное лекарство, и оно вроде бы начало помогать. А потом Лёше снова стало…— Кирилл споткнулся, замолчал и опустил лицо. Он не находил слов, и у него уже почти не было никаких чувств, только усталая отрешённость и рвущийся наружу злой крик.

Валерия Евгеньевна наклонилась и пошарила рукой в тумбе стола, затем достала поочерёдно и поставила перед собой ополовиненную бутылку коньяка, пару маленьких хрустальных стопочек и вскрытую плитку шоколада:
— Кирилл Петрович, давайте немного выпьем, вам это поможет успокоиться!
— Я же за рулём! Мне сегодня ещё надо будет ехать за город…— подняв лицо, ответил Кирилл. Затем нерешительно пояснил:
— Надо навестить субподрядчиков на строящемся свинокомплексе… В Борисово. Ну, вы знаете, там должны сегодня закончить монтаж электролинии.

Валерия Евгеньевна покивала головой и разлила коньяк по стопочкам:
— Совсем немного, по чуть-чуть. Я вам дам потом ментоловый леденец и запаха никто не почувствует. А пятьдесят грамм коньяка вам не повредят. Выпейте, а то на вас совсем лица нет. Вы и доехать-то не сможете. Выпейте, пожалуйста!

Кирилл с теплотой посмотрел на свою сотрудницу. Она оказалась в эту минуту самым близким для него человеком, с которым он и мог поделиться своими тягостными переживаниями. Взяв стопочку, Кирилл решительно выпил одним глотком. Коньяк был хорош: мягкий и ароматный. Валерия Евгеньевна протянула ему маленький кусочек шоколадки, отломленный от початой плитки. Кирилл с благодарностью взял и с удовольствием разжевал горький шоколад.

Некоторое время они сидели молча. Кирилл почувствовал, как немного потеплело в груди…
— Вы поговорите со мной, Кирилл, поговорите!— мягко попросила Валерия Евгеньевна.— Вам сейчас обязательно надо поговорить. Не держите в себе, что сегодня накопилось в душе. Я хорошо понимаю, как вам сейчас тяжело. Но я вам друг— поделитесь со мной.
— Спасибо, Валерия Евгеньевна!— голос Кирилла дрогнул. Коньяк уже подействовал как транквилизатор: кровь приятно прилила к голове и ему стало гораздо спокойнее.— Вы действительно верный товарищ… Сколько мы уже с вами вместе работаем?
— Я пришла к вам в феврале девяносто второго, сразу после того, как меня сократили в нашем проектном институте. Вот уже три года я с вами— пошёл четвёртый.— Валерия Евгеньевна блеснула стёклами очков и улыбнулась.
— Да, конечно!— обрадованно закивал Кирилл.— С вашим приходом мои дела пошли в гору. Вы очень ценный специалист, и вы так здорово помогаете мне. Мы с вами разрабатываем такие сложные и красивые проекты, что и не всякий проектный институт взялся бы! И мы уже столько нового построили!
— Ну, я всю жизнь проработала в проектном институте и доросла только до руководителя отдела. А здесь я чувствую себя почти волшебницей, потому что мне удаётся воплотить, под вашим чутким руководством, многие свои замыслы!

Она немного помолчала, но, решившись, тоже разоткровенничалась:
— Когда закрыли наш институт и нас всех просто выгнали на улицу, я посчитала, что моя жизнь закончилась. Вот так разом взяли и перечеркнули мою судьбу, перечеркнули судьбы многих прекрасных специалистов! Я пришла к вам наниматься на работу без всякой надежды, а вы приняли меня почти без расспросов. Вы же не знали обо мне ничего!
— У вас на лице написано, что вы классный специалист. И что просто порядочный человек!— ответил Кирилл.

Валерия Евгеньевна покачала головой:
— Знаете, я сначала скептически и даже с опаской отнеслась и к вашей фирме, да и к вам тоже, Кирилл Петрович!
— Вот как! Почему же?— спросил Кирилл. Неспешный разговор действовал на него умиротворяюще.
— Ну, вы мне показались поначалу наглым нуворишем, этаким новорусским скоробогатом, который оседлал удачу и напористо правит ею вскачь. Но потом я увидела, как вы работаете, как относитесь к делу, к людям. Я убедилась, что вы тоже любите свою профессию и относитесь к ней с полной отдачей. Вы уважаете людей и цените профессионалов. Вы очень трезвый и благоразумный руководитель. Я сильно зауважала вас и уважаю сейчас ещё сильнее!
— Спасибо, Валерия Евгеньевна!— Кирилл был искренне тронут тёплыми словами сотрудницы.— Я просто делаю то, что умею, и то, что мне нравится. Я получаю удовольствие от своей работы, от своего бизнеса. Ну и, самое главное, это ещё даёт мне неплохие доходы, на которые я живу сам и содержу свою семью. Это, наверно, тоже немаловажная вещь в моей жизни?!
— Конечно. Мы работаем, чтобы жить! Помните, в советское время часто звучал такой полемический вопрос: «Мы живём, чтобы работать, или работаем, чтобы жить?»

Кирилл кивнул: он помнил эту расхожую дилемму ещё с института. Ортодоксальные марксистские дядьки, преподававшие общественные

дисциплины, с упорством религиозных фанатиков внушали, что человек рождён только для созидательного труда, для непрерывного развития производственных отношений и постоянной классовой борьбы, которая в условиях развитого социализма приняла форму научно-технической революции и перманентно восходящего гуманистического прогресса. Кирилл невольно улыбнулся своим студенческим воспоминаниям и вслух сказал:
— А я всегда считал, что я работаю, чтобы просто жить. Ведь у человека много чего важного происходит в жизни, а работа, труд, зарабатывание на кусок хлеба, это всего лишь важная, но недостаточная вещь. У человека много нематериальных устремлений, и он может даже свою самую тяжёлую работу наполнить высоким смыслом.
— Но ведь вы, Кирилл Петрович, уже давно не живёте, а только работаете! — строго произнесла Валерия Евгеньевна. — Всё то время, что я работаю вместе с вами, я вижу, что вы всё своё время проводите на работе: здесь, в офисе, разъезжаете по объектам, не вылезаете из цехов и мастерских. Вы работаете по выходным, даже когда нет аврала. Я часто заставала вас и по субботам, и по воскресеньям именно здесь, в вашем кабинете. Вы приходите раньше всех и уходите позже всех. Вы один раз в год, и то всего на пару недель, уезжаете в отпуск и оттуда почти ежедневно звоните сюда, справляетесь о состоянии текущих дел. Вы почти никогда не ездите в командировки! Вы совсем не отдыхаете! Скажите, Кирилл Петрович, а когда вы живёте? Просто живёте?

Кирилл внимательно выслушал Валерию Евгеньевну, и её слова, почти укоризна, не вызвали в нём ни обиды, ни возражения, наоборот, он был полностью согласен с ней. Но он не знал, что ответить своей сотруднице и верному товарищу.
— Я даже не знаю, что вам сказать, — начал Кирилл, тяжело вздохнув. Его всё-таки слегка задели слова пожилой женщины, но скорее как строгое материнское назидание, которое иногда раздражает своей избыточной заботливостью, от которой хочется избавиться, хотя оно и исходит из искреннего уважения и глубокой любви. — Я понимаю, что во многом моя жизнь складывается неправильно. Не совсем так, как мне хотелось бы. Но я ничего не могу с этим поделать. Ведь вы, Валерия Евгеньевна, как никто другой понимаете, что весь наш бизнес требует непрерывных усилий и массу времени, чтобы он просто не потерял темп, не сбавил обороты. Помните, в какой-то сказке говорится, что для того, чтобы оставаться на месте, надо бежать изо всех сил, а для того, чтобы двигаться вперёд, надо бежать ещё быстрее!
— Это у Льюиса Кэрролла, в сказке про Алису, — подтвердила Валерия Евгеньевна. — Но мы ведь не в сказке, где часто на помощь приходит волшебство; мы живём в суровой реальности, где силы и время, увы, ограничены. И для того чтобы бежать куда-то изо всех сил, надо очень хорошо рассчитать свои силы — на сколько их хватит! И ещё надо очень ясно видеть цель, к которой нужно бежать, просто, чтобы не ошибиться в направлении и не попасть на ложный путь.

Кирилл снова задумался. Сегодня весь день он слышит философические рассуждения о смысле жизни. Наваждение какое-то…
— Очень трудный день сегодня! Утром случился приступ у сына. Я достал лекарство, но оно не помогло. Сейчас ребёнок в реанимации и, как сказал врач, у него почти нет шансов выжить… Сегодня я встречался с одним ответственным человеком и принял решение совершить очень важный для меня поступок… Сейчас я сижу и беседую с вами о жизни, Валерия Евгеньевна… Я очень давно ни с кем не разговаривал о жизни вообще! — Кирилл тяжело вздохнул. — И я вам благодарен, что именно вы в трудную минуту просто сидите и разговариваете со мною.
— Вам надо чаще с кем-нибудь разговаривать по душам. Разговаривайте с женой, с родителями, с друзьями. Если будет совсем не с кем поговорить, тогда разговаривайте со мной — я всегда к вашим услугам! — Валерия Евгеньевна участливо покивала головой. — Но как бы там ни было, Кирилл Петрович, вам надо обязательно что-то поменять в своей жизни.

Кирилл поднял на неё взгляд, насторожививший мудрую женщину:
— Сегодня я изменю всё! — решительно вымолвил он. — Если Лёша умрёт, то и весь мой бизнес, и вся моя жизнь потеряют для меня всякий смысл. Поэтому я не знаю, что будет завтра и как повернётся судьба.
— А давайте ещё по одной! — с наигранной весёлостью, скрывающей тревогу, произнесла Валерия Евгеньевна и снова налила коньяк в стопочки. — И давайте не будем больше о грустном! Я уверена, что всё будет хорошо. Лёша выздоровеет, вот увидите! Просто вам надо собраться с духом, отогнать все дурные мысли от себя и уверовать в счастливый исход всех нынешних испытаний.
— Испытаний? — с удивлением спросил Кирилл.
— Да, вся наша жизнь — испытания! — взволнованно произнесла Валерия Евгеньевна. — Испытания на прочность, на верность своим идеалам, своим принципам. Жизнь нас проверяет на твёрдость духа, на нравственность, на крепость любви к ближним. И надо всё перенести с достоинством и без отчаяния. Не отчаивайтесь, Кирилл, всё у вас будет хорошо!

Не дожидаясь, Валерия Евгеньевна медленно выпила, вытягивая губы трубочкой; поморщившись, закусила шоколадом. Кирилл взял свою стопку:
— Откуда же у вас такой оптимизм?

— Мне кажется, я вас уже достаточно хорошо знаю. Вы не идеальный, у вас есть свои дурные стороны и неприятные качества, но я считаю вас хорошим человеком. А хорошему человеку чаще выпадают испытания, и он выходит из них с достоинством и обретает счастье в награду за свою добрую душу. А ведь вы добрый человек, Кирилл! И упаси вас Господь, совершить какую-нибудь роковую и непоправимую ошибку!

Кирилл выпил коньяк, зажмурился на пять секунд, поставил стопку и не стал закусывать:

— Вы рассуждаете прямо как проповедник… Проповедница!

— Нет, я не проповедница… Я просто тот человек, которого судьба приставила к вам, чтобы помогать,— Валерия Евгеньевна сняла очки и поглядела на Кирилла с пристальным вниманием.— Я только недавно стала понимать, зачем я здесь и что меня удерживает рядом с вами. Кроме интересной работы, конечно!

— И что же?— Кириллу почему-то захотелось съязвить, но он почувствовал укол стыда и не посмел дерзить женщине, обожающей его, как старшая добрая сестра заботливо обожает своего младшего умненького братика.

— Меня удерживает рядом с вами ответственность за вашу судьбу, за то, что вам ещё предстоит совершить много полезного,— Валерия Евгеньевна немного смутилась своей сентиментальности, снова надела очки и приняла строгий вид.— И в этом я ваш верный помощник. Просто сегодня у вас, наверное, действительно судьбоносный день. И от того, что вы сегодня намерены совершить, будет зависеть и ваша дальнейшая судьба, и жизнь вашего сына, и, возможно, какая-то доля положительных изменений в будущем нашей страны.

Валерия Евгеньевна убрала бутылку, стопки и недоеденный шоколад, встала из-за стола, поправила платье и причёску и обратилась к Кириллу, который сидел в задумчивости, теребя на столе какой-то листок бумаги:

— Кирилл Петрович, уже половина шестого… Можно я пойду домой? Вам надо побыть одному…

Кирилл тоже поднялся:

— Да, конечно, ступайте домой! Вы и так каждый день задерживаетесь на работе дольше обычного. Отдыхайте! Мне тоже скоро надо ехать— путь неблизкий.

Валерия Евгеньевна взяла сумочку, пошарила в ней, вынула конфетку в прозрачной обёртке и протянула Кириллу:

— Вот, возьмите, это ментоловый леденец— отобьёт запах алкоголя… Ну, я пошла. Не забудьте потом запереть двери!

Она направилась к выходу и, уже взявшись за ручку, обернулась:

— Храни вас Бог, Кирилл Петрович!— и вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собою массивную дверь.

Кирилл остался один.

10.

Кирилл выехал без пяти минут шесть, у него был некоторый запас времени— ему хотелось прибыть на место чуть раньше. День к вечеру распогодился и, хотя на небе клубилось много серо-белых высоких облаков, солнце пригревало уже совсем по-летнему.

На выезде из города у автомобиля внезапно забарахлил мотор, пришлось остановиться для осмотра. Поправив на аккумуляторе клеммы, которые почему-то оказались неаккуратно закреплёнными, он завёл мотор снова— всё заработало нормально.

Кирилл двинулся дальше. Автомобилей на шоссе было много, и все двигались плотным потоком по двум попутным и двум встречным полосам, разделённым между собою бетонными блоками. Мелькали указатели и дорожные знаки. Вдоль дороги с обеих сторон потянулись густые лесополосы из берёз и елей, изредка прорезаемые пересекающимися второстепенными дорогами и развязками.

Через пятнадцать минут он подъехал к указателю «Стасово» и повернул направо— началась узкая плохо асфальтированная дорога в сторону некогда крупного села. Кирилл бывал здесь очень давно и плохо знал это место: дорога лежала через перелесок из орешника и черёмухи, прореженный заболоченными прогалинами. Опасаясь пропустить поворот, он стал поглядывать на спидометр, отсчитывая нужное расстояние. Пересекающихся путей не попадалось, и ровно через семь километров он увидал примыкающую слева просёлочную дорогу, которая вела в густой сосновый бор. Кирилл свернул и поехал на малой скорости: дорогой редко пользовались, она сильно заросла, и только две колеи по сильно примятой прошлогодней траве указывали на некогда проезжий путь. По мере продвижения вглубь лес становился гуще и темнее, а сосны выше и толще в обхвате, постепенно смыкаясь кронами и закрывая небо.

Неожиданно Кирилл почувствовал что-то неладное с колесом и остановился. Выйдя, обнаружил, что левое заднее спустило. Хлопнув с досады себя по бокам, принялся ставить запасное. Справился он за десять минут, но на часах было уже ровно семь— двинулся дальше.

Через десять минут он выехал на узкую поляну. Справа, прямо под соснами, стояли два длинных полуразрушенных деревянных сарая с обвалившимися в некоторых местах крышами, с пустыми окошками и зияющими провалами дверных проёмов. Никого из людей не было видно.

Кирилл медленно подъехал к ближайшему сараю и остановился. Заглушив мотор, остался ожидать в машине. Через три минуты из-за сарая появился незнакомый человек, мужчина невысокого роста, одетый в спортивные штаны и брезентовую штормовку с накинутым на голову капюшоном. Держа руки в карманах, незнакомец осторожно приблизился к автомобилю, пригнувшись, разглядел номер и негромко окликнул:
— Эй! Ты Кирилл?

Кирилл приоткрыл дверцу и неспешно вышел. Ещё в офисе он переоделся в лёгкую, защитного цвета ветровку.
— Да!
— Один?
— Проверь!

Мужчина обошёл уазик, открыл заднюю дверцу и осмотрел изнутри; нагнувшись, заглянул под машину. Достав из кармана портативную рацию с короткой толстой антенной, тихо произнёс:
— Чисто! — и, обращаясь к Кириллу, буркнул. — Обожди немного.

Минут через пять послышался шум моторов и с противоположной стороны просеки на поляну выехали чёрный джип с тонированными стёклами и довольно потрёпанная иномарка синего цвета. Они остановились возле Кирилла. Мужик в капюшоне подошёл к иномарке и залез внутрь. Из джипа вышел Туманов: на нём была армейская шляпа, старая камуфляжная куртка и всё те же чёрные джинсы, но уже заправленные в десантные берцы, на плече висела холщовая сумка. Лицо его сияло лукавой улыбкой:
— Извини, но это я немного припоздал.

Кирилл пожал плечами. Настроение у него было не особо радостное. Туманов встал рядом и, оглядев Кирилла, спросил:
— Ну что, готов к труду и обороне?
— Всегда готов! — попытался шутить Кирилл.
— Лопата с собой?
— В машине.
— Доставай!

Кирилл вынул из автомобиля завёрнутую в мешковину широкую штыковую лопату, освободил её от ткани и воткнул перед собой в землю.
— Вот ствол, — Туманов достал из сумки пистолет ТТ и протянул Кириллу. — Держи!

Тот аккуратно взял, и, поднеся ближе к глазам, внимательно разглядел со всех сторон. Пистолет был старым и сильно потёртым.
— Надеюсь, пользоваться умеешь? — саркастически осведомился Туманов.
— В институте была хорошая военная кафедра, так что я всё умею, хотя и не служил срочную в армии! — Кирилл ловко вынул магазин и осмотрел — все восемь патронов — вернув обойму на место, передёрнул затвор, взведя в боевое положение, осторожно поставил на тугой предохранитель и засунул сзади за пояс. Кинул Туманову упрёк:
— За тысячу долларов можно было бы и поновее ствол предложить!
— Он тебе всё равно на один раз. А инструмент надёжный. Главное, что почти чистый. Из него только фрицев во время войны убивали. Ну и ты ещё одного гада добавишь к его заслугам. Только потом обязательно скинь его! Протри тряпкой и утопи в болоте, где-нибудь подальше отсюда.
— Где осуждённый?! — строго спросил Кирилл, прерывая ненужные советы Туманова.
— Осу́жденный здесь! — ответил Туманов с дурацким ударением на «у» и поднял руку, указывая на синюю иномарку.

Из неё, с водительского места, торопливо вылез грузный немолодой мужик в камуфляже, с короткой стрижкой и густой сивой щетиной на лице. Не здороваясь с Кириллом, зашёл за автомобиль сзади и открыл багажник. Наклонившись, сделал усилие и что-то рывком вытащил из него. Кирилл увидал человека с мешком на голове и со связанными за спиной руками. Мужик со щетиной, грубо подталкивая, подвёл пленника ближе, ударил по ногам и заставил того упасть на колени.

Кирилл узнал Гену — несомненно, это был он. Худой, небольшого роста, узкоплечий, в застиранных джинсах, в какой-то линялой парусиновой куртке и почему-то в войлочных ботинках. Гена стоял перед ним на коленях со связанными руками и с мешком на голове, и было видно, как он трясётся всем телом.

Туманов достал из сумки небольшой моток нейлоновой верёвки и привязал один конец к ремню на Гене сзади, второй конец подал Кириллу — тот взял и намотал на левый кулак.
— Когда приведёшь его на место, то привяжи верёвку к дереву, чтобы не убежал. — Туманов говорил негромко, так, чтобы слышал только Кирилл. — Заставишь его копать себе могилу. Когда он будет рыть землю, ты стой в сторонке и будь осторожнее, он может в тебя метнуть лопату. Ему ведь терять нечего. Но ты его сразу же деморализуй. Отоварь раза три-четыре по печени и пригрози мучительной смертью. Обычно это действует. Если действительно откажется копать, то прострели ему сначала колено, потом всади в живот две пули. Пока он будет мучиться, придётся тебе самому выкопать яму. Но не менее полутора метров глубиной…
— Может, его просто повесить? — перебил Кирилл. У него уже проснулось нетерпеливое озлобление, и мучительное предвкушение мести начало пьянить голову.

Туманов отрицательно помотал головой и на полном серьёзе пояснил:
— Нет! Не надо. Через неделю вонь будет стоять на весь лес. Зверьё сбежится, птицы слетятся.

Какой-нибудь грибник ещё наткнётся. А найдут труп, начнётся и расследование. А так—пристрелил, закопал, ни запаха, никаких следов! Через год от него только кости останутся. Его потом уже точно не отыщут. Если только ты сам с повинной не явишься в милицию!—Туманов кинул настороженно-лукавый взгляд на Кирилла. Тот ухмыльнулся:

— Нет, я пока на свободе хочу побыть. И мне ещё пожить подольше хочется!

— Вот и правильно!—поддакнул Туманов.—Вон там,—указал за сараи,—есть тропка. По ней пройдёшь метров двести, выйдешь к небольшому овражку. Этого фраера поставь на дно, пусть там копает себе могилку. А ты привяжи верёвку, и сам стой наверху. Из овражка ему будет трудно выпрыгивать. Как только он выкопает ямку, ты его сразу и кончай. Не затягивай удовольствие! Один выстрел в грудину, второй, обязательно, в голову.

— Так точно! Я всё сделаю, как ты и советуешь!—Кирилл покивал головой.

— Может, тебя подстраховать? Мой человек рядом постоит, поможет, если что,—Туманов заглянул Кириллу в глаза. Но тот был полон твёрдой решимости:

— Не надо! Я справлюсь. Вы можете уезжать.

— Хорошо. Мы сейчас уедем… А когда ты заплатишь мне остальные деньги?

— Ах да!—Кирилл, и правда, слегка запамятовал от волнения, что должен рассчитаться с Тумановым за оказанные услуги. Он вынул из кармана согнутый пополам почтовый конверт и протянул—Игорь Олегович взял, открыл и пересчитал банкноты. Убедившись, что там шестьдесят стодолларовых купюр, довольно покачал головой и спрятал деньги в кармане за пазухой.

— Сегодня ты говорил мне, что действуешь только по закону. А сам-то, вот сейчас, соучаствуешь в убийстве по предварительному сговору! Да ещё группой лиц.—Кириллу захотелось подразнить Туманова. Тот состроил кислую улыбку, но глаза его злобно сверкнули:

— Закон, он применим только к людям. К порядочным и законопослушным гражданам! А все эти жулики, воры, мошенники, бандиты и разная гопота—это всё нелюди! Отбросы! Недочеловеки! Им законы по фигу! Поэтому с ними не по закону надо, а как с животными. Как с вредными насекомыми! Давить и уничтожать!

— Во как!—Кирилл изобразил восхищение словами Туманова.—А я и не знал, что ты сверхчеловек!

Туманов поухмылялся, поцокал языком, затем лицо его приняло строгое и надменное выражение, и, наклонившись к Кириллу, он чётко и уверенно произнёс:

— Я об одном жалею! Что десять лет назад не начал отстреливать всех этих собак,—он кивнул в сторону стоявшего на коленях Гены.—Если бы советская власть не миндальничала и не разводила бы все эти поигруньки с законами и судами, а просто приказала бы всех воров и бандитов отстреливать на месте преступления, то и сама сохранилась бы, и страна уцелела бы!

— Так ведь не Гена развалил страну!—возразил Кирилл.

— Такие, как Гена, пришли к власти! И даже ещё хуже него! Бандиты и убийцы!—хрипло выкрикнул Туманов. Он разозлился не на шутку.—Ты позабыл про девяносто третий?! А в Чечне сейчас знаешь, что творится?! Надо было всех этих антисоветских сволочей душить тогда, ещё в самом начале этой грёбаной перестройки! И первым надо было застрелить Горбачёва! Эту тварь меченую! Вот о чём я жалею!

— Ты знаешь, Игорь, я ведь с тобой полностью солидарен!—Кирилл нервно рассмеялся.—Ну, пойду исправлять твои ошибки!

Кирилл наклонился к трясущемуся Гене и поразмыслил, стоит ли снять мешок с его головы.

— Лучше в мешке!—подсказал Туманов, наблюдая за действиями Кирилла.—Привяжи палку к голове и веди его за собой!

— Точно!—Кирилл размотал с кулака конец верёвки и бросил наземь. Походив вокруг, подобрал с земли длинную, метра три, не более, толстую суковатую ветку. Обломав лишние сучки, приладил один конец к шее пленника и туго обмотал концом верёвки—получился жёсткий поводок, оглобля, торчащая вперёд.

— Вставай!—скомандовал Кирилл. Он прочно держал конец палки, привязанной к шее пленника. Тот покачнулся и с трудом поднялся на трясущиеся и постоянно подгибающиеся ноги. Кирилл повернулся к Гене спиной и, пропустив оглоблю под мышкой правой руки, взяв в левую руку лопату, скомандовал:

— За мной, шагом марш!—и сильно дёрнул за палку, привязанную к пленнику. Он направился за сараи, в густой лес, и Гена, с оглоблей, покорно засеменил следом.

— Удачи!—пробурчал Туманов и раскачивающейся походкой пошёл к своему джипу.

11.

Тропинка между деревьями была еле заметна. Высокие, с толстыми стволами сосны росли близко друг к другу, практически не имея подлеска. Небо из-за смыкавшихся крон было едва видно, и поэтому в лесу стоял густой сумрак. Ещё невысокая весенняя трава едва прикрывала толстый слой опавшей хвои, шишек и мелких сучков. Кое-где вместо травы торчали пучки набиравших рост папоротников, а на редких, вылезших из земли валунах зеленел клочковатый мох. Звуков было совсем мало. Где-то вверху изредка поцвиркивали

невидимые птахи, выбивали короткую дробь дятлы, да один раз громко провыла сова. Иногда раздавался глухой шорох и потрескивание ветвей, но никого не было видно — то ли лось не спеша прошёлся, то ли шустро пробежала рысь. Всё вокруг выглядело загадочно и жутковато — это был глухой и дремучий лес.

Гена, с мешком на голове и связанными за спиной руками, осторожно шёл позади Кирилла и постоянно спотыкался. Порой тропинка то немного опускалась вниз, в едва заметную ложбину, то полого подымалась кверху. Кое-где между деревьями виднелись непросохшие лужи, а на самой тропе местами выступала болотистая жижа.

Кирилл изредка дёргал оглоблю, подгоняя Гену и подсказывая направление, и тот шагал молча, не подавая голоса. Несколько раз приходилось перешагивать через трухлявые стволы. Звучало громкое предупреждение: «Бревно!», — и пленник, осторожно нащупав ногой препятствие, аккуратно перешагивал через него. Два раза он оступался и падал на одно колено, но торопливо подымался, опасаясь побоев. Так, не очень быстро и без лишнего шума, они пришли наконец к неглубокому овражку с пологими, поросшими клочковатой травой склонами. Придерживая пленника за оглоблю, Кирилл осторожно свёл его вниз — там было ровное и сухое место, где было вполне удобно копать. Воткнув лопату в землю, он силой заставил Гену опуститься на колени. Затем открепил оглоблю, отбросив её подальше, и конец верёвки, привязанной к поясу пленника, примотал к торчащему из склона корневищу сосны. Верёвка была достаточно длинной, около шести метров, чтобы не мешать работе лопатой.

Пленник стоял на коленях, не шелохнувшись, и уже даже не трясся. Кирилл подошёл к нему и стянул с его головы мешок. Гена был ни жив ни мёртв. Синие круги под его глазами ярко выделялись на белом как мел лице.

— Привет! — Кирилл с размаху ударил пленника кулаком под дых. Тот ойкнул и согнулся в поясе. Потом ударил уже по голове, ещё раз и ещё. Гена вскрикивал и издавал шипение. Решив, что бить связанного нехорошо, Кирилл перерезал узлы складным ножиком и освободил ему руки.

Гена решился наконец посмотреть на своего мучителя и поднял лицо. В его слегка раскосых глазах остекленело стоял животный страх. Рыжеватые волосы — грязные и всклокоченные, давно не бритая щетина серым мхом покрывала впалые щёки, а тонкие губы большого рта имели синюшный оттенок — выглядел Гена как бомж после сильной попойки.

— Узнаёшь меня? — злорадно поинтересовался Кирилл. Было видно, что Гена сразу же опознал того, кто стоял перед ним. Возможно, что ещё там, возле машин, он услыхал голос Кирилла и сразу же сообразил — кто и за что схватил его и привёз в лес. Он кивнул, подтверждая, что узнал Кирилла.

— Ну вот и встретились! — Кирилл с чувством победителя глядел на своего пленника. В его душе играло необъяснимое торжество от того, что сейчас, в эту минуту в его руках находился человек, который полгода назад самым наглым образом обманул и обобрал его. Этот обман и потеря денег стали для Кирилла мучительным и позорным унижением, он всё это время жаждал возмездия, мечтал о встрече с обидчиком. И вот — наконец-то!

Гена потирал затёкшие бледные руки, измазанные грязью, и с опаской косился то на Кирилла, то на торчавшую перед ним лопату.

— Чего молчишь? Может, сказать мне чего-нибудь хочешь? — Кирилл поднялся на край овражка и присел на поваленный ствол, так, чтобы видеть Гену сверху. Но тот молчал и только затравленным взглядом исподлобья поглядывал на захватчика. Между ними было расстояние не более восьми метров, но Кирилл находился выше метра на два.

— Значит, тебе совсем нечего мне сказать?! — грозно спросил Кирилл и усмехнулся. Его тяготило молчание пленника. — Тогда бери лопату и копай!

— Что копай? — глухим голосом отозвался Гена и поднял взгляд. Кирилл увидел его пустые, слезящиеся от испуга глаза и почувствовал приятное удовлетворение, почти удовольствие, от власти над пойманным и привязанным человеком, которого он вознамерился здесь же и убить.

— Могилу себе копай! — прикрикнул Кирилл с внезапной злостью.

Гена медленно встал на ноги и сделал робкий шаг к лопате, затем снова взглянул вверх и с неожиданной дерзостью ответил, почти выкрикнул:

— Не буду копать! Сам копай! Ты меня всё равно убьёшь! Так зачем мне ещё и потеть перед смертью? — голос Гены неожиданно окреп, и взгляд стал твёрже.

Кирилл глубоко вздохнул и произнёс с каким-то трагическим сокрушением:

— Ты знаешь, почему все копают и не отказываются? Потому как ясно понимают, что быстрая и лёгкая смерть лучше, чем долгая и мучительная. А ты, наверно, помучиться хочешь?

Гена изобразил страшную улыбку, оскал испуганного хорька, и закивал головой:

— Ага! Хочу помучиться!

— О-о-о! Да ты, оказывается, остряк-самоучка! — Кириллу вдруг стало весело, и он решил покуражиться. Достал из-за пояса пистолет и направил на Гену. Тот зажмурился и непроизвольно сжался в ожидании выстрела. Но Кирилл с издевательским назиданием начал излагать угрозы, как и учил Туманов:

— Сначала я прострелю тебе колено. Потом выстрелю в живот. Тебе будет очень больно! Кровь и кал из пробитых кишок заполнят всю твою

брюшную полость. Раздробленное колено будет адски болеть! И ты будешь громко выть на весь лес! А я буду копать тебе яму не торопясь, не спеша, а ты будешь смотреть, орать и умолять меня, чтобы я тебя поскорее пристрелил. Но я не стану тебя убивать, пока не вырою твою могилу. А потом я закопаю тебя живьём! И ты ещё будешь целый час подыхать под землёй от удушья, боли и потери крови. Всё будет точно так! Просто ты ещё сомневаешься, не веришь, что я выстрелю в тебя. Но ты не сомневайся, Гена! Живым отсюда ты уже точно не выйдешь!

Гена поглядел с ненавистью и страхом на своего мучителя. Но, отважившись, всё же ответил трясущимися губами:

— Я тебя не боюсь… Копать не буду… Сам копай!

От ярости у Кирилла потемнело в глазах. Он рванулся к Гене, сбил его с ног и принялся избивать ногами, нанося сильные удары куда попало. Не разбирал, куда бил, и пинки попадали то в живот, то в спину, то в грудь. Носки кроссовок впивались то в мягкие ткани, то в костяную решётку рёбер. Иногда пинку мешала верёвка, привязанная к поясу пленника, она цеплялась за ногу, и тогда удар приходился в прикрываемую руками голову, в затылок или в челюсть. Раздавались глухие звуки, похожие на отбивание мяса. Кирилл бил со всей силы и даже не пытался остановиться, рискуя забить пленника насмерть. Гена поначалу дико кричал, потом протяжно завыл, а затем из его горла вырывались только булькающие хрипы.

— Стой… Стой… Не надо!—хрипел Гена извиваясь от каждого удара.—Прекрати… Остановись!

Кирилл с трудом остановился. Его трясло от ярости. Он взмок и тяжело дышал, сердце бешено колотилось, в висках сильно пульсировало, а в ушах пронзительно звенели бронзовые колокольчики. Перед глазами стояла багровая пелена, и где-то внизу живота ощущалось приятное щекотание. Кирилл приставил ствол пистолета к коленке лежавшего человека и нажал курок. Но выстрела не получилось. Предохранитель! Гена дёрнул ногой и изогнулся ужом, уклоняясь от ствола.

— Стой! Я буду… Буду копать яму… Буду копать!— хрипло простонал он.

Кирилл сделал глубокие вдохи-выдохи, постепенно приходя в себя. Он никогда ещё в жизни не испытывал такой животной ярости, и это было страшным открытием для него самого.

— Ну и чего ты добился?—спросил он, тяжело дыша.—Копай! Я не стану больше просить. Сразу же покалечу.

Кирилл поднялся вверх по склону и устало уселся на прежнее место. Он держал перед собою в руке пистолет и с предохранителя его пока не снимал. Разгорячённая кровь принялась остывать, и пульс стал успокаиваться—приятная истома охватила всё тело.

Гена застонал и с большим трудом поднялся. Его лицо сильно опухло и кровоточило.

— Ты мне рёбра сломал!—жалобно прохрипел он.

— Сам виноват!—буркнул в ответ Кирилл.—Не нужно было выделываться!

Прихрамывая и морщась от боли, Гена взял в руки лопату и принялся копать, втыкая неглубоко, вынимая понемногу и аккуратно выкладывая грунт рядышком. Тёмно-серая подзолистая почва была сухой и достаточно рыхлой—копать было не трудно.

12.

Гена копал не спеша и за полчаса вырыл прямоугольную яму глубиной всего лишь по пояс. Кирилл молча наблюдал за его работой и не подгонял. Но сумерки становились гуще—уже начало девятого!

— Поторопись! Темнеет!—прикрикнул Кирилл.

Ярость его улеглась, и в голове начали роиться назойливые, как падальные мухи, мысли. Нет, по-прежнему оставалась твёрдая решимость убить этого негодяя. Да и отступать уже было просто нельзя. Отпустить пленника никак невозможно! Последствия могут быть ещё тяжелее, чем от убийства. Боялся ли Кирилл собственноручно убить человека? Нет, не боялся. Даже испытывал к этому побуждение. Ему хотелось только завершить всё это поскорее и уехать отсюда домой. Конечно же, надо будет сначала заехать в больницу и узнать, как дела у Лёши? Хотя именно поездки в больницу Кирилл страшился сильнее всего. С большой вероятностью его ждёт там печальная и ужасная новость…

Кирилл зарычал, отгоняя назойливую и пугающую мысль. Но тотчас снова задумался о сыне. Надежда на его выздоровление угасла ещё в кабинете врача. И теперь только мучительное ожидание вести о смерти ребёнка жутко томило Кирилла и сдавливало ему сердце. Неизбежность гибели сына ещё сильнее распаляло его ярость, которую он переносил на жалкого человека, которого собирался безжалостно казнить здесь, в глухом лесу. Правильно ли он вообще поступает? Кирилл был уверен, что правильно!

Весь сегодняшний разговор с Тумановым подвигнул Кирилла к решительному действию. Он подсознательно понимал всю правоту Игоря Олеговича: оставить без наказания мошенника, который набрался наглости обокрасть его, честного и добропорядочного предпринимателя, никак нельзя! Кирилл хорошо знал нравы делового сообщества, которое быстро сформировалось в послесоветской России из людей по большей части с криминальными наклонностями и преступным прошлом. Бóльшая часть всех этих нынешних коммерсантов—жулики, воры, мошенники, бандиты и убийцы. Многие имели в прошлом судимости

и отсидки в местах лишения свободы. За некоторыми тянулся шлейф кровавых убийств и тяжких преступлений.

Попадались изредка и интеллигентные люди, в прошлом хорошие специалисты, умелые мастера, предприимчивые изобретатели и ловкие торговцы, но они долго не задерживались в деловой среде, их бизнес быстро прогорал или его просто отнимали более жёсткие и очень жестокие парни с бритыми головами. Те, кто были умными и деловыми, но не принимали жёстких, почти бандитских правил ведения российского бизнеса, быстро выпадали в осадок и неизбежно становились добычей для более сильных и сплочённых хищников. Поэтому в деловой среде, как правило, царили самые настоящие воровские правила и суровые бандитские понятия. Не следовать им или отступать от них, считалось серьёзным проступком, и человек, игнорирующий или нарушающий понятия, сразу же выбывал из полукриминального делового мира и становился изгоем, против которого мог безнаказанно действовать уже любой отмороженный преступник.

Кирилл также понимал, что он долго не сможет существовать в бизнесе по своим, во многом ещё советским представлениям. Он должен был сделать выбор: либо суровые правила российского бизнеса, либо толстовская мягкотелость, неизбежно ведущая к потере бизнеса, капитала, благополучия, а возможно, и жизни. Сегодня Кирилл вступал в мир неписаных правил жестокой реальности, в мир жёстких понятий. И эти понятия, в общем-то, были просты, как мычание коровы.

Если на тебя «наехали», ты должен либо сдаться на милость победителя и сразу же уступить ему всё, что тот требует; либо оказать упорное сопротивление, которое по силе угроз и воздействия с лихвою превзойдёт то, что продемонстрировали тебе «наезжальщики». Если они просто приехали к тебе в офис криками и бранью угрожать тебе и твоей семье, то в ответ ты должен немедленно переловить всех участников «наезда», вместе с зачинщиками и организаторами, и, в лучшем случае, просто отлупить их, а в худшем—покалечить или убить. Если ты не способен сделать такого ответного хода, то в ближайшее время к тебе обязательно приедут солидные мужики в костюмах с галстуками, с кейсами в руках и вежливо попросят подписать в присутствии нотариуса уже заготовленные договоры купли-продажи и акты передачи твоего предприятия стороннему лицу. А потом предложат срочно освободить помещение в течение часа и не мешать работе новых владельцев, которые тут же поспешно займут твой кабинет. Но если ты способен собрать крепких отмороженных парней и организовать грозную «ответку», ответный удар, то уже ты со своей командой являешься в офис к обидчику и вежливо, с предварительным нанесением побоев предлагаешь тому передать фирму в твои руки. И горе тому, кто заартачится! Паяльник и плоскогубцы—обычный джентльменский набор уважающего себя коммерсанта. Для повышения покладистости уговариваемой стороны!

Закон джунглей и бизнеса! Выживают сильнейшие, наглейшие и беспринципнейшие! Рефлексирующим мягкотелым интеллигентам ловить в российском бизнесе совершенно нечего! Разве что в качестве наёмных работников и нанятых специалистов!

Кирилл интуитивно чувствовал, что несмотря на вроде бы успешное развитие своего дела, оно всё чаще и чаще пробуксовывает по необъяснимым причинам и всё чаще натыкается на какие-то вязкие препятствия, преодолеть которые не всегда получалось.

В конце прошлого года он потерял хороший заказ от крупного завода на изготовление стройдеталей. Всё вроде уже было согласовано, подписаны протоколы о намерениях, были занесены, кому нужно, конверты с деньгами и сделаны соответственные ценные подарки. Но по непонятным причинам заказ отдали какой-то маленькой и никому неизвестной фирмочке, которой руководили какие-то мутные парни с тёмным прошлым. Кирилл пытался разобраться, почему так получилось, но все, с кем он продвигал получение этого заказа, опускали глаза, разводили руками и произносили сакраментальную фразу: «Ну, так получилось!» Значит, помимо известных схем получения заказов, в меру коррупционных, в меру лоббистских, в меру конкурентных, действовали какие-то иные, теневые и закрытые механизмы воздействия на принятие важных решений влиятельными людьми?! И эти механизмы влияния находились именно в нелегальной и полукриминальной области понятий и традиций так называемого бизнеса.

Кирилл осознавал, что не может поступать так, как часто действуют некоторые его коллеги. Оказывается, чтобы добиваться успехов в конкурентной борьбе за получение крупных заказов или подрядов, совсем недостаточно иметь солидную фирму с хорошей производственной базой и отрядом классных специалистов. Недостаточно иметь репутацию надёжного и солидного предприятия с честным и порядочным руководителем во главе. Недостаточно иметь обширные связи с важными людьми и ответственными чиновниками; даже не важно, что ты располагаешь достаточным количеством денег и ценных предметов, которыми можно подкупить всех этих высокопоставленных и чванливых начальников для того, чтобы получить от них нужный и вожделенный заказ! Очень важно, гораздо важнее, чем всё вышеперечисленное, иметь теневое влияние, тайную силу

и обладать репутацией, устрашающей всех, кто мог бы помыслить недоброе в твой адрес.

Кирилл знал уже немало примеров оказания жёсткого давления на ответственных чиновников и крупных коммерсантов со стороны хорошо организованных групп, имеющих легальное положение, вроде бы бизнесменов, а по сути откровенно преступных банд, которые действовали беззаконно, беспринципно и патологически жестоко.

Правоохранительная система постсоветской России, уже сильно деморализованная, сильно коррумпированная и почти что разложившаяся, практически не вмешивалась в процессы становления отечественного бизнеса. Ведь шло накопление первоначального капитала! И, как это знали многие советские люди ещё из школьных учебников, это накопление шло преступным и кровавым способом! Оно и не могло идти никак иначе! Только через воровство, расхищения, присваивание, мошенничество, грабежи и убийства! Об этом писали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и другие классики политической экономии, и всё, что они писали о капитализме и накоплении первоначального капитала, неожиданно оказалось страшной и потрясающей правдой!

Если Европа мучительно копила капиталы более трёхсот лет в кровавых распрях и злодейских авантюрах, в колониальных грабежах и при помощи технического прогресса, то Россия намеревалась построить капитализм всего за несколько лет, поэтому все преступные мерзости реанимированного российского капитализма совершались в концентрированном и ускоренном виде, в чудовищных по своей кровавости масштабах, с откровенным оболваниванием мозгов и циничным издевательством над основной массой деморализованного населения.

Кирилл должен обязательно наказать обидчика! Он должен ему отомстить. Он обязан убить Гену! Это будет осознанным жертвоприношением, которое Кирилл совершит ради своего дальнейшего благополучия в последующей деловой деятельности! Гена ведь всего лишь мелкая мышь, которая то ли по глупости, то ли по наглости, решилась укусить волка. И она рассердила волка. А может, эта мышка полагала, что она кусает не волка, а пушистого зайчика? Но чтобы она там себе ни думала, она будет неотвратимо наказана — раздавлена без колебаний и сожалений! Поганая кровь Гены оросит алтарь нового русского капитализма!

13.

Гена наконец перестал копать и положил лопату рядом. Стоя в яме, уже по грудь, он прислонился к краю, откинулся на спину и запрокинул лицо кверху — оно всё было покрыто тёмно-фиолетовыми синяками и багровыми кровоподтёками от недавних побоев.

— Чего остановился? — строго прикрикнул Кирилл.

— Передохну немного! — устало ответил Гена.

— Докопай и потом уже до-о-олго будешь отдыхать! — Кирилл вошёл во вкус от куража над человеком, находившимся в его полной власти.

— Так может, хватит такой глубины?

— Нет, надо ещё чуть поглубже. Вот так! — Кирилл приложил ладонь к подбородку. — Докопай уж, немного осталось! И отдохнёшь тогда! Я тебя не больно застрелю.

Кирилла почему-то развеселила эта брутальная шутка, и он рассмеялся. Но смех получился фальшивым и нервным. Гена неожиданно хохотнул в ответ, и его рот искривился в вымученной улыбке.

— Да ты весёлый парень, Гена! — иронично похвалил Кирилл.

Гена посмотрел уже без явного страха — лицо его теперь выражало глубокую печаль — и неожиданно спросил:

— Кирилл, скажи, а за что ты хочешь меня убить?

Вопрос прозвучал с искренней укоризной и почему-то сильно озадачил Кирилла, он задумался — как же ответить. Даже этот никчёмный человек имел право знать, в чём его обвиняют и за что приговорили к смерти. А в вопросе прозвучала и другая, более глубокая подоплёка: «Имеешь ли ты право убивать меня?» Нужно было ответить не столько приговорённому, сколько самому себе.

— Вопрос чрезвычайно интересный и, главное, очень своевременный! — начал было Кирилл, намереваясь всё свести к злой иронии, но затем передумал. Всё-таки перед ним был человек, пусть и жалкий, пусть и нанёсший ему страшную обиду и ощутимый материальный ущерб, но даже такой ничтожный человек заслуживал последнего в своей жизни серьёзного разговора.

— Если бы ты полгода назад не похитил бы у меня, обманным путём, большую сумму, то и не оказался бы здесь в такой печальной ситуации. Ты наглым образом развёл меня на деньги и подлым же образом кинул. Разве не так всё было?

Гена молчал. Он опустил лицо и глядел в яму.

— Ну, отвечай же! Чего молчишь? — настаивал Кирилл. — Раз уж ты этот разговор начал, то дай хотя бы пояснения! Зачем ты против меня кидалово затеял?

Гена пошевелил распухшими губами и тихо, едва слышно, ответил:

— Бес попутал! Прости меня, Кирилл!

— Ты ещё скажи, что больше не будешь так делать!

Гена закивал головой:

— Да-да! Я больше не буду так делать.

Кирилл вскочил на ноги, сунул пистолет в карман ветровки, рука уже устала держать тяжёлое оружие, и громко выкрикнул:

— Ты что, дебил?! Гена, ты в самом деле идиот или прикалываешься?

Гена мотал головой и бормотал:

— Нет! Нет, я не идиот! Я больше не буду. Кирилл, прости меня, пожалуйста! Я, честное слово, больше не буду никого обманывать и кидать! Я больше не буду…

Кирилл снова начал злиться, уже от этого бессмысленного разговора, и ему захотелось ещё раз поколотить пленника. На прощание. Медленно сойдя вниз и подойдя к яме на расстояние пяти шагов, Кирилл остановился и спросил уже спокойнее:

— Скажи честно, Гена, как ты решился развести меня на деньги? Почему именно меня решил кинуть?

Гена с отчаянием посмотрел на Кирилла и сразу же отвёл взгляд:

— Это Терехов подбил меня! Я не хотел! Мы же были приятелями!

— Что?! Когда это мы с тобой были приятелями? — воскликнул удивлённый такой дерзостью Кирилл. — Мы только изредка пересекались с тобой на разных объектах, да пару раз посидели в очереди к начальнику стройотдела в городской администрации. Помнишь? Да я толком-то и не знал про тебя ничего. Слыхал только, что есть у тебя фирмочка, что ты стройматериалами торгуешь. А ты оказался мелким мошенником и аферистом! Ты обыкновенный кидала и разводила!

Гена качал головой, вроде бы соглашаясь. Потом, не поднимая лица, заговорил дрожащим голосом, поначалу тихо, но затем всё громче и увереннее:

— Кирилл, у меня была жена, есть маленький сын. Я раньше работал в «Горстрое», мастером. Я поначалу нормальным бизнесом занимался. У меня прямые выходы были и на стройбазу, и на заводы металлопроката. У меня поначалу всё шло хорошо. У меня покупали много проката и стройматериалов…

Гена сглотнул то ли слюну, то ли кровь, натёкшую в горло; жалобно вздохнул и продолжил:

— А потом я познакомился с Тереховым. Он втянул меня в азартные игры… Я начал играть в карты… Стал проигрывать. Много проигрывал! Залез в долги. Тот же Терехов мне ссужал понемногу. А я снова проигрывал! Проигрывал всё больше и больше и уже не мог отыграться. И долгов у меня накопилось немерено!..

Гена бросил в сторону Кирилла жалобный взгляд, но голос его звучал уже твёрдо:

— Жена меня бросила! Пришлось ей квартиру отдать, чтобы они с сынишкой на улице не оказались. Развёлся с ней. Продал машину. Потом начал из своего бизнеса деньги тянуть. А Терехов постоянно заставлял меня в разных афёрах участвовать. Мне пришлось нескольких нормальных мужиков обмануть. С арматурой, которой у меня не было, — это Терехов несколько машин выделил, чтобы на складе создать видимость большой партии. У меня самого душа не лежала на такое. Но Терехов заставлял, грозил продать мои долговые расписки бандитам. Угрожал покалечить сынишку. У меня просто другого выхода не было!

Гена закрыл лицо руками и застонал.

— Зачем же ты меня-то кинул? — снова сердито спросил Кирилл. Он остался равнодушен к исповеди пленника. Только любопытно было узнать детали…

Гена отнял ладони от лица и, стараясь заглянуть Кириллу в глаза, заговорил с каким-то покаянным воодушевлением:

— Так Терехов и велел. Давай, говорит, Кирюшу Никонова разведём на бабки. Я не хотел ничего плохого тебе делать! Но Терехов заставил! Он сказал, что у тебя нет крыши, что ты сам по себе — один на льдине! Что ты не водишься ни с ментами, ни с братвой, что никто за тебя не подпишется! Что можно тебя кинуть безнаказанно.

— Так прямо и сказал? — в голосе Кирилла зазвенел металл.

Гена закивал и с потаённой надеждой поглядел на своего палача:

— Да, прямо так и сказал. Мол, нету у Никонова серьёзной крыши! И бригады для прикрытия у него нету. Что за это кидалово нам ничего не будет! Вот и надо его развести на деньги. То есть тебя. А я знал, что ты нормальный мужик, я к тебе всегда с уважением относился. Я сам бы ни за что не стал против тебя ничего затевать. Но у меня карточные долги. Очень большие! У меня выбора не было!

Гена, не опуская лица, сморщился и заплакал судорожными всхлипами:

— Кирилл, прости меня! Не убивай, пожалуйста! Прости!

Кирилл злобно прикрикнул:

— Ты меня слезами-то не разжалобишь! Поздно ныть, когда уже в могиле стоишь!

Гена громко всхлипывал и размазывал мокрую грязь по лицу.

— Тебе сколько лет? — с презрением поинтересовался Кирилл.

— Тридцать два.

— А мне осенью стукнет тридцатник! Ты всего-то на два года старше меня. А ведь мог бы жить как все люди! — неожиданно Кирилл почувствовал, что его злость стала потихоньку улетучиваться, как будто бы из баллона под большим давлением понемногу стравливался воздух, и это озадачило его. Но он продолжил тягостный разговор с пленником и непроизвольно принялся жестикулировать правой рукой. Кирилл взмахивал и рубил ладонью по воздуху, как бы вбивая каждое слово в голову обвиняемого:

— Ты сам во всём виноват! Если совершил подлый поступок, то и отвечай за него! Каждый поступок имеет свою цену. Ты за свой — заплатишь собственной шкурой!

Гена сильно мотнул головой и со злостью спросил:

— А ты что, судья?! Кто тебе дал право судить меня? Чем ты вообще лучше меня?
— А кто тебе дал право обманывать меня и красть мои деньги?—с надрывом воскликнул в ответ Кирилл.— Ты вор и мошенник! Ты чужие деньги себе присваиваешь. Обманом! А я работаю не покладая рук! Я производством занимаюсь! Я дома строю! Я сложное оборудование монтирую! У меня полсотни классных специалистов работают! Я свои деньги зарабатываю честным трудом!

Кирилл потряс перед собой кулаками, как будто хотел продемонстрировать, что именно этими трудолюбивыми руками он и вкалывает с утра и до ночи. Он распалился и перешёл на крик:
— А ты, ничтожество, возомнил, что можешь безнаказанно красть деньги у одного, у другого? Вы, жулики, пользуетесь тем, что вся страна прогнила и никакого порядка уже нету! Но если не работают законы, будут работать понятия! Ты обманом выкрал у меня большую сумму денег! И за это я тебя наказываю! По понятиям! Я тебе и судья, и прокурор, и палач!

Гена продолжал молча плакать, утирая слёзы и встряхивая головой, затем с пылким отчаянием произнёс:
— Да, Кирилл, ты, наверно, прав! Конечно ты прав! Я действительно гад… Конченый… Запутался я! Азартные игры. Ничего не мог с собой поделать. Это болезнь. Как алкоголизм. Сильная зависимость, и спасения нету,—в голосе вдруг пронзительно зазвучало раскаяние.—Я всё потерял: семью, сына, квартиру, машину… Вот теперь и жизнь потеряю. Наверно, так и должно всё быть. Да, лучше мне действительно сдохнуть здесь. Отмучаюсь. Но ты…

Гена снова поднял лицо и пристально, в упор поглядел Кириллу в глаза. Произнёс твёрдо, как ударил:
— А ведь ты гораздо хуже меня!
— Вот как?!—искренне удивился Кирилл и сделал два шага к пленнику.—Значит, я ещё хуже, чем ты? Хуже тебя, ничтожества, могут быть только бандиты и отморозки!
— Так ведь ты и есть… бандит и отморозок!—бесстрашно и уверенно произнёс Гена.

Ярость с новой силой заклокотала в груди Кирилла, но он с трудом сдержался, ему хотелось продолжить этот разговор, который неожиданно приобрёл новое содержание. Ему хотелось добиться морального превосходства над жертвой, чтобы поставить точку в этой драме на пике своей несомненной правоты.
— Я действительно ничтожество!—надрывался Гена.—Я мелкий жулик и аферист. Таким и подохну! А ты… Ты вот сейчас станешь убийцей! Моя кровь останется на тебе на всю твою оставшуюся жизнь! Думаешь, что тебе поможет расправа надо мной? Удовлетворение испытаешь? Смоешь моей кровью оскорбление? Нет! Не будет тебе ни удовлетворения, ни покоя! А рано или поздно к тебе явятся те, кто окажутся сильнее и круче тебя. Тогда и ты будешь копать себе могилу в лесу! Меня вспоминать станешь! По сути, ты такой же кровавый бандит, как и вся эта отмороженная братва! А ещё морали меня учишь!

Сумерки становились всё гуще—неотвратимо надвигалась ночь. Деревья вокруг уже сливались в сплошную тёмную стену, а яма выглядела как чёрное прямоугольное пятно с неровными краями. Лес шумел всё сильнее и сильнее. Стало раздаваться всё больше звуков, как будто лес оживал и начинал дышать, стонать, перешёптываться и что-то зловеще бормотать. Очертания человека в яме сильно размылись, и Кирилл подошёл ещё ближе. Он достал из кармана ветровки маленький фонарик, которым иногда пользовался в потёмках. Жёлтое пятно света, направленное на пленника, высветило его лицо—тот поморщился. Кирилл стоял в двух шагах от края ямы, и луч скользнул вниз, заглядывая на дно—достаточно ли глубоко?
— Слушай, сейчас уже стемнеет! Пора всё это заканчивать!—вымолвил Кирилл с дрожью в голосе. Его беспокоила наступающая темнота, и он уже изрядно устал от всех этих затянувшихся событий. Хотелось тотчас всё завершить. Но предстоящая казнь волновала и приятно бодрила его.

У Кирилла перехватило в горле, он откашлялся и с усилием произнёс:
— Мне пора домой возвращаться. И надо ещё в больницу заехать…—неожиданно для себя зачем-то добавил.—У меня сын при смерти.
— А что с сыном?—откликнулся Гена с живым сочувствием.

Кирилл хотел нагрубить, оборвать, прикрикнуть на пленника, но всё же ответил:
— Сегодня утром у него случился приступ астмы… Сейчас он в больнице. В тяжёлом состоянии.

Гена повернулся к нему и спросил с искренним сопереживанием:
— А что врач говорит? Разве нельзя помочь? Ты же можешь хорошие лекарства достать?

Кирилл вдруг мимолётно ощутил невольную благодарность к этому человеку, ожидающему смерти от его руки, но проявившему трогательное сочувствие его горю.
— Я сегодня купил очень дорогое лекарство. Оно, вроде бы, начало помогать. А потом… Потом ребёнку стало ещё хуже. И врач не знает, в чём причина,—голос Кирилла смягчился и слегка задрожал.—Врач вообще не знает, как лечить! Сказал, что если завтра сыну не станет лучше, то он умрёт… И я уже потерял надежду на его выздоровление!.. Я знаю, что мальчик завтра умрёт.

Неожиданно на глазах Кирилла всё-таки выступили слёзы, они были горячими и щипали веки.

Он не стеснялся того, что пленник разглядит его слёзы,—было уже достаточно темно.

— Послушай, Кирилл!—Гена подался вперёд всем корпусом и заговорил с сильным жаром.—Я точно знаю, что твой сын останется жив и обязательно выздоровеет!..

Кирилл невольно вздрогнул при этих словах! Гена продолжал:

— Если ты отпустишь меня! Тогда мальчик останется жив! Только отпусти меня! Не бери грех на душу! Моя смерть не решит твоих проблем и не облегчит твоего горя. Для тебя это просто искушение! Дьявол подталкивает тебя к убийству! Он распаляет в тебе гордыню, жажду мести, самомнение, ненависть. «Убей!—шепчет он,—и станешь хозяином судьбы!» А ты не станешь хозяином своей судьбы. Твоя жизнь дальше под откос пойдёт. Попомни мои слова, Кирилл!..—голос Гены зазвенел, а глаза засияли, как будто он вещал не из могилы, приуготовленной для него, а с торжественной трибуны перед внимающей публикой:

— Сыну ты не поможешь этим убийством! Моя смерть не спасёт его! Если убьёшь меня, то мальчик тогда обязательно умрёт! И твоё горе будет безутешным до конца дней твоих! Отпусти меня, Кирилл! Отпусти! Прости меня! Пощади! Я Бога за тебя и твоего сына молить буду!..

— Бога-то… не приплетай!—с трудом произнёс Кирилл, медленно мотая головой из стороны в сторону. В горле сильно пекло, и язык с трудом подчинялся.

Гена размашисто перекрестился:

— Господи, прости меня! Я грешник! Но Бога боюсь! Бог привёл меня к этим страшным испытаниям, к этой смерти позорной. Всё за грехи мои. И сейчас Он только через тебя может меня спасти. Если ты меня отпустишь, то я уже никогда не возьмусь за прежнее. Я уеду отсюда. В Сибирь. На стройку. Никто про меня больше не услышит. Мне от Терехова надо уехать подальше. Отпусти меня, Кирилл!—Гена с необычайным воодушевлением глядел на Кирилла. В нём уже совсем не наблюдалось того страха, который был поначалу. В нём появилось какое-то сильное и искреннее чувство уверенности, будто это уже не он зависел от Кирилла, а Кирилл находился в его руках. И он с жаром отговаривал его от совершения фатального злодеяния:

— Я для тебя всего лишь искусительная жертва. А ты соверши свою жертву бескровную! Я в твоей власти, и ты волен убить или пощадить меня. Смерть моя сделает тебя убийцей и грешником, а пощада сделает тебя человеком великодушным. Прояви милосердие, Кирилл! И Бог проявит милосердие к тебе! Соверши свою жертву вечернюю! Отпусти меня! На твою милость Господь ответит тебе Своей милостью! Господь смилуется и спасёт твоего сына!

Кирилла неожиданно потрясли слова этого несчастного человека, стоявшего в глубокой яме, с избитым и распухшим лицом, который обращался к нему с искренним и необычайным воодушевлением, и в нём не было ни хитрого лукавства, ни притворного лицемерия.

В лесу становилось всё темнее. Ветер всё сильнее и сильнее раскачивал верхушки высоких деревьев. Трижды противно прокричала сова, и ей откликнулся зловещим уханьем филин. Вокруг, за деревьями, метались непонятные чёрные тени и нарастали зловещий шорох, тревожный шелест и жуткий треск ветвей.

Кирилл наконец решился…

Он направил на человека в яме свет фонарика, вынул из кармана пистолет, снял его с предохранителя и прицелился в голову пленника. Гена стоял в яме по грудь, лицом к нему, его руки неподвижно лежали перед ним на краю могилы. Он не щурился от направленного света и глядел на Кирилла широкими глазами—в них была покорная готовность принять неизбежную смерть. До него было всего метра два, пистолет был направлен прямо в лицо, и Кирилл знал, что не промахнётся.

Палец нажал на курок…

14.

Выстрел прозвучал громким сухим щелчком, как будто кто-то со всей силы стукнул доской плашмя по деревянному полу. Эхо гулко откликнулось со всех сторон, и моментально взметнулись вверх пронзительные звуки потревоженного леса. Всё вокруг запищало, загалдело, затрещало, застонало—птицы, зверьё, насекомые—всё вмиг зашумело, перепуганное выстрелом.

Кирилл поставил пистолет на предохранитель и засунул за пояс сзади. Он повернулся и пошёл назад, почти наугад, по той едва заметной тропинке, которая привела его сюда. Он возвращался уже почти в полной темноте и только просветы вечернего неба в высоких кронах прорисовывали контуры стволов.

Кирилл вышел к сараям на поляне. Оказалось, что ещё достаточно светло, солнце садилось где-то в стороне за лесом и багровое зарево подсвечивало открытое небо над поляной. Кирилл сел в свой уазик и завёл мотор. Тронулся с места и, не включая фар, осторожно поехал по просеке в сторону дороги, ведущей в город. Часы показывали десять вечера.

Через полчаса он уже ехал по шоссе в сторону города. Совсем стемнело, наступила ночь, и впереди справа, над кромкой леса, высветился тонкий серпик молодого месяца. Кирилл включил фары на ближний свет и опустил боковое стекло. Встречный поток прохладного воздуха приятно обдувал лицо и трепал всклокоченные волосы. На душе у Кирилла было необычайно легко, как будто

он только что проснулся с хорошим настроением. Он чувствовал, что действительно сегодня вся его жизнь изменилась кардинальным образом и, как он надеялся, в лучшую сторону. Он как будто перелистнул тяжёлую страницу старого фолианта, на чтении которой задержался непростительно долго, и теперь принялся читать новую и светлую страницу, обещавшую ему радость и счастье.

Уже возле самого города Кирилл свернул направо, к речке, и заехал на старый деревянный мост без перил. Вокруг никого не было. Он остановился и, не заглушая мотор, открыл дверку — пахнуло речной свежестью. Достал пистолет, от которого неприятно пахло жжёным порохом, тщательно его протёр тряпкой и, размахнувшись, выкинул в реку. Внизу громко булькнуло. Следом улетела и тряпка. Кирилл закрыл дверку, сдал назад, развернулся и поехал дальше — вернулся на шоссе.

Машин на дороге было уже совсем мало. Кирилл ехал не очень быстро, он не спешил, и только через пятнадцать минут оказался наконец в городе. Он сразу направился к детской больнице через центр — коротким путём. Светофоры уже не работали, а только тревожно мигали жёлтым светом. Редкие прохожие ещё встречались на тротуаре, а витрины некоторых магазинов погасли совсем. Город готовился ко сну.

Подъехав к больничной ограде, Кирилл остановил машину возле ворот. Подошёл к проходной, в которой горел свет, а в открытом окошке виднелся охранник. Тот заметил позднего посетителя и сердито спросил:

— Вы куда?

— У меня сын здесь. В лёгочном. Лёша Никонов, — ответил Кирилл с сильным волнением. — Разрешите мне пройти. Пожалуйста! Он в тяжёлом состоянии, мне обязательно надо повидать его. Там и жена моя. Доктор Колбин разрешил ей остаться с ребёнком.

Охранник, молодой худощавый парень с веснушками и светлыми глазами, пристально разглядел Кирилла и недовольно проворчал:

— Поздно ведь уже! — но смягчившись, добавил. — Документ какой-нибудь есть?

Кирилл поспешно достал водительское удостоверение и протянул охраннику в окошко. Тот взял, повертел в руках, сделал запись в журнале и вернул обратно:

— Проходите! — отворил дверь проходной, и Кирилл прошёл через неё на территорию больницы.

Он зашагал по уже знакомой дорожке, редкие фонари освещали путь и здания вокруг. Большинство окон корпусов чернели — пациенты спали, но несколько окошек светились — там ещё бодрствовали.

Вот третий корпус. Вход. Пустой вестибюль. Дежурная за барьером. Пожилая полноватая женщина в белой косынке, повязанной назад, сердито взглянула на него. Он подошёл ближе и ласково попросил:

— Будьте добры, позвольте мне пройти к сыну! Алёша Никонов, в пятнадцатой палате. Он в тяжёлом состоянии. Там моя жена.

Кирилл спохватился — ведь Лёша до сих пор может находиться в реанимации, а в палате пусто — пропустят ли? Дежурная смягчила взгляд и с пониманием посмотрела на него, покачав головой. Посмотрела в журнал с записями и, снова взглянув на него, по-доброму улыбнулась:

— Его уже перевели из реанимации назад в палату. Ему стало значительно лучше, сейчас он спит. Но вы можете пройти. Только потихоньку! Там и доктор сейчас, Анатолий Андреевич. Но, наверно, уже спит — он сегодня так вымотался!

При этих словах Кирилл почувствовал прилив необыкновенной радости, такой же неожиданной и сильной, какую испытал тогда, семь лет назад, когда впервые взял маленького сына на руки, забирая его из роддома. Сейчас он как будто заново обрёл сына!

— Спасибо! — прошептал Кирилл. Женщина видела, как резко изменился он в лице и как счастье мгновенно осветило его изнутри. Она с ласковой улыбкой напомнила ему:

— Только вы переобуйтесь и халатик накиньте, пожалуйста!

— Да-да! Обязательно! — Кирилл моментально исполнил просьбу и помчался наверх.

На этаже были погашены все лампы под потолком, лишь несколько желтоглазых ночников на стенах подсвечивали полутёмный коридор. Стол дежурной, как обычно, пустовал, только включённая настольная лампа намекала, что та находится где-то неподалёку. Кирилл подошёл к пятнадцатой палате и осторожно приоткрыл дверь.

В дальнем углу справа, возле окна, там, где стояла кровать Лёши, на стенке светилось молочным шаром тусклое бра, и Кирилл увидел сидящую к нему спиной жену. Значит, Лёша действительно уже здесь, в палате. Кирилл вошёл и потихоньку приблизился к своим. Ирина не дремала и сразу же обернулась к нему — она скорее почувствовала, чем услыхала его приближение. Это была прежняя Ирина — милая и обаятельная. Её лицо было озарено долгожданной радостью, и она приветливо улыбнулась Кириллу.

— Ему лучше! — горячо зашептала она. — Два часа назад его перевели из реанимации в палату. Я даже успела поговорить с ним. Он дышит нормально. Врач сказал, что после инъекции отёк спал и что теперь Лёша обязательно выздоровеет. — Ирина закрыла лицо ладонями, сдерживая слёзы радости, затем отняла их и медленно помотала головой. Она успела привести в порядок причёску, и её волосы мягкими волнами заколыхались в такт движению головы.

Кирилл стоял возле кровати и рассматривал спящего сына. Мальчик спал глубоким сном и дышал ровно. Гримаса боли исчезла, и теперь его лицо выглядело умиротворённым. Было очевидно, что ребёнку действительно намного лучше.

Кирилл вышел из палаты и, подойдя к пустому столу дежурной, тяжело сел на стоявшую возле стены кушетку. Широко расставив ноги и опершись на колени локтями, он опустил голову на сцепленные ладони и… заплакал.

Наконец-то он сумел заплакать по-настоящему! Слёзы обильно текли по щекам, по рукам, капали на пол, и Кирилл не пытался их вытирать. Он не стыдился слёз, тем более что был совершенно один в полутёмном больничном коридоре и чувствовал наступающее облегчение. Как будто вместе с горячими слезами из него выходила и какая-то тягостная болезнь и он постепенно исцелялся с каждой вытекшей каплей.

15.

Прошёл год.

На дворе был конец мая. Стоял тёплый солнечный день. В три часа дня Кирилл подъехал на новом белом «Фольксвагене» к зданию школы и возле ворот увидал группу нарядных ребятишек. Он затормозил и приоткрыл дверцу справа. От группы отделился и побежал к машине тёмно-русый мальчик в синих брючках, белой рубашке с синей жилеткой, с чёрным галстучком и с большим кожаным ранцем за спиной. Мальчишка заскочил внутрь и радостно выкрикнул:

— Привет, папа!

— Здорово, Лёша!—улыбнувшись, Кирилл потрепал сына по волосам.—Ну что, сразу домой? Или в кино заедем?

— Давай лучше сразу домой!—попросил Алёша.—А то я устал сегодня. У нас целых два часа была репетиция последнего звонка,

— Так ты ещё только первый класс заканчиваешь! Тебе до последнего звонка ещё лет десять терпеть!

— Ты разве не знаешь, что первоклассники поздравляют выпускников? А я ещё и стихотворение читать буду,—с гордостью пояснил Алёша.—Поехали скорее! Я сильно проголодался!

Через десять минут они въехали в свой двор, и Кирилл припарковал машину на постоянное, закреплённое за ним место. Пока он осматривал машину, запирая на электронные замки, Алёша подбежал к подъезду и набрал номер квартиры на домофоне. Он всегда делал так, чтобы предупредить маму о своём возвращении из школы. Пискнул, отпираясь, замок, и мальчик, открыв дверь, придерживал её в ожидании отца.

Вместе они вошли в подъезд, и Кирилл заглянул в почтовый ящик: там, вместе с газетами и рекламными буклетами, лежал обыкновенный конверт. Это немного удивило, ведь их семья редко получала письма. Ирине никто не писал, её родители часто звонили по телефону, а деловую корреспонденцию Кирилл получал только на адрес фирмы—в конторе. Он осмотрел конверт: марок наклеено много, его домашний адрес написан верно, красивыми печатными буквами, а вот вместо обратного адреса стоял штамп какого-то предприятия. Кирилл пощупал и помял конверт—нет, ничего, кроме вложенной внутрь бумаги, не прощупывалось.

— Вызывай лифт!—велел сыну, а сам вскрыл конверт.

Внутри лежал один, согнутый пополам, стандартный листок писчей бумаги и на нём—отпечатанный на принтере текст. Кирилл решил прочитать позже и сунул письмо в карман пиджака.

Они поднялись на лифте, вышли на площадку, навстречу им уже отворялась дверь квартиры. На пороге стояла улыбающаяся Ирина. Беременный живот уже сильно выпирал у неё из-под просторного, синего в белый горошек платья.

— Мамочка!—кинулся к ней Алёша.

Она слегка наклонилась и обняла сына. Следом подошёл Кирилл и тоже нежно приобнял жену. Из кухни доносились аппетитные запахи.

— Давайте скорее мойте руки и за стол!—скомандовала Ирина.—Вы даже не представляете, чем сегодня я вас буду потчевать!

Семья дружно отобедала и разошлась по квартире—каждый по своим делам

Оставшись один в кабинете, Кирилл наконец достал из кармана письмо и прочёл. Затем прочёл ещё раз, внимательнее, задумался. Потом взял трубку радиотелефона и набрал номер, по которому очень долго не звонил. Через несколько гудков откликнулся низкий, слегка скрипучий мужской голос:

— Туманов. Слушаю!

Кирилл, выдержав небольшую паузу, сдержанно произнёс:

— Приветствую! Никонов.

Почти без промедления Туманов радостно воскликнул:

— А-а-а! Кирилл Петрович! Давно не слышал твоего голоса! Как дела? Как бизнес? Как семья? По какому поводу звонишь?!

Кирилл отвечал твёрдо и без всяких эмоций:

— Дела идут хорошо. Бизнес процветает. Семья в порядке. А звоню тебе, Игорь Олегович, по поводу одного незавершённого дела.

— Вот как?! Какого же?—заинтересовался Туманов.

— У нас с тобой было только одно дело—год назад. Помнишь?!

— Ещё не позабыл!—Игорь Олегович явно насторожился.

— Так вот. Я только что получил письмо и хочу тебе зачитать его. Оно короткое. Выслушай!

— Ну читай!—буркнул Туманов.

— Ну слушай:

«Здравствуй, Кирилл Петрович!
Ты сразу же поймёшь, от кого это письмо. Да, я жив и здоров!

Я решил написать тебе только с одной целью — выразить тебе свою глубокую благодарность.

Кирилл, я искренне и от всей души благодарю тебя за то, что ты изменил мою жизнь в лучшую сторону.

Тогда, год назад, в глухом лесу ты пощадил меня и дал мне ещё один шанс. И я им воспользовался.

Я живу в Сибири, в большом областном городе, и работаю в очень крупной строительной компании прорабом. Хорошо зарабатываю. Мне предоставили служебную квартиру, но я собираюсь покупать свою.

У меня теперь совсем другая, новая жизнь. Ко мне приехали бывшая жена с сынишкой, и мы снова живём вместе. Я счастлив!

Кирилл, ты настоящий человек! Из всех, кого я встречал в жизни, ты единственный нормальный и добрый человек. Ты не испачкал свои руки кровью и сумел простить даже такого негодяя, как я. Но я уже сильно изменился и свою прошлую жизнь вспоминаю как кошмарный сон.

Если бы я тогда не испытал потрясения, то остался бы прежним.

Но и ты, Кирилл, совершил тогда свою жертву вечернюю — проявил великодушие и милосердие. И, надеюсь, что Бог принял тогда твою бескровную жертву и вознаградил тебя. Я знаю, что сын твой выздоровел и что теперь у тебя в семье всё благополучно.

Храни тебя Бог!

P. S. Уверен, что к тебе сторицей вернулись потерянные деньги».

Туманов на другом конце провода некоторое время молчал. Затем откликнулся:
— Значит, ты его всё-таки отпустил.
— Я же тебе сразу сказал тогда, что пощадил Гену и отпустил с миром. Но ты не поверил. А ведь мог бы съездить в лес и убедиться, что яма осталась пустой.
— А я съездил. Через неделю. И видел, что яма закопана. С горочкой. И ветками присыпана. Я и убедился тогда, что ты Гену грохнул и прикопал. А тебе не поверил.
— Поэтому ты решил меня шантажировать? — сердито спросил Кирилл.
— Слушай! Я же за это извинился перед тобой! Ну бес попутал! Алчность взыграла, когда я узнал, что через Евгения Александровича тебе дали огромный заказ на строительство нового жилого района. Хотел к тебе в компаньоны напроситься. Заодно и проверить хотел, твёрдый ли ты мужик? Пошёл ли тебе на пользу урок в лесу?
— Проверил?
— Проверил. Жалею, что после моей выходки наши отношения осложнились. — Туманов говорил с искренним сожалением. — А ведь мы могли бы стать друзьями!
— Это вряд ли! — Кирилл немного смягчился. — Мы слишком разные. Ты — терминатор. А я — созидатель!
— Это точно, — вздохнув, согласился Туманов. — Скажи мне, пожалуйста, только, если можешь, то откровенно, — почему ты всё-таки пощадил этого хмыря? Духу не хватило грохнуть? Или жалость придавила?
— Вот в этом вопросе, Игорь Олегович, вся твоя суть! — снисходительно произнёс Кирилл. Затем, смягчившись ещё больше, заговорил почти с товарищеской теплотой:
— Я тогда был настроен очень решительно… Но когда у Гены прошёл страх и он глубоко передо мной покаялся, заговорил о жертве вечерней, я тоже… словно прозрел… Я тогда выстрелил поверх его головы. Чтобы он убедился, что я всё-таки мог хладнокровно убить его и что щажу не из трусости, а из великодушия. И себя я убедил тем выстрелом, что проявляю именно милосердие, а не постыдное малодушие. Я мог убить, но не убил. Я сделал свой выбор!

Немного помолчав, уже с какой-то задумчивостью Туманов снова спросил:
— А что означает «жертва вечерняя»? Я не уловил смысла этой фразы.

Кирилл охотно пояснил:
— Когда я был маленький, то слышал, как моя прабабушка Дарья перед иконой шептала молитву: *«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею — жертва вечерняя…»* И я спросил её, что значит «жертва вечерняя»? Она мне тогда объяснила. Ветхозаветные иудеи приносили жертвы Богу по несколько раз в день, но сколь обильны и щедры не были бы жертвы, именно последнее жертвоприношение, совершаемое вечером, перед сном, было самым приятным Господу. В христианстве этот псалом Давида стали трактовать как приношение жертвы бескровной, нематериальной, а духовной. Человек должен был в качестве жертвоприношения совершить доброе и благочестивое деяние: простить, пощадить, проявить милосердие и великодушие. И я на всю жизнь запомнил это…

И вот, когда Гена заговорил о жертве вечерней, я услышал, как будто не его, а какой-то бессловесный призыв со стороны, может даже и с неба, что моя жертва вечерняя заключается в прощении и пощаде этого несчастного человека. И я совершил свою жертву вечернюю…
— А как же он из леса-то выбрался? — оборвал Туманов пафос Кирилла. — Как я понял, ты же его там оставил, в тёмном и глухом лесу? Это же

далеко от города. И получается, что он сам яму закопал?

Кирилл догадался, почему Туманов так нервничает. Игорь Олегович не любил рассуждений о высоких материях, о совести и душе—он был приземлённым человеком.

— Не знаю, как, но он выбрался. В принципе, это не очень-то и далеко от шоссе. Он позвонил мне через три дня. Поблагодарил и сказал, что уезжает навсегда. А в яме он, наверно, закопал свою прошлую жизнь. Ведь лопату я там же бросил… Хорошая, кстати, была лопата!

Туманов громко ухмыльнулся в трубку. Кирилл осторожно спросил его:

— Как ты думаешь, Игорь Олегович, как он мой домашний адрес узнал?

— Это—элементарно! Сейчас повсюду продаются компакт-диски с телефонными книгами, а там указаны и адреса абонентов. Так что это совсем несложно.

— Значит, он дал мне понять, что знает, где я живу, и, прислав письмо, тем самым подтвердил, что ничего дурного не замышляет против меня? Он бы не прислал письмо открыто, если бы задумал мстить. Я верю в его искренность!

— Тот урок в лесу тебе явно пошёл на пользу!—глубокомысленно произнёс Туманов.

— Разумеется!—согласился Кирилл.

— Ну что ж, молодец,—тотчас откликнулся Туманов—По-хорошему завидую тебе. Раздались гудки отбоя.

Кирилл положил трубку, спрятал письмо в ящик стола, сдвинул на окне плотные шторы, прилёг на тахту, укрывшись шерстяным пледом, и очень скоро уснул. Безмятежным сном молодого здорового человека.

По страницам
«ДиН» №4 | 1994

Юрий Бариев

Фрагменты из Корана

Землетрясение

(Сура 99)

Когда содрогнётся земля,
разрешится от тяжкого бремени,
«Что с ней?»—человек возгласит,
и она свои вести откроет,
потому что Создатель сказал:
И выйдут толпами люди
увидеть всё ими содеянное.
И каждый оценит содеянное:
узрит и пылинку добра
и зло, что не больше пылинки.

Очищение

(Сура 112)

Бисмилляхи рахманы рахим…
Скажи: «Он, Создатель—един,
вечен мой Господин.
Не родился Он и не был рождён.
И не ровен Ему ни один!»

Судный день

(Сура 101)

День бичевания—
каков он, этот день стыда?
Что объяснит тебе,
что значит «День суда»?
Как мотыльков, людей разнесёт беда.
Как шерсть расщипанная,
горы лягут.
Тому, кто жил другим во благо,
жизнь уготована в раю,
но тот, кто прожил жизнь свою,
ничем себя не утруждая,
тому лишь пропасть огневая
и пребывать там вместо рая,
в геенне огненной сгорая…

Людмила Кеосьян

Софья

Всё, что соединяет людей, есть добро и красота; всё, что разъединяет их, — зло и безобразия.
(Из письма Л. Н. Толстого Ромену Роллану 1887 г.)

Эту историю поведала мне невестка главной героини моего рассказа, в основе которого лежат реальные события. А начиналась она так.

Москва. 1931 год. Студенческое общежитие. Раннее утро. Девочки в комнате ещё спали. Светлана разметалась по кровати в своей излюбленной позе, Нина сладко посапывала, а Тася проснулась от тёплого, лёгкого прикосновения. Это было продолжение её сна: они с Николаем шли по институтской аллее; он вдруг робко погладил её сразу зардевшееся лицо, лаская девушку своим добрым, улыбчивым взглядом. Окончательно проснувшись, она поняла, что лица её коснулся луч солнца, такой же ласковый и нежный, как ладони любимого. Посмотрела на часы и обрадовалась: можно ещё полежать; помечтать, как сегодня она встретится со своим Колей, которого так давно ждала.

Они с девочками, будущими землеустроителями, уже приехали с преддипломной практики, а Николай по какой-то причине задерживался. Половина женского состава их группы была влюблена в этого парня: умный, благожелательно относящийся ко всем, готовый всегда прийти на помощь, хороший спортсмен, да и просто очень симпатичный молодой человек. Все влюблённые в него девчата только тихо вздыхали, когда видели Тасю вместе с Николаем Серёгиным, а она гордилась: он такой замечательный, самый лучший!

Она понимала: скоро защита диплома и выпускники разъедутся по институтским распределениям в места их будущей работы. Поэтому нужно было решать, быть ей вместе с любимым или разъехаться по разным сторонам нашей необъятной страны.

Ребята в группе нисколько не сомневались, что Серёгин и Тася поедут вместе, что не за горами их свадьба. И Тася ждала: вот сегодня он приедет и всё решится, тем более вчера лучший друг Николая Гена Васильев, который жил с ним в одной комнате, прищурив один глаз, с обычной своей улыбкой до ушей, глядя на Тасю, сказал: «Ох, Таська, до чего же я хочу погулять на вашей с Колькой свадьбе!»

Зазвенел будильник. И через полчаса девушки уже бежали в институт. Вот и дипломантская с рядами кульманов, за которыми им предстояло дорабатывать свои проекты. Тася заняла свободное место у окна, достала готовальню, но в голову ничего не лезло. Всякий раз, когда открывалась дверь, она думала, что это Николай, но только разочарованно вздыхала: его не было. В этот день он не приехал. Не приехал и в последующие дни. Так в ожидании прошла неделя.

И вдруг по этажу мигом (как это всегда бывает в общежитиях) пронеслась весть: приехал Серёгин и, более того, решил раз и навсегда покончить со своей холостяцкой жизнью. Тася вспыхнула: наконец-то она дождалась!

Вечером в дверь их комнаты постучали. Открыла дверь Светлана — за порогом стоял Николай: «Мне нужно поговорить с Тасей. Она дома?» Девушка подпрыгнула на месте от радости: сейчас вот произойдёт то, о чём она мечтала так давно и о чём мечтает, наверное, каждая девушка в её возрасте. Закрыв молниеносно свой дневник, который вела она ещё со школьных лет, обращаясь к нему как к лучшему другу, советуясь с ним, приветствуя его: «Привет, мой дневничок, прости, что долго не писала», — а долго — это было дня два-три, не больше; и все мысли в дневнике — только о своём любимом, — выскочила в коридор.

И остановилась как вкопанная. Коля смотрел на неё совсем другими глазами: взгляд его был не тот, который привыкла видеть Тася в минуты их свиданий.

— Ты мне хочешь сказать что-то плохое? — спросила она, чувствуя, как холодеет её лицо.

— Да. Я после практики заехал в Торжок, к родителям, и встретил там девушку, с которой и ранее был знаком. Это случилось на вечеринке у школьных друзей. Она подошла ко мне, сказала, что любит меня уже давно, что жизни своей не представляет без меня. И я тебе изменил, Тася. Неделя пролетела как один день. Я (Николай опустил голову) не думал, что это будет так захватывающе. Теперь ты можешь меня презирать, но я не могу её оставить. И принял решение — жениться на ней.

Тася взглянула ему в лицо — на глазах Николая стояли слёзы. Он отвернулся.

— Ты её любишь?

— Нет. Но сейчас я еду к ней. Прощай, моя милая Тасенька.

В голове девушки пульсировала мысль: как сопоставить его слова «не люблю» и «так захватывающе», как понять эти слёзы? Николай повернулся, сделал пару шагов, но, остановившись, вновь взглянул на Тасю:

— Спасибо тебе за то, что ты меня любила.

— Я и сейчас тебя люблю, Коля,— и девушка, боясь разрыдаться, бросилась в свою комнату.

И начались для неё невыносимые дни: она жила, как робот: если ела, то только потому, что надо, не ощущая никакого вкуса; переходя дорогу, не смотрела на светофор — собьёт машина — ну и пусть; защищала диплом, как робот,— как защищу, так и защищу; спокойно расписалась за распределение в Холмогоры, где когда-то родился знаменитый Ломоносов.

Через три дня после защиты провожали к месту распределения в Дагестан, город Дербент, молодожёнов — Николая с женой. Ребята думали, что Тася не пойдёт с ними; поезд, который увозил её милого, отправлялся поздно вечером. Но Тася, на удивление себе и другим, пошла. Когда их компания подошла к вагону №8, Николай стоял на перроне. Один. В голове Таси пронеслось: может, он едет без жены, может, у них всё расстроилось? Но нет. У открытого окна стояла девушка. Красивая, черноокая, волнистые волосы, огромные, опушённые густущими ресницами глаза. Николай о чём-то с ней переговаривался. Это она!

Начались рукопожатия, шутки, пожелания успехов, не забывать свою альма-матер, своих друзей.

— А где твоя жена? Познакомь нас с ней! — Серёгин бросился к окну, сделал знак девушке, мол, выйди, подошёл к выходу из вагона, протянул руки и, бережно поддерживая её за талию, поставил на перрон.

— Вот моя малышка. Знакомьтесь. Это — Софья.

Ребята оторопели. Во взглядах их Николай прочитал растерянность, изумление. Тася стояла ни жива ни мертва. Девушка была ростом не более 120 см. Но не это привело в замешательство друзей парня — она была горбатой — не обычный, в меру, сколиоз, не сутулость, а именно горб — классический, большой горб. Первым пришёл в себя Пашка Криворучко: «Какие красивые у твоей жены глаза! В жизни таких не видел!»

Софья благодарно улыбнулась — улыбка её была чуть смущённой; она, конечно, понимала неоднозначность ситуации и то, о чём сейчас думают друзья мужа.

Объявили отправление поезда. Проводница, молодая, смешливая девушка с длинной косой, попросила пассажиров войти в вагон. Через минуту поезд тронулся. В последний момент взгляды Таси и Николая встретились и задержались друг на друге. Ребята бежали рядом с отходящим поездом, что-то кричали, молодожёны махали прощально им из окна. Больше Тася Николая никогда не видела.

Вечером в общежитии разговоры были только о Серёгине. Чем такая девушка смогла зацепить его? Выдвигались всевозможные версии: возможно, она уже беременна, а Николай как порядочный человек просто обязан был на ней жениться? Молчавший до сих пор Виталик Кирпа вдруг встрепенулся: «Слушайте, а вдруг она его приворожила? Бывают же такие случаи!» — на что Гена Васильев, покрутив пальцем у виска, изрёк: «Ты в своём уме? Наверное, нет, раз веришь в эту дребедень!»

Если бы я, сейчас описывая эту ситуацию, присутствовала при их разговоре, я бы приняла сторону Виталика. Среди нас, обычных людей, всегда были, есть и будут люди с паранормальными способностями. И приворожить, и отворотить, и наслать болезнь — за всю мою жизнь я насмотрелась всякого. Для примера приведу историю про моего деда, которую рассказала мне моя бабушка. Жили они в ту пору в деревне, на Урале. Дело было вечером. Вдруг неожиданно дед (ему тогда было около тридцати) стал задыхаться, тело на уровне груди отекло, раздулось, отёк вначале был красным, потом посинел. Видимо, давил он и на внутренние органы, появилась боль, учащённое сердцебиение, усиливалась одышка, потёк ручьями пот. С каждой минутой становилось всё хуже и хуже. Заглянувшая на огонёк соседка, увидев состояние деда, всплеснула руками: «Федосья, да на него же „хомут“ надели! Беги-ка к Раисе!»

Раиса, жившая на другом конце деревни, была всем известна как местная колдунья. «Надеть хомут» — значит, наслать на человека болезнь, по симптомам похожим на дедовы. Бабушка — бегом к этой самой Раисе. А уже стало совсем темно; бежала, не видя ничего перед собой, несколько раз падала; собаки подняли такой гвалт, что перепугали, наверное, полдеревни. Вот и Раисин дом. Забежала на порог, вся в поту. Раиса сидела за самоваром, спокойно попивая чай. Бабушка и слова не успела вымолвить, как она, поставив чашку с дымящимся чаем на стол, сказала ей: «Знаю, знаю. Ладно, иди назад, к своему Якову, да передай ему, чтоб в следующий раз здоровался»,— и опять поднесла чашку к губам.

Бабушка так ни слова и не произнесла. Опять бегом — домой. Открывает дверь, а её Яков уже ходит по избе, дрова складывает около печки.

— Ну как ты?

— Да уже хорошо. Минут тридцать как начало отпускать, а сейчас и дышу нормально, и ничего не болит. Заглянула бабушка под его рубаху, а там — всё в порядке: ни красноты, ни синевы. А бежала она от Раисы как раз те самые тридцать минут. Вот такая история. И сколько эта колдунья приворотов да отворотов сделала — вся деревня знала!

А пока молодые люди сидят в своём общежитии и выдвигают всё новые и новые версии по женитьбе Николая. Тася, раскрасневшаяся от волнения, со слезами на глазах, которые то и дело наворачивались, обратилась к Васильеву:

— Гена, ты же был с Николаем наиболее близок, может, он рассказывал тебе что-нибудь об этой Софье?

— Она — полька, еврейского происхождения. Родилась в 1906 году. В то время там, в Польше, была очень трудная ситуация: и политическая, и экономическая. Безработица, забастовки. Семья у них многодетная, жили бедно, еле сводили концы с концами. И тут из России приехал к ним в гости брат отца Софьи; у него здесь, в Верхнем Торжке, была своя обувная фабрика. Богатый родственник. Увидел увечную девочку (ей было тогда лет восемь), пожалел и забрал с собой в Россию. Родители не возражали. Удочерил, дал хорошее воспитание, гувернёра нанял, английскому да французскому стали её учить, игре на фортепиано. А девочка-то оказалась талантливой, всё схватывала на лету. Вроде даже и стихи пишет. Окончила медицинское училище, по профессии — фельдшер. Ну а что Николая толкнуло на брак с ней, я, ребята, правда, не в курсе.

— Не спрашивал ты его?

— Спрашивал. Да отмолчался он. А, знаете, у меня в голове мелькнула сейчас вот такая мыслишка: а нет ли у нашего славного, доброго Николаши какой-нибудь корысти?

— Какой корысти? Говори!

— Ну вот куда мы все получили распределения? Ты, Тася, в Холмогоры, на Север; ты, Петро, в Усолье Сибирское; я — в степи оренбургские; да и все другие примерно то же самое. А Николай-то — в Дербент, на побережье Каспийского моря, где много солнца, тепла, фруктов и других прочих прелестей. Дядя-то у Софьи и сейчас известный человек, наверное, подсуетился; может, Кольке условие такое поставил — женишься, и все тебе блага?

Ребята молча смотрели друг на друга: неужели это возможно? Но тут кто-то вдруг вспомнил, что и средний оценочный балл у Серёгина был не такой уж блестящий, чтобы из всех представленных к распределению мест он получил самое лучшее — некоторые выпускники учились намного лучше его. На том и порешили. Только сказали: «Таська, раз он так поступил, не стоит и жалеть о нём, ты встретишь ещё такого парня, которому твой Николаша и в подмётки не годится, вон какая ты у нас умница и красавица!» И Тасе вдруг стало как будто легче, тем более Генка подвёл итог: «Не переживай! Человек, предавший один раз, предаст и другой!»

В эту ночь Тася долго не могла уснуть. Нет, не правы ребята. Наверное, всё-таки Николай вначале просто пожалел, а потом, может быть, и полюбил эту девушку. И пусть он будет счастлив. С этой мыслью она и заснула.

А теперь вернёмся к молодым, которых нёс поезд, всё более удаляясь от родных мест. Мелькали леса, города, деревеньки… Рязань, Липецк были уже позади. На станциях Николай выскакивал, покупал для своей молодой жены то жареной рыбки с горячей отварной картошечкой, то фрукты или мороженое. Соседи по купе сначала думали, что эта горбунья — сестра Николая, но, видя, как они смотрят друг на друга, нежно, совсем не по-братски, поняли — она, девушка с таким явным физическим недостатком, — жена этого красивого молодого парня. Долго они, как ни пытались, не могли скрыть своего удивления. Серёгин же открывал в своей жене всё новые и новые черты; его поражало, как прекрасно вела она диалог вот с этим новым соседом, главным инженером металлургического завода, который подсел к ним в Липецке; разговор касался многих тем — и политики, и религии, и образования, но всегда Софья оказывалась на высоте, чем снискала уважение не только мужа, но и постоянно меняющихся соседей по купе. Николай неожиданно для себя вдруг перестал замечать, мягко говоря, особенности фигуры своей жены — перед ним сидела умная, интеллигентная, красивая женщина.

Проехали Ростов-на-Дону, а на следующий день, рано утром, их встречал уже конечный пункт их пути — Дербент. Вышли из вагона и почти сразу увидели море. Так вот он какой, Каспий! А воздух — тёплый, ароматный, совсем не по-московски ласкающий кожу. Рядом с вокзалом — базарчик: арбузы, дыни, персики, цвет которых просто изумлял! И на каждом шагу — рыба: свежая, трепещущая — покупай, жарь, наслаждайся!

В распределении было указано: жильё предоставляется. К обеду они входили уже в свою собственную, довольно просторную комнату — пусть пока не квартира, но всё равно это было как в сказке! Через два дня молодожёны вышли на работу, Николай — в комитет по землеустройству, Софья — в поликлинику, что находилась совсем рядом с домом. И потекли трудовые будни. Встречаясь вечером, делились новостями, вместе готовили ужин, гуляли по набережной, иногда купались в тёплом Каспийском море.

В 1933 году родилась дочка. Леночка. А через полтора года Софья, застенчиво опустив голову, как будто чувствуя себя виноватой, сказала мужу: «Коля, я снова беременна!» Николай обрадовался: «Ну и что ты стесняешься, Сонюшка! Это же здорово! Роди мне сынишку!»

Серёгин работал не покладая рук. С первых же дней он обратил на себя внимание своим трудолюбием, неординарностью и быстротой мышления. Молодого специалиста быстро оценили, стали

отправлять в командировки по Дагестану, иногда и в Москву. Однажды он приехал из столицы расстроенный: его переводили по производственной необходимости в Хасавюрт. Сообщил об этом жене.
— Ну почему ты не отказался? У тебя же маленький ребёнок, да и второй вот-вот родится!
— Не могу. Я же член партии! И партия считает, что там я нужнее.

В начале 1935 года семья Серёгиных уже жила в Хасавюрте, совсем близко от границы Чечено-Ингушской автономной области. Население — разнородное, подавляющее большинство — чеченцы. Природа же — изумительная! Куда ни посмотришь — везде горы, покрытые ярко-зелёной растительностью, а воздух — чистейший, вода в родниках, словно дистиллированная, рай, да и только!

В октябре родился Володенька, а через два года ещё один сыночек — Витя.

Из воспоминаний Володи: «Воспитанием нашим, пока мы были маленькими, больше занимался отец: катал нас на себе по дому, читал сказки; когда подросли, начали ходить с ним на рыбалку, футбол гоняли. Самые лучшие детские воспоминания у меня именно об отце. Мама же всегда была очень загружена работой, полдня — в поликлинике, полдня — по вызовам к больным, очень часто — в дальние аулы, которые находились высоко в горах. Выделяли ей для этих целей лошадь. Маленькой, да ещё с таким физическим недостатком женщине неимоверно трудно было взбираться на неё. Отец сделал специальное приспособление — ставили мы его около лошадки, мама поднималась по нему и усаживалась в седло. Подавали мы ей сумку с красным крестом, и она уезжала к своим больным: делала инъекции, прививки, развозила лекарства, а иногда приходилось принимать и роды. Все ждали „нашу Софьюшку“ — так называли её горцы».

Приезжала Софья домой, когда уже начинало смеркаться. И так почти каждый день. Но она не беспокоилась — её Николай и ужин приготовит, и в доме порядок наведёт. Ну как не любить такого мужа! Хотя она была по природе своей не очень-то многословна, немного даже закрытый человек, но скрыть свою безмерную любовь к нему Софья не могла: об этом говорили её глаза, её прикосновения, её ночные ласки, а в душе — такая же безмерная благодарность Николаю за то, что он дал ей счастье стать любимой женой и матерью троих замечательных детишек. А ведь в девичестве не смела она даже надеяться, что в жизни у неё может быть семья и вот такой замечательный муж. И за что мне такое счастье, думалось иногда ей. Может, Господь воздал мне за все мои муки?

Так прошло ещё пять счастливых лет. Наступило лето 1941 года… Заявление Советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Софья молча, напряжённо смотрела на Николая. В голове стучала набатом мысль: в ближайшие дни его уже с ней не будет! Война! А как же она? Как дети?

Поздно вечером, уложив детей спать, они с Николаем вышли на улицу. Сели на лавочку; ярко светила луна, над Хасавюртом, сверкая миллионами звёзд, замерло небо. И вдруг муж сказал: «Давай договоримся — что бы с нами ни случилось, где бы и я, и ты ни оказались, каждый год, 23 июня, в 22 часа мы одновременно будем смотреть вот на эту звезду — последнюю звезду ковша Большой Медведицы: это будет значить, что мы не забыли друг друга и в этот момент мы вместе».
— Давай! — с радостью согласилась Софья, обнимая мужа. Но тут же что-то кольнуло её сердце, охватила смутная тревога: Николай говорил это так, как будто знал, что они расстаются навсегда. Боль в сердце не проходила. Взяла ладонями его родное лицо, долго смотрела в его глаза; многое хотелось ему сказать, да что говорить, он и сам всё знает: как она его любит, как будет ждать…

На следующий день всех мобилизованных в колонне машин отправляли на сборный пункт. Обнял Николай свою «малышку»: «Сонюшка, я вернусь, я обязательно вернусь, не плачь, знаю, будет трудно, но держись и береги детей». Софья не плакала. Крепилась. Молча глотала готовые вырваться слёзы. Не хотела тревожить Колино сердце, только смотрела и смотрела в его родные глаза.
— По машинам! — Николай перемахнул через борт грузовика, махнул на прощание рукой ей и детям, жавшимся к её коленам. Загудели машины, колонна тронулась. И только тогда, очнувшись вдруг от рёва толпы женщин, она дала волю своим слезам. Заплакали и дети. И начались бессонные её ночи, ожидания писем.

Враг приближался к Кавказу всё ближе и ближе. Основной целью вермахта была бакинская и грозненская нефть. В августе 1942 года немецкие войска захватили Ставрополь, в сентябре форсировали Терек южнее Моздока. Сердце Софьи содрогнулось: от Моздока до Хасавюрта по прямой всего-то около 100 километров, что будет, если фашисты придут сюда? Что будет с ней, с детьми? Не пощадят в первую очередь евреев!

Но нужно было жить, кормить детей, работать. Всё так же садилась с помощью детей на свою каурую и ехала в аулы, где её всегда ждали, считая «нашу Софьюшку» ни больше ни меньше как профессором. А немцы подошли почти вплотную к Хасавюрту: на одной стороне — мы, на другой — они. «В городе, — вспоминает Владимир, — проживали в то время подавляющее число населения — чеченцы, и очень многие, не скрывая, ждали прихода немцев, считая их своими освободителями. Наиболее фанатично настроенные заранее приготовили красные дорожки, которые они бросят к их ногам, когда они войдут в Хасавюрт. И когда говорят, что

чеченцев после освобождения Кавказа депортировали несправедливо, заявляю: „Нет, справедливо! Я всё это видел своими глазами!“».

А писем от Николая не было. Но однажды, подбежав к почтальонке Глаше, Софья получила долгожданный конверт. И—похолодела: почерк был не мужа. В голове пронеслось: ранен? Не может сам писать? Дрожащими руками вскрыла письмо: в нём—извещение о том, что боец Серёгин Николай Алексеевич пропал без вести… В глазах потемнело. Не помнит она, как вошла в дом, как упала на кровать, как плакала без удержу. Сбежались соседи, успокаивали. Дети, глядя на мать, тоже плакали, и никакие слова, никакие игрушки не могли их успокоить.

В январе 1943 года были освобождены советскими войсками Моздок, Минеральные Воды; фашистов оттеснили от Терека и Хасавюрта. Софья, несмотря на извещение, всё так же ждала своего Николая. По вечерам, сидя вместе с детьми за столом, они мечтали: вот откроется дверь и их папа, живой и невредимый, перешагнёт через порог. И снова начнётся их счастливая жизнь. Как тогда, когда рядом был *он*. Но по ночам Софья, после того как заснут дети, лежала без сна, глядя в темноту, и представляла своего мужа то на снегу, где вдруг снаряд разрывается рядом с ним—летят в стороны руки, ноги, то задыхается её Коля в газовой камере Освенцима. Иногда приходила мысль: а вдруг он, без рук, без ног, потерявший память, лежит в каком-нибудь госпитале и не знает, откуда он, кто он?

Но наутро она встаёт и приступает к своим обычным делам: дом, дети, работа, люди, которые её ждут.

И вот май 1945 года. Дагестан празднует Великую нашу Победу! Кругом—цветы, музыка, песни, танцы! Соседская Айгюль за один день сменила три раза набойки на туфлях—сутки плясала почти без отдыха! А у Софьи обострилось вдвойне чувство ожидания—вот освободят пленных, или наши, или союзники, и вернётся в семью отец. Но шло время, и надежда постепенно угасала…

В это время Софья с детьми жили уже в селе, которое находилось высоко в горах: её назначили туда руководить небольшой сельской больничкой. Село раскинуто на разных высотах, тропы узкие—опять та же лошадь, а работа сопряжена не только с постоянным передвижением по узким горным дорогам, но и опасностью встречи с диким зверьём, которого в горах в ту пору хватало. Владимир вспоминает: «Особенно страшно было по ночам. Просыпались от воя шакалов, иногда они забирались даже на нашу открытую веранду, выли, возились там и до смерти пугали нас, детей. А наутро—спускаться по этим же звериным тропам к роднику за водой, потом подниматься с полными вёдрами наверх».

После войны Софья решила: нужно в корне менять свою жизнь. Ради детей, ради их будущего образования. Надеяться, кроме как на себя, не на кого. Она вышла с ходатайством в органы здравоохранения Дагестана о переводе её в Махачкалу: там и школы, и институты. На будущее настрой был такой: дети должны иметь только высшее образование. Забегая вперёд, скажу, что так всё и случится: Лена окончит педагогический институт, станет преподавателем английского языка, мальчики приобретут престижные в те времена профессии инженеров, закончив политехнический: Володя станет начальником монтажного управления в Красноярске, Виктор—заместителем директора Волгоградского тракторного завода.

В Махачкалу семья переехала в 1948 году. Воспитывать одной троих детей и в наше время трудно, тем более в те тяжёлые послевоенные годы. Пособия за отцов, пропавших без вести на фронте, детям первые годы после Победы государство не выплачивало, но спустя какое-то время их справедливо приравняли к воинам, погибшим на полях Великой Отечественной. И Софья Яковлевна поехала в Хасавюрт, откуда призывался её Николай, чтобы оформить пособия на своих уже подросших детей. Это был 1949 год.

Уже подходя к военкомату, вдруг услышала, что кто-то её окликнул. Прищурив глаза (в последнее время она стала хуже видеть), Софья увидела подбегающую к ней женщину с детским велосипедиком в руках.

— Софья Яковлевна, это Вы? На лицо бы Вас совсем не узнала, если бы…—сконфузившись за готовую сорваться с языка бестактность, сказала она.

— Да, как видите. А я Вас узнала, Вы совсем почти не изменились,—с улыбкой, слегка иронично, произнесла Софья. Это была её постоянная пациентка Татьяна ещё по Дербенту. Оказалось, что живёт она сейчас в Ставропольском крае, приехала в Хасавюрт навестить своих внучат.

— Вот подарок везу, младшенькому завтра пять годиков будет. А Вы, Софья Яковлевна, куда направляетесь?

Софья объяснила, что идёт оформлять пособия на своих детей за мужа, пропавшего без вести на фронте, и слёзы навернулись на глаза: «Вот уже восемь лет как мы без него».

Изумлённо взглянув на неё, открыв рот, словно что-то хотела сказать, но слова вдруг застряли где-то там, внутри, Татьяна наконец прошептала:

— Софья Яковлевна, так Вы ничего не знаете?

— А что я должна знать?—спокойно спросила Софья, а в сердце вмиг вселилась радость, вдруг услышит она сейчас счастливую весть, вдруг жив её Николаша? Татьяна в смятении затопталась на месте, засуетилась и вдруг начала неожиданно прощаться.

— Ну уж нет, я тебя не отпущу,— выхватив у неё из рук велосипед, Софья перешла неожиданно для себя на «ты»,— говори, что хотела сказать!— женщина опешила от такого напора: «Да жив, жив твой Николай! Я ведь живу в Георгиевске, вот недавно его и встретила там. Женат он, живёт в своём доме, трое детишек уже мал-мала меньше».

Как доехала Софья домой, она потом так и не могла вспомнить: с кем-то здоровалась, отвечала на какие-то вопросы, а с кем, о чём приходилось говорить— ничего в голове не задержалось. И удивительно— в груди как будто всё застыло, ушла острота постоянного ожидания, ушли слёзы. Больше она не плакала. В таком состоянии она пробыла недели две. Работала, кормила детей, проверяла домашние задания, наряжала их, чтобы были не хуже других. И думала, что так будет всегда; но потом, спустя эти две недели, её опять как прорвало: по ночам хотелось кричать, бить посуду, иногда вдруг возникало странное желание перебить все окна в доме. Плакала, накрывшись подушкой, так, что уши были полны слёз, они стекали неудержимыми ручьями по вискам, по шее. Потом она как медик поймёт, что это была защитная реакция её организма, чтобы совсем не сойти с ума.

Только спустя месяц она расскажет детям, что их папа жив, что живёт он на Ставрополье, у него новая семья и трое малышей. Дети вначале обрадовались: «Папа жив!», но вдруг по-взрослому, особенно старшие, испуганно, со страхом посмотрели на маму и разошлись по своим уголкам. Лена и Витенька плакали, Володя вышел на улицу, сел на скамеечку; к нему подсел его дружок Алик, что жил в соседнем доме, о чём-то его спрашивал, но он как будто не слышал, думая свою недетскую думу.

Лене в ту пору было уже 16 лет, Володе— 14, Виктору едва исполнилось 12.

Думали-думали ребята, и так им захотелось увидеть своего папку! Вечером, дождавшись маму с работы, за ужином, когда уже допивали чай с любимым папиным кизиловым вареньем, Лена сказала: «Мамочка, разреши нам поехать к папе. Мы очень хотим его увидеть. А может, мы вернёмся домой вместе с ним»,— и вопросительно, с надеждой, все посмотрели на мать. Софья согласилась— дети стали совсем взрослые, особенно старшие, на них можно было положиться.

— Мы бы хотели, чтобы и ты с нами поехала…

— Нет, ребятки, вы уж как-нибудь без меня. Только волнуюсь я за вас, родные.

— Не волнуйся, мама, мы же у тебя давно самостоятельные, сама всегда это говоришь. За Витьку не беспокойся, и он давно (Володя потрепал младшего братишку по его вихрастой голове) повзрослел.

Виктор больше всех был похож на отца, словно его копия, только в миниатюре.

— Он будет нам как пропуск,— пошутил всегда излишне серьёзный старший сын.

И поехали. Сначала— на поезде, а потом, до Георгиевска, на стареньком, дребезжащем, как куча металлолома, автобусе. Название улицы они знали— Советская. И дом, как сказала маме та женщина, рассказавшая ей про папу, должен быть с красной крышей, а рядом с ним— клуб «Чайка». Оказалось, это совсем рядом, идти долго не пришлось. Подошли к дому, каждый волнуясь по-своему: Лена постоянно приглаживала волосы; Витька со страхом смотрел на калитку дома, думая о маме, лучше бы она сейчас была с ними; Володя ничем не выдавал своих чувств, смотрел хмуро, сурово.

Во дворе играли дети, на вид лет двух-трёх. Один мальчик— рыженький, двое других, по-видимому, близнецы, отбирали друг у друга мячик, кричали.

— Витька, смотри, эти маленькие-то— точно твоя копия, когда ты был в их возрасте,— сказала Лена. Володя тоже увидел эту поразительную схожесть. Один Витя ничего этого не увидел: «Да ну вас, скажете тоже!» Так и стояли, не решаясь открыть калитку.

Вдруг из дома вышла женщина, довольно молодая, рыжеволосая, с ведром в руке. Увидев ребят, подошла, настороженно вглядываясь в их лица, задержала взгляд на Вите. Он, не выдержав её особенного внимания к нему, смутился, опустил голову.

— Вам что здесь надо? Что вы тут высматриваете? Идите куда шли!

Лена, собравшись с духом, сказала: «Здравствуйте! Мы приехали к своему отцу, Серёгину Николаю Алексеевичу». Володя восхитился выдержкой сестры: молодец, Ленка! Краска бросилась в лицо хозяйки. Ни слова не сказав, подбежала она к своим детям, схватила их— и бегом по высокому крыльцу в дом. Захлопнула дверь. Ребята стояли в недоумении, ждали, может, выйдет кто-нибудь из дома, она или вдруг отец, которому сейчас станет известно, что приехали к нему мы, его дети? Прошло десять, пятнадцать минут. Так никого и не дождались. Сели на скамеечку у забора.

Из стоящего рядом дома с покосившейся крышей вышла старушка. Подслеповато оглядевшись, увидела сидящих на скамейке подростков, подошла, поздоровалась. Дети, отвечая на приветствие, встали (недаром их мама, несмотря на все неурядицы, всегдашнюю загруженность работой, главной своей целью считала воспитание их).

— Что-то я никогда раньше не видела вас, ребятки, нездешние вроде?

— Да, мы приехали из Махачкалы к своему отцу. Он живёт здесь,— и Лена показала на дом с красной крышей.

— Ой, дитятки вы мои родимые, так вы все Николаевичи?

— Да, бабушка,— Лена не выдержала и заплакала. Старушка обняла девочку: «Не плачь, милая,

придёт скоро ваш батька: он всегда приходит около шести часов. Подождите немного»,—и она вдруг на удивление споро потопала к себе в дом. Минут через пять снова появилась, но уже с банкой молока: «Пейте, ребятки, да вы, наверное, кушать хотите?»

Через некоторое время они увидели, как из проулка вышел мужчина. Ребята насторожились. Бабуля покачала головой, они поняли: это не отец. Наконец появился другой человек. Шёл быстро, по-спортивному, всё приближаясь и приближаясь к ним. Бабушка кивнула детям и, пробормотав: «Ох, грехи наши тяжкие»,—заспешила в сторону своего дома.

Отец сразу узнал своих детей; не доходя метров десять, ускорился, почти побежал. Бросившись к ним, обнял каждого, потом всех вместе, прижал к себе, что-то невнятно, неразборчиво говорил со слезами на глазах. Лена и Витя заплакали, Володя же стоял, молча наблюдая за встречей, отрешённо, как бы со стороны.

— Вы же, наверное, голодные? Путь-то неблизкий, устали, конечно? Пойдёмте, я вас покормлю, там и поговорим,—и повёл их, всё удаляясь от дома. Оказалось, в столовую. Вот что вспоминает Володя, сейчас уже восьмидесятилетний Владимир Николаевич: «Привёл нас в столовую, накормил, правда, хорошо. Сидя за столом, что-то путано говорил, просил прощения у нас, у мамы, объяснял, как всё получилось. Мы по малости своего жизненного опыта так ничего и не поняли. Я же лично даже и не вслушивался в его оправдания. Смотрел на его суетность, на его виноватое лицо и думал: как мог человек в такое тяжёлое время так подло, предательски поступить со слабой, увечной женщиной, у которой на руках оставалось трое детей. У меня уже тогда появилась мысль: может, уходя на войну, он заранее всё спланировал; тем более мы потом узнали, что его новая жена в то время жила в Хасавюрте, где тогда жили и мы, весёлые, счастливые. Да, коварство, даже мужское, никто не отменял. И тогда у меня созрело решение: этого человека я вычёркиваю из своей жизни. Навсегда. Безоговорочно! Накормив, посадил нас на автобус и отправил домой».

Я приближаюсь к последнему эпизоду из жизни моей героини. Шестидесятые годы. Дети Софьи Яковлевны, как оперившиеся птенцы, почувствовав силу в своих крыльях, разлетелись из материнского гнезда. Дочь живёт в Ставрополье, в Будённовске; после службы в рядах Советской армии, в пограничных войсках, старший сын по комсомольскому призыву прибыл в Красноярск на строительство алюминиевого завода, здесь окончил институт и остался навсегда; Виктор обосновался в Волгограде. Софья Яковлевна осталась совсем одна, в Махачкале. Грустная история… Но такова наша жизнь, такова судьба многих наших матерей. В 1969 году, почувствовав, что жить одной становится всё труднее, переехала к дочери в Будённовск.

Вот что вспоминает её невестка Эмма: «Однажды мы с Софьей Яковлевной, когда я была у них со своими детьми в отпуске, поехали в Махачкалу по вопросу её пенсии. На обратном пути автобус делал остановку в Георгиевске. За полчаса до города свекровь, я чувствую, забеспокоилась и, наконец, виновато взглянув на меня, попросила:

— Эммочка, давай выйдем в Георгиевске.

— Для чего, Софья Яковлевна?

— Хочу хотя бы подышать одним воздухом с Николаем,—шепнула мне она в ухо. Я не смогла ей отказать. Вышли. Сели на скамейку около цветочной клумбы. С интересом оглядывая всё вокруг, Софья сказала: „Может, он тут бывает, может, ему тоже нравятся эти деревья, эти розы, а вдруг он сидел на этой скамеечке, на которой сидим мы с тобой“,—она ладонью погладила сиденье, горячее от южного летнего солнышка. Свекровь сидела и, действительно, дышала полной грудью, не так, как обычно; дышала тем воздухом, которым дышит сейчас её Николай. И вдруг призналась мне: „А ведь я так и смотрю на последнюю звезду ковша Большой Медведицы каждый год, 23 июня, как договаривались с Колей накануне его ухода на фронт. Эта звёздочка стала уже мне родной“.

— А он, думаете, тоже смотрит?

— Не знаю. Но я смотрю всегда, все прошедшие 28 лет.

— А давайте найдём его, Вы ведь знаете его адрес?—предложила я.

— Нет-нет! Не хочу, чтобы он увидел меня такой старой, седой, ещё более сгорбленной.

Через два часа мы сели в подошедший автобус и покинули Георгиевск. После этой поездки Софья Яковлевна прожила ещё двенадцать лет. После её кончины, в 1982 году, когда дочь разбирала мамины вещи, она нашла спрятанную в дальний угол комода старенькую, пожелтевшую от времени, тетрадку. Открыла—и обомлела: это были стихи её матери, которые она писала украдкой от всех—и юношеские, и последних лет. Юношеские—вначале грустные, а после встречи с Николаем—светлые, счастливые».

По моей просьбе семья красноярских Серёгиных дала почитать мне эту тетрадочку. Привожу четверостишье из стихотворения Софьи Яковлевны, датированного 1949 годом: это был год, когда она узнала, что Николай жив…

Прощай, мой бессонный, прощай навсегда,
Погасла свеча на раскрытой странице.
Навеки останется эта беда
Со мною истерзанной птицей.

…И далее—стихи, написанные за два года до её смерти, в 1980 году.

Тридцать лет уж прошло, но не смыла вода
Той давней моей Хатыни,
Говорят, время лечит и лечат года—
Не верю я в это и ныне.

…В наше сегодняшнее время, когда молодёжь, только начинающая жить, зачастую говорит: «Какая любовь? Где вы её видите?»—я хочу им ответить так: «Читайте про жён декабристов, читайте про Марию Складовскую-Кюри и про мою Софью».

Нет на этом свете уже ни Софьи, ни Николая—остались его потомки от первого и второго браков. Но никто друг друга не ищет и не хочет знать. Родная кровь—чужие люди… И не нам их судить—рассудит Бог…

ДиН ревю

Наталья Пращерук

Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика

Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018

Учебное пособие «Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика» составлено в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта для направления подготовки «Филология» (магистратура) и представляет собой целостное осмысление крайне мало изученного сегодня литературного явления. Речь идёт о литературной духовной прозе XXI века, которая в глубинной своей основе продолжает традиции духовной прозы XIX века и—шире—святоотеческого наследия. Указанный феномен рассматривается в единстве его содержательно-ценностной и художественной сторон с акцентом на жанровой и повествовательной составляющих. Литературная духовная проза понимается как метажанровое явление, включающее в себя фрагмент, паломнический очерк, автобиографическую повесть и другие жанровые разновидности. Она представлена наиболее концептуальными текстами, демонстрирующими её основную проблематику, жанровые и стилевые поиски.

Пособие состоит из трёх глав, отражающих методологию изучения этой непростой темы: от традиций—к современному бытованию духовной прозы, представленной в достаточно широком диапазоне жанровых вариаций-разновидностей, и—далее—к углублённому рассмотрению такого редкого феномена, как литературная аскетическая проза.

В первой главе раскрыто существо духовной литературной традиции на примере прозы святителя Игнатия (Брянчанинова). В рамках анализа отдельных статей-миниатюр из «Аскетических опытов» и библейской повести «Иосиф» показывается, как собственно духовный опыт святителя претворяется в художественное слово. Во второй исследуется жанрово-эстетическая и духовно-ценностная проблематика прозы 2010-х годов. с выходом к анализу произведений отдельных авторов: «„Несвятые святые“ и другие рассказы» арх. Тихона (Шевкунова), (2011); „Райские отсветы в земных сумерках“: эссе, статьи, очерки о русской культуре XIX–XXI веков» С. А. Минакова (2017); «С высоты птичьего полёта» протоиерея А. Владимирова (2012); «Закорючки» П. Н. Мамонова (2011); «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник» Ю. П. Вяземского (2009). Третья глава посвящена монографическому рассмотрению творчества Е. Домбровской и её произведений «Воздыхания окованных. Русская сага» (2012), «Весна души. Страницы рабы Божией Анны» (2016). Книги, о которых идёт речь, дают возможность прикоснуться к бесценному опыту постижения духовных истин, пережитому нашими современниками. Каждый параграф содержит список необходимых источников, а также круг вопросов, направленных на системное освоение непростой проблемно-ценностной и собственно литературоведческой проблематики.

Виталий Пырх

«Ехали на тройке с бубенцами…»

Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки…
Эх, когда бы мне теперь за вами,
Душу бы развеять от тоски!
Дорогой длинною
И ночью лунною,
Да с песней той,
Что вдаль летит звеня,
И с той старинною,
Да с семиструнною,
Что по ночам так мучила меня!

Старинная русская песня

Теперь уже и не вспомнить, кому первому пришла в голову эта идея—во втором часу ночи вызвать к студенческому общежитию такси, сторговаться с его водителем и уехать из тогдашнего Свердловска чуть ли не за двести километров под Челябинск. Где в какой-то деревне жил наш бывший однокурсник Толик Алексеев, отчисленный из университета полтора года назад—то ли «за знаки» по немецкому языку, то ли по семейным обстоятельствам, сейчас уже и не припомню. Но с которым у нас до этого не было никакой связи.

Но сначала несколько слов о предыстории вопроса. В студенческом общежитии факультета журналистики Уральского госуниверситета по улице Чапаева, 16 (сейчас там какое-то учебное заведение местной МЧС) в конце шестидесятых годов минувшего века собралась любопытная молодёжь. Съехавшись сюда со всех уголков огромной тогда страны, она в считанные недели переплавляла не только людские характеры, но и как магнит притягивала к себе разношёрстную и весёлую публику.

Приведу один только пример. Не знаю, как сейчас, а тогда в нашем отечественном образовании бурно развивалось такое направление приобретения знаний, как заочное. Работал человек, скажем, в той же газете, и одновременно с этим учился заочно на факультете журналистики.

Умнее от этого он не становился, лучше не писал, но, чтобы продвигаться вверх по карьерной лестнице, требовались «корочки».

А их могло предоставить тогда только заочное отделение высшего учебного заведения—в подземных переходах при советской власти ими ещё не торговали.

Но заочное обучение это обязательные две установочные сессии в год. Иначе толку от такого образования не будет никакого.

Вот почему два раза в год и наше студенческое общежитие сотрясали пиратские налёты заочников: ну где им ещё можно было остановиться переночевать, бросить хоть на время свой нехитрый домашний скарб, как не у нас? В гостинице дорого, да и хлопотно, особенно для человека, приехавшего в областной центр на день или два, чтобы сдать или получить зачёты.

Оставалось студенческое общежитие. Впрочем, и в него попасть тоже было не просто. Круглосуточно дежурившая на входе «вахта» стояла насмерть: чужим вход в здание был категорически запрещён!

Ведь жили тогда в одном здании не только «мальчики», но и «девочки»…

Но мы эту проблему решили легко: так как наша «пятая» комната была в общежитии угловая, то к нам в комнату будущие постояльцы забирались по кирпичной кладке наружной стены, обнимая одной рукой красного цвета водосточную трубу. А потом через окно попадали к нам, предварительно договорившись о цене за постой.

Она была небольшой: бутылка водки за ночь. А так как водка в те времена стоила всего 2–87, то недостатка в клиентах не было.

Я и сейчас без смеха не могу вспоминать о том, как грузно пыхтел какой-нибудь заместитель редактора районной газеты, поднимаясь к нам среди бела дня, держа в одной руке массивный портфель с вожделенной выпивкой и закуской, а второй рукой обнимая пыльную водосточную трубу.

Но что было, то было…

Однажды один из таких «гостей» так отпраздновал своё новоселье у нас, что вместо того, чтобы покинуть общежитие, как и все нормальные люди через главный вход (на выходе контроля не было), шагнул по привычке в окно, вспомнив, видимо, о том, как он сюда попал. И это чуть не привело к трагедии: выпасть из окна с такой высоты было опасно.

«Спасло» оконное стекло: он врезался в него головой, окровянил себе одежду, но мы его тут же уложили в кровать, он уснул, и всё обошлось. А потом, когда в Свердловск зашли зимой

сорокаградусные морозы, изрядно намаялись с выбитым окном — закрыли его подушкой, но это почти не помогало. Теперь в нашей комнате всегда был могильный холод.

А тут кому-то в голову пришла мысль — купить ведро пива (то ли стипендию получили, то ли появились деньги после «шабашки», не помню), так мы доставили его в общежитие и поставили в своей комнате на подоконник.

Чтобы «не нагрелось…».

Пиво, действительно, не нагрелось, а, наоборот, покрылось тонким ледком. Так что пили мы его, разбивая лёд железными кружками.

А на другой день все обитатели «пятой» комнаты лишились голоса. И больше недели ходили по университету, только шипя в ответ.

Весёлые были времена!

Но я что-то отвлёкся…

А тут необходимо упомянуть ещё об одной странности канувшей в Лету эпохи. В это, конечно, трудно сейчас поверить, но в советские времена и по радио, и по телевидению передавали русские, или, как тогда говорили, советские, песни.

Звучали, причём нередко, и известные романсы, написанные великими русскими композиторами на стихи великих русских поэтов, и испытанные временем народные песенные шедевры.

А вот музыку многочисленных народов и народностей, населяющих СССР (я говорю о территории России), можно было услышать гораздо реже.

До сих помню, например, как я, переступив однажды порог своей воркутинской квартиры, только что вернувшись из заполярной тундры, вмиг окаменел, когда из работающего в доме радиоприёмника донеслась до меня первая строчка известной народной украинской песни в исполнении Матвиенко:

«Ой, летіли дикі гуси, ой…»

Стою на пороге, а из глаз слёзы ручьём…

Но, что хорошо запомнилось, так это то, что время от времени на самый верх песенного рейтинга вдруг выскакивала совершенно неожиданная вещь. Стоило только прозвучать ей в нашумевшем на всю страну кинофильме или быть исполненной неожиданно ставшим модным певцом, как она начинала звучать из каждого утюга.

Её распевала, как сказали бы сейчас, вся страна.

А через месяц-второй, она снова «ложилась на полку», уступив своё место другому песенному шедевру.

Так вот, во времена, о которых я веду сейчас речь, таким шлягером была народная песня-романс «Ехали на тройке с бубенцами…», и она в эти дни звучала все двадцать четыре часа в сутки.

Так что нет ничего удивительного в том, что и шофёр-таксист, как только мы выехали на его «Волге» по спящему Свердловску на челябинский тракт, тоже повернулся к нам:

— А вы не будете против, если я включу радио?

Конечно, нет, и он, щёлкнув тумблером, тотчас же настроился на нужную волну. А затем из автомобильного радио грянула знакомая мелодия:

«Ехали на тройке с бубенцами…»

Через какое-то время я заметил, что мои приятели — Виктор и Борис — дружно засопели носами и перестали подавать голос, а я, сидя рядом с шофёром, пытался хоть что-нибудь разглядеть за оконным стеклом. Но, кроме грязного мартовского снега и чернеющего стоявшего стеной леса, не видел там ничего.

И по мере нашего движения на юг, чувствовал, как растёт у меня внутри тревога.

Какого чёрта мы едем в такую даль к человеку, который нас не приглашал, не звал и с которым лично я был просто шапочно знаком. Привет-привет, и больше ничего… Ну проучились мы год на одном курсе вместе, и что?

Да так можно всю оставшуюся жизнь «по гостям» ездить — вон сколько их появилось и в абитуре и на первом университетском курсе…

Жизни не хватит!

Но ехали мы недолго, часа два, не больше, потом я посмотрел по карте — всего полторы сотни километров. Так что когда машина наконец съехала с тракта, то никто по-настоящему разоспаться не успел.

— Долгодеревенское, — сказал, вглядываясь в темноту шофёр. — Теперь куда?

Борис назвал адрес, и машина опять завелась.

Долгодеревенское оказалось вовсе не таким уж и селом, как можно было решить по его названию: кирпичные дома, какая-то речка, мостик через неё…

Начинало светать, и, отпустив машину, мы минуты две-три потоптались в нерешительности перед обшарпанной и никогда не видевшей ремонта «сталинкой», а потом, набравшись духа, открыли входную дверь.

Та скрипнула от натуги, но впустила нас в тёмный коридор, в котором горела единственная лампочка.

Поднимаемся на второй этаж и снова в нерешительности застываем перед нужной нам дверью.

«Не боись», — говорит Виктор и тут же жмёт на стёртую кнопку.

Где-то там, внутри квартиры, раздаётся слабый звонок, и мы, напрягаясь, вслушиваемся.

Никого.

Виктор снова звонит, и на этот раз нам повезло больше: за дверью раздаётся чей-то заспанный голос.

— Ну, кто там ещё в такой час?

— Да свои, Толик… Открывай!

Услышав своё имя, хозяин квартиры осторожно открыл дверь, а увидев всех нас, расплылся в улыбке:

— Ребята! Откуда?
— Да вот, приехали, тебя навестить…
—Ах, какие вы молодцы, какие молодцы…Надо же, в воскресенье!
— Толя, кто там?—послышался за его спиной, видимо, из спальни, недовольный женский голос («Жена!»—кивает хозяин и увлекает нас по коридору в сторону кухни).—Проходите, скорее… Это ко мне, Зина! Ты спи ещё!

Мы проходим на кухню, наполняем свердловской водкой мгновенно появившиеся откуда-то стаканы, а так как закуски нет никакой и, видимо, не предвидится, то просим хозяина поставить чай. Что тот и делает.

А потом мы все вместе пьём эту проклятую водку, второпях закусывая её горячим свежезаваренным чаем. И счастливее нас людей на свете сейчас нет.

Постепенно вырисовывается картина предстоящего дня. Толик работает заместителем редактора районной газеты, и к девяти часам утра ему обязательно нужно быть на районном смотре художественной самодеятельности. Это во дворце культуры, поблизости.

Но и не пойти нельзя: в номере газеты на вторник под его материал с этого смотра оставлено полполосы.
— Сходим вместе, а?—Хозяин квартиры уже под лёгким хмельком.—А потом я хоть на целый день свободен.

Мы легко соглашаемся, только с одной поправкой: на целый день мы не можем, так как вечером поезд. А назавтра, с утра, надо быть на лекциях в университете.

Снова разбавляем свою водку чаем и слышим за дверью лёгкую возню: это жена хозяина уже встала и собирается сейчас, видимо, со своей дочерью к бабушке в гости. Так что мы остаёмся в квартире одни…

Но ненадолго: оказывается, время в Долгодеревенском идёт намного быстрее, чем у нас, в Свердловске.

А может, это результат ещё одной выпитой бутылки водки, которую откуда-то притащил хозяин?

Но как бы то ни было, а мы опять оказываемся на улице, на свежем воздухе, и довольно-таки шумной гурьбой направляемся к районному Дворцу культуры, где ровно в девять часов начинается смотр. Редкие в это время прохожие неодобрительно поглядывают в нашу сторону, сетуя, видимо, на падение нравов: ну кто в такое время ходит по сельским улицам с красными рожами?

А вот и районный Дворец культуры—довольно-таки просторное дощатое здание, построенное, наверное, ещё во времена культа личности. Помпезные деревянные колонны, какая-то несуразная лепнина, и тоже из дерева. В общем, настоящий очаг культуры!

Заходим в зал, и глазам своим не верим. Добротно сработанная местными мастеровыми сцена, уютные кресла для зрителей, высокие окна…

А главное—люстра, огромная, весёлая, переливающаяся в огнях восходящего мартовского солнца!

Настоящее произведение искусства, как каслинское литьё!

Его тут, в Челябинской области, как булыжников на Красной площади в Москве.
— Всё наши ребята сделали, местные,—доволен произведённым на нас эффектом Толик Алексеев, не забывая при этом ещё и что-то там записывать себе в блокнот. Работа есть работа…

Ровно в девять на сцену выходит опрятно одетая девушка неопределённого возраста и объявляет фамилию первого выступающего, её я не запомнил…

Районное жюри поднимает головы, все заулыбались. Улыбнулся, вижу краем глаза, и Толик Алексеев, словно предвкушая что-то.

А мы, приезжие из Свердловска, уселись втроём в первом ряду, так как других зрителей в зале не было. И видим, как самодеятельные артисты с любопытством поглядывают на нас из-за кулис.
— Победители поедут в Челябинск на областной смотр,—поясняет нам Толик, устраиваясь поудобней рядом.

Всё идёт своим чередом, и в это время тишину в зале нарушает лёгкое звучание, по нарастающей, бубенчиков, и объявленный ведущей парень, на которого никто из нас не обратил до этого никакого внимания, парень как парень, широко набирает в свою грудь воздуха. А затем выдаёт во всю мощь—и своего голоса, и своих лёгких, знакомую до слёз песню:

«Ехали на тройке с бубенцами…»

Я чуть было не задохнулся: у меня перехватило от неожиданности дыхание. А может быть, это самодеятельный певец втянул в себя из зала весь воздух, и дышать просто стало нечем. Но признаюсь как на духу: никогда, ни «до», ни «после» Долгодеревенского, я больше не встречал такого сильного и такого насыщенного, такого мощного баса, как в то мартовское утро конца шестидесятых годов.

Я думаю, что даже сам Шаляпин, доведись ему быть рядом, согласился бы со мной и забросил бы потом пение. Занялся бы чем-нибудь другим…

Такими голосами природа одаривает людей не чаще чем один раз в тысячу лет, вот мы на такой случай и наткнулись!
— Кто это?—В один голос вскричали мы.—Кто он?

Певец сошёл со сцены, а большая и ярко освещённая лучами восходящего солнца люстра продолжала звенеть, и в этом было что-то невероятное, я бы даже сказал, потустороннее. Как будто это Он продлевал звуки, только что прозвучавшие со сцены.

— А это наша районная гордость,— улыбнулся в ответ Толик Алексеев.— Местный Карузо. По жизни просто киномеханик. Возит по сельским клубам в районе коробки с новыми картинами. Сколько не просили его «сменить ориентацию» и заняться всерьёз вокалом, ни в какую. Не нравится ему это занятие, стесняется его. Так споёт один раз, второй, для души или чтоб отстали, и всё. Снова за свои коробки — и на село…

О, эта русская душа! Непостижимая даже для меня, славянина, и от того ещё более загадочная и прекрасная! Такое богатство, такой капитал, отвалила человеку природа, а он махнул рукой и всё отдал безголосым «звёздам», только подрастающим сейчас в детских садах. И которые потом, спустя всего несколько десятилетий, будут появляться на сцене то ли в ночнушках, то ли в кружевных трусиках…

А ведь как поёт, гад, мороз по коже идёт!

Ещё раз я испытал такое же ощущение спустя почти десятилетие, когда оказался в Воркуте, куда после выхода в одном московском издательстве моей первой книжки, приехал, чтобы «освежить» материал для второй. В общих чертах она была уже написана, но за время моего отъезда из северов на свою историческую родину, на Украину, в Воркуте кое-что изменилось и требовало уточнений.

Можно было, конечно, взять до неё билет, поселиться в местной гостинице и поработать, как я тогда работал, денно и нощно, несколько недель подряд, но я предпочёл поступить иначе. Узнав, что в республиканской газете, где я прежде трудился, в Воркуте освободилось место собкора, я списался с редактором, и тот с великой радостью принял меня обратно в штат.

И вот прибыв в знакомые до боли места и поселившись в каком-то общежитии (от предложенной мне квартиры я наотрез отказался — а зачем редакции газеты да и горкому партии знать о моих настоящих намерениях?), я шагаю в городской Дворец культуры шахтёров — на праздничный концерт, посвящённый очередному Дню шахтёра.

Как сейчас помню этот день: конец августа, срывается лёгкий снежок, а пожелтевшие низкорослые вербочки, взращённые здесь чьими-то заботливыми руками, как серпом по одному месту.

Сейчас в моём родном Запорожье, которое я оставлял на несколько недель, а, как оказалось, оставил навсегда, люди купаются в Днепре, загорают на солнце, сгибаются, идя домой, под тяжестью овощей и фруктов.

Самый сезон, и, скажем, теми же сахарными мелитопольскими арбузами торгуют на каждом перекрёстке. Как, впрочем, и пивом — в городе два(!) пивоваренных завода!

А тут меня обгоняют, по дороге во Дворец, семейные пары, укутанные в тёплые шали, кто-то уже достал из чуланов свои меха…

Но всё это уходит на второй план, когда я оказываюсь внутри самого Дворца культуры, известного, между прочем, и тем, что здесь какое-то время усиленно подвизался на сцене, прежде чем взлететь на песенный Олимп, сам Валерий Леонтьев — один из кумиров двадцатого века.

Крупное массивное здание, с огромными тяжёлыми колоннами, возведённое на вечной мерзлоте, сразу настраивает на рабочий лад, и я с трудом нахожу в зале свободное место.

Я тут не знаю почти никого, так что сижу и просто жду своего часа.

Невольно вспоминаю свой первый приезд из Сыктывкара в Воркуту в таком же августе, но почти десять лет назад — в самом начале семидесятых годов. Дошёл пешком от автобуса из аэропорта в гостиницу «Воркута», обратился на ресепшн.

Так, мол, и так, знаю, что у вас заселение с двенадцати часов, а сейчас только девять, но я корреспондент газеты и у меня на счету каждая минута. Можно я только положу свою сумку в номер, где потом буду жить, а сам уйду по своим делам?

И на ресепшн смилостивились. Аккуратно накрашенная блондинка, сидевшая за столом, кому-то что-то там сказала в трубку, а потом повернулась ко мне. Идите, мол, в такой-то номер, там как раз убирают…

И вот я стою в одноместном номере, сжимая в руке репортёрскую сумку, а сам не могу оторвать глаз от стены, чуть ли не до самого потолка заклеенной водочными этикетками.

— Кто тут жил?

— Тут-то,— горничная как раз принялась соскабливать рассматриваемые мною этикетки со стенки.— Да Иосиф Кобзон. Только что уехал в аэропорт…

— Вот это да…— Выдохнул я и, пусть уж простит меня за такую откровенность Иосиф Давыдович, но из песни, как говорится, слова не выкинешь… Что было, то было.

Вспомнился мне и другой эпизод из моей репортёрской жизни: приехали мы как-то с моим воркутинским приятелем Олегом Вильчевским, редактором газеты «Огни Воргашора», на республиканский съезд журналистов и, поселившись в гостинице, решили пока прогуляться по городу. Открываем в коридор дверь и чуть ли не лицом к лицу сталкиваемся с Эдитой Пьехой. Она, оказывается, живёт с нами через стенку, но вовсе не это заставило нас остолбенеть: хоть и была Эдита Станиславовна в те времена, как говорится, на пике своей певческой карьеры, но что мы, певиц не видели?

А тут стоим с Олегом, и оба стоим с открытыми ртами.

Поразило нас вот что: сама Эдита девушка, конечно, крупная, костистая, но по сравнению

с её двумя охранниками, шагавшими рядом, выглядела ну просто вчерашней школьницей. Оба двухметрового роста, с большими, как кувалда, кулаками…

— Вот это амбалы!—Вырвалось у моего приятеля, и мы, не сговариваясь, рассмеялись.

А те, даже не удостоив нас взглядом, молча прошли мимо.

Олег Вильчевский не я, парень довольно высокий, но в сравнении с ними…

Наконец в зале Воркутинского Дворца культуры шахтёров все угомонились, посыпались поздравления тем, кто выдал больше всех на-гора, затрещали отчёты, награждения победителей.

А затем подошло время обещанного праздничного концерта, на который я, собственно, и пришёл, и ведущий объявил первый номер.

На сцену вышел тепло встреченный залом и, видимо, всем хорошо знакомый в городе председатель шахтного комитета профсоюзов Анатолий Мефодьевич Старченко, и зал почему-то притих. А может, это мне показалось, не помню.

Зато хорошо помню я, как громадная массивная люстра при первых же звуках его нечеловечески сильного баса сначала слегка вздрогнула, а затем легонько стала ему «подпевать» своими хрустальными висюльками.

«Улица, улица, да ты, брат, пьяна!»—пел со сцены председатель шахткома шахты «Воркутинская», а хрустальные висюльки вторили ему своё под потолком громадного сталинского здания—на-на-на…

По-моему, я плохо спал после концерта в ту ночь, но наутро, оставив все свои первоочередные дела, сразу же отправился на шахту «Воркутинская»—благо это была самая близкая к городу шахта и её копёр с постоянно горящей пятиконечной звездой можно было увидеть в любое время суток.

С её директором, Николаем Степановичем Плоцким, я был по прежним своим командировкам в Воркуту знаком, так что он меня понял с полуслова. И сам проводил в шахтком.

Анатолий Мефодьевич Старченко сидел в кабинете один, грузно развалившись в кресле, так как сложения он был, как сказали бы наши классики, изрядного.

Но как только директор, сославшись на занятость, оставил нас наедине, тут же заулыбался, зарокотал своим чарующим басом и потянулся рукой в шкафчик.

— Как же, как же, читал, читал… А вот встречаться не приходилось. Так что есть повод…

Он с этими словами поставил на стол два чистых гранёных стакана и непочатую бутылку армянского коньяка. Которую тут же открыл, и я почувствовал в кабинете тонкий аромат дубовой коры—фальсификата в те годы в нашей стране ещё не было.

— Да нет, Анатолий Мефодьевич,—отчаянно запротестовал я,—я на работе, не пью. Это вечером—сколько угодно, а на службе нет.

— Серьёзно?—Удивился Старченко.—Ну это редкость для вашего брата. Редкость.

Он смачно закусил выпитый коньяк лимоном, налил себе ещё…

— Небось, был на вчерашнем концерте?

— Был. И сразу скажу, ошарашен. Я слышал вживую, когда учился в Свердловске, Бориса Штоколова, встречался с Борисом Рубашкиным, записи которого храню по сей день, но вы, вы… Да вам они все в подмётки не годятся! Такая силища! Ведь ваше место на сцене Большого театра! Вы же уникум!

Старченко улыбнулся, неспешно размял пальцами сигарету, закурил…

— Ты думаешь, они не приезжали? Раза два или три были тут антрепренёры из Большого, агитировали… Но зачем это мне? Тут я получаю тысячу, а то и более рублей в месяц (шёл 1980 год.—*В. П.*), а что у них? Триста-четыреста рублей? Не-э…

— Так это же другой уровень—слава, почёт, известность, наконец…

— А зачем мне известность? Мне хватает моей. В городе меня знают, знают и любят, видел, как вчера цветами на концерте заваливают? Да и на работе интереснее. Живые люди, у каждого проблемы. Никто никого не подсиживает, никто ни на кого не «стучит».

— Не-э,—повторил он опять,—это не моё. И спрячь свой блокнот, не вздумай об этом писать. Не моё это, и всё. И потом, ты же корреспондент, Хемингуэя, небось, читал (я кивнул утвердительно головой), а я вот только на днях прочитал его притчу. Хочешь, напомню? Сидит мужик на берегу океана и любуется на вечерний закат, пуская из трубки колечка дыма в чистый вечерний воздух. А мимо идёт сосед, еле волочащий ноги под тяжестью рыбацкой сети. Увидел его и говорит:

— Ты почему не в море? Сейчас же время как раз, рыба для кормёжки к берегу подошла…

— А зачем?

— Как зачем? Наловишь рыбы, продашь, будут деньги…

— А зачем?

— Что значит, зачем? Купишь потом катер, новую сеть, станешь с большим уловом…

— А зачем?

— Что ты заладил, зачем, зачем… Появятся лишние деньги, купишь ещё одну лодку, наймёшь людей и они тебе заработают ещё больше денег…

— А зачем?

— Тьфу ты, чёрт! Станешь потом совсем зажиточным человеком, перестанешь рисковать своей жизнью, выходя в море… А сядешь вечером на берегу океана и будешь курить свою проклятую трубку и любоваться вечерним закатом…

— Так я это сейчас и делаю!

Я спрятал блокнот, тоскливо посмотрел в темнеющее за окном небо, день в Воркуте стремительно убывал, а затем обратил внимание на пустой стакан, стоящий передо мной.

И обречённо махнул Старченко рукой:

— Наливайте и мне…

Добраться из Долгодеревенского до Челябинска оказалось пуще простого: автобус до областного центра ходил туда-сюда через каждые полчаса. Да и ехать было всего ничего — своей окраиной Долгодеревенское упиралось в пригороды Челябинска. По сути, это был уже один жилой конгломерат.

Доезжаем на нём до челябинского железнодорожного вокзала и на остатки от своих стипендий покупаем три билета в общий вагон оренбургского поезда до Свердловска. А ещё через какое-то время сидим в этом общем вагоне и тоскливо рассматриваем собравшийся в нём контингент.

Особенно напрягает раскинувшийся прямо в проходе вагона в дымину пьяный детина — чуть ли не двухметрового роста, так что всем, кто заходит, приходится через него переступать.

Наконец появляется и проводница, которая тоже с трудом перешагивает через пьяного мужика, сказав при этом без всякой злобы:

— Вот гад, нажрался… Настоящая скотина!

«Скотина» слегка пошевелилась, и мы к своему ужасу почувствовали, что в воздухе запахло мочой. «Скотина» лежала в луже…

Проводницу после этого сдуло как ветром, и больше мы её не видели. До самого Свердловска.

— А ведь нам ехать почти семь часов, — «обрадовал» нас Виктор, вернувшийся из тамбура, куда он выходил подышать. — То ли дело на машине, правда?

— На машине мы не петляем, как поезд, а едем напрямик. — Рассудительно поправляет его Борис, и добавил: — Доедем.

В наше так называемое «купе» набилось человек восемь-десять, но, как говорится, в тесноте не в обиде. Мы поудобней устраиваемся на деревянной лавке, сидя на ней вполоборота, чтобы уместились все, и в это время один из наших попутчиков вытаскивает из своей сумки небольшой транзисторный приёмник.

— Не возражаете?

Мы не возражали. И из транзистора раздаётся сначала треск, лёгкое шипение, а затем, когда поезд миновал городские окрестности и маленькое чудо двадцатого века «нащупало» свою волну, все мы услышали знакомую до боли мелодию:

«Ехали на тройке с бубенцами…»

Под удивлённые взгляды своих случайных попутчиков мы рассмеялись…

А затем, отвернувшись к вагонному окну, я прикрыл своё лицо пятернёй: мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из посторонних заметил на моём лице набежавшую слезу.

Евгений Минин

Терпи, терпи, страница!

Запашковое

А поэт сочиняет стишок
и не чувствует запах, увы.
Борис Вольфсон

О прекрасном слагаем порой.
О любви, о заре, о добре.
Но какой-нибудь сборник открой —
и оттуда такое амбре,
неприятный такой запашок.
Я ж в поэзии не дебютант,
и, когда сочиняю стишок,
ставлю рядышком дезодорант.

Терпимое

Терпи, терпи, моя страница,
я знаю — это очень больно.
Станислав Ливинский

Где вдохновения граница,
писать стихи — не то, что прозу.
Терпи, терпи, моя страница,
я знаю — больно без наркоза.
Писать стихи — такие муки,
не извести привычку эту,
потом берёшь страницу в руки —
а у страницы — пульса нету.

Игорь Панин

Медведь

1. Дети дразнятся

Медведь, медведь,
с белой проседью медь!

Не ходи до села,
не топчись у ворот,
здесь твоя не брала
и опять не возьмёт.
И когтей не точи,
не рычи, не страши,
ты ступай в кедрачи,
рой берлогу в глуши.

Не отведать тебе
нашей крови никак.
Схоронившись в избе,
поспускаем собак,
да немаленьких псов,
а заливистых—жуть.
Тут и дверь на засов,
так что не обессудь.

А поднимется лай—
наш отец прибежит,
и не с ласкою, чай;
он достанет ножи
да заколет тебя
самым длинным клинком,
чтоб не трогал ребят,
не мечтал о таком.

И тоски не тая,
рухнешь в самый овраг.
Будет шкура твоя
нам заместо ковра.
Уж потеха для нас—
эка мягкая шерсть.
А башку твою враз
мы насадим на шест.

Убирайся, медведь,
чтоб тебе очуметь!

2. У окна

Пряди моя прялка, подруга усталая,
тихонько жужжи да скрипи.
О прежних делах забывать чаще стала я,
а память уже не скрепить.

Была на рассказы большая умелица,
а ныне, на склоне годин,
неспешная речь моя гладко не стелется,
но помню я случай один…

В ту осень в село наше тихое, справное
повадился старый медведь,
седой, огроменный, и прыткий же, главное,—
такого ещё одолеть!

Собаку утащит и шастает наново,
и долбится в каждый забор.
Взялись мужики подстеречь окаянного,
но был он, как дьявол, хитёр.

Тропой приходил то короткой, то длинною,
совсем застращал, лиходей.
Гадали, когда же, пресытившись псиною,
решит перейти на людей.

И выбрал он избу добротную, крайнюю
однажды в полуденный час,
и как он пробрался в неё—это тайною
с тех пор остаётся для нас.

А жил там вдовец со своими мальчонками,
отъехал как раз из села.
Махали они ему ручками тонкими,
а рядом погибель была.

Что чадам пришлось пережить Иисусовым—
и страшно подумать о том!
На части разорваны были, искусаны,
и всё там стояло вверх дном.

Пока собирался народ растревоженный,
дреколье хватал, топоры,
затихло в избе, а зверюга изложиной
скатился как в тартарары.

Вернулся отец и схватился за голову,
и выл, и кричал у ворот;
и рвал он одежды, и бедного, голого
жалел его, молча, народ.

Потом схоронил он своих, как положено,
и тут же с концами ушёл.
Подался в чащобу дорогой нехоженой,
рассудка навеки лишён.

И сказывают те, кто видел воочию,
он ходит по снегу босым,
как леший оброс, и с надеждою отчею
всё ждёт — не покажется ль сын.

А кто попадётся ему в полнолуние —
того он умучит и съест.
Кряхти, моя прялка… Да что вы, не лгунья я,
не вру ничего, вот вам крест!

Неужто я вас болтовнёю разгневала?
Простите старуху за всё.
Давно это было, а может, и не было;
давай же, вертись, колесо.

3. Бирюк

Четверть века живу я в лесу бирюком.
Я и слышать давно не хочу ни о ком.

Приходили за помощью раз пастухи,
но скотину искать мне совсем не с руки.

Проходил стороною и каторжный люд,
что внутри и снаружи отчаянно лют.

Заблудился однажды паломник-дурак,
и ему указал я, как выйти на тракт.

Но ни с кем разговоров теперь не веду,
я блюду своё горе, горюю беду.

Лишь надеждой и жив, что в неведомый год
изведу я под корень медвежий народ.

Бью и бью без пощады, тревожа тайгу,
и матёрых, и мелких — покуда могу.

Заломлю-ка берлогу — попался, милок,
вылезай под рогатину, вышел твой срок.

А милее всего мне колоть медвежат —
до чего же, поганцы, забавно визжат!

Но случалось и так, что по дальним лесам
не однажды добычей мог стать и я сам.

Рвали когти меня и пронзали клыки,
но остался в живых я, всему вопреки.

Отлежусь, да хожу осторожнее впредь.
Видно, время пока не пришло помереть.

Самоловы по тропам далёким стоят,
да богато разбросан ужористый яд.

Псы натасканы славно — теперь же от них
не уйдёт самый ушлый и бережный мих.

И страшится меня вся мохнатая рать,
ибо я порешил не судить, а карать.

Жизни нет и не будет, а радость одна —
ухайдакать ещё одного рычуна.

Мясо сладкое ем, сплю на буром меху,
и гоню от себя маету-чепуху.

Черепами украсил избушку свою,
а настойки хлебну — там и песню спою.

Полетит-понесётся она, и её
будет слышать любое в округе зверьё.

Мне не нужно бояться и прятаться, ведь
для медведей проклятых я сам как медведь.

4. Зимний сон

Утомившись от долгих невзгод,
собирались медведи на сход,
обсуждали дела на лужайке.
Старый бер во главе восседал,
был он прежде силён и удал,
потому говорил без утайки:

«Нас всё меньше и меньше теперь,
бьёт мужик нас, как бешеный зверь,
замиренья не будет по виду.
Мстит он издавна нам потому,
что наш родич жестокий ему
учинил непростую обиду.

Уж и нету того мохнача,
кто обидел его сгоряча,
и куда подевался — не знамо.
Но ярится мужик до сих пор,
на расправу отчаянно скор,
не подвластен ни смерти, ни сраму.

Скоро нас по родимым местам
будет сущая горстка, а там —
подадимся в далёкие страны;
остальные полягут костьми.
И пойди ещё силы возьми —
на чужбине зализывать раны!»

Волновались медведи: «Доколь,
нам терпеть поруганье и боль,
всё терять своих братьев и деток?
Мы б заели того мужика,
но его не слабеет рука,
глаз всё так же намётан и меток.

Он и думает лишь об одном:
как защемит нас хитрым бревном,
как заманит в глубокую яму.
Не пробраться к нему, не пройти,
то исколешь все лапы в пути,
то в рожон упираешься прямо.

У него много выдумок злых,
и гуляет неслыханный слых —
мужика нам изжить не под силу…»
Проклинали они пришлеца
и ломали кругом деревца,
и светило их даже бесило.

Вопрошал старый бер напрямик:
«Кто здесь самый большой баловник?
Кто исполнен исконного духа?
Пусть же выйдет с безумным на бой
и попробует сладить с судьбой!
Ты возьмёшься ли, Рваное Ухо?»

Повернулись медведи к тому,
кто едва наблюдал кутерьму
и мечтал о припрятанном мясе.
Оконфузился рослый самец,
но поднялся, и вот, наконец,
он кивнул. И пошёл восвояси.

5. Встреча

Сладко тянет листвой прошлогодней,
сходит снег и бежит до морей.
И земля в почерневшем исподнем
проседает под лапой моей.

Тяжело мне досталась пробудка,
крепко ломит пустые бока.
Я поднялся давно, но как будто
до конца не очнулся пока.

Холод в сердце и долог, и едок—
то беды неминуемой знак.
Всё, как прежде, но как-то не эдак,
всё, как было, но что-то не так.

Не отмечен я даром сновидца,
но сейчас в ожиданьи затих.
Вроде должен я насмерть сразиться,
и один постоять за своих.

Но когда это было, чтоб в круге
собирались медведи толпой?
И живём, угрызая друг друга,
и по дурости прём на убой.

За грехи наказали нас боги,
обросли шерстью тёплою мы,
одичали в кромешной тревоге,
а ведь были когда-то людьми!

Говорят, что и люди такие ж—
нам неровня, а всё же родня.
И куда только взглядом ни кинешь—
рвут собратьев, рыча и кляня.

Но теперь-то в каком поколенье
между нами лихая вражда.
И просить примирения лень мне,
да и кто б от меня это ждал?

Лай собак долетает с востока,
видно, рыщет безумец опять—
отнял леса у нас уже столько,
а воюет за каждую пядь!

Так чего же, иду, коли надо,
я до драки всегда был охоч.
Пусть и нет на него больше сладу,
но и я ведь такой же точь-в-точь.

Помоги мне, родная обитель,
приукрой меня, тёмная падь!
И простите, кого я обидел,
может, вечно придётся мне спать.

Не успел я ещё откормиться;
что без сил эта ярость в душе?
И кричат разозлённые птицы,
значит, близко противник уже.

Не пугает рогатины жало,
да и с псиным отродьем знаком,
и сейчас мне совсем не до жалоб—
только б лапой успеть и клыком…

Грозен этот мужик, не поспорю,
помню с детства рассказы о нём.
Вот и свидимся, к счастью ли, к горю.
Вот и ринемся. Вот и дерзнём.

Андрей Аристов

Палочки жизни

У Коськи с Маришкой — маленькая комната на двоих. Обои на стенах старые, серо-зелёно-малиновые. Закопчённый, в трещинах, потолок. Облезлая печь, облезлые шкафы — по одному для книг и для одежды. Краска с пола содрана от частого мытья. Чёрный провал лестницы в нижний этаж, над ним — верёвка для сушки белья. Окно — большое, в три рамы, одна из них открывается, через неё ходят на балкон. Кровать одна, большая, с пружинным матрацем. Да, ещё стол вроде письменного, два расшатанных стула, тумбочка, старая магнитола. Вот и вся декорация.

Коське — пятнадцатый год. Ничего в нём примечательного нет: он светлорус, скуласт, заметно плечист, но очень худ. Дышит с натугой, страдает иногда упадком сил, но ловок на всякое ремесло, особенно по вечерам. Вот и теперь близится вечер — тёплый вечер в один из последних дней июля. У горизонта небо фосфорно-зелёное, выше — мутно-голубое, и стоят в нём синие облака. Наверное, к ночи соберётся гроза.

Соберётся гроза, а в гараже крыша протекает. Есть рулон рубероида, так почему бы сейчас и не закрыть прореху? Сколько уже можно откладывать…

Так думает Коська. А Маришка крепко спит после трудного дня. Она продавала на базаре чернику, торговля выдалась плохая: какие-то коммерсанты выставили несколько коробок раскисшей ягоды и ну сбывать её за бесценок. Маришке ничего не оставалось делать, как отдавать по дешёвке и свой товар, да какой товар! Ягода свежая, тугая, перекатывается, что чёрный жемчуг, и редко-редко когда попадётся черничный листочек. Её и Коськина работа. Каждая ягодка собрана руками.

Сбыла кое-как. Но не реветь же теперь! Коська утешил, сказал: «Всё равно ведь не зря комаров в лесу кормили».

Маришка считается младшей, хотя моложе Коськи только на пять дней. Она светлолицая, светловолосая, но каждое лето очень сильно загорает и солнца не боится. Как и Коська, невероятно худа. Черты её лица тонки и резковаты, брови бледны, а глаза, когда она не спит, похожи… На что же похожи? Да вот на эти синие облака в вечернем небе. А в суровые минуты — на тусклую сталь.

Коська спускается по лестнице. Снизу несёт кабаком. Там внизу, на кухне, страшно: на полу — грязь, окурки, какие-то тряпки, наклейки с бутылок и драная обувь. Печь-развалина с выпавшей дверцей вся забита мусором, на столе — те же бутылочные этикетки, гора немытой посуды, и в раковине чёрт-те что. Тусклый свет из грязного окна теряется во мраке ветхих обоев, копоти и паутины. Прибираться тут бессмысленно: отмоешь мало-мальски посуду, раковину и пол, а к вечеру настанет прежний бардак. Есть кому его навести.

Дверь в большую комнату нижнего этажа затворена. Коське незачем туда ходить. Он знает, что там гадюшник похлеще, чем на кухне. Старшие таскают с помойки стеклотару и пластик, моют всё это в нижнем этаже, чтобы потом сдать. При такой жизни разве может быть в доме чисто?

На улице Коська долго и шумно дышит запахами вечера — тополей, смородины, влажной земли, далёких дождей и близкой речки, которая бежит вот тут рядом, за черёмухами. Маленькая банька тычет железной трубой в туманное небо, лучи заката играют в стекле её крошечного окна. Спокойный вечер.

Дощатый гараж, весь кривой и серый, давным-давно уже служит складом дров, их осталось всего ничего — половина поленницы пилёного горбыля, а на будущую зиму не заготовлено ни палки. До конца июля надо бы… вечно надо бы! А делается всё через пень-колоду. Потому что плохо копятся деньги: много ли выручишь на грибах, на ягодах?

Рулон рубероида тяжёлый, лестница старая, того гляди, треснет — костей не соберёшь. А делов-то куча: оторвал, размотал, отрезал, настелил, прибил. Почему так долго руки не доходили?

Починил крышу. Засмолил свои старые лохмотья. «Ишь как комары перед ночью рассвирепели! — размышлял между делом Коська. — Пожалуй, в комнату налетят, Маришку изгрызут, всю ночь спать не дадут — надо окно закрыть! Да чьи там ещё шаги и голоса?.. Наших чёрт несёт. Похоже, что с гостями».

Если бы спать не давали только комары!

Коська видит, как к крыльцу приближается нестройная процессия. Впереди мужик — рыжие космы, рыжая борода, тело Кощея, походка раненого журавля. Грязная майка, спортивные штаны.

Отчим (Маришка сказала бы—отец). Следом ковыляет, едва поспевая, другая фигура—нелепое платье, ноги в коростах, спутанные волосы, лицо как одна сплошная опухоль. Мать (для Маришки—мачеха, хотя этого слова в доме не произносят). Женщину почти подталкивает—шагай, шагай!—размалёванная девица в белой майке и чёрных уродливо пузырящихся лосинах. Это Геля. Позади всех шагает джинсовый амбал—это Рогожа, Гелин муж, а может, просто сожитель. В его руках пакет, в пакете звонко брякает, но все, видать, и без того уже порядком навеселе.

В нижнем этаже загорается свет. Коська серым мышонком юркает в кухню, оттуда на лестницу, запирает дверь на крючок. Он слышит снизу звон стаканов, грубый хохот, матерную речь и вполне явственное «пащёнок». Взбегает по лестнице, толкает спящую Маришку:

— Вставай! Рогожа пришёл!

Маришка—она такая: трудиться—так до упаду, спать—так мертвецки. Издалека, из мира бодрствующих, она слышит имя «Рогожа» и, вместо того, чтобы проснуться, видит страшный сон. Стонет, мечется и вдруг распахивает глаза. Резкий луч голой лампы ослепляет её до боли. Зажав лицо руками, Маришка садится и сопит сквозь зубы что-то очень невнятное. Она спала не раздеваясь. Серая майка, серые шорты—в лиловых точках черничного сока. Коська быстро переодевается: туго затягивает шнурок на поясе штанов, натягивает линялую футболку, берёт зонтик на случай дождя и суёт в карман острый нож в чехле—на всякий другой случай. Некогда собирать съестное, некогда и просто перекусить. Некогда возиться с навесным замком: в комнате как будто и нечего воровать, кроме дешёвой магнитолы, дарёной одежды и электроплитки. Жилище остаётся на произвол судьбы—или пьяных гостей, после которых наверняка придётся отмывать пол, отстирывать постельное бельё от нечистот, целую неделю выветривать тяжёлый запах, по ночам не находя спасения от налетающих комаров. И сорвана завтрашняя поездка в лес по ягоды с братом Сергеем на его машине.

Внизу все очень быстро перепились. Здоровяк, бывший грузчик Рогожа с выпитого потерял, конечно, голову, но остался пока на ходу. Намылился, видать, на поиски приключений. С ним Коська и Маришка нос к носу столкнулись в дверях, на приступке лестницы.

Рогожа—в разорванной рубахе и грязных трусах. На Коську глянул злобно; увидал Маришку и загудел угрожающе, на пацанский манер протяжно выворачивая концы слов:

— Э-э! Иди сюдыэ-э!

— Пошёл назад!—зазвенело отрывисто и высоко.

Коське страшно. До ужаса, до беспамятства. Без памяти он выкрикнул свои слова. Свет стал резким. Тяжёлая харя противника сначала рывками отошла куда-то вдаль, а потом резко навалилась, не оставив в поле зрения больше ничего. Почему-то такие мгновения помнятся сильно и долго.

Загаженная кухня полетела кувырком… почему вдруг так легко?.. Свет лампы в лицо, вспышка в глазах, мгновенная тяжесть и резкая боль. Коська резко выдохнул «А-арх-х» и распластался на полу, не находя в себе сил пошевелиться и выпучив глаза от этой страшной боли.

Он лёгок, худ и молод. Верзила Рогожа одним махом сбил его с лестничного приступка. Коська описал в воздухе неслабую кривую и врезался в пол хребтом.

Сознание помутилось, но полностью не ушло. Багровая вода боли сначала разлилась по всему телу, потом съёжилась, померкла, превратилась в чёрного спрута, сидящего в спине. Уменьшаясь дальше, она сделалась светящейся точкой и вдруг погасла. Истома облегчения растеклась по всем костям. В ступнях ног, в кистях рук заиграли мелкие иголки. Конечности чувствовали и слушались. Захотелось кашлять. Коська охнул и перевернулся на живот. Снова боль, но какая-то другая, малиновая и тянущая, пронзила спину. Кашлять тоже очень больно. Но это уже можно как-то стерпеть… Брякнуло в кармане. Нож! В роковую минуту вышибло из памяти, что он под рукой. Кажется, Маришка убежала наверх. И этот пьяный урод её поймал… Если так, то ножик ещё пригодится!

Хоть бы кто вышел из комнаты, подняться помог! Всё плывёт перед глазами. Надсадная, порой очень резкая боль в позвоночнике отдаётся ответом на каждый шаг. Донимает кашель. В верхнем этаже темень, распахнутое окно—и никого! Зато слышно, как будто на крыше громыхает железо.

Коська ковыляет вниз, а оттуда—на улицу. Стемнело. Редкие огни. На западе посверкивает, погромыхивает, но особенно резкий гром доносится с крыши—от шагов. Коська отходит подальше, в сторону бани. Так и есть: на коньке, возле печной трубы, затравленным зверьком сидит Маришка. Её светло-серый костюм кажется белым в виду уже недалёкой грозы. Снизу, будто жирный кот, на четвереньках по скату на неё надвигается Рогожа. Его рубаха порвана в лоскуты, трусы сползли чуть не до колен. Как он, пьянущий, исхитрился в погоне за девчонкой пробраться по краю балкона, ступить на крышу большой комнаты и вскарабкаться на кровлю второго этажа? Коська хватает какую-то палку, запускает ею в ползущего насильника и сам чуть не падает от болевого прострела в спине. Батог не попадает в цель, а только ударяется в край крыши.

Маришка выжидает. Уже ручища мужика тянется к её ноге и вот-вот схватит. Девушка вскакивает точно в нужное мгновение. Она отпрыгивает

по острому коньку к печной трубе и начинает спускаться. Это всегда труднее. Маришка ползёт на четвереньках, ногами вниз, держась за рёбра железной кровли. Злодей резко привстаёт и бросается к ней напрямик. Блестящий расчёт на его ошибку, на его похоть и его пьяные мозги! Рогожа вспоминает, что он не на ровной земле, но уже поздно. Он теряет равновесие, с ужасным грохотом катится вниз и на глазах Коськи шлёпается наземь. Алкаш не разбивается насмерть, слышен его матерный рёв, и Коська машинально тянется за ножом — добить. Однако рассудок берёт своё. Клинок остаётся в кармане.

А спустя полминуты Маришка жмёт своего Коську в объятиях, плачет, спрашивает тихо:

— Сильно он тебя?

— Спина… — хрипит Коська. — Не сжимай так, больно…

Руки и ноги Маришки исцарапаны до крови, костюм — почти что новый, подаренный! — весь в саже, грязи и ржавчине. Тапки-шлёпанцы у неё, конечно, потерялись, и у Коськи тоже. А вокруг — что вокруг? Темень, огни редких фонарей. Гроза надвинулась вплотную. Пьяное чудовище под завалинкой не хрипит, не ревёт: потеряло от боли сознание, а может, сдохло.

— Вызовем «Скорую»? — предлагает Маришка.

— Соседи, наверное, уже позвонили «ноль-два», — предполагает Коська.

— Где там! — отвечает Маришка. — Им всё уже давно до фени.

— Ладно, пойдём к телефону, — вздыхает Коська.

Телефон-автомат неблизко. На обратном пути ребят накрывает жестокий ливень. Совсем где-то рядом ударяет молния, от вспышки с полминуты ничего не видно, гром закладывает уши и, кажется, чуть не сбивает с ног. Трусливо верещат на разные голоса сигнализации автомашин во дворах. Свой зонтик Коська, конечно, забыл. Но его и Маришку донимает не ливень, не гроза. Он ссутулился, ему больно кашлять и идти. Она осторожно ступает босиком по острой щебёнке, отряхивается по-собачьи. Поспевают как раз к приезду неотложки.

Два здоровых санитара недовольны, им неохота вылезать под дождь. Девушка-врач уже хлопочет возле тела. Тело живое, оно опять рычит и стонет. Рогожа сломал голень, искалечил кисть на левой руке. Дальше всё как положено: шины, бинты, уколы, носилки.

— Да что же тут у вас произошло? — недоумевает докторша.

Коська кивает Маришке — ты, дескать, всё видела лучше. И та подробно рассказывает всю историю.

— Посмотрите, пожалуйста, моего… гм… брата, — просит она. — Его сбросили на пол, и он сильно ушиб спину.

В машине места мало, надо идти срамиться в грязную кухню. Докторша щупает Коськин позвоночник («Ужасно! Один скелет!»), пишет на бумажке названия мазей, какие нужно купить, советует покой и посещение поликлиники. Мажет зелёнкой Маришкины царапины и ссадины. Заглядывает в комнату: в куче нечистот и бутылок храпят вповалку, как ни в чём не бывало, две бабы и один мужик.

Наконец, машина уезжает. Запираются двери. Повсюду гаснет свет. В комнате верхнего этажа по лестнице тикают капли с бельевой верёвки, на которой висит промокшая одежда. Тихо звучит магнитола, с кассеты играет и поёт виртуоз-гитарист Григорий Данской. Слышен шёпот:

— Мариш, за ягодой поедем?

— Какое поедем? Лежи давай.

— Надо. Смогу. На дрова не хватает.

— Ладно, поедем. Спи.

Дождь на улице измельчал и дробно семенит по крыше. Гром отвалил к востоку и поуркивает уже не грозно. За речкой, за черёмухами светится фонарь, слабые лучи его сочатся в окно, и в этом свете видна простая картина из теней: нож на столе.

Сырое утро. Белое окно. Кажется, что снова будет дождь, но восток как будто розовеет. Ну и ловка Маришка спать, как ещё после такой ночи? Дешёвые пластмассовые часы на столе показывают пять, а уже кто-то постукивает в лестничную дверь, настойчиво и раздражающе-отрывисто.

Коська слезает с кровати. Спина отзывается резко-ноющей болью. Опять стук. Тревоги нету — это стучит мать. Но Коську уже медленно разбирает псих: какого чёрта надо так назойливо колотить?

Он наскоро одевается, сходит по лестнице, и опять стучат. Да что она — оглохла, не слышит шагов?

Мать стоит за дверью. Грязная комбинация, синюшные икры в коростах, чёрные ступни. Бурые когтистые руки. Лицо опухло так, что почти не видно глаз. Из чёрной впадины рта — хрип и стон, в котором различить можно только слово «дай».

— Где возьму?

Мать шепелявит уже более внятно:

— Сэстоль ягод продаёте, а мамке жаль на опохмел!..

Становится смелее, плюётся и лает, лезет наверх вслед за сыном. Ну не сбрасывать же её с лестницы!

— Что там? — звенит сверху Маришкин голосок.

Коська взбегает в комнату, роется в книжном шкафу и говорит, не оборачиваясь:

— Опять пришла. Деньги на пьянку вымурлыживать.

Мать медленно поднимается в детскую, вырастает из лестничного проёма, закогтив деревянные перила. Она уже не бесится, не плюётся, а снова канючит: «Дай! Ну дай!»

Коська суёт ей «красненькую»:
— На! Ушла ли Геля?
— Ушла,— мычит мать и спускается к себе.

Завтрак — хлеб, жидкий чай, вермишель и консервы. Утром много не съешь: и аппетит не тот, и засиживаться нельзя — вот-вот приедет брат Сергей. Коська собирается по ягоды, моет на речке вёдра. А у Маришки ещё одно важное дело.

Грязная кровать без белья. Весь беспомощный и вялый, полулежит на ней, упёршись затылком в стену, рыжебородый. Маришка, уже одетая по-дорожному, подсела с краешку. Мачехи нет: ушла за опохмелкой.
— Папа, а папа?
— У-у-м-м…
— Ты слышишь?
— Слышу… ох!

Мужик с трудом приподнимается на локтях, пытается сесть. Маришка колет острой сталью своего взгляда прямо в его мутные глаза:
— Знаешь, что друг твой Рогожка опять ко мне домогается?
— Да-а? Но ведь…
— Знаешь! — обрывает его дочь. — Коська за меня заступался, пока ты тут пьяный лежал!

Глаза рыжебородого прояснились и нервно бегают. Весь он подбирается. Но не находит, что ответить. Нечего.
— Как… Коська? — еле хрипит он.
— Коська-то? — издевательски тянет Маришка. — Жив наш Коська!

Рыжий трезв, в нём задета совесть. Он хочет поскорее встать, поглядеть на пасынка: не избит ли, не изуродован? Но дочь говорит уже спокойно:
— Рогожа пьяный его с лестницы толкнул. Он упал, ушибся, но уже ходит.

Кровать вдруг начинает мелко дрожать. Это вздрагивает рыжий. Он плачет.
— Ну что ты, папа, что ты… — Маришка лезет к нему на кровать, осторожно берёт его за руку. — Рогожа по пьяни ногу сломал, в больницу его увезли. Постой-ка!

Она ловко спрыгивает с кровати, лезет в открытый комод с барахлом и возвращается, держа в руках большой альбом с фотографиями.
— Давай вспомним, как хорошо мы жили. Так, это не то, не то…

Рыжий кладёт руку на раскрытый альбом и не даёт листать. Он хочет посмотреть один случайно мелькнувший снимок. На карточке мужчина в приличном костюме, весь подтянутый и с опрятной бородой. Похож на писателя Всеволода Гаршина из книжки, которую любит читать Коська. Рядом — будто Маришка, но какая-то непривычно круглая, что ли, безо всякой худобы. Длинные волосы, белое платье и хорошенький младенец на руках. Та Маришка — не Маришка, а Маришкина мама. Её нет уже на свете. И настоящая Маришка на снимке — это ребёнок на руках женщины.
— Лена… Лена… — хрипит рыжебородый. Больше он не может ничего произнести, он валится на кровать и рыдает.

Память водкой не зальёшь.

Брат Сергей похож на Коську только лицом. Он старше на семь лет. Крепок телом, благополучен в жизни. Водит где-то трактор по карьерам, работу любит, и работа его кормит. Рядом с ним на переднем сиденье — Линка, бывшая соседка, а теперь жена. Поженились по-простому, когда Сергей вернулся из армии. Ни пьянки, ни гулянки, ни орды гостей.

Белая «копейка», громыхая подвеской, резво бежит по неровному, с выбоинами, асфальту. Брат Сергей торопится аккуратно, объезжая большие ямы. Коська то и дело морщится, стискивает зубы: каждый маленький скачок на ухабе отдаётся болью в спине. Сергей об этом уже знает, иначе бы и вовсе нёсся как сумасшедший.

Линка в спортивном костюме и сапогах, но по-городскому напудрена, напомажена. Она то и дело оборачивается назад, к Коське с Маришкой. Стреляет глазёнками в накрашенных ресницах, бросает пренебрежительно:
— Чё дров-то не привезли?
— На неделе привезём,— коротко отвечает Коська.
— Опять, что ли, денег нет?

Линка не прочь покуражиться над «этой нищетой», хотя в жизни не зарабатывала своей копейки. Коська как будто невозмутим:
— Да всё есть. У них там на пилораме свой распорядок. Привезут, когда подойдёт наша очередь.

Разговор ему явно не по душе. Он ничего не спрашивает. Маришка — та и вовсе сидит, молчит. А Линку не унять. Она сбрасывает надменность и спрашивает вкрадчивым голосом:
— А чё, Коська, насчёт этого-то дела… Ты же мужик, уговорил ли Ма…
— Мы со-блю-да-ем при-ли-чи-я. Ясно? — Коська начинает тихо закипать.
— Лина, перестань,— вступается Сергей.

Линке даже вежливое слово — как хлыст. Она морщится, выдавливая слёзы; тушь течёт по её напудренным щекам. Звучат слова о том, что, мол, «этих нищих любишь больше, чем меня, зря я с тобой связалась» и всё в таком же духе. Но в бурную истерику Линка не впадает, быстро успокаивается и молчит до самого леса.

Коська прижимает к себе Маришку и чувствует, что вся она как камень, и в глазах её теперь не вечерние тучи, не дождь, не слёзы — лёд и сталь. И стальным лезвием по холодному льду в её взгляде пишется немой вопрос:
— Почему они такие?

Коське стыдно перед Маришкой. В самом деле: зачем надо было «махать» в дальний лес на машине, если в спектакле заведомо участвует Линка — клоуниха, способная отчебучить и не такой ещё номер? Хотел как лучше…

Наедине он попросит у Маришки прощения, попросит, даже если та и не думает на него сердиться!

— Э-эй, не тут собирайте! — Сергей гудел на весь лес, как гусарская труба.
— А где-е? — отзывался звонкий голосок Маришки.
— Ко мне идите-е!
— А я пошёл на мох, — сказал Коська.

В густом ельнике ягоды созрело густым-густо, но Коську больше привлекало болотное редколесье. Под сапогами захлюпало, зачавкало. Тут, во мхах, сплошного черничника не было, ягодные кустарнички росли вблизи деревьев. Удобно: оберёшь одну куртинку — переходи к другой. Тут же, по обширным кочкам у корявых сосен и около пней, и брусничники с крупным зеленцом, и высокая голубика с ягодами, похожими по цвету на зимнее ясное небо. Запах багульника резок, прян и по-особенному грустен, что ли. Надышишься им — заболит голова. Или просто закружится. Пусть болит, пусть кружится. Зато в болоте — самая крупная ягода.
— Ау-у! Скорей сюда! — закричал Коська.
— Крупная? — спросила, подходя, Маришка.
— Черно! — кричал Коська, проворно сощипывая ягоду. — Жемчуг! Виноград!

Чернику брали в литровые ведёрки из-под маринованной капусты. И непременно с горочкой! Это такой приёмчик, чтобы перехитрить самого себя: считаешь, сколько литров собрал, а на деле выходит больше. Наберут ведёрочко — ссыплют в большое ведро. Только так и можно собирать, а не то сойдёшь с ума.

Коська берёт ягоду чисто и скоро, хотя ему здорово мешает назойливая, порой резкая боль в спине. Маришка не отстаёт. На работу жаловаться грех: урожай что надо, ягода в ведре прибывает хорошо. Пальцы рук у сборщиков лилово-черны.

Внезапно громкий вопль из ельника заставил друзей оторваться от черники. Линка верещала на весь лес, как раненый заяц. По краю болота на этот крик стремительно, как лось, пронёсся Сергей.
— Змея! Змея! — надрывалась Линка.
— Укусила? — почти кричал Сергей.
— Не-ет! Вон змея!

Всё понемногу затихло.
— Невидаль. Во штаны заползёт, тогда и кричи, — тихонько усмехнулась Маришка.
— Они сейчас соберутся уезжать, — заметил Коська, — а у нас ещё только полведра набрано.
— Надо полное набрать и ещё бидончик, — сказала Маришка. — Тогда пойдём домой пешком, а на торговлю — завтра.

Явился Сергей: «Мы уже поехали, а вы? Остаётесь? Ну ладно». Он ушёл, звук мотора поплыл по лесу и растаял в шёпоте деревьев.

Час проходит за часом. Сборщики уже не сидят и на корточках — лежат прямо в сыром мху. Коська съел ягоду с муравьём, муравей цапнул его за губу.
— Плохо, если за язык, — заметила Маришка, — а когда глубже, то такая погань, бр-р…
— Лишь бы покупателя не куснул, — отвечал Коська. — Ага, ведро почти полное! Поднажмём… ох!

Это он неловко повернулся, и спина напомнила о себе.

Тяжеленное ведро несли по очереди, а лёгонький бидончик всё время был у Коськи. Двигались лесами, короткой дорогой. «Неужели скоро придём?» — измученно выговаривала Маришка.
— Вот видишь ту большую берёзу? — солидно говорил Коська. — Дойдём до неё — так считай, что уже прошли одну двадцатую часть пути.
— Да ну тебя! — отвечает Маришка.

А сама смеётся.

На бору спугнули выводок глухарей. Видели зайца. Время между тем клонилось к вечеру. Серые обрывки туч, вовсе не способные пролить какой-то дождь, то заслоняли низкое солнце, то по бору вдруг снова брызгали рыжие лучи, и лес сразу становился сказочным и золотым. «Пойдём сюда за брусникой: много зеленца», — вслух размышлял Коська.

Но чем ближе к асфальтовой дороге, тем тоскливее становилось идти. Всё чаще в лесу попадались рваные автомобильные покрышки, пустые бутылки, полиэтиленовая и бумажная рванина, изгаженная одежда и прочий хлам. Близ дороги его стало так много, что Коська даже потемнел лицом от тихой злобы.
— Я бы их стреляла, — вполголоса сказала Маришка.

Коська только кивнул: «Угу». Вздохнул горестно и, несмотря на усталость, ускорил шаг.

Дома их ждал разгром. Всё тот же, да не тот же: замок с двери на верхний этаж оказался сорван вместе с навесами. Дверь — нараспашку. Коська и Маришка бегом влетели в свою комнату — так и есть: старшие искали деньги! Книги на полу, одежда на полу, оба шкафа перерыты. Потайных мест в комнате нет. Шкатулку с деньгами взломщики нашли, и она теперь, пустая, лежала под столом.

Деньги… Деньги — это всё. Без них не будет ни дров, ни еды. Грубая тётка в кабаке схватила их и сунула в передник, а после резко и брезгливо выставила на прилавок водку, стаканы и закусь:
— Пейте!

И эти воры, укравшие у своих, теперь налопаются до отказа, потом кое-как доберутся домой, и в пути их не задавит ни одна машина, не прикончит ни один бандит. Как всегда… Маришка утром так

жалела отца, а сейчас зверски ненавидит. Кому ещё, как не ему, сорвать замок? Душат слёзы. Но Коська подходит тихонько, обнимает за плечи:
— Ничего, Мариш. Я перепрятал деньги. Вынул из шкатулки, в пакет завернул и закопал под полом в гараже.
— Правда?
— Да. Забегался тут, забыл тебе сказать. Ты не сердись.

Главной беды не случилось. На мелкие досадуй не досадуй, а надо наводить порядок и уют. Проголодались сильно; сварили наскоро картошки с консервами. Затопили баньку.

Строили эту баню Сергей и Коська, помогала Маришка и немного её отец. Срубчик два на два метра, дощатый предбанник, кирпичная печка (нельзя железную: старшие сдадут в металлолом. Как ещё котёл и трубу не сдали?) Стены свежие пока, пахнут сосновой смолой. Султан серого дыма взвился из высокой железной трубы к сиреневым тучам. Маришка принесла бельё на стирку. Коська натаскал речной воды.
— Наших-то нет и нет,—заметила Маришка.
— Пошли бы хоть раз в год вымылись,—отвечал ей Коська.—Пусть хоть тёпленькой поплещутся, если поздно придут.

Маленькая баня топится быстро. Маришка замешкалась—надо было сходить в дом за стиральным порошком. Коське невтерпёж—он уже внутри, плещет на камни горячую воду. Штаны его, рубаха и бельё, как тряпки, валяются в углу предбанника. Маришка подобрала всё это, чтобы повесить на гвоздик. Сбрякало. Из кармана Коськиных штанов выпал нож.

Забавно было наблюдать, как бабульки брали денежку в щепоть и чертили ею в воздухе круги над своим товаром, когда им удавалось что-нибудь продать. Неужели старость так суеверна? Коська полагал, однако, что вера в приметы—удел детства, когда невозможно предположить, с какой стороны обрушится беда. Не будешь верить—свихнёшься, ведь на маленьком любой может выместить злость и хандру: взрослые, собаки, шпана. Родители могут измыслить тебе вину и не оставить еды, наказать руганью, побоями, работой. Могут напиться, устроить драку, не дать покоя ночью. Могут всё! Правда, Коська с Маришкой однажды вдруг поняли, что легче жить без примет. Взрослым людям не полагается верить в чепуху.

Солнце сходило с ума. Во рту у Коськи стояла горечь, Маришке было не легче. Туалет возле Трансагентства переделали в магазин, поэтому с самого утра нужно было терпеть: не пить, не есть.

Бабульки—те народ закалённый. Терпеливый: товар у них—не из ходовых, всё лучок да огурцы, чесночок да цветы. Прохожие даже картошку покупали редко-редко. А вот чернику спрашивали частенько. В ведре убыло. Мелковато, однако, берут: себе на лакомство, детям, в больницу.

Пришёл усатый мужчина, принёс малину и смородину из сада: ягодки—одна к одной, да какие крупные! Цену запрашивал немалую. Одна дама в пышном наряде, отдуваясь от жары, долго торговалась за малину:
— Надо же: три литра за четыреста рублей. Давайте уж за триста.

Продавец вежливо, но твёрдо стоял на своей цене.
— А почему бы и за четыреста не взять?—удивлялся Коська, обращаясь, естественно, к Маришке и бабулькам, а не к хозяину ягод и несговорчивой покупательнице.—Всего-то четыре красненьких. В магазин как следует пойти—раза в два больше потратится.

Бабушкам очень понравилось такое суждение. Правда, женщина так и ушла без покупки. Маришку сморила жара: прежде, бывало, минуты спокойно не просидит, сыплет смехом, гадает на прохожих: этот подойдёт, а тот мимо пройдёт, а следующий купит огурцы или картошку…
— Мариш, а Мариш?
— А?
— Схожу за мороженым.

Весть о мороженом Маришка принимает с измученной улыбкой. Коська убегает, а когда возвращается, то видит: полку торговцев прибыло. По соседству пристраивается чисто одетый парень с корзиной свежих лисичек. Раскладывая свой товар, он косится на газон и ворчит:
— Украли бы, наконец, железку эту хоть на металлолом.

Всем ясно, о какой железяке он говорит. На газоне, прикованный цепью к тополю, красуется щит-раскладушка вроде рекламного. Белым по красному: «Торговля запрещена!» Чуть пониже—пояснения из административного кодекса и закона о благоустройстве. Нельзя сказать, что торговцы не обращают на него внимания. Вот и бабушки поддакивают:
— Правда: чего не унесут? Воров, что ли, мало?

И поглядывают косо на проходящих мимо стражей порядка: бывало ведь, гоняли! Но люди в форме как будто и не думают никого здесь трогать. Идут себе мимо. Народ, однако, взбудоражен: «И зачем этот Быков запрещает здесь торговать? Не мусорим ведь, не пьянствуем».
— Быков—Дикий помещик,—отвечает парень-грибник.
— То и видно,—отзывается кто-то.
— Это ему, видите ли, не нравится, что мы вид его города портим,—негромко продолжает хозяин лисичек,—про-сто-на-родь-е вид города портит! Поэтому он—Дикий помещик. Как у Салтыкова-Щедрина.

На этом парень замолкает. Кто читал, тому смешно. Коська тоже знает сказку про Дикого помещика. Раньше он вообще много читал. Тогда жизнь была благополучнее, хватало и свободного времени, и книг.

— Эй, ребятки, почём черника?

Коська очнулся от грёз. Маришка — до чего же ловка! — уже отмеряла ягоду для молодой женщины в лёгком спортивном костюме и с тяжёлой спортивной сумкой. Женщина покупала сразу всё. Она хвалила товар, называла Коську с Маришкой «классными ребятами», потом рассчиталась и спросила, нельзя ли заказать чернику на дом.

— Можно, — ответила Маришка, — говорите, сколько нужно, мы запишем адрес, наберём и приедем.

— Проще, наверное, созвониться, — предложила покупательница после того, как умудрилась впихнуть в свою сумку большой пакет с черникой. — Запишите мой номер…

— Хорошо бы так, — ответил Коська, — но у нас нет телефонов.

Во взгляде молодой спортсменки возникло недоумение: как так можно жить без телефона? Коська только пожал плечами: есть вещи поважнее и, между прочим, подороже, чем какой-нибудь мобильник. Например, дрова.

Договорились послезавтра привезти черники «сколько будет» в девять утра к стадиону «Динамо». Так что никакой лени, никаких больных спин! Завтра — новый поход за ягодами. Давши слово — держись! Так Коська готовил себя к труду. Маришка повеселела, шла на остановку радостная: быстро расторговались, да ещё и заказ получили, не надо будет сидеть на базаре. И хорошо, что домой сегодня они едут вместе. Кому-нибудь, однако, пришлось бы всё равно уезжать уже сейчас, чтобы дома караулить машину с дровами, которая должна прийти сегодня под вечер.

По пути домой Коська спросил:

— Как думаешь, Мариша: придут ли наши сегодня домой ночевать?

— Не знаю, — ответила Маришка. — Одним-то спокойнее, но… ты ведь тоже переживаешь за них, хоть они нам и напакостили?

— Ну да…

Старшие были дома и опять с гостями. Пришла Лиса — сухая рыжая тётка неясного возраста, пришёл Орлуша — бледный пьяница с квадратной головой. Попалась навстречу Геля в грязной майке и цветных трусах. Должно быть, в гостях её чем-то обидели: спотыкаясь, Геля торопилась прочь, сосала сигарету, а увидев ребят, заплевалась, зарычала на них: «Мужика моего чуть не угробили, здюки» и так далее. «Откуда это она всё знает? Неужели от врачей?» — соображал Коська. Он обошёл дурную бабу стороной, держа Маришку под своим прикрытием. Обошлось… Стоп, а почему это правая рука всё время лезет в карман? Что ей надо в этом кармане? Коськина рука в кармане была не просто так: она сжимала рукоять ножа.

Внизу гудела пьянка, а наверху Маришка готовила ужин. Коське натрясло спину в автобусе, возобновились боли, и ему было позволено лежать.

— Как тебе, Кось? Легче?

— Ничего. До свадьбы… м-м… заживёт.

Маришка присела на край постели. Какие у неё чудесно тёплые руки! Они прикасаются к ушибленной спине так бережно и ловко, что тягучая боль расплывается и слабеет. «Раньше, раньше заживёт», — слышен тихий шёпот.

— Почему мы живём не среди индейцев или папуасов? — вдруг громко спрашивает Коська.

— А что ты вспомнил про папуасов? — удивляется девушка.

— Ну как чего: здесь, у себя дома, мы с тобой вообще никто, а у дикарей мы жили бы законною семьёй.

— Может быть, у них тоже не всё так просто, — сомневается Маришка, — и свои обряды, и свои обычаи, в каком возрасте жениться.

— Ну уж точно не такие поздние, как у нас, — возражает Коська. — Зато, ещё раз, мы тут с тобой живём, будто Маугли какие, а там, у дикарей, считались бы полноценными людьми. Работали бы, как все, и жили бы, как все. К дикарской жизни нам не привыкать.

— Правда, — тихо отвечает Маришка. — Мы здесь — пленные дикари.

— Почему пленные?

— В плену у своего дурацкого возраста… Ты, Кось, на зиму-то куда думаешь податься?

— Доски складывать. Только бы школу не сделали во вторую смену.

— А чего вдруг доски? — спросила Маришка. — Охота тебе мёрзнуть в твоём-то рыбьем меху. Иди на кочегарку лучше. Дядька Борька Рысаков хоть и пьёт, но даже во хмелю не злой. Будешь в тепле. Ночь кочегаришь ты, ночь он.

— Так бы, конечно, лучше, — согласился Коська. — Только Борю дядьку и всё ЖКО подвести боюсь. Нам ведь по закону в ночь не положено.

— Ой, Кось, а я и забыла! — Маришка не смеётся, она смущена и спешит выключить электроплитку, потому что картошка уже сварилась.

— Ничего, срастётся, — успокаивает её Коська, — буду потихоньку и в ночь ходить, а можно и в день, смотря на какое время уроки поставят. А ты-то опять письма таскать собираешься?

— Да нет, пожалуй, — ответила Маришка. — Коля Щукин, сосед, предложил в больнице подворничать, как снег выпадет.

В это время ровный гул пьянки внизу словно бы осёкся. Донеслись чьи-то тяжёлые шаги и громкий вопрос: здесь ли живут такие-то? Коська

поначалу заволновался — кому чего опять из-под нас надобно? Он пулей слетел вниз, забыв даже о боли. Там, внизу, ждал толстый дядька в тельняшке. Отлегло: это же водитель с пилорамы, он привёз дрова!

— Извините, — сказал Коська, — что у нас такой бардак.

И покачал головой на полуоткрытую дверь в комнату нижнего этажа. Оттуда показался вдруг Орлуша — квадратная физиономия, водяные глаза:

— Э-э, брателло, дав-вай-ка выпьем, чё?

— Не, брат, не обижайся, я за рулём, — ответил дядька и поспешил выйти на улицу.

По случаю солнца и жары Коська подался из дому как был — в синих просторных трусах, а Маришку хлебом не корми — дай пощеголять в купальнике, который она сама же и смастерила из голубых лоскутков и белых тесёмок. Ссадины на её руках и ногах поджили, а зелёнка почти совсем смылась в бане. У обоих красивый загар, но при этом нездоровая худоба.

— Куда, ребятки, сваливать? — спрашивал водитель, подавая задним ходом на выгрузку свой старый «газик». — Нет, подальше свалю, сейчас ещё «зилок» придёт, надо место оставить.

Взревел мотор; куча пилёного горбыля посыпалась из самосвала в траву, под забор. Коська взял длинную жердь — шуровать в кузове, освобождать и сбрасывать застрявшие дровины. Маришка сбегала в тайник за деньгами.

Рассчитались. Только уехал «газик» — подошёл дизельный «сто тридцатый» с голубой кабиной, с кузовом, полным такого же пилёного горбыля, с одноосным прицепом, гружённым обрезками берёзы. Парень-водитель в камуфляжной футболке сначала ловко задвинул автопоезд в переулок, а потом спросил встречающих:

— Это к вам дрова?

И назвал адрес.

— К нам, — ответил Коська, стараясь перекричать неровно хоркающий дизель. — Только мы заказывали машину без телеги.

— Телега — призовая! — рассмеялся парень. — Мне сказали: вези подарок постоянным клиентам!

Сотню чаевых он, впрочем, взял. Самосвальный прицеп разгрузился назад, а сам автомобиль свалил дровишки вбок. Машина рывком взяла с места и пошла сначала по рассыпанным дровам, а потом свернула на узкую улицу, окурив весь переулок горелой соляркой. Солнце ещё вовсю пекло, но день уже заметно склонился к вечеру, и люди в разноцветных нарядах потянулись по улице — большей частью в одну сторону. Они закончили свой рабочий день и торопились, пока тепло, покупаться, позагорать на ближних прудах.

— Ну вот и камень с плеч долой, — радостно говорила Маришка, — сбыли деньги с рук, теперь не надо трястись, что украдут.

— И палочки жизни у нас теперь есть, — ответил Коська.

— Палочки жизни? — переспросила Маришка. — Что это?

— Дрова — это палочки жизни, — пояснил Коська. — Потому что зимой без них — смерть.

— Ах, да! Палочки жизни! Здорово ты придумал! — Маришка так и запрыгала от восторга.

А Коська был не очень-то и весел:

— По новой копить надо. Ещё на две машины горбыля хотя бы. Да и за свет не плачено.

Присел было на корточки, морщась от боли (опять эта спина) и стал помаленьку швырять разбросанные при выгрузке дрова в большую кучу. Подошла Маришка:

— Кось, потом уберём. И так сегодня много сделано. Поужинаем и пойдём купаться.

Пьянка в нижнем этаже закончилась. Лежали как попало замызганные табуретки, валялся разорванный пакет с помойными объедками на закуску. Видимо, здесь начали было драться, но позабыли, из-за чего, и уползли в комнату спать. Обычное дело.

Ребята не подвели, обещанную чернику собрали и доставили в город. Отдохнули на славу, сходили в парикмахерскую и в музей. Радость ждала их и дома: старшие помаленьку начали таскать дрова в старый гараж и за день стаскали много. Это значило: пропились, отрезвели и теперь, может, целую неделю будут стараться по хозяйству — займутся огородом, приберутся в доме.

Накопали свежей картошки. Неухоженная, неокученная, прополотая один только раз за лето, она всё же кое-как уродилась. Жучьё не поело ботву, потому что брат Сергей однажды приехал и обработал весь огород отравой.

Знали, конечно, Коська с Маришкой: скоро отойдёт черника и надо спешить, собирать, собирать! Будет ещё брусника, но её придётся по дешёвке сбывать на базу. Скверно покупают бруснику на базаре. Клюква? Когда она поспеет, можно будет поехать за ней на электричке, если найдутся деньги. А на ближних болотах этой ягоды почти нет. Конечно, короткий день и холод окоротят пыл сборщиков уже на последней бруснике, какая уж там клюква!..

Но это будет потом, а пока — пока зарядили дожди. Лило пять дней, походы в лес пришлось отменить, и Коська с Маришкой изрядно потратились, проелись. Зато старшие в эту неделю были трезвы, алкашей в дом не водили, в нижнем этаже воцарился покой и настал хоть какой-то порядок. Убрали все дрова под крышу. Начали подтапливать печи, чтобы сушить одежду и обувь. Так начинался август.

На старых торфяниках, что тянулись сразу за посёлком, над влажной землёй простирались

туманы. Никак нельзя было угадать с утра, пасмурно будет в этот день или солнечно. Белое небо, белые дали, размытые контуры леса за сырой луговиной и путь—столько раз уже пройденный путь, но всё такой же тяжёлый ранним утром, когда первые шаги даются с большим трудом и долго не можешь размяться, разбегаться, и ступаешь с одышкой, и не разговариваешь со спутницей, которая с утра тоже не в духе и молчит, хотя и двигается как будто легче и не пыхтит, как Винни-Пух. Утро есть утро, и его надо преодолеть.

— Давится ягода-то,—сказал Коська, высыпав в ведро первую собранную банку.

— Водянистая уже и осыпается сильно,—заметила Маришка.—Съедаешь чуть ли не больше, чем берёшь. Конец ей скоро.

Ребята знали, что много черники им уже не набрать. Хорошо, что заказчик сказал: «Несите, сколько наберёте». На варенье поздняя черника, пожалуй, сгодится. Дразнят краснобокие брусничнички: «Попробуй нас!» Не вызрела ещё осенняя кормилица, но место хорошее, богатое, от ягод здесь сейчас бело и розово, но не успеешь оглянуться—будет красно!

От таких мыслей Коська повеселел и даже здорово обогнал Маришку в работе. Та притворно надулась:

— Трактор ты старый, комбайн загребущий! Где столько ягод нащипал?

А сама наткнулась на целую поляну золотых лисичек. Нашёлся в кармане пакет—убогая принадлежность современных грибников.

— Будет к картошке!

Подошёл Коська: «На, возьми».

И протянул Маришке свой нож. Тот самый, увесистый и острый, в самодельном чехле. Да, нож в лесу—первое дело.

Грибную торговлю Коська с Маришкой не любили: не тот спрос. Но после следующего похода в лес принесли много боровых маслят, лисичек и белых, а ягод вовсе не набрали. Большую часть этой добычи удалось продать в городе, остатки пошли на грибовницу. А на следующее утро Коська увидел, как мать моет-начищает в раковине видавшее виды пластмассовое ведро:

— Мы тоже идём за грибами!

— С нами?—спросил Коська.

— Где же за вами, за такими лосями, угнаться!—мать махнула рукой так, что брызги полетели чуть не в потолок.—Мы уж сами, потихоньку.

Маришкин отец, серьёзный и даже окрепший в трезвые дни, раздобыл в гараже брусок и точил старые ножи. Коськина мать выбирала из ворохов одежды то, что поцелее, получше. «Тоже, значит, торговать поедут»,—догадался Коська.

Не давали покоя думы о школе. Пора было покупать тетради, штопать тёплую одежду, какая есть, что-то перешивать по росту. Тёплой обуви не было. Да ещё и «палочек жизни» не удалось пока запасти достаточно, чтобы пережить зиму. Коська с Маришкой только и смогли, что заплатить за свет. Хорошо хоть даром электричество не жгли, плитку зря не включали. Старшие отрезвели—но надолго ли? В ожидании неизбежного и от забот, как подготовиться к распроклятой школе, Коська стал нервный, тяжело дышал, мучился бессонницей и утренней разбитостью. На его счастье, рядом всегда была Маришка. Её забота и внимание раз за разом заставляли Коську воскресать из уныния, не давали опускать рук, поднимали снова и снова идти в лес, собирать ягоду, вместе с подругой добиваться того, что иным счастливчикам достаётся безо всякого труда.

Август пошумел дождями и успокоился. Ясными ночами обильно стали выпадать росы. Первая прохлада в воздухе, первые жёлтые пряди лип и берёз, первый румянец осин и рябин, первая жёлтобурость неопрятных тополей—всё говорило о том, что лету не сегодня-завтра конец. Но так припекало пока солнце в середине дня, таким тёплым был песок на дороге и так долго не могла остыть вода в карьере у соснового бора, что хотелось верить: не скоро ещё грянут холода.

Весело проходили дни в брусничном бору: то вдруг пфр-р-р! Пфр-р-р!—выводок рябчиков сорвётся с ягодника из-под самых ног, то старый глухарь с треском и хлопаньем снимется с высокой сосны, то белка пробежит за грибом. В походах на дальнее болото ребята иногда встречали чёрных гадюк. Тут уж не зевай, а то ведь и подвезти до больницы некому. Редко-редко вырулит к болоту в выходной день какой-нибудь грибник-автомобилист.

Однажды погожим утром Коська сладко спал, отдыхая от вчерашних трудов. Вернулась Маришка из магазина и ну толкать его в плечо. Коська неохотно повернулся.

— Беда,—сказала вполголоса серьёзная Маришка,—наши за Заречной на Широковской старице пьют.

С Коськи от огорчения весь сон слетел. «Опять?»—только и спросил он.

— Не опять, а хуже, Костя. Хуже. С ними Геля, Орлуша и Рогожа с батогом.

— Добить надо было тогда эту хромую свинью…

Кусок в горло не лез. Рогожа поправился, на нём всё заживало как на собаке. Пока болел, шуму от него в посёлке не было. Трезвый-то он человек ещё туда-сюда, не скандалит, не дерётся. Отчего попал в больницу—это ему Геля рассказала наверняка. Что-то будет теперь, когда он снова запил?

— Будет кровная месть,—сам себе ответил Коська.

— Давай сразу уйдём,—предложила Маришка.

Уйти они успели. Думали провести день в городе, а ночевать попроситься к брату Сергею. Однако

компания взрослых совсем неожиданно, нос к носу, повстречалась Коське с Маришкой на площади в посёлке после того, как ребята перешли дорогу, направляясь к автобусной остановке. Бежать оказалось некуда: спереди пьяные, сзади—снующие машины.

Рогожа в грязных джинсах и рваной тельняшке, с палкой, отвалил от дружков и пошёл на Коську. Маришка закричала. Тут к Рогоже подбежала Геля и схватила его за локоть. Амбал без труда отбросил Гелю на дорогу, в пыль, и угостил батогом. Снова пошёл на ребят. И тут в руке у Коськи блеснул нож. Рогожа вдруг опешил, остановился:

— Э-э? Ты чуэ-э, пащёнок?

Остальные взрослые помогли подняться Геле, но не решались приближаться к пьяному верзиле—трусили, конечно. Но трусил и Рогожа, да, трусил, хотя и был пьян. Нападёшь—чья возьмёт? Пацанёнки ведь ловки, как звери, а этот ещё и с ножом!

— Козёл! Ублюдок!—орала на Рогожу пьяная Геля, крыла его на чём свет стоит матом и плевалась. Тогда Рогожа рявкнул на Коську и повернулся назад, занося батог. Тут Коська с Маришкой бросились куда-то сквозь кусты. Поотрывали пуговицы с рубашек, исцарапали себе всё, что только можно. Выскочили к железному забору детского сада. Отбежали всего ничего: так делают рябчики, отлетая недалеко от того места, где их потревожили. Донеслись до их слуха из-за кустов пронзительные вопли и тупые звуки ударов. Маришка сказала:

— Мне страшно.

Коська обнял её, успокоил:

— Пойдём домой. Они сегодня не придут.

Маришка вздохнула и посмотрела Коське в лицо. Глаза—как облачное небо. Облачное небо с дождём. Свежая ссадина на щеке. У Коськи саднило возле левого глаза. Он прикоснулся к этому месту—на ладони осталась кровь. Как только глаз-то не выковырнул при бегстве?

Вернулись, приступили к обычным делам по дому. Время тянулось в напряжённом ожидании, минул день, но старшие не явились—ни пьяные, ни трезвые, ни вдвоём, ни с ватагой собутыльников.

— Какой нелепый, дурацкий день!—ворчала Маришка.—В лес бы пойти, да уже поздно.

Коська всё не мог до конца отойти от пережитого. Он тяжело дышал, чистил мелкую картошку, Маришке не возражал, но сам думал: не всё же время таскаться по лесам да на торговлю. Отдых—тоже не пустяк. Прислушался: в переулке как будто остановился авомобиль. Да мало ли их тут ездит—наверняка кто-нибудь зарулил сюда помыть на речке машину. Но скрипнула входная дверь. Сердце упало: «Не наших ли с Рогожей нелёгкая несёт?»

— Э-ге, есть тут кто живой?—раздался внизу громкий бас.

У Коськи отхлынуло от сердца: брат Сергей!

— Как вы тут ходите, чёрт ногу сломит,—добродушно ворчал старший брат, поднимаясь наверх. Хотя совсем недавно сам ещё скакал козлом по этим деревянным кручам, и ничего. Он приехал в баню и привёз в машине полный багажник сухих берёзовых поленьев.

— А где Лина?—спросил Коська.

— В огороде ягоды щиплет. А чего это вы оба не в духе?

— Да из-за своих опять,—неопределённо ответил Коська.

Сергей больше ни о чём не стал спрашивать младших—ни о том, где это они разжились свежими ссадинами на лице, ни о том, какой фокус на сей раз отчебучили взрослые. Ушёл топить баню. Воцарилось молчание. Нарушила его Маришка:

— Надо бы сказать Сергею: может прийти Рогожа.

Сказала тихо и спокойно. Никакого недовольства, никакого упрёка. Однако же Коська как ошпаренный сорвался с места. Успокоился на улице.

Вечерело. Струя серого дыма из высокой банной трубы текла под облака. А как уже пожелтели тополя!.. Вот идёт Лина. Простая, без косметики и побрякушек. Синяя юбка в белый горошек, белая блузка, сильно натянутая на очень заметном уже животе. Коська сдержанно поздоровался с Линой, а чего можно ждать от Лины? Высокомерного взгляда, произнесённого в горло «Здóрóвó» или ласковой улыбки? Всего можно ждать, и—странное дело—Лина улыбнулась Коське как доброму другу:

— Что мрачный такой?

— Сергею надо сказать кое-что. Да и тебе тоже. Пойдём в баню.

Коськины опасения Сергей принял всерьёз, но сказал без тени страха:

— Как придёт, так и уйдёт.

Однако Лина запаниковала. Неизвестно, как бы дело обернулось, но вбежала вдруг Маришка с доброй вестью:

— Наши идут! Без Орлошки, без Рогуши!

— Без Рогожки, без Орлуши?—поправил Коська.

— Без них,—подтвердила Маришка.—Но в бинтах, в синяках…

Всё общество поспешило в дом. Хозяева нижнего этажа, хмурые и какие-то странно трезвые, занимались тем, что изучали в мутном зеркале свои изуродованные лица. Мать всё же улыбнулась старшему сыну и снохе:

— Здравствуй, Серёжа! Здравствуй, Лина! Как живёте?

Получилось шепеляво: выбиты два зуба. Страшно было видеть лицо, изуродованное алкогольным

отёком и побоями. Маришкин отец, с повязкой на глазу и поверх спутанных волос, тот вообще всё время отворачивался.
— Да чего же с вами такое?—не выдержал Сергей.
— Геля в коме,—ответила мать.—Докуралесила с Рогожей, да! Вот он её и прибил.
— А мы её отбить хотели,—глухо подал голос рыжебородый.—Да где же с таким-то медведем. Орлуша—тот сразу убежал. И всё вино с собой унёс.

Смешно, да не до смеху. Маришка спросила встревоженно:
— Где теперь Рогожа?
— В СИЗО увезли,—спокойно ответила Коськина мать.—Нас вот перевязали да и отпустили домой…
— Будет суд—так вы, молодёжь, тоже скажите своё слово,—разговорился вдруг рыжий.—Как до тебя, Мариша, домогался, как тебя, Костя, обзывал и бил…
— А кто его приваживал-то?—ни с того ни с сего взбеленилась мать: остатки винных паров не к месту взгорячили её ушибленную голову.
— Вместе приваживали!—недовольно отрезал рыжий.

И сказал бы чего-то ещё, и вскипела бы ссора, но голос Маришкин прозвенел в неубранной комнате как приказ:
— Не кричите! Папа, что у тебя с руками?

Рыжий неохотно показал синие, распухшие кулаки:
— Ну вот! Не пошевелить.
— Ты ведь это об Рогожу, да?
— Об него! От всей души об него!
— Папа, ты у меня мо-ло-дец!
— Мне работы не нашлось, а то я бокса ещё не забыл,—мрачно пошутил Сергей.
— Работы тебе…—притворно заворчала Лина.—Вон твоя работа! В бане, поди, всё прогорело, подкидывать пора.

Сергей засмеялся и ушёл топить баню. Коська сказал Лине:
— Хороши у вас палочки жизни.
— Что за такие палочки жизни?—не сразу сообразила Лина.
— Дрова.
— Выдумщик! Серёжка скоро получит аванс, так он сказал мне, что закажет для вас машину берёзовых дров.

Мать, охая и стеная, взялась за уборку и покрикивала на своего мужа не мужа—товарища: «Брось ты этот половик! Руки на что похожи—остатки изломаешь, каратист». Коська с Маришкой взялись помогать, и даже Лина не побрезговала грязной работой. Не такой уж она, в самом деле, вздорный человек. Навели какую ни есть чистоту, протопили печь. Сергей сгонял в магазин, а когда вернулся, то принёс какое-то письмо. Отдал матери: «Из суда».

Гром не грянул, случилось то, что должно было случиться, чего в этом доме давно и молча ждали. Мать прочитала письмо и тихо сказала Коське и Маришке:
— Всё. Забирают вас на казённые харчи.
— В детский дом, что ли?—встревожилась Маришка.
— Как подходящих по возрасту, вас отправят в спецучилище,—пояснил Сергей.

Такая вот большая близилась перемена в жизни. «Разлучат нас или нет?»—гадал Коська.
— Да не грустите вы,—успокоил Сергей.—Будете по выходным домой приезжать. Считайте, что вас устроили на работу.

Маришка собралась было заплакать, но при этих словах повеселела. Тут подал голос и её отец:
— Сергей, переезжай-ка вместе с Линой обратно сюда. Руби для нас, стариков, избу какую ни есть в огороде, верхний этаж останется Косте с Маришей, когда будут приезжать, а сами тут, внизу, живите.
— И то верно: чего переплачивать за городскую квартиру?—поддержала его Лина.
— Дело говорите,—отвечал Сергей.—Избу, конечно, до зимы не срубить, но на первое время что-нибудь придумаем. Пойдём-ка, Лина, в баню.
— Занимательная, однако, штука эта—жизнь,—сказал Коська, достал свой нож и пошёл чистить картошку.

Мария Шурыгина

Культурка

Нина проснулась раным-рано́, ещё до будильника. Подскочила как подброшенная, только почуяв, что плотная тьма за окном вылиняла, сменилась серым сумеречным ситцем. Всю эту долгую ночь промаялась она в тревожной полудрёме. И встала не размеренно, спокойно, совершая, как солнце, свой привычный дневной путь, а сразу суетливо забегала, опрокидывая и теряя. Посдёргивала бигуди, причёсываться не стала, залила волосы лаком — всё равно по дороге растреплются, мелкий локон — мелкий бес. Кинулась было в кухню, но вернулась: нет, сегодня всё должно быть идеально. Пальцами придала кудряшкам законченность и снова прыснула «Прелестью». За перегородкой чихнул Мишка, но не проснулся.

Глянула в зеркало — тусклое лицо, обыкновенное. С верхней полки шкафа из-под стопки белья вытянула старую шкатулку «под Палех», откопала серёжки, что муж на свадьбу ещё дарил. Надела, поморщившись — уши-то почти заросли. А куда такую красоту носить, на огород, что ли? Но сегодня ко времени пришлись: камешки голубые, прозрачные, как леденцы, и глаза сразу ярче кажутся. Застеснялась чего-то, хмыкнула: «Вырядилась».

Побежала на кухню, привычно включила плиту, чайник, застучала ножом, шинкуя лук. Взбила яйца с остатками молока, вылила в сковородку. Из спальни заскрежетало механическое ежеутреннее «Степь да степь кругом, путь далёк лежит…» — проснулся старенький будильник «Наири». Полседьмого.

— Миша, сы́на, вставай, пора! — крикнула, нарезая хлеб.

Молчание. Мишка привычно стукнул будильник по кнопке и додрёмывал последние минутки.

— Сы́на, иди завтракать, автобус ждать не будет. Ну же!

Опять молчок. Нина выключила плиту, метнулась в спальню, затормошила Мишку. Сын ныл и вставать отказывался. В зале мама, босая, ещё в ночнушке копной, расчёсывала волосы, сворачивая их в привычную седую гульку, тщательно убирая каждую прядь.

— Вот докопалась до ребёнка, ещё бы пораньше подскочила… То отец чуть не с ночи топает, на рыбалку собирается, то мать с утра спать не даёт! Ни сна, ни покою. Сдался тебе этот город, будто дома делов нет!

Сердце бухнуло: догадывается, что ли? Тут же успокоила себя — да ну, с чего бы? Ворчит просто.

— Ой, мама, ну что ты опять? Хоть в каникулы ребёнка вывезти, город показать, в музей какой сводить. А то сидим тут: кино раз в две недели и домино у мужиков — вся культура!

— Культурная! — проворчала мама сквозь шпильки во рту, но замолчала. Мишка, тёплый ещё, дремотный, неуклюже натягивал штаны и окультуриваться не хотел. Хотел он на весь день удрать к Севке Яшину, мерить в резиновых сапогах запруду за огородом, но мамка вот придумала… У Нины от утренней его, малышовой ещё мягкости тихонько, словно к слезам, перехватило горло. Хотелось прижать, приласкать, но неясная тревога предстоящей поездки гнала дальше. Она чмокнула сына в макушку:

— Умывайся давай чисто-чисто! В музей с тобой сходим, и на аттракционы — ты же давно хотел? И завтракать идите, остынет всё!

Мишка вспомнил про карусели и повеселел. В спальне опять захрипел поставленный на повтор будильник: «Степь да степь кругом…»

Посёлок их лежал в степи, словно брошенный. Так отъезжающие в стройотряд студенты, гомонливо перешучиваясь с проводницей, кидают на перроне свои пожитки, а потом подхватывают их и весело отправляются в новую интересную жизнь. Но тут почему-то не подхватили: хозяева уехали, а посёлок остался посеревшей от времени кучкой забытого скарба, топорщась во все стороны чемоданными углами. Даже ветер, казалось, не считал его препятствием — проходил насквозь, свистел себе дальше.

Нина не любила смотреть на степь: взгляду зацепиться не за что, сразу тянуло в сон. Никак не получалось полюбить эти места, куда была она заброшена насильно, против воли. Отцу предложили должность в управлении, вот и пришлось перебираться в эту скучную пустошь. Места здесь — скатерть поднебесная, ровным-ровнёхонька, будто и земля не закругляется под каблуком. Родом Нина была из таёжного посёлка, где деревья врастают в небо, накрепко сцепляются

с ним и, как казалось в детстве, залезь на ветки повыше — пойдёшь по облакам. А тут земля и небо лежали, разделённые безукоризненно ровной линией горизонта, и не было им дела друг до друга. Весной серая земля и серое небо, летом зелёная — и зелёное, осень приносила один на всех блёкло-рыжий, а зима заливала это всё свинцовыми белилами. Общность цвета, впрочем, не рождала меж ними добрых отношений: земля и небо существовали, как вредные соседи, — с поджатыми губами и не здороваясь.

Видимо, и Богу тоскливо было веками смотреть на эту скучную молчаливую склоку. Чтобы разнообразить пейзаж, однажды он ткнул наугад — и люди нашли здесь нефть. Теперь земля и небо были словно наживулены, наспех прихвачены друг к другу крупными стежками станков-качалок. Очень скоро понаехал сюда деловитый, быстро живущий народ, закипел маленький человеческий муравейник.

Быт налаживался, а жизнь — всё никак. Выпускной класс пришлось заканчивать на новом месте, подружки остались в родном селе, здесь тоже появились, да ещё не прикипели к душе.

Вот и жила Нина, как повинность отбывала. Всё надеялась, вдруг отца обратно позовут, если тут с работой не заладится — и вернутся они домой, потому что «домой» для неё так и означало — в лес, в посёлок Дальний бор, с его запахами, разнотравьем, зелёной весёлой силой, прущей вверх из земли, с многоголосицей звуков. А здесь и звук один — ветер свистит. И всё этим свистом прошито, всё сквозное, всё ничьё, не дорогое никому. Иссякнет нефть — все и разъедутся, будто и не было. Только когда она иссякнет?

Запустив из-за переезда учёбу, Нина завалила экзамены в медколледж и опять вернулась в степь. Летний зной придавил к земле всё живое. Она вяло ковырялась в чахлом огородике да помогала матери по хозяйству. К заботам добавился ещё квартирант средних лет, дядька, впрочем, примечательный: был он художником, к ним приехал, по его словам, «на поиски натуры» — готовился к выставке. Руслан Феоклистов — имя какое-то киношное… или сказочное? Подумаешь про фамилию, а в памяти отчего-то сразу Финист — Ясный сокол из старого фильма. А имя? И пушкинское, и русалочье даже: Руслан — русал… Глаза странные — чуть раскосые, зеленоватые, яркие на тёмном от загара лице. Нина его стеснялась, почти и не разговаривала: «здрасте» — и бежит мимо. Да и он был молчалив, ранним утром подскакивал, навьючивал на себя стул, мольберт, закидывал тощий баул за спину и широким шагом отправлялся в степь, «на пленэр». «Надо же… всего-то работы — кисточкой шуровать, а ходит, будто его здесь земля, купленная», — посмеивалась мать. Ох, давно было…

— Миша, да не ту рубашку! Я же с вечера погладила, вон висит!
— Не хочу ту, она колется!
— Не выдумывай! На «линейку» же ходил в ней, нормально было.
— Так то на «линейку», а тут на целый день… Я лучше вот эту, в клеточку надену!
— Ну какое «в клеточку»? Ты же в город едешь, надо, чтоб при параде. На-ка вот, платок ещё в карманчик. Да не комкай, ладо́м сложи!

Утро закрутило, завертело в хлопотах. Мишка вялый и непослушный, мама ходит с поджатыми губами. И Нина, как виноватая, металась меж ними, уговаривала, угождала, чувствуя, как и сама наливается раздражением, усталостью… Что дальше будет? Поездка на весь день. Ну ничего, надо потерпеть, когда ещё возможность такая случится.

Возможность чего, она сама смутно понимала, да и не понимала вовсе. Так внезапно всё закрутилось… Валя, золовка, из города вернулась, какие-то там курсы бухгалтерские у неё, квалификацию повышают. Заодно к врачу городскому сходила, окулисту, а то у них в посёлке узких специалистов — днём с огнём. И Нину записала: «Вот, тебе на субботу назначили, на двенадцать часов. Никифорова Любовь Ивановна врача зовут. Я тебе телефон черкну́ на всякий случай». Выхватила из сумки первую попавшуюся бумажку — листовку пёстренькую (видать, ухватила где-то в городе случайно), застрочила на полях. Нина взяла, глянула — и обмерла. Небо, грозовое небо на обложке… «Персональная юбилейная выставка Р. И. Феоклистова». Поблагодарила скомкано — и скорей-скорей на двор, почти бегом. А чего всполошилась? К себе добежала, в спальню юркнула, развернула ту листовку, как сокровище какое. Надо же, юбилейная выставка… Сколько лет прошло? И вдруг заныло под рёбрами, позвало — так остро захотелось вернуться туда, в юность, к его рисункам, которыми она тогда засматривалась, с которыми разговаривала даже! Но как объяснить родне, с чего это её в город потянуло — и не на рынок, как обычно, а в музей, где отродясь не бывала? Не поймут.

День, когда она впервые увидела Руслана за работой, так и остался, словно бабочка, в смолу вплавленная, — во всех деталях, красках. Нина возвращалась на велосипеде с почты, из райцентра, приметила его с дороги. Надвигалась гроза, и, как всегда в такие часы, она чувствовала себя странно взвинченной, чувствительной: нестерпимая горечь нагретой полыни мешала дышать, краски тусклой обычно степи казались яркими, почти плакатными. На фоне темнеющего неба художник в светлой одежде был — словно ослепительно белой кистью мазнули. Над ним вздымались тучевые громады, и солнце било им в спины, но не могло

пробиться. Свет проходил сквозь плотные их тела мелкой взвесью—будто волшебная пыльца висела в воздухе. Нащупав в сумке среди газет примятое письмо для квартиранта, Нина решила не ждать вечера, а доставить сразу—вдруг что важное. Свернула с дороги и повела велосипед в сторону художника, опасливо поглядывая на тучи—как бы не вымокнуть.

Он стоял к ней спиной, зачем-то широко разведя руки.

— Руслан Игоревич!—окликнула Нина.

Повернулся, и девушка ахнула—на холсте в руках его кипело небо, ветер рвал облака, художник словно сноп туч обхватил, кусок лохматого небосвода, вырванный где-то у горизонта. В узком этом холсте не было чётких линий, но были цвет, сила и, кажется, даже звук.

— Нравится?—улыбнулся Руслан.—Вот, «Гроза в степи».

Она потрясённо кивнула и подошла, но тут же отступила подальше: вблизи живое, казалось, дышащее ветром скопище туч рассыпалось на крупные мазки, словно краску кидали на холст кусками.

— Да, вы правильно смотрите—надо издали. Это техника такая, «пастозная» называется.

Нина улыбнулась недоверчиво—правда, так и называется? Дурацкое словечко—грубоватое какое-то, не на утончённый художественный манер сделанное. Упали первые капли.

— Ох, Нина, бежать нам надо, сейчас как налетит! Помогайте!—крикнул художник, и они бросилась собирать в баул разбросанный инвентарь.

— Это небо свой кусочек вам отдавать не хочет!—сквозь налетающие порывы закричала она.

— Верно, виноват, ухватил без спросу!—засмеялся Руслан Игоревич и, накинув ей на плечи куртку, скоро повёл нагруженный велосипед к посёлку.

Добрались вымокшие, хохочущие, долго пили чай на кухне, рассказывая родителям Нины про маленькое своё приключение. С тех пор она перестала сторониться квартиранта, в полдень прибегала к нему «на пленэр» со свежими шаньгами, болтая обо всём, пока он обедал.

— Как же вы так видите?—Нина непонимающе всматривалась в его наброски.—Вот степь,—показала рукой вдаль.—И вот степь,—кивнула на эскиз.—Места у нас скучные, тоскливые, а у вас всё красиво выходит.

Руслан курил, задумчиво глядя на дрожащую в жарком воздухе линию горизонта. Ответил негромко, распевно, будто сказку рассказывал:

— Смотри. Холмы… ветер оглаживает их, они льнут к его ладоням, трутся, как большие кошки, подставляют круглые головы. Ложатся, готовые менять своё «я» под его нажимом. Он играет с ними, потом забывает, мчится дальше. А холмы будто засыпают, ожидая новой встречи… Чувствуешь? Это же целая история, и мир полон таких историй, он из них только и состоит… Понимаешь, люди этого часто не видят, быт глаза застит.

И в блёклое полуденное небо тихо, заклинанием, произнёс:

— Нет красоты в пустыне—есть красота… в душе араба.

С того дня и она включилась в эту игру—училась видеть невидимое, скрытую суть вещей. И мир стал странен, ох, как странен стал мир! Или же и был таким, да она не замечала?

— Тот живёт полной жизнью, кто дважды родиться смог. Сначала человек рождается физически, телом. Дышит, ест, пьёт—как все. И многим этого достаточно. Но некоторые рождаются и второй раз—духом, и мир открывается для них,—говорил Руслан.—Это важно, Нина, видеть, чувствовать по-другому. Мир полнится тонкими… тонкими вещами. Сама ткань бытия создана этими тонкостями. Вот травы-ковыли в степи: длинные, переплетаются, вьют узоры, льются на ветру единым потоком. И тонкие нити жизни также сплетаются, проникают друг в друга, ткут золотистое светящееся полотно. Но человеческое зрение—физическое и духовное—не слишком острый инструмент. Мы редко замечаем отдельные нити, и потому красота всей ткани нам нечасто открывается. Искусство в любом его проявлении—литература, живопись, фотография—даёт мощную линзу, возможность взгляда. Но настроить её сложно и удержать этот настрой ещё сложнее—грязь повседневности лезет в глаза. Отведи, сморгни—это мо́роки. Не дай им скрыть от тебя мир. Он прекрасен.

Каждый вечер, до ясных звёзд, они разговаривали на веранде, и в сумерках Руслан Игоревич сам казался ей арабом с зелёными глазами, будто пришедшим из сказки про Багдад, в котором всё спокойно. Древний его город дремал в пустыне, ветер гнал серебристые шары перекати-поле, силуэты верблюдов горбились на фоне заката, и мир, откуда он, араб, родом, был—не придумать прекраснее.

Степь перед ними безмолвно кричала о своей красоте.

А потом он уехал. И Нина осталась в посёлке с этой новой для неё красотой, зажав, как рвущуюся пичугу, боль в груди—боль оттого, что нет у неё сил и таланта эту красоту выразить. И поговорить не с кем.

Но время лечит, всё забылось—муж есть, сын, работа.

Чего же сейчас всколыхнулось?

Нащупывая в кармане листовку с адресом музея (вдруг не пустят без неё?), Нина, запыхавшись, прибежала с Мишкой на автостанцию, купила билеты. Переводя дух, остановилась, заоглядывалась. Народ весь знакомый: тётя Фая-почтальонша,

Грушакова Ленка из сельпо, учитель физики из интерната... Много, все в выходные в город рвутся. Одёрнула на Мише курточку: «Не кособочься! Вот гладь, не гладь тебе—всё одно как из собачьего горла!» Грушакова подошла поприветкаться:
— Чё, мать, и ты до рынка?
— Да не до рынка пока. Каникулы у сына: вот, хочу ему аттракционы показать да музей с картинами. Культурная программа,—с неожиданной для себя важностью ответила Нина.

Ленка распялила густо подведённые глаза, рот баранкой сделала:
— О, как! Молодец, не хватает у нас культурки-то! Мишк, слышишь? Ты там смотри всё внимательно, приедешь, расскажешь мне. А то я, кроме магазинов, ничё в городе и не вижу—всё бегом. Мишань, расскажешь?—затормошила она мальчишку.—Фу, барсук какой неразговорчивый!
— Вот быструха, да отстань ты от пацана, видишь, не проснулся ещё! Вон автобус, грузись давай,— скомандовал Ленкин муж, подхватывая сумки.

Поехали, закачались на рытвинах. Сын закемарил, а Нину сон не брал—волновалась. Представляла себе: вот мраморные колонны у входа, светлый зал—длинный-длинный, другой конец аж теряется где-то далеко. И свет такой... не как от солнца, а ярче, чтоб картины во всех деталях рассматривать. И в центре—та самая «Гроза в степи», тучи на ней как живые, ходят, и будто ветром из рамы тянет. И вдруг—он. А что? Ведь художнику тоже интересно, как посетители на его картины отзываются—вот он и ходит по залу, прислушивается.

От мысли, что она спустя столько лет может встретить Руслана, Нина совсем пугалась: хотела этого—хоть с минутку бы на него посмотреть! Но и боялась—вдруг не понравлюсь, нынешняя-то? А то и не узнает ещё. Может, и не ходить вовсе? Прислушивалась к себе: ворочается тоска какая-то неясная... Нет, надо зайти, а то ведь когда ещё такая возможность выпадет?

В раздумьях промаялась всю дорогу, утомилась от мыслей. Забежала к окулисту, минут сорок проваландалась, пока её там с аппарата на аппарат гоняли. Ничего врачиха, с подходом, внимательная. Мишка только извёлся. Конечно, ему же главное—аттракционы. Зато потом—три часа безудержного пацаначьего счастья! Вверх—вниз, с батутов на карусели, ветер в ушах! Нина и сама увлеклась, даже причёску придерживать-поправлять забыла, визжала на «американских горках» как девочка, а в маленьком зоопарке хохотала так, что Мишка её за руку стал дёргать: «Мам, сурикаты пугаются, пойдём...»

Устали, купили по хот-догу, съели на лавочке у фонтана. Нина посерьёзнела, вытащила зеркальце, поправила кудряшки. Эх... копёнка, не причёска. «Ничего, в моде естественность. Городские-то вон, волосы помыли, пальцами взбили—и пошли, никаких тебе бигудей»,—утешала она себя.

Заторопились: автобус до дому через три с половиной часа, надо в музей успевать, добираться. Ехали с пересадкой, Нина всё глядела в окошко, суетилась, донимала вопросами кондукторшу, боясь пропустить остановку. Наконец вышли—место совсем незнакомое. А где музей-то? Пятиэтажки обычные, как везде.
— Да он в конце этого дома,—махнула рукой девчонка на роликах.—Вы с торца зайдите.

Странно... музей—с торца. И никаких колонн на входе, обычная дверь. В глаза лезла облупившаяся штукатурка. Но вывеска есть—«Галерея современного искусства». Нина одёрнула юбку, заставила зачем-то Мишку высморкаться, потом достала салфетки из сумки, вытерла носки туфель—запылились, пока по городу бродили. Вздохнула, пытаясь унять волнение, и толкнула дверь.

Тишина, и нет никого. Не работают, что ли? Нина услышала голоса, заглянула в первую открытую дверь: у окна на диванчике сидели какие-то молодые люди, один—постарше, худой, с птичьим профилем—что-то им рассказывал, притопывая в такт ногой.
— Извините... здравствуйте! Тут Феоклистова выставка? Это знакомый наш давний,—сказала, будто хвастаясь, или, наоборот, боясь, как бы без знакомства-то не выгнали.—Можно зайти?—и, как пропуск, выставила перед собой помятую листовку.
— Да, вход свободный,—ответил старший.
— Что, и билетов не надо? А раздеться где?
— Вы вахтёра спросите,—мужчина махнул в сторону выхода.
— Да нет там никого, ушёл ваш вахтёр.
— Женщина, извините, у нас занятия, вы мешаете. Раздеться там, вахтёр подойдёт, ждите на входе.

«Фу ты, важный какой»,—подумала Нина. Мишка смущённо жался рядом—стыдно за мамку, наверное, вон как её дядька отчитал.
— Да уж подожду. Чего ругаться-то? Здесь культурное учреждение,—гордо сказала Нина, стараясь подбодрить сына—мол, ничего, мы тоже не лыком шитые.

«Птичий профиль» зыркнул на неё, но продолжил лекцию.

Обидно стало. Мелкая эта стычка сбила настроение. Нина встряхнулась: ну, ерунда! Так долго добирались сюда, будет она из-за мелочи расстраиваться!

Дождались вахтёра, разделись. Нина, замирая внутренне, ступила в зал. Нет, не длинный, как представлялось, а небольшой: фортепьяно в углу, картины, лампы над полотнами потрескивают. Покрутила головой—вот она! Грозовое, мятущееся

небо, ветер… «Набрякшая вата, клочья Божьей бороды, а я-то его за бороду и ухватил!»—смеялся тогда Руслан. Всё та же, память не подвела—удивительной силы картина.

— Смотри, Миша, смотри, это у нас в посёлке художник рисовал, возле Лошадиного камня, знаешь? Да ты ладо́м встань, тут издали надо.

— А он у нас, что ли, жил?

— Да, недолго, на постое у нас был. Я ему помогала, кисточки мыла, обед приносила. Только школу закончила—вот тогда. Очень талантливый художник.

И показалось вдруг—времени нет, нет лет, нет лет… Будто только что смотрели они на дальние холмы и Руслан плавно водил рукой, повторяя их формы, описывал этот неуловимый переход тонов у горизонта—жёлтый, зеленоватый—и в синь нестерпимую; только что повесил картину на стену для лучшего обзора и вышел, но сейчас вернётся, он всего на минуточку… Аж слёзы выступили.

Окинув ласково взглядом «Грозу в степи» (вернусь ещё, подожди!), Нина наконец шагнула к следующей картине. А потом ещё к одной, и ещё… Их было немного в этом маленьком выставочном зале, штук пятнадцать. Но свет вдруг стал тусклым. И радость ушла.

Нина недоумённо переходила от одного полотна к другому, потом заметалась между как потерянная. «Как же так? Будто другой рукой написаны… Это не Руслан, быть не может! Хотя я ведь в этом не понимаю—это же искусство, меня не учили»,—смятенно пыталась она оправдать увиденное серое, плоское… Но вдруг осознала—мысль выплыла без полутонов и украшательств, как надпись на белёном заборе: «Картины—дрянь». Не было в них души, красоты—не было.

И над всем этим сияла, буйствовала «Гроза в степи»—несомненная, как день, как воздух. Как же так…

— Ма-ам, ну пойдём, скучно! Посмотрели уже! Давай ещё на автовокзале на автоматах сыграем? Идём!

Как оглушённая вышла из зала, заторможенно протянула номерок, втиснулась в плащ.

— Простите,—повернулась вдруг к пожилой смотрительнице.—А здесь только Руслана Феоклистова картины или других каких художников?

— Нет, это персональная выставка, к юбилею Руслана Игоревича. В экспозиции представлены работы зрелого периода творчества, только одна из раннего, «Гроза»,—заученно ответила женщина.

Погода к вечеру испортилась. Автобус задерживался, и народ томился в здании вокзала, подрёмывая, сплетничая, перекусывая. Нина стояла на пустом перроне. Шёл дождь. Не шёл—ехал на тёмной синей туче, свесив длинные ножки, по сусальному бледно-жёлтому небу, цветом точь-в-точь как рыбье брюшко. Капли тихонько щекотали лицо, но Нина, кажется, не замечала.

— Мам, пойдём на вокзал, каплет же,—Мишка, встревоженный её молчанием, вцепился в рукав.—Ма, ну ты чего?

— Иди, сына, не мокни. Душно там, у меня голова заболела, я постою. На вот денежку, купи газировки на дорогу.

Но тут хрипатый громкоговоритель объявил о прибытии автобуса, и пассажиры хлынули на улицу. Прибежали запыхавшиеся Грушаковы, нагруженные баулами. Ленка, растрёпанная, довольная, проскочила к Нине:

— Ну чё, как культурка-то? Миш, понравились музеи-карусели? Поедешь ещё?

— На аттракционы поеду, а в музей—не-а, скучно. Зато мы на Колесе оборзе… обозрения два круга сделали вместо одного, там билетёрша отвлеклась, забыла нас высадить. А в зоопарке…

Но Ленка уже не слушала, тараторила о своём, бабьем:

— Такая в ЦУМе распродажа—это что-то! Я трикотажа набрала—хороший, турецкий, всё ярконькое и недорого. Зарплату спустила, Димка ругается, ну и пусть! Женщина без обновок—кошёлка, а не женщина, у нас разве что купишь, в автолавке-то? Заходи завтра, покажу, чего набрала. Вот зря ты не пошла, успела бы с культурной программой! Слушай, я такой кардиган взяла—просто шик!

Нину вдруг замутило-закружило—не вдохнуть, будто душное одеяло накинули. Она торопливо протиснулась в самый конец автобус, подальше от слишком громких голосов, сладких духов, слишком чужих разговоров. Пропихнув сына к окну, упала в кресло, прикрыла глаза. Автобус тронулся.

Наконец все угомонились, успокоились, поддавшись мерному покачиванию, дневной усталости, только где-то впереди мухой нудила Ленка, не в силах в одиночку переварить впечатления бойкого торгового дня.

«Как же так?»—думала Нина, вглядываясь в дождь за окном. И не находила ответа. Что же случилось с этим одарённым крылатым человеком? Куда делся талант? И разве бывает, чтобы он куда-то девался—это же искра Божья, не папироска, щелчком не загасишь. Видно, сильно его щёлкнуло, раз так… Нина вспоминала их вечера на веранде, смех его, разговоры о мире, который красив так, что с ума сойти. Художник уехал тогда, не писал, конечно, и не звонил, но она ещё долго продолжала мысленно с ним разговаривать обо всём, о всякой чудно́й мелочи, какая встречалась на пути, о том, что чувствуешь, но не можешь разделить с домочадцами—не поймут. Ведь это он помог ей полюбить и степь, и небо, и даже пыль под ногами. Разбудил щемящее, тревожное чувство красоты, которую не ухватишь, не присвоишь: проходит она сквозь тебя, меняет

что-то — и тает. А ты маешься, вспоминая о её прикосновении, тоскуешь.

Не мог этот человек быть пустышкой, не мог… И так жалко вдруг стало его — умного, доброго, обманувшегося, исчерпавшего себя до донышка!

— Мам, ты чего плачешь? — вдруг громко спросил Мишка, совсем было задремавший.

— Что ты, не кричи, ну-ка, выдумал! — засуетилась Нина. — Не плачу я, это тушь потекла, глаза ест. Спи!

Стемнело, водитель притушил свет в салоне. Казалось, мир вдруг сжался до размеров автобуса, и нет больше ничего. За бортом темень — лес или космос? — одинаково неразличимы. Автобус плыл сквозь темноту, и мелкой метеоритной крошкой стучал по обшивке дождь. Дремали пассажиры, сын сопел рядом, мир двигался привычным маршрутом. Но что-то важное выпало из него. Нина чувствовала это зияние, хотя и не могла назвать — что оно, где, отчего? И чем его заполнить? Неотрывно, ищуще она вглядывалась в серую пелену за окном…

И где-то там, по обочине, среди тонких травнитей, льющихся по ветру единым потоком, едва различимый в ткани дождя, гнал и гнал своего коня араб с зеленоватыми глазами.

ДиН юбилей

По страницам «ДиН» №4 | 1994

Илья Фоняков

Абсурды века

По воде плывёт собака

Время холода и мрака.
Но смотри, пассаж какой:
По воде плывёт собака,
По зловонной, городской.

И приподнятая морда
Не жалка — наоборот.
Независимо и гордо
Вся нацелена вперёд.

Или с моста, смеху ради,
Сбросил пьяный лоботряс?
Я стою, на зверя глядя
С пониманьем: ведь и нас

Занесло в такую заводь
Непроточную опять,
Где не хочется ни плавать,
Ни, тем более, нырять.

Худо? Худо! Но, однако,
Душу скорбью не томя,
Бей, работай, как собака,
Сразу всеми четырьмя!

Шевелись,
Не труса празднуй:
Пусть кругом и грязь, и муть,
Но и в этой мути грязной
Лучше плыть, а не тонуть!

Перекат на Енисее

Ёлки чёрные чётки.
Красный-красный закат.
Беспокоимся в лодке:
— Как пройдём перекат?

А река, а река-то —
В острых зубьях камней.
Рокоток переката
Всё слышней и слышней.

Как ни жгут, ни терзают
По зиме холода —
Всё-то не замерзает,
Всё клокочет вода.

Как ни парится лето —
Но, прозрачна до дна,
Здесь не будет согрета
Никогда быстрина.

И, наверное, наши
Беспощадные дни
Этой каменной каше
В этой каменной чаше
В чём-то очень сродни.

Всё куда-то, куда-то
Нас уносит поток —
Клокоток переката,
Ледяной кипяток…

Екатерина Сергеева

Кольцо от Тиффани

Леденцы для Мячика

Собаки лаяли яростно, захлёбываясь, взвизгивая и подвывая. Валя взглянула на часы — 3:45. И так каждую ночь. Окно закрывать было нельзя — в комнате было очень душно. Этот выводок родился и подрос в каком-то укромном месте за гаражами. Теперь псы постоянно выясняли отношения друг с другом и ревниво оберегали свою территорию от пришлых собак. В результате постоянного недосыпа кружилась голова, а в ушах противно звенело.

Надо сказать, что к собакам Валя всегда относилась хорошо. В отличие от кошек — те вызывали недоверие. В кошачьих глазах читалось — всё знаю про тебя, человечишко, хвост — наглым вымпелом. Страшный зверь. Школьницей, вместе с двумя закадычными подругами, кормила уличных щенят. Постоянно находила таких, заброшенных, отощавших. Таскала из дома еду. На обеденные деньги покупала голубоватое молоко в больших стеклянных бутылях. Тогда, в восьмидесятые прошлого века, оно продавалось именно так. Плавленые сырки, дешёвая ливерная колбаса… Однажды даже принесла новый отрез тёмно-синей толстой ткани — на подстилку. Как его не хватились?

Своей собакой обзавестись не удалось. В детстве не разрешили родители, а сейчас частые командировки исключали такую возможность. В целом работа медицинским представителем её вполне устраивала. Она любила бывать в разных городах, любила новые лица, тренинги… И даже работу в режиме цейтнота. Ощущала себя в этом постоянном кипении лет на 20–25.

Сегодня нужно было сделать несколько визитов к участковым терапевтам и заехать в пару-тройку аптек. Накинула плащ. Свинцовое с тёмно-синими тучами небо не робко намекало, а говорило прямо:
— Дам грозу!

Уже выскочив за дверь, вернулась. А леденцы для Мячика? Вдруг встретится. Мячик — ярко-рыжий, дивной красоты померанский шпиц. Вместе с хозяйкой, одинокой дамой далеко за сорок, он жил в том же подъезде, что и Валя. Собачонок обожал леденцы монпансье. Хозяйка позволяла при встречах угощать его крошечным кусочком застывшего разноцветного сахарного сиропа.

На площадке первого этажа к Валентине радостно бросился апельсиновый пушистый шарик. Достала из металлической коробочки оранжевый леденец.
— Апельсиновый для апельсинчика! Ты моё чудо, прелесть моя!

Хозяйка Мячика снисходительно улыбалась:
— Раз уж так нравится вам собака, взяли бы и себе такую же. Могу подсказать телефон хороших заводчиков. В нашем с вами возрасте, знаете ли, мало уж радостей остаётся. Вот и порадуйте себя собачкой.

Валя замерла. Ответила:
— Спасибо. В следующий раз.

И ушла, провожаемая удивлённым взглядом собеседницы.

День прошёл бесцветно. Валя делала всё механически. В голове крутилась одна единственная мысль:
— Как же так? Эта почти пятидесятилетняя тётка считает её ровесницей, ровней?! Ну и путь по паспорту 46, на самом-то деле… Ведь и чувствует она себя… И выглядит… Да ей никто никогда больше 30 не давал!

Ночью не заснула ни на минуту. Что же это… Через 3 года и два месяца — уже 50? За окном лаяли и выли. В этом отвратительном вое слышались нотки злорадства и иронии. На следующий день она позвонила в домоуправление и пожаловалась на стаю бродячих собак. Через несколько дней, ночью, Валя услышала визг и звуки выстрелов. Собаки больше по ночам не шумели.

Кольцо от Тиффани

На путёвку в санаторий «Рябиновый» Тамара откладывала деньги целый год. Путёвка стоила недёшево — 60 тысяч на 18 дней с питанием и лечебными процедурами. Служила Тамара библиотекарем в университетской библиотеке и получала зарплату 12 тысяч 553 рубля. Чуть больше трёх тысяч — квартплата за двухкомнатную хрущёвку. Оставалось девять. Режим строжайшей экономии, и вот она — путёвка. На гладкой, глянцевой бумаге, с яркими фотографиями.

Автобус до санатория шёл несколько часов. Пологое, Большой Турун, Чуково — скопления хибар из потемневших брёвен, огородики, чахлые кусты малины. Умирающие деревни были окружены

лугами — травы там росли буйно, жирно. Казалось, они готовились спрятать, поглотить оставленное человеком.

Наконец показались холмы — за ними было солёное озеро, на берегу которого стоял санаторий. Густой запах сероводорода стал просачиваться в салон автобуса.

Шесть корпусов санатория, два — новые, кирпичные, с хорошим ремонтом. Вокруг — молоденькие, весёлые ёлочки.

На газонах старых корпусов стояли плотные заросли тёмно-зелёной крапивы с узкими, хищными листьями. Комната Тамары была, конечно же, в старом. В столовую и на процедуры нужно было идти в первый корпус, самый комфортабельный, с «люксами». Ели в столовой или ресторане с улучшенным питанием.

Тамара ходила на массаж, на душ Шарко, на грязевые аппликации и минеральные ванны. Всё входило в стоимость путёвки. «Грязь» пользовалась особой популярностью. Возле отделения для этой процедуры всегда скапливалась очередь. Вот и сегодня там сидело несколько человек. Тамара вздохнула и уселась неподалёку от молодой женщины, которую не раз замечала то в процедурном отделении, то возле ресторана — женщина питалась именно там. Сама-то Тамара ела в столовой.

— А я уж и забыла, как это — очередь…

Тамара взглянула на соседку. Красивая, ярко-рыжая. Глаза — янтарные, лисьи. Что она здесь делает? Такой — место на заграничном курорте. Слово за слово — разговорились. Оказалось, что в санатории работает какой-то уникальный массажист, к нему Алёна и приехала. А после курса лечения — с мужем во Францию.

Новая знакомая оказалась общительной. С удовольствием делилась подробностями своей жизни, рассказывала о поездках.

Дни стояли хорошие, солнечные. Было приятно сидеть на маленьком пляже, подстелив толстое махровое полотенце, зелёное с синими полосками, то слушая болтовню новой знакомой, то уплывая в полусон. В этом полусне Биг-Бен превращался в Эйфелеву башню, а покинув Дворец дожей, можно было сразу увидеть Саграда Фамилия. Лучи солнца бились о поверхность воды, осколки сверкали…

— Это кольцо муж купил у Тиффани, в Нью-Йорке. Белое золото, изумруд, бриллианты.

«Совсем я ничего не понимаю в украшениях, — думала Тамара. — Вот не отличила бы от бижутерии».

Прощаясь, Алёна сказала:

— Обязательно звони! Лучше — осенью, точно уже вернёмся из Франции.

Из санатория Тамара приехала довольная, отдохнувшая. После грязи и солёной воды кожа была ровной, гладкой. Ноги — лёгкими, исчезла постоянная ноющая боль в спине возле лопаток.

Перед учебным годом дел в библиотеке всегда много — незаметно промелькнул хвостик лета, сентябрь принёс обычную студенческую суету. Однажды Светлана, заведующая отделом художественной литературы, попросила Тамару помочь ей — съездить вместе к подруге.

— Такая баба несчастная, ты знаешь… Ребёнок — инвалид, сама бьётся то там, то тут. А за ним — уход нужен. И деньги нужны. А кто держать будет — часто на больничном с ним. Заедем, отвезём кабачки да тыквы с дачи.

Подъехали к кирпичной пятиэтажке. Увесистые сумки оттягивали руки. Поднялись на последний этаж. Старую железную дверь открыла худая женщина в фартуке поверх халата. Лицо показалось знакомым. Ольга — так звали подругу Светланы, долго их благодарила. Пока пили чай, Тамара исподволь присматривалась к хозяйке, удивительно похожей на Алёну. Но Алёна смотрела вокруг прямо, ярко. А у этой глаза — тёмные, тусклые. Не выдержав, спросила:

— Ольга, у вас есть сестра-близнец? Недавно встретила женщину, ну копия вы.

— Нет, никаких братьев-сестёр, к сожалению, — ответила Ольга. — Одни мы с Пашкой.

«Бывает же такое невероятное сходство», — думала Тамара.

Прощаясь, вышли в коридор. На тумбочке лежало знакомое кольцо.

— Какое колечко… Красивое, — вырвалось у неё.

— Да это я Ольгуше привезла из Турции в подарок. Бижутерия, но — классная! — сказала Светлана.

Крупное, броское кольцо искрилось. Смеялось. Фальшивый изумруд влажно мерцал.

Три грани

Этого молодого человека Изабелла Львовна заметила уже давно. Он постоянно попадался ей на глаза. Умудрялся даже как-то проникать во двор дома, защищённый кодовым доступом. Ранним утром, когда Изабелла выходила на пробежку в парк, он сидел на скамье у подъезда. Днём она встречала его в супермаркете. Вечером, возвращаясь с уроков в вокальной студии или занятий йогой, замечала знакомую фигуру, прячущуюся в полумраке.

Изабелла была актрисой. Когда-то она служила в театре, снялась в нескольких советских фильмах, в эпизодических ролях. Персонажи её были, как правило, отрицательные, но странно обаятельные. Они запоминались. Так что знаки внимания со стороны поклонников, даже весьма неоднозначные, были ей вполне знакомы. Даже сейчас, в её совсем уже старческие годы, попадались чудаковатые типы, желающие более близкого общения. Изабелле они внушали брезгливость.

— Извращенцы, — думала она.

Но этот парень чем-то цеплял. И даже не тем, что был красив. Такой тип внешности принято называть аристократическим. Тонкое, точёное лицо. Большие глаза. Цвет их старая актриса разглядеть не смогла. Высокий, худой, но разворот плеч широкий, мощный. Светло-русый, почти блондин, похожий на её первую любовь, красавца-сокурсника Серёгу. После окончания Щуки тот как-то очень быстро спился и умер.

В этот день в супермаркете было совсем пусто. Изабелла взяла упаковку бумажных полотенец, бананы, виноград. Парень стоял совсем рядом, возле лотка с апельсинами. Смотрел на неё.

— Молодой человек, поможете донести?..— неожиданно для себя самой вырвалось у Изабеллы Львовны.

Шагнул навстречу, взял протянутую корзину. Нежно и осторожно подхватил Изабеллу под руку. Вместе они пошли к кассам.

Hi, dear Fly!

Вот пишу тебе, как только появились новости. Уверен, ты улыбнулся, прочитав моё приветствие. Помнишь нашу англичанку, Ирочку? Нашу Банни? А тётю Таню? Если бы не она, кто бы научил нас с тобой уходить, исчезать из реальности, пропадать в книгах? Нет, ну есть, конечно, другие способы улететь… Ну, ты понимаешь. Fly, я нашёл её. Нашёл эту старую суку, мою мать. Она живёт здесь, в Москве. В большом доме, в самом центре. Дом старый, но такой зачётный. А недавно я побывал у неё в квартире. Здоровая. Лакшери. Вспомни нашу обшарпанную детдомовскую столовку, наши спальни. Хотя о спальнях лучше не вспоминать. Кощей, бывший директор. Гад, сволочь.

— Пойдём со мной, мальчик…

А ты знаешь, что его всё-таки замочили? Он же свалил на пенсию, прикупил дом где-то в Адлере. Но его и там нашли. Думаю, кто-то из наших. Fly, напиши, когда приедешь. Ты же приедешь ко мне? Мне тут обещали помочь устроиться, один мэн. Он, кстати, и мать помог найти. Устроимся с тобой в модельном бизнесе, снимем вместе флэт. Знаешь, я так её ненавижу. Столько бабла. Чем бы я ей помешал? Я к ней сейчас часто захожу. Хавчик, бла-бла. Кажется, эта старая шкура думает, что я на неё запал. Прикинь? А когда она поворачивается ко мне спиной, рука сама ищет что-нибудь потяжелее. Врезать по затылку, по этим крашеным рыжим патлам. Fly, приезжай поскорее. Скучаю, жду. Люблю.

Я не веду дневник. Но сегодня особенный день, особенная ситуация. Мне надо выговориться. Похвастаться. Поаплодировать себе. Зрители мне не нужны. Я сам себе зритель. И лучший собеседник. Поэтому сейчас я запишу всю эту историю. А потом сразу сожгу все свои записи. Вот в этой бронзовой пепельнице. 19 век, Германия. Рыбка, выпрыгивающая из маленького, круглого пруда. Люблю такие вещи.

Я познакомился с ним в мастерской у К. Тонкий, талантливый художник. Ценитель красоты во всех её неоднозначных проявлениях… Пообщавшись, понял, что парень законченный неврастеник и явный гей. При этом одержимый идеей найти бросившую его в раннем детстве мать, про которую известно только, что она весьма немолода, живёт в Москве и, кажется, была актрисой. План действий сформировался сразу. Неудивительно, ведь я уже давно обдумывал, как бы решить мою проблему. Рассматривал возможные варианты. Итак, несколько встреч, общение, всё более задушевное… И, наконец, обещание помочь найти мать.

— У меня есть нужные контакты, найдём без проблем,— сказал я.

Существовал, конечно, определённый риск, что всё пойдёт не так, как было задумано. Но я решил рискнуть, выигрыш того стоил. И вот моя тётка, бывшая актриса, бездетная состарившаяся красавица, неожиданно обзавелась сыном. Причём брошенным ею в раннем возрасте и воспитанным в детском доме. А дальше — умелая психологическая обработка, разжигание нужных мне чувств и эмоций. И сегодня поступила информация. Моя тётка убита неизвестным. Видимо, любовником, которого она содержала. После убийства парень покончил с собой. Надеюсь, следствие расценит это именно так… И — voilà! Единственный наследник — я. Потенциальный покупатель на квартиру найден. Следовательно, через полгода, добавив увесистую сумму к своим накоплениям, я навсегда покину пределы этой страны. Новое место жительства уже есть, всё почти устроено. Мой новый дом — sous le ciel de France — ждёт меня!

Фарфоровый ангел

Я подхожу к письменному столу. Беру в руки старую цветную фотографию — две девушки сидят на траве. Позади — деревья, горы. И небо — плакатно-синее. Одинаковые сарафаны. Крепдешин в разноцветный горох. Красные, изумрудные, лимонные горошины на бледном, сливочно-розовом фоне. Одна — кудри цвета льна, бледно-голубые глаза. Фарфоровый ангел. Другая — рыжая, темноглазая. На обороте надпись: «Долли — 21, Лола — 14, 1965 г.». На самом деле — Дарья и Ольга. Старшая и младшая.

Маленькая вырезка из газеты. Бумага почти протёрлась на сгибах, местами в тёмных пятнах. Название заметки — «Трагедия на дороге». Можно прочитать отдельные фразы: «…подающий надежды молодой…, …не справился с управлением на горном серпантине…, …свадьба через две недели…, …скорбим всей…».

Старый конверт. Обрывок письма. «Милая Долли, какая трагедия! Услышала — не поверила!

Погибнуть за две недели до свадьбы. Ужас. Сочувствую всем сердцем. Приезжай скорее, все мы тебя ждём! В Москве сейчас очень жарко. Кстати, ты наверняка будешь продавать ваш летний дом в Сочи, ведь это именно по дороге из него… Так имей в виду меня. Я—человек надёжный. Конечно, это память о великом учёном-академике, твоём дедушке. Но…» Дальше оторвано.

Листок из блокнота: «Белка, не вздумай уходить без меня. Дождись. Машка с Нинкой перетопчутся. Ты ведь не забыла, что через неделю мы летим… В Париж! А ещё столько нужно купить, собрать. Вот сегодня и займёмся. *P. S.* принесу твой любимый грильяж! *P. P. S.* Целую мою любимую сестрёнку!»

Открытка с нарисованной пухлой девочкой, на руках которой—толстый пушистый белый котёнок: «Белка, утром не стала тебя будить, но знаю, что сегодня вечером ты собралась на выставку с Борисом. Так вот—у меня два билета в Большой! На сегодня! На твой любимый! На Щелкунчика! Будь готова к шести. Надень то бархатное, тёмно-синее».

Телеграмма: «Я вылетела. Буду в понедельник. Не волнуйся. Уже поговорила по тел. с Н., он всё устроит».

Выписка из истории болезни, всё заштриховано, кроме части диагноза: «…ишемическая болезнь сердца, нестабильная стенокардия, гипертоническая болезнь III риск 4…».

Обрывок списка на листе в клетку: «…овсянка, две пачки, батон, полкило яблок (Краснодар), кефир, два пакета. Клопидогрель, нитраминт метопролол по одной…».

Старая тетрадь в чёрной коленкоровой обложке. Почти все страницы вырваны, на двух последних:

«Через неделю мне исполнится семьдесят шесть. А вчера я похоронила мою Лолу. Мою Белку. Смотрю на нашу фотографию. Мне—21. Ей—14. Она была так смешно и безнадёжно влюблена в моего Д. Синие глаза Д., его песни под гитару, его шутки, которым она смеялась громче всех. Она подглядывала за нами, я знала. Всё это бродило во мне как вино в то отчаянное, жгучее лето. Мы ездили на море—спускались по серпантину прямо к галечному пляжу. Д. всегда был за рулём, он прекрасно водил. Лола очень хотела научиться. Всё время спрашивала, что да как в машине. Даже забиралась под неё. Как-то она спросила, где находится шланг, подающий тормозную жидкость. В тот день, набрав пакет черешни в саду, поехали на пляж. Купались, ели ягоды. Губы, перемазанные тёмно-бордовым соком. Д. смотрел на меня потемневшими глазами. Приехали домой. Мы сразу поднялись в мою комнату, Лола осталась на террасе. Через два часа, когда Д. заснул, я подошла к окну, выглянула. И увидела её. Она лежала под машиной. Через несколько минут вынырнула, в правой руке что-то металлически блеснуло. Как она двигалась! Гибко, быстро. Опасный, нежный, маленький зверёк! Проснулся Д., мы вышли из дома. Подошли к машине. Его ещё можно было остановить. Но я была как под заклятием. Сели в машину. Долго целовала Д., прощаясь. Его глаза стали совсем пьяными. Он уехал. Навсегда. Утром стало известно об аварии. И мы остались вдвоём в нашем зачарованном мире. Она ужасно мучилась, я видела это. Сколько раз готова была рассказать, признаться… Но я не давала ей этой возможности. Сколько раз хотела совершить побег, бросить меня… Но стоило мне посмотреть на неё грустно, с лёгкой укоризной, как она сжималась, опускала голову. И вновь становилась покорной. Моей. Последний день, её худенькая, морщинистая, холодная ладонь. Тонкая, пергаментная кожа, набухшие фиолетовые вены. Она чуть слышно начинает что-то говорить. Я осторожно сжимаю её руку. Она смотрит на меня. Замолкает. Закрывает глаза. И навсегда уходит…»

Закрываю тетрадь. Старуха, за которой я ухаживала последние два года, оставила мне свою квартиру и эту историю. Квартира очень кстати. А вот зачем мне эта история? Не знаю.

На фотографии—две девочки. Фарфоровый ангел. И белка.

Карина Кислицина

Каждый бессмертен, пока влюблён

Светло и звёздно

Дышать тобой под небом ноября,
Дышать тобой… Прерывисто, неровно…
Смотреть, как разливается заря
По старым кровлям.
И, есть ли смысл что-то говорить
В столь ранний час. Когда так сладко город,
Так беззаботно, так спокойно спит
В созвездьях комнат.
Дышать тобой и чувствовать тепло.
Дрожат ресницы, сладко пахнет воздух.
И мне с тобой в рассветный час светло,
Светло и звёздно.
И, захлебнувшись нежностью к тебе,
Лежу, смотрю и слушаю, как дышишь.
А за окном неслышно белый снег
На цыпочках идёт,
Целуя
крыши…

В шестнадцать, после расставаний

В шестнадцать, после расставаний,
Тянулись дни, как вереница.
И шла пора простых желаний:
Остыть и заново влюбиться.

Простить. Опять в людей поверить,
Расправить крылья. Все секреты
Кому-то новому доверить,
И даже—не жалеть об этом.

Но, вот уже—чуть-чуть за двадцать,
А, вот уже—слегка за тридцать…
Труднее стало расставаться,
И глупо стало—верить в принцев.

Душевных нет уже метаний,
И жизнь меняет интересы,
Пришла пора иных желаний:
Согреться, выспаться. Воскреснуть—

Из бывших связей. Ставить точку,
Там, где хотелось—запятую…

Так сладко спит в кроватке дочка,
Что я во сне её целую.

Когда-нибудь, всё же, папа…

I.

Тихо в квартире. Слышно соседский счётчик.
Мама легла. Устала на двух работах.
Ире—четыре. Папа у Иры—лётчик.
Только не пишет папа ей отчего-то.

Владику—восемь. Хочет быть космонавтом,
Мама ему в «Детском Мире» купила ракету.
Владик уверен: в небе, где звёзды—папа.
Может быть, даже приедет к ним этим летом.

Ане—двенадцать. Мама у Ани—повар
В местной столовой. Папа по миру ездит.
Он—акробат. Выполняет смертельный номер.
Мама сказала. Повода нет—не верить.

Саше—шестнадцать. Осенью Саше—в колледж,
Хотел бы как папа—актёром. Но будет—столяр.
Мама уходит на ночь. Ведь мама—сторож,
У каждого в жизни свои, несомненно, роли…

II.

Игорь Андреевич в кресле-качалке—на даче,
Жизнь пролетела. Поездки… Командировки.
Игорь Андреевич—взрослый. И он—не плачет,
Пьёт молоко и бегает стометровки.

Игорь Андреевич ездил по всей России:
Сибирь, Сахалин, Карелия, Крайний Север.
Игорь Андреевич был как актёр—красивым,
Статным, как лётчик. Как акробат—был смелым.

Время летело. Быстро менялись даты,
Так, что и города он не все запомнил.
Игорь считает, что это теперь—расплата
За бурную жизнь—тишина в лабиринтах комнат.

Он одинок. Из родных лишь—собака Черри.
Тапочки носит. И преданно тянет лапу.

Владики, Иры и Саши упорно верят,

Что к ним приедет
Когда-нибудь
Всё же папа…

Травяное

По-июльски жарко. Прячемся на лугу
Мы в высоких травах в полдень, нарушая привычный его уклад.
У меня в душе—миллион серебряных тонких струн,
Только тронь их—вздрогнут и зазвенят.
Обнимать тебя, на лопатках пальцами выводя слова,
Раздевая, медленно опускать в траву.
И от счастья этого тихо сходить с ума
И границ не чувствовать у счастья этого наяву.
На медовой коже солнце чертит горячий круг,
И от круга к ключицам тянется золотая нить.
Я законченный атеист, мой сердечный друг,
Но—готова всех Богов за тебя молить.
И твои глаза… цвета свежей, густой травы,
Я смотрю в них—время теряет вес.
Я смотрю в них, и кажется—подо мной обрыв.
Не глаза, а зелёный дремучий лес.
Ты смеёшься взглядом, путая всё во мне:
Диораму кадров—лето, ладони, вкус
Земляничных губ, настоянный на вине
Из лучей от солнца (пробую и сдаюсь).

А шальной июль расщедрился чабрецом,
Воздух густ настолько, что в горле слегка горчит.
Из всего лишь вижу: руки, глаза, лицо,

И как небо смотрит сверху.
Улыбается.
И молчит.

Общего—ничего

Это не я молчу. Это—ты не слышишь.
Март обнимает солнцем дома и крыши,
Я поднимаюсь выше, ещё чуть выше.
Город распластан тающей пятернёй.
Воздух горчит немного. И ты им дышишь.
Жаль лишь, что не со мной.
Общие улицы тают, бегут ручьями,
Полнятся радостью, светом и голубями,
Яркими куртками, шляпами и плащами.
Только пусты они без тебя.
И я стою, как потерянный плюшевый заяц—наружу швами,
И остро желаю тебя обнять.
Сны перестали быть и казаться вещими,
Я состою из воронок, узлов и трещин.
Молча пакую мысли, как старые вещи,
Выбрасываю в окно.
Город смеётся, танцует, лучами блещет,
Ветвями яблони на ветру трепещет,

Жаль, что теперь, кроме города,
У нас общего—ничего…

Амен

Возврат в эту точку, где мы с тобой — «не врозь»,
Возврат в эту зиму, где было всему начало,
Где семя — в обоих — доверия проросло,
И дерево это цвело и не осыпалось.
Где было: касание, вспышка, магнит такой,
Что тянет сквозь километры бетонной толщи.
И в сердце рождался тогда лишь у нас покой,
Когда мы летели друг к другу сквозь эту толщу.

Возврат в это время, где небо в твоих глазах,
Смешавшись с твоим изумрудным, казалось морем.
Где мы отражались у вечности в зеркалах
И строили сотни общих своих историй.
Где было: несёшься сквозь пробки к тебе. Сквозь снег.
Сквозь тонны проблем, разрядив их биением сердца.
И столько уже мной написано о тебе.
Что, если всё сжечь, то можно в мороз согреться.

Возврат в эту ночь, где только твой силуэт
На белых, но тёплых стенах дрожит от счастья,
Где свечи танцуют и близится томно рассвет,
И очень не хочется с ночью такой прощаться.
Где важно в течение дня мне твоё «Алло»,
Что согревает мне пальцы сквозь снег и трубку…
Но только теперь все дороги к тебе замело.
И общий наш мир разломился, став слишком хрупким.

И просто осталось, что — помнить. В душе хранить.
Греться в молчании зим о тебе стихами.
И, может, и можно связать нашу тонкую красную нить,
Но я, обернувшись, шепчу тебе: «Амен».

Амен.

Каждый из нас — бессмертен, пока влюблён

Мой ненаглядный, так хорошо без «но»,
Так хорошо, тепло и светло внутри.
Этот апрель сочетанием нежных нот
Тихо звучит, задавая обоим ритм
Плавного танца. Кружится всё вокруг
(или Земля потеряла ориентир?),
Медным червонцем солнце очертит круг,
Мягких теней рассекречивая пунктир.
Мой замечательный, так хорошо вдвоём
В эту весну входить нам, за шагом шаг.
Вновь погружаясь в глаз твоих окоём,
Чувствую, как от счастья легко дышать.
Время не старит души… На склоне дней
Кто носит весну внутри, тот уже — спасён.

Даже когда невесом наш букетик дней,
Каждый из нас — бессмертен, пока влюблён.

Александр Буланов

Нейросеть

• • •

В курортном городе опасно одному
Ходить по утекающим аллеям,
И проводить ласкающее время
На мыльном от воды молу.

Аккорды приторны, и нам нужна труба,
Аккордеон органовых амбиций.
Но, главное, пожалуй, не напиться,
Когда с плеча положено рубать.

Реторта мага—химия стиха.
И перед штилем бури отступают,
Когда по горизонту обступают
Осколки изумрудного стекла.

И, преломляясь, прежние лучи
Становятся отчаянней от боли.
А ты сидишь и думаешь на моле,
И море по тебе горчит.

V. U.

Слишком тоненькая—так, что боюсь сломать.
Только скажи слово и «мир, держись!»:
Будут ветра по берегам стенать,
Будут валы в море утюжить жизнь.

Если уйдёт в мысли, что глубоки,
Если веки покроют как пеленой глаза—
Это услышат как соловьиный крик,
Или как будто рядом летит стрекоза.

Поговори теперь, или иди на покой—
С нею всегда выбор один из двух.—
Она кружит голову теплотой,
А глубиной захватывает дух.

Треугольник

Кривозеркальным небом
(Господи, сохрани!)
Я отражаюсь первым
Номером от зари,

Но до крови заката
Клавиши не давлю—
Я не единый атом
С теми, кого люблю.

• • •

Это было острым и жарким днём.
Я достигнул дна и прельстился дном,
Не хотел всплывать, по песку ходить,
А хотел я спать и вообще не быть.

Я любил вставать и не чуять ног,
На небесной скатерти думать—Бог,
Ничего не ждать от своей любви,
Никому не врать, ни с кем не юлить.

Вот и вышел я, вот и вышел весь.
Половина дня и сижу я здесь:
На дороге пыль, на заборе—смерть.
Ты не веришь мне?
Ты не веришь ведь…

Нейросеть

Проглотив обиду за обидой,
Сам себе предатель или враг,
Отстающим оказался видом
И мишенью для пацанских драк.

Это про меня—вы удивитесь.
Я превозмогаю, как могу:
Робок я, как двухметровый витязь;
Добр я, как ищущий назгул.

Мне любое море по колено,
Только по пятам идёт беда.
Я шептал ночами: «Яна, Лена…».
И они мне отвечали: «Да.

Что ты хочешь, если ты потерян,
Для людей и каверзных богов,
Если ты не остаёшься верен
Получателям своих долгов?».

Отвечаю—никому не должен.
Отвечаю—Богу не жених.
Весь ваш мир бумажный лихо сложен
Лишь для мёртвых, а не для живых.

И когда я выброшен из окон,
И бреду окраиной мирка,
Нейросеть из неживых волокон
Восстаёт в живого мотылька.

Штампы

Сумерки ночи,
Тиканье лампы,
Розовый свет в проводах—

Это не очень
Точные штампы
О пережитых годах.

Это, пожалуй, краски без тона,
Звуки срединного тембра.
Это король, только без трона,
Или седеющий Рембрандт.

Белые пачки чёрных бумажек,
Копоть на светлой посуде.
Кто мне слова волшебные скажет,
Кто же меня не осудит?

Сумерки ночи,
Тиканье лампы,
Тянет сознание жилы…

Это не очень
Точные штампы—
В них мы по-прежнему живы.

• • •

Судьба преподносила мне сюрпризы—
Ты мне как будто просто показалась
В широком коридоре МГУ.

Но тут Долгов—старинный мой приятель,
Что вёл себя приличнее и старше,
Сказал на ухо мне: «Какие ноги!
Такие длинные иметь—большое дело…»
И тут я понял, что пропал.

Сказал я, что «Совсем же Вы забыли
О девушки большом таком таланте»,
Но тот Долгов увидел только ноги,
И в чём-то был, конечно же, он прав.

И ты сидела дальше на скамейке,
А я не чуял доски под собою.
Скрипел паркет как будто бы певуче,
И мы вошли с тобой на семинар.

ДиН пародия

Евгений Минин

Стихи после травки

Коноплевательное

У ворот горсовета росла конопля.
Прочитав про литконкурс в журнале,
не дурачества ради, но творчества для
мы с приятелем кустик сорвали.
На шкафу просушили, забили косяк—
понеслись Ниагарою строки!..
Филипп Пираев

Я на всякие Литинституты плюю.
Мой совет для всего поколенья:
в огородах растите, как я, коноплю—
уж она вам поддаст вдохновенья.
С коноплёй даже книжку стихов написал,
так трава хороша для затравки,
а не верите мне, так откройте журнал—
там у многих стихи после травки…

Заёмное

Есть привилегия молчать,
быть хмурым, вещим…
. . . . .
И мне взаймы дал Пастернак,
заняв у Фета.
Олег Дозморов

Я не обычный человек—
Звучит зловеще.
Но знайте каждый, кто Олег—
тот сходу—вещий.
И все великие умы
Без заморочки
давали мне всегда взаймы
всего по строчке.

Евгений Беркович

Притяжение зла

«Никто не признаётся, что он нацист»

Когда весной 1945 года американские войска вошли на территорию Германии, они ожидали встретить ожесточённые бои за каждую пядь земли. Вместо этого в десятках городов и сотнях деревень их встречали цветами, а при входе в город вывешивались белые флаги. Что ещё поразило американцев: они нигде не встретили ни одного убеждённого нациста. Историк, описывающий боевой путь 78-й стрелковой дивизии армии США, фиксирует в своей хронике:

> «Не было ни одного нациста или бывшего нациста, нам ни разу не встретился кто-нибудь, кто симпатизировал бы нацистам».
>
> [Lightning, 1947, с. 227]

В армейской газете «Stars and Stripes» («Звёзды и полосы») 15 апреля 1945 года была опубликована заметка, разъясняющая американским солдатам, как надо вести себя при задержании противника. В заметке, в частности, говорилось:

> «Все немцы при аресте ведут себя одинаково. Они говорят, что никогда всерьёз в национал-социализм не верили. У них всегда имеется оправдание своему поведению. Не важно, что они в 1927 или 1939 году вступили в партию. Они говорят, что к этому их вынудили деловые обстоятельства — так говорят даже те, кто вступил в NSDAP ещё в 1927 году».
>
> [Kellerhoff, 2017, с. 9]

Знаменитая американская журналистка и писательница, третья жена Эрнста Хемингуэя, автор военных репортажей, вошедших в историю Второй мировой, Марта Геллхорн (Martha Gellhorn) тоже отмечала поразивший её факт:

> «*Никто не признаётся, что он нацист. Никто* им никогда и не был. Возможно, в соседней деревне найдётся пара нацистов или вон в городке, расположенном отсюда в двадцати километрах, есть настоящий рассадник национал-социалистов, но не у нас.<…> Мы давно ждали американцев. Чтобы вы пришли и нас освободили… Нацисты — свиньи. Вермахт хотел восстать, но не знал как».
>
> [Ebzensberger, 1990, с. 87]

Марта Геллхорн поражается, как никому не пришёл в голову простой вопрос: почему же этому отвратительному нацистскому правительству, которому никто не хотел подчиняться, удалось пять с половиной лет вести ужасную войну? Этот риторический вопрос сама же журналистка комментирует:

> «Целый народ, увиливающий от ответственности, представляет собой жалкое зрелище».

Другая знаменитая американская журналистка и фотокорреспондент Маргарет Бурк-Уайт (Margaret Bourke-White) приводит в своей книге «*Германия, апрель 1945*» высказывание одного майора армии США:

> «Немцы ведут себя так, как будто нацисты — это какая-то чуждая раса эскимосов, пришедшая с Северного полюса и каким-то образом вторгшаяся в Германию».
>
> [Bourke-White, 1979, с. 27]

В побеждённой Германии повсеместно наблюдался интересный механизм психологической защиты, называемый «вытеснением». Нацисты, словно инопланетяне, посетившие их страну, теперь полностью исчезли с лица Земли. Немцы как будто забыли о своей жизни в течение двенадцати лет Третьего рейха. А ведь большинство взрослого населения не просто жили в условиях гитлеровской диктатуры, но активно участвовали в делах нацистского режима. Теперь же они представляли себя жертвами войны и Гитлера, заслуживающими лишь жалости, а не наказания за многочисленные преступления.

Ли Миллер (Lee Miller), бывшая фотомодель с обложки журнала «Vogue», ставшая в сороковые годы военным корреспондентом этого журнала, вспоминала:

> «Поразительна наглость немцев. Как они могут от всего, что было, дистанцироваться? Что за механизмы замещения в их плохо проветриваемых мозговых извилинах создают у них представление о себе как об освобождённом народе, а не побеждённом?»
>
> [Miller, 2015, с. 205]

Немцы послевоенной Германии быстро забыли, каким широким народным движением стал национал-социализм в годы своего могущества, какие

разные общественные слои он охватил. Стремительный рост популярности партии Гитлера в конце двадцатых, начале тридцатых годов прекрасно иллюстрируют итоги выборов в Рейхстаг.

В 1928 году национал-социалистическая рабочая партия Германии (NSDAP) насчитывала примерно сто тысяч членов, и за неё на выборах проголосовало чуть больше восьмисот тысяч избирателей, что составило всего-навсего 2,6% всех голосов. Всего за три года положение радикально изменилось. На выборах в июле 1932 года за NSDAP проголосовали более тринадцати миллионов человек, т. е. 37,3% всех избирателей. В марте 1933 года число голосов за партию Гитлера превысило семнадцать миллионов, что составило 43,9%. Такой динамики роста не знала ни одна партия Германии [Falter, 1991, с. 25].

Социальный портрет нациста

О том, какие слои населения были вовлечены в национал-социалистическое движение, можно судить, анализируя социальную структуру национал-социалистической партии, которой с июля 1921 года руководил Адольф Гитлер.

На день «пивного путча», 9 ноября 1923 года, в партии числилось 55 287 членов [Kater, 1983, с. 25]. После того как будущий фюрер нации вышел из тюрьмы в Ландсберге, он в феврале 1925 года реорганизовал партию, устроив новую регистрацию членов. К первому апреля того же года новые партийные билеты получил 521 человек. К марту следующего, 1926, года партия насчитывала 32 373 члена. В дальнейшем численность партии увеличивалась ежегодно на 20–30 тысяч членов и к марту 1929 года достигла 121 178 человек. В следующие два года на фоне экономического кризиса рост ускорился, и к марту 1933 года в NSAPD состояло 1 490 432 члена [Kater, 1983, с. 26].

Нарисуем обобщённый портрет члена национал-социалистической партии на этапе её становления, с 1925 до 1933 года.

Несмотря на то, что партия имела в названии слово «рабочая» (точнее, «партия рабочих»), среди партийцев рабочих было не более 40%. Средний класс (его нижний и верхний слои) составлял 53%. Остальные семь процентов составляли люди, не указавшие своего социального положения.

Доля рабочих в NSDAP была даже ниже, чем в целом по стране. Например, в Мюнхене каждый третий взрослый принадлежал рабочему классу. Но в городской партийной организации к рабочим относился только каждый четвёртый. Зато доля ремесленников, торговцев и других представителей самостоятельных профессий среди взрослого населения составляла четырнадцать процентов, а в партии Гитлера их было двадцать четыре процента [Kellerhoff, 2017, с. 162].

Столь же неоднородной по социальному составу среди немецких политических партий была, пожалуй, только католическая Немецкая партия центра (Deutsche Zentrumspartei, сокращённо DZP). В тех областях Германии, где большинство населения были католики, за DZP голосовали практически все слои населения. В противоположность этим двум объединениям социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands, сокращённо SPD) была по преимуществу партией определённого класса: она на семьдесят процентов состояла из рабочих, ещё семнадцать процентов были мелкие служащие, и только оставшиеся тринадцать процентов приходились на остальные социальные группы населения, включая врачей, чиновников, адвокатов, владельцев торговых и сельскохозяйственных предприятий [Kellerhoff, 2017, с. 162].

И другие партии имели подобную SPD однородную структуру — они представляли, как правило, какой-то один из социальных слоёв общества. Например, крайне консервативная Немецкая национальная народная партия (Deutschnationale Volkspartei, сокращённо DNVP), коалиция с которой помогла Гитлеру в 1933 году получить большинство в рейхстаге и изменить конституцию Германии, состояла в основном из жителей сельской местности и мелких служащих. Точно так же и Коммунистическая партия Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, сокращённо KPD) объединяла, прежде всего, рабочих, в том числе временных, и безработных.

Между уровнем безработицы в стране и активностью населения на парламентских выборах есть прямая связь. Чем больше безработных, тем больше людей приходят на избирательные участки. Во время выборов в рейхстаг 1928 года уровень безработицы оценивался в шесть процентов и в выборах участвовало 75,6% избирателей. В 1930 году эти числа составляли соответственно 14,4 и 82 процентов. В июле 1932 года безработица охватила 30 процентов работоспособного населения, и на выборы в рейхстаг пришли 84 процента избирателей. В ноябре того же года доля безработных уменьшилась до 28,2%, соответственно и в выборах участвовало меньше людей — 80,6%. А в марте 1933 года безработица составила 34%, и доля участвовавших в выборах увеличилась до 88,7% [Haar, 2009, с. 64].

Но за кого голосовали люди, потерявшие работу в годы мирового экономического кризиса? Существует мнение, что массовая безработица, поразившая Германию в конце двадцатых годов, рекрутировала в ряды NSDAP множество новых членов. Как ни странно, это мнение ошибочно. Статистика показывает, что большинство рабочих и мелких служащих, потерявших источники дохода, голосовали не за нацистов, а за их не менее радикальную альтернативу — за коммунистов. Люди, разочарованные в социальной системе

либеральной и демократической Веймарской республики, оказавшейся неспособной в условиях мирового кризиса защитить их от бедности, предпочитали лозунги диктатуры пролетариата предвыборным обещаниям партии Гитлера [Haar, 2009, с. 64].

Принадлежность избирателей к определённой религиозной конфессии была существенным фактором, определявшим успех той или иной партии. В областях с преобладающим протестантским населением (север Германии) на выборах в июле 1932 года NSDAP получила более чем вдвое больше голосов, чем в католических регионах (юг Германии) — 56,2 против 22,8%. Регионы, где большинство жителей протестанты и относительно мало безработных, голосовали на выборах за Гитлера. Там, где жители в основном католики, голосовали за партию центра. В областях с высокой безработицей высокие шансы имела коммунистическая партия [Haar, 2009, с. 65].

За партию Гитлера голосовали люди, недовольные общим экономическим положением в стране, разочарованные политикой партий, задававших тон в Веймарской республике, и надеявшиеся на радикальные изменения, которые обещали национал-социалисты. При этом NSDAP получала не только голоса тех, кто ранее не участвовал в выборах, но и голоса избирателей, ранее бывших сторонниками других партий. В период с 1928 по 1933 год из примерно семнадцати миллионов избирателей, голосовавших за Гитлера, около двух с половиной миллионов ранее голосовали за социал-демократов, семь с лишним миллионов — за буржуазные протестантские партии и шесть миллионов ранее не участвовали в выборах [Falter, 1991, с. 33].

Оценивая общие итоги выборов тех лет, можно утверждать, что ещё до 1933 года NSDAP фактически стала партией всего народа, ей удалось сломать барьеры, отделявшие друг от друга социальный группы избирателей, выделенные по роду занятости.

Процесс становления NSDAP общенародной партией шёл постепенно. До середины тридцатых годов примерно половина членов национал-социалистической партии проживала в сельской местности. Другую половину составляли жители небольших городков и метрополий. Если в двадцатых годах тех и других было примерно поровну, то в тридцатых годах жителей крупных городов стало больше. Например, в 1925–1929 годах 42,6% всех членов нацистской партии проживали в сельской местности, 28,4% — в небольших городках, почти столько же — 28,9% — в крупных городах, метрополиях. В то же время в целом по Германии в сельской местности проживало 51,3% населения, в небольших городках и метрополиях соответственно 18,6 и 30,1% [Kater, 1983, с. 54, прим. 10].

Другими словами, представительство в национал-социалистической партии жителей сельской местности и крупных городов было немногим меньше среднестатистических значений по стране, для небольших городов оно было выше среднего.

В годы, когда на Германию накатил мировой экономический кризис, в ряды партии Гитлера влились многие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие Северной Германии, до того державшиеся от нацистской партии в стороне. В результате в 1930 и 1931 годах доля сельских жителей в NSDAP стала больше половины: 54,5 и 59,3% соответственно. Доля жителей малых городов и метрополий уменьшилась до 22,0 и 23,5% в 1930 году и до 16,6 и 24,0% в 1931 [Kater, 1983, с. 27].

Примерно так же распределялись голоса за партию Гитлера и в 1932 году. Лишь в 1933 году, в связи с упомянутой выше причиной, доля голосовавших за нацистов в небольших посёлках и деревнях до 5000 жителей выросла и составила 43,9% при среднем проценте избирателей, отдавших голоса за Гитлера, — 39 [Falter, 1991, с. 41].

К середине тридцатых годов положение изменилось. Например, в 1937 году жители сельской местности, небольших городов и метрополий составляли в нацистской партии 46,4, 21,5 и 32% соответственно [Kater, 1983, с. 27].

Похожие данные приведены и в работах крупного немецкого политолога Юргена Фальтера (Jürgen Falter). Например, по его статистике, поддерживали партию Гитлера на выборах в Рейхстаг в 1930 году:

- в небольших посёлках и деревнях до 5000 жителей — 14,6% населения;
- в городках от пяти до двадцати тысяч жителей — 15,8%;
- в городах от двадцати до ста тысяч жителей — 15,7%;
- в крупных городах от ста тысяч жителей и выше — 14,4%.

При этом средний процент сторонников NSDAP по стране составлял 15% [Falter, 1991, с. 41].

Другими словами, сторонники NSDAP были равномерно распределены по всей территории Германии.

В целом до 1930 года партийные ячейки в разных городах охватывали ничтожную часть населения. Например, в 1928 году «наци», как по аналогии с «соци» — членами социал-демократической партии — называли членов NSDAP, составляли 0,16% от всего населения. В маленьких городках этот процент был выше, например, в рейнском городке Гох (Goch), в котором проживало в 1928 году всего тринадцать тысяч жителей, членов нацистской партии было 2,58%. В то же время в относительно крупном Висбадене, где население составляло 158 тысяч

человек, члены партии Гитлера составляли всего сотую долю процента жителей [Kater, 1983, с. 26].

В двадцатых годах двадцатого века большинство членов партии были неженатыми мужчинами. Доли разведённых и овдовевших членов NSDAP мало отличалась от средних значений этих параметров по стране [Haar, 2009, с. 62]. Положение изменилось после прихода нацистов к власти.

Нацизм и общество

Различие между представительством нацистов в Гохе и Висбадене отражает общую тенденцию: принципы национал-социалистической партии, основанные на идеологии фёлькиш и сдобренные изрядной дозой антисемитизма, поначалу разделяли в основном представители нижних слоёв общества, крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, предприниматели, жители деревни и маленьких городков. Они были недовольны послевоенной разрухой и видели в экономических бедствиях и унижениях капитуляции происки мирового еврейства. Симпатии к Гитлеру определялись страхом перед конкуренцией с большими предприятиями и универсальными магазинами, которые, по утверждениям нацистской пропаганды, находились, как правило, в руках евреев. Но такой поддержки Гитлеру было мало. С середины двадцатых годов пропагандисты нацистской партии обратили свою активность на другие слои населения. Рост доли жителей крупных городов (здесь проживал каждый третий член партии) есть результат изменения социальной политики фюрера.

Это не осталось незамеченным для внимательных исследователей состояния немецкого общества, таких, например, как молодой публицист Александр Шифрин (Alexander Schifrin). Двадцатилетним юношей он перебрался в 1921 году из Харькова в Германию. Но не в Берлин, как было принято в то время у эмигрантов из Советской России, а в южно-германский город Манхайм (иногда пишут Мангейм, Mannheim), расположенный в Республике Баден (сейчас это земля Баден-Вюртенберг). Достаточно быстро Александр стал известным журналистом, ведущим публицистом социал-демократической партии. В 1928–1933 годах работал редактором газеты «Volksstimme» («Народный голос»). Он раньше других видел опасность новой мировой войны, исходящей от нацистов, внимательно следил за тем, как растёт и развивается партия Гитлера. О новой тактике её лидера завоёвывать себе сторонников Шифрин писал в конце двадцатых годов:

> *«Он взывает к среднему классу и крупным помещикам, к служащим и люмпен-пролетариату, к крестьянам и к интеллектуалам, к промышленникам и чиновникам».*
>
> Цит. по: [Pyta, 1989, с. 140]

Александр Шифрин подчёркивал, что национал-социализм находит сторонников во всех слоях немецкого общества. А его товарищи по социал-демократической партии не принимали эти соображения всерьёз, ведь они противоречили их идеологическим установкам. Лидер фракции социал-демократической партии (SPD) в Прусском Ландтаге Эрнст Хайльман (Ernst Heilmann), впоследствии член Рейхстага, возражал Шифрину:

> «Если наше учение о классовой борьбе в капиталистическом обществе верно, то националистическая попытка представлять одновременно интересы чиновников и среднего класса, молодых крестьян и торговцев, рабочих и промышленников столкнётся с внутренними противоречиями общества».
>
> Цит. по: [Pyta, 1989, с. 140]

Но марксово учение о классовой борьбе здесь явно дало осечку—статистика свидетельствует об успехах нацистской пропаганды среди самых разных слоёв населения.

Бывший рейхсканцлер и председатель SPD Герман Мюллер (Hermann Müller) тоже не верил в успех нацистов:

> «Столь неоднородное общественное движение может существовать, лишь опираясь на объединяющую силу какой-то зажигательной идеи. Но NSDAP не имеет единого экономически или культурно обоснованного мировоззрения».
>
> [Kellerhoff, 2017, с. 159]

Любопытно отметить, что точные пророчества Александра Шифрина и дальше не принимались современниками всерьёз. С приходом Гитлера к власти Шифрин эмигрировал во Францию, где продолжал деятельность активного публициста. Под псевдонимом Макс Вернер (Max Werner) он опубликовал в 1938 году книгу «Развёртывание Второй мировой войны» [Werner, 1938]. Весной 1939 года, за полгода до начала Гитлером военных действий в Польше, появился английский перевод этой книги. Александр послал его в Англию Уинстону Черчиллю. К большому разочарованию Шифрина будущий премьер-министр и министр обороны Великобритании ответил, что тот «*преувеличивает опасность, исходящую от нацистского режима*» [Geschichtsportal_für_Baden].

Мнение о том, что NSDAP—это не общенародная партия, а партия среднего класса (партия «колбасников» на популярном когда-то жаргоне), было чрезвычайно распространено ещё до прихода Гитлера к власти. Это заблуждение решительно опровергается уже приведённой статистикой и такими данными социального среза избирателей. По данным Фальтера, на выборах 1930–1932 годов за партию Гитлера голосовало примерно 40% рабочих, 20% служащих и чиновников, 40% крестьян

и работников свободных профессий [Falter, 1991, с. 42, Tab. 7].

Очевидно, доля рабочих, служащих и чиновников, поддерживавших NSDAP, слишком велика, чтобы считать её партией только одного класса или слоя. Ещё до прихода Гитлера к власти его партия приобрела характер всенародного движения, охватывающего все слои общества.

Те, кто утверждает, что национал-социалисты — партия среднего класса, словно не замечают слов Гитлера, сказанных ещё в октябре 1928 года:

> «NSDAP стремится постепенно сделать весь немецкий народ снова единым и агитирует не какие-то отдельные группы населения, а все социальные и профессиональные слои».
>
> [Zitelmann, 1987, с. 137]

И буквально через пару месяцев будущий фюрер нации повторил главную мысль:

> «Движение, от имени которого я здесь говорю, не является движением какого-то определённого класса или определённого социального слоя или профессии, напротив, оно есть в высшем смысле слова немецкая народная партия. Оно стремится охватить все слои нации, все профессиональные группы, оно хочет подойти к каждому немцу, у которого есть добрая воля служить своему народу, который хочет жить среди своего народа и кровно ему принадлежать».
>
> [Zitelmann, 1987, с. 137]

Ни одной партии Веймарской республики, кроме NSDAP, не удалось добиться такой равномерной поддержки во всех социальных слоях и профессиональных группах Германии, за исключением католиков и рабочих-пролетариев крупных предприятий. Ещё до прихода к власти национал-социалисты стали общенародной партией протеста, объединившей граждан всех регионов, различных религиозных конфессий, разнообразного социального происхождения и положения в мощное всенародное движение.

Нацисты смогли найти свой подход для абсолютно различных социальных групп, обещая каждой из них то, что от них ждали. В религиозных группах гитлеровцы обещали защитить веру от атеистов-большевиков, рабочим представлялись борцами с капитализмом, предпринимателей привлекали принципом единоначалия, требованием беспрекословного подчинения начальству («фюрер-принцип»). Все остальные партии, включая коммунистов, не могли себе позволить такой беспринципной демагогии, оставаясь связанными узами традиции, происхождения или идеологии.

В предвыборной пропаганде 1930–1933 годов нацисты широко использовали достижения технического прогресса того времени. Эффективными оказались пропагандистские фильмы и кинореклама. Во время предвыборных кампаний 1932 года Гитлер использовал специально нанятый самолёт, облетая многие города, куда его соперники по выборам не успевали добраться на поездах и автомобилях.

Следует обратить внимание на такой исторический факт. Ради достижения новых голосов на выборах нацисты начиная с 1930 года резко снизили антисемитский накал своей предвыборной агитации. Члены партии, обязанные подчиняться Программе незыблемых «25 пунктов» (25-Punkte-Programm), должны были бороться с «еврейско-материалистическим духом». Но граждане, лишь голосующие за NSDAP, не были в своём большинстве антисемитами. Их юдофобскими лозунгами можно было только отпугнуть от излишне радикально правой партии. Отсутствие антиеврейской риторики в предвыборных агитационных материалах не означало, конечно, изменение партийной идеологии. Это было одним из многих тактических приёмов, использованных нацистами для успеха на выборах [Zitelmann, 1989, с. 129].

Этот факт подтверждает, что в определённом смысле Томас Манн был прав, называя в 1921 году в письме Якобу Вассерману Германию «*космополитичной» страной, в которой «ростки антисемитизма не могут пустить глубокие корни*» [Mann, 1988, с. 475–476].

Да, в обществе существовал некоторый градус ксенофобии, нежелания считать «чужаков» своими, от чего страдал Вассерман. Но до прихода Гитлера к власти увлечь большинство населения антисемитскими лозунгами было невозможно, и опытный политик это учитывал в предвыборной борьбе. Провал бойкота еврейских предприятий первого апреля 1933 года подтверждает, что тогда антисемитская кампания не нашла поддержки у населения. Правда, нескольких лет усиленного промывания мозгов тотальной антиеврейской пропагандой оказалось достаточно, чтобы изменить менталитет нации, что ясно показало отношение немцев к всегерманскому антиеврейскому погрому 9 ноября 1938 года, когда на страну опустилась страшная Хрустальная ночь. Эти изменения как будто прошли мимо внимания великого писателя, и в 1937 году продолжавшего верить, что «*антисемитизм — аристократизм черни*» [Mann, 1974, с. 481].

Нацизм и молодёжь

Национал-социалистическая партия была самой молодой в политическом ландшафте Веймарской республики. Средний возраст членов NSDAP до 1930 года составлял 28,8 года. Приём в партию начинался с восемнадцати лет. Почти четверть всех членов были моложе 23 лет, ещё четверть имели возраст от 23 до 30 [Kellerhoff, 2017, с. 161].

Другими словами, более половины партийцев были моложе 30 лет.

Партия Гитлера была привлекательна для молодёжи во многом тем, что здесь не только не запрещалась, но всячески поощрялась активная, граничащая с хулиганством и другими уголовными преступлениями борьба с инакомыслящими. Показателен пример несовершеннолетнего Фрица Берендта (Fritz Berendt) из Восточной Пруссии, который вёл нацистскую пропаганду доступными ему средствами: вместе с семью товарищами-сверстниками организовал банду, которая устраивала жестокие драки с коммунистами. После того как в одном из сражений Фриц был серьёзно ранен, отец запретил ему любую политическую деятельность, но сын так настойчиво умолял отца, что запрет был в конце концов снят [Kellerhoff, 2017, с. 161].

Другие партии Веймарской республики категорию молодых людей от 18 до 25 лет фактически не замечали, люди приобщались к политической деятельности, как правило, лишь к тридцати годам и позже. Только партия Гитлера широко открывала двери для молодёжи, едва переступившей порог совершеннолетия. Это отмечал в 1930 году социал-демократ Карло Мирендорф (Carlo Mierendorff) [Kellerhoff, 2017, с. 161]. Сам он, в отличие от своих сверстников, рано вступил в социал-демократическую партию — в 1920 году, когда ему исполнилось двадцать три года. В студенческие годы он руководил «Социалистической студенческой группой» в Гейдельберге и тоже был склонен к активным действиям. Например, он участвовал в аресте директора Физического института, нобелевского лауреата Филиппа Ленарда, отказавшегося вывесить траурные флаги в день похорон Вальтера Ратенау 27 июля 1922 года [Беркович, 2018, с. 70].

Средним возрастом своих членов национал-социалистическая партия Германии сильно отличалась от других партий, участвовавших в выборах в рейхстаг. Например, более половины всех членов социал-демократической партии были старше сорока лет. Моложе тридцати было только двадцать процентов всех членов SPD. Напомним, что для NSDAP эта доля составляла пятьдесят процентов. Другие партии имели ещё более пожилой состав, особенно леволиберальная Немецкая демократическая партия (Deutsche Demokratische Partei, сокращённо DDP), национал-либеральная Немецкая народная партия (Deutsche Volkspartei, сокращённо DVP) и католическая Немецкая партия центра.

Вопреки мнению Томаса Манна, что опорой для Гитлера служили малообразованные бюргеры, как он выразился, «чернь», главной ударной силой нацистов становились именно студенты, будущая элита страны. Составной частью в ядро нового националистического движения входили идеи фёлькиш, пангерманизма и непременно антисемитизма.

Об антисемитизме в студенческой среде упоминал Якоб Вассерман в письме Томасу Манну в апреле 1921 года [Wassermann, 1988, с. 480]. Ещё в конце девятнадцатого века националистически настроенные студенческие объединения Австрии решили исключить из своих рядов всех евреев, причём еврей понимался в расистском смысле: крещение ничего не меняло в глазах юных предшественников нацистов. За австрийцами последовали и немецкие студенты [Genschel, 1966, с. 58].

Рост числа студентов, присоединившихся к нацистам, объясняется их относительно тяжёлым материальным положением в обществе, несмотря на то, что экономика Германии стала постепенно восстанавливаться от послевоенной разрухи и хаоса. В 1926 году группа окончательно разочарованных своим положением студентов образовала Национал-социалистический союз немецких студентов (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund, сокращённо NSDStB).

Поначалу задачи Союза виделись в организации социальной помощи нуждавшимся студентам. Направление деятельности Союза изменилось, когда к руководству пришёл Бальдур фон Ширах (Baldur von Schirach). Если и нужен пример, опровергающий утверждение Томаса Манна, что «антисемитизм — аристократия черни», то лучше фон Шираха ничего не придумаешь. Выходца из знатной дворянской фамилии, студента Мюнхенского университета никому и в голову не пришло бы отнести к «черни». Но, вопреки мнению Томаса Манна, фон Ширах был убеждённым антисемитом, вступил в национал-социалистическую партию сразу, как только достиг положенных восемнадцати лет — в 1925 году. На посту рейхсфюрера NSDStB фон Ширах умело руководил национал-социалистической пропагандой среди студенчества, добиваясь того, чтобы в университетах Германии не осталось ни одного студента, который бы не был верен идеалам нацизма.

В первые годы Веймарской республики большинство студенческих союзов и объединений присоединились к новой откровенно националистической организации «Кольцо немецкой высшей школы» («Deutscher Hochschulring» — DHS), которая вскоре стала определять общую студенческую политику в Германии. Она активно насаждала среди студентов идеологию фёлькиш, неразрывно связанную с антисемитизмом.

Условием членства в DHS было арийское происхождение, гражданство не играло существенной роли: немцы по происхождению (так называемые фольксдойче — Volksdeutsche) из Австрии или Судетской области могли вступить в эту организацию даже не будучи гражданами Германии, зато немецкие евреи — никогда!

«Кольцо немецкой высшей школы» господствовало в немецких университетах до середины

двадцатых годов, после чего само присоединилась к «Национал-социалистическому союзу немецких студентов». С конца двадцатых годов демонстрации и нападения правых студенческих экстремистов на их политических противников в немецких университетах стали происходить всё чаще.

Скоро под огонь критики воинственной молодёжи попали многие либерально настроенные профессора-пацифисты, не разделявшие идеалы национал-социализма. Ещё до прихода Гитлера к власти был лишён права преподавать и уволен из Гейдельбергского университета экстраординарный профессор математической статистики Эмиль Гумбель, чья пацифистская деятельность и еврейское происхождение возмущали национал-социалистически настроенных студентов. В 1925 году потерял право читать лекции студентам Технического университета в Ганновере философ и социолог Теодор Лессинг [Беркович, 2018, с. 287].

В 1931 году Национал-социалистическому союзу немецких студентов удалось добиться абсолютного большинства своих членов в студенческих советах двадцати восьми немецких университетов. Летом того же года председателем Студенческого союза Германии (Deutsche Studentenschaft, сокращённо DSt) стал член NSDStB. В своих программных выступлениях он требовал от студентов неуклонно поддерживать линию национал-социалистической партии. Вопросы обучения отошли на задний план [Wenzel, 2009, с. 29]. Студенческий союз Германии стал первым общенемецким объединением, попавшим под контроль национал-социалистов. Всё больше и больше студентов активно поддерживали национал-социалистическую партию и участвовали в проводимых ею акциях.

Достаточно красноречив пример университетского Гёттингена, ставшего в двадцатых и тридцатых годах XX века бастионом национал-социализма. Местная ячейка нацистов была создана в городе в 1922 году, и уже через год боевой отряд штурмовиков в форме СА насчитывал двести бойцов [Kühn, 1983, с. 13–46]. Самая большая городская газета «*Göttinger Tageblatt*» постоянно воспитывала и поощряла у читателей расистские взгляды. Так, отмечая в 1925 году 60-летие героя Первой мировой войны генерала Эриха Людендорфа, участвовавшего вместе с Гитлером в ноябрьском путче 1923 года, она подчёркивает его «борьбу с еврейством». Курта Тухольского, едкого сатирика и критика националистических взглядов, гёттингенская газета называет «еврейской грязной свиньёй» и сожалеет, что «никто не возьмётся с помощью плётки нарисовать звезду Давида на его роже» [Wilhelm, 1978, с. 38–39].

С 1925 года газета открыто поддерживала национал-социалистическую партию. Не удивительно, что и читатели газеты демонстрировали свою приверженность партии Гитлера. На выборах в Рейхстаг нацисты получали в процентном отношении всегда больше голосов, чем в целом по стране. Так, в 1930 году они набрали только 18,3% голосов немецких избирателей, но в Гёттингене за них голосовало 38%. Во время самой большой удачи нацистов на выборах — в июле 1932 года — они набрали 37,3% голосов по всей Германии, а среди избирателей Гёттингена национал-социалисты добились абсолютного большинства [Hasselhorn-Weinreis, 1983, с. 47].

На относительно ровном фоне «образованного антисемитизма», редко выходившего за рамки внешнего приличия, антисемитизм немецкой образованной молодёжи с давних пор выглядел как радикальная форма ненависти, не знающая компромиссов. Показательно, что печально известную акцию публичного сожжения книг «антинемецкого духа» организовал и провёл как раз Национал-социалистический союз немецких студентов.

В начале апреля 1933 года при NSDStB создал специальное управление прессы и пропаганды. Его первым и важнейшим делом стало проведение всегерманской акции сожжения «вредных книг». Решение об этом было принято 8 апреля, сама акция должна была выглядеть как реакция на «бессовестную травлю Германии» со стороны мирового еврейства. Между 12 апреля и 10 мая должна быть проведена «информационная компания», а публичное сожжение назначено на 18 часов в последний день компании — 10 мая 1933 года.

Действо было продумано до мелочей — в таких акциях нацисты разрабатывали сценарий до малейших деталей. Было выдвинуто двенадцать тезисов, которые студенческие руководители должны были зачитать при сожжении книг [Walberer, 1983, с. 35]. Не все тезисы были направлены против евреев, другими мишенями служили марксизм, пацифизм и «разрушающая душу переоценка животных инстинктов», так замысловато называлось учение Фрейда и его школы. В целом акция была задумана как «мятеж немцев против антинемецкого духа». Однако, по сути, главными врагами немцев студенты видели тех же евреев. Новая акция переносила идею бойкота еврейских предприятий с экономического поля в идеологическое.

К 13 апреля студенческие тезисы были вывешены на досках объявлений всех университетов Германии, транспаранты с текстами тезисов «украшали» многие здания. Пятый тезис гласил: «Если еврей пишет по-немецки, он лжёт». Студенты требовали, чтобы в будущем книги евреев на немецком языке снабжались пометкой: «перевод с еврейского».

Вечером 10 мая по всей стране началось действие, более подходящее временам средневековья, чем двадцатому веку. В Берлине было сожжено около двадцати тысяч книг, в других крупных

немецких городах—от двух до трёх тысяч. В столице огромный костёр был разожжён вблизи государственной оперы. На митинге одним из выступавших был министр пропаганды и гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс. Среди сожжённых «ядовитых книг» особенно отмечали работы Карла Маркса, Фердинанда Лассаля, Зигмунда Фрейда, Генриха Манна, Альфреда Дёблина, Бертольда Брехта а также доброго друга Хедвиг Прингсхайм Максимилиана Хардена.

В ответ на многочисленные протесты из-за границы магистрат города Берлина сделал 22 мая 1933 года заявление, что книги иностранных авторов не сжигались. Это явная ложь, так как в списке книг, подлежащих сожжению 10 мая, стояли тридцать семь писателей, чьи книги были переведены на немецкий. Больше всего было советских авторов—двадцать один. Кроме них, восемь американских, три чехословацких, два венгерских, по одному из Польши, Франции и Японии [Weidermann, 2008, с. 205].

Особого отбора в этом списке не чувствовалось, просто всё, что подходило под категории «социалистический», «еврейский», «пацифистский», считалось опасным и вредным для Германии. Наряду с Максимом Горьким, Ильёй Эренбургом, Исааком Бабелем, сожжению подлежали книги Фёдора Сологуба, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Михаила Зощенко, Фёдора Гладкова, Михаила Кузьмина, Валентина Катаева и других, таких разных и непохожих авторов. Из американских писателей, чьи книги стояли в списке на сожжение, стоит отметить Джека Лондона, Эрнеста Хемингуэя, Эптона Синклера... Чешскую литературу для костра представляли Ярослав Гашек и Карел Чапек. Единственным французом в списке был Анри Барбюс.

После прихода Гитлера к власти немецкие университеты и другие высшие учебные заведения относительно быстро присоединились к нацистской идеологии. При этом процесс «встраивания» в нацистское государство шёл не только сверху, через назначенного национал-социалистического министра культуры и образования, но и изнутри, за счёт массового вступления в нацистскую партию студентов и преподавателей. Активность членов NSDStB сыграла в этом процессе важную роль.

После публикации закона «*О восстановлении профессионального чиновничества*» («Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums») от 7 апреля 1933 года национал-социалистические студенты участвовали в изгнании с работы профессоров-евреев, составляя «чёрные списки» и организуя бойкоты лекций, читаемых неарийцами.

Так, был вынужден подать в отставку профессор Гёттингенского университета Эдмунд Ландау (Edmund Landau), уволить которого по закону власти не могли, так как он был «старослужащим», т.е. стал профессором в 1909 году, до Первой мировой войны [Беркович, 2018, с. 264].

В организации бойкота лекций профессора Ландау важную роль сыграл Освальд Тайхмюллер (Oswald Teichmüller), гениальный математик и убеждённый нацист. Он родился в небольшом городке Нордхаузене (Nordhausen) в южной части гористого Гарца, детство его прошло в расположенной недалеко деревне Санкт-Андреасберг (St. Andreasberg). В Гёттингене он появился в 1931 году восемнадцатилетним юношей из обедневшей семьи мелких собственников. Через один семестр он вступил в нацистскую партию и стал штурмовиком СА. Номер его партийного билета был 587 724 [Segal, 2003, с. 444]. В партию его привела не забота о карьере, а политический идеализм и вера в то, что «национальная революция» поможет возрождению Германии. Не последнюю роль сыграло и желание наивного юноши обрести опору в новом движении, стать своим в непривычной интеллектуальной среде. Через короткое время Тайхмюллер стал лидером среди национал-социалистических студентов факультета математики и естествознания. Расистская идеология нацистов увлекла его и стала основой решительных действий.

На следующий день после бойкота лекции Ландау, когда в аудиторию, где профессор ждал студентов, просто никого из слушателей не пропустили, Тайхмюллер письменно объяснил цели и задачи этой акции:

> *«Вы [Ландау] высказали вчера [в нашем разговоре] предположение, что это была антисемитская демонстрация. Я придерживался и придерживаюсь той точки зрения, что юдофобская акция могла бы быть направлена на кого угодно, но не на вас. Речь идёт не о создании трудностей для вас как еврея, а исключительно о защите студентов второго семестра от того, чтобы их обучал дифференциальному и интегральному исчислению преподаватель совершенно чуждой расы. Я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях читать чисто международно-математические и научные лекции подходящим студентам любого происхождения... Но возможность того, что вы сообщите слушателям математическое ядро без собственной национальной окраски, столь же мала, как велика уверенность в том, что скелет без мяса не бегает, а падает и разрушается».*
>
> [Siegmund-Schultze, 1998, с. 66]

Хотя в то время Тайхмюллер не встречался с берлинским профессором Людвигом Бибербахом (Ludwig Bieberbach), их мировоззрения удивительно совпадают. Бибербах был первым, кто разделил математику на арийскую и еврейскую. До него то же сделал с физикой Филипп Ленард [Беркович, 2018, с. 76].

Неудивительно, что Тайхмюллер впоследствии переехал в Берлин и опубликовал именно в журнале Бибербаха «*Deutsche Mathematik*» («Немецкая математика») ряд выдающихся работ, вошедших в историю науки. Гениальность математика сочеталась у Тайхмюллера с убеждённостью нациста. Случай, конечно, не частый, но и не единственный. Открыто сотрудничали с нацистами и другие знаменитости: психолог Карл Густав Юнг, философ Мартин Хайдеггер, физик Паскуаль Йордан и другие.

Убеждение, будто национал-социализм — движение необразованных низов общества, или, как утверждал Томас Манн, «*фашизм — социализм дураков*» [Mann, 1974, с. 481], безнадёжно устарело.

В 1934 году Национал-социалистический союз студентов перешёл в подчинение штаба заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса (Rudolf Heß). Он упорядочил структуру NSDStB и провёл ряд изменений устава, чтобы превратить Союз студентов в элитную организацию. В Союз могли вступить лишь члены нацистской партии. Другие студенты принимались только после испытательного срока в два семестра.

С приходом к руководству NSDStB и DSt в ноябре 1936 года Густава Шееля (Gustav Scheel) роль националистических студентов ещё более выросла. Теперь не министерство науки, воспитания и народного образования определяло руководителя местных студенческих организаций, а Национал-социалистический союз немецких студентов. Кадровые вопросы в высшей школе, назначение новых профессоров и преподавателей, защиты диссертаций и другие внутренние вопросы решали теперь тройки, состоявшие из представителя ректората, национал-социалистического союза студентов и другой национал-социалистической организации, входящей в структуру NSDAP: Национал-социалистического союза немецких доцентов (National-sozialistische Deutsche Dozentenbund, сокращённо NSDDB).

Целью обоих союзов — студентов и доцентов — была полная перестройка работы высших учебных заведений в духе национал-социализма. И эта цель была довольно быстро достигнута.

Нацизм и элиты

Долгое время считалось, что университетская жизнь находится в стороне от политики, а сами немецкие университеты обладают существенной самостоятельностью. Буквально накануне прихода Гитлера к власти, в декабре 1932 года в городе Галле состоялась конференция ректоров университетов, на которой была принята резолюция о запрете проведения какой-либо партийной политики в учебных заведениях [Grüttner, 2010, с. 150].

Через несколько месяцев об этой резолюции благополучно забыли. Уже летом 1933 года в некоторых университетах в нацистской партии состояли 20% преподавателей. В последующем рост числа членов NSDAP продолжился, так что к концу Третьего рейха нацистами стали две трети профессоров и преподавателей немецкой высшей школы [Grüttner, 2010, с. 150].

Похожие процессы проходили и в других секторах германского общества. После успехов нацистов на выборах в Рейхстаг 1930 и 1932 годов и особенно после их прихода к власти в 1933 году в партию стали массово вступать более зрелые люди и средний возраст членов партии повысился. Мартовские выборы 1933 года, когда Гитлеру удалось получить поистине диктаторские полномочия, вызвали такой поток заявлений о приёме в партию, что первичные партийные ячейки буквально утонули в нём. В течение нескольких недель численность NSDAP превысила два с половиной миллионов человек!

Важное место среди новых членов национал-социалистической партии занимали представители высших слоёв немецкого общества — чиновники высокого ранга, промышленники, профессора университетов, интеллектуальная элита, одним словом. Вопреки распространённому мнению, профессора высшей школы были политически активны. Правда, до прихода Гитлера на пост рейхсканцлера они сторонились NSDAP, отдавая свои голоса другим консервативным партиям, составлявшим оппозицию руководству Веймарской республики. К примеру, из 98 профессоров Гёттингенского университета в 1920 году 36% занимались в той или иной форме политической деятельностью. Из них 42% принадлежали Немецкой национальной народной партии (DNVP), 31% — Немецкой народной партии (DVP), 25% — Немецкой демократической партии (DDP) и один человек состоял в Коммунистической партии Германии (KPD) [Becker-Dahms-Wegeler, 1998, с. 35].

К началу тридцатых годов профессура Германии стала ещё правее, но всё же к радикальной партии примыкать опасалась. Положение изменилось после назначения Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года.

Показателен пример маленького городка Нортхайм (Northeim) в Гарце в южной части Нижней Саксонии. К концу января 1933 года в городе насчитывалась сотня членов нацистской партии. В начале марта их было уже четыреста, а после выборов 5 марта начался бурный поток заявлений в партию. Первого мая 1933 года в Нортхайме было уже тысяча двести членов NSDAP [Falter, 1998, с. 595], что составляло одну пятую всего взрослого населения города. За один квартал число членов нацистской партии увеличилось в двенадцать раз!

Нортхайм нельзя всё же назвать типичным городом Германии, так как в среднем по стране число членов NSDAP к середине 1933 года составляло два с половиной миллиона человек, что представляло

собой одну двадцатую всего взрослого населения страны.

Тем не менее темпы роста численности партии в 1933 году поражают. Если принять за сто процентов общее число вступивших в NSDAP за период с 1925 по 1933 год, то на один только 1933 год придётся 61,6%! Для сравнения: в 1929 году было принято 1,8%, в 1930—6%, в 1931—13% и в 1932—14,7% от общего числа [Falter, 1998, с. 601, рис. 1].

Конечно, не все присоединялись к гитлеровской партии из глубоких националистических убеждений. Как писал историк Шеридан Аллен (Sheridan Allen), лично следивший за ростом сторонников NSDAP в 1933 году, мотивы вступления в партию столь же многообразны, как и сами люди, рвущиеся в национал-социалисты [Allen, 1973, с. 241].

Многие хотели использовать начавшееся «*национальное возрождение*», как называли захват власти сами нацисты, для личных целей. Например, обезопасить себя и семью от возможных преследований. Для кого-то правящая партия становилась гарантом рабочего места, которое все боялись потерять. Кто-то рассчитывал на новые материальные льготы, которые сулила близость к партии власти. Кто-то действовал по пословице «С волками жить—по-волчьи выть». Некоторых испугали акции устрашения, которые проводили нацисты в первые месяцы после прихода к власти. Кто-то поддался чужому давлению—в семье, на работе, в кругу знакомых…

Отдельно надо сказать о людях, уже занимавших заметные посты в обществе, например, о бургомистре или редакторе местной городской газеты. Им вступление в партию Гитлера было нужно, чтобы сохранить рабочее место. Многие чиновники и интеллектуалы давно симпатизировали нацистам, но не решались вступить в NSDAP, опасаясь мнения коллег и начальства. Теперь же ничто не могло им помешать исполнить желание. Были и такие, кто хотел вступить в национал-социалистическую партию, чтобы её «облагородить», поднять её средний интеллектуальный уровень, внести в её среду что-то человеческое, разумное, доброе, вечное…

Следует сказать, что не все заявления в партию принимались безоговорочно. Многим, даже чистокровным арийцам, отказывали, если они были уличены в борьбе с NSDAP в прошлом, в лояльности Веймарской республике, пацифизме и других «непатриотических», с точки зрения нацистов, деяниях.

Потребовались годы, чтобы обработать весь вал заявлений, обрушившийся на партийные ячейки нацистов. Управление делами партии в Мюнхене вплоть до 1936 года выдавало постоянные партийные билеты тем жителям Нортхайма, которые подали заявление до 1 мая 1933 года [Falter, 1998, с. 596].

О размерах этого вала можно судить по таким статистическим данным. В январе 1933 года, ещё до назначения Гитлера рейхсканцлером, в его партию вступили 21,2 тысячи человек. В феврале чуть больше—24,4 тысячи. В марте, после новых выборов в рейхстаг, давших коалиции NSDAP и DNVP абсолютное большинство в парламенте, в партию Гитлера вступили уже 62,5 тысячи человек. В апреле их число увеличилось более чем втрое: 203,8 тысячи. И, наконец, в мае 1933 года в партию записались миллион триста три тысячи немцев [Falter, 1998, с. 602, рис. 2]. Всего за первые пять месяцев 1933 года в партию принято миллион шестьсот тысяч членов.

Нелишне заметить, что до января 1933 года ситуация была обратная—количество новых членов партии неуклонно падало: со 140 тысяч в четвёртом квартале 1931 года до 60 тысяч в четвёртом квартале 1932 года. Эта драматическая для нацистов динамика падения для многих современников была доказательством близкого конца партии Гитлера. В конце 1932 года Геббельс записал в своём дневнике: «*…будущее тёмно и мрачно. Все предположения и надежды полностью исчезли*» [Мельников-Черная, 1982, с. 118]. Так что назначение престарелым президентом Гинденбургом Адольфа Гитлера рейхсканцлером оказалось спасением для его партии. А дальше последовал описанный выше взрыв популярности, названный впоследствии «*национальным возрождением*» или «*националистической революцией*».

Буквально в течение нескольких недель моральное состояние немецкого общества радикально изменилось. Очевидец этих событий Себастиан Хаффнер (Sebastian Haffner) писал:

> «Между выборами в рейхстаг пятого марта и летом 1933 года в Германии произошла абсолютная смена настроений. Дух общества в 1933 году столь же важен, как в августе 1914-го. Это было—иначе и не скажешь—широко распространённое чувство искупления и освобождения от демократии»
> [Haffner, 1987, с. 237]

И далее Хаффнер пишет об огромном потоке желающих присоединиться к нацистской партии только из-за соображений карьеры, а не идеологии:

> «Образ мысли, который можно презирать, но который лежит в основе человеческой природы и который в тридцатых годах сделал немцев политически очень сплочённой нацией»
> [Haffner, 1987, с. 240].

Представляется, что Хаффнер нарисовал слишком упрощённую картину: в его изложении отсутствуют немцы, присоединившиеся к нацистам по убеждению, о чём писал другой очевидец событий Шеридан Аллен.

Тем, кто из конъюнктурных соображений вступил в партию после марта 1933 года, придумали

ироническое наименование «мартовские падшие» (Märzgefallene) — так раньше называли жертв мартовской революции 1848 года в Вене и Берлине, а также жертв Капповского путча 1918 года. Для ветеранов партии, имевших номер партийного билета меньше ста тысяч, т. е. вступивших в NSDAP до 1928 года, ввели специальное звание «Старые бойцы» (Alte Kämpfer). Их награждали «Золотым фазаном» — специально введённым «Золотым значком партии» (Goldenes Parteiabzeichen). Впоследствии предельный номер партбилета для «Старых бойцов» увеличили до трёхсот тысяч. Для тех партийцев, кто вступил в национал-социалистическую партию до назначения Гитлера рейхсканцлером, т. е. до 30 января 1933 года, использовали обозначение «Старые члены партии» (Alte Parteigenossen). Первого мая 1933 года из-за лавины новых заявлений приём в партию был временно приостановлен. Когда приём снова возобновили, численность партии достигла восьми с половиной миллионов членов [Benz, 2009, с. 7].

Важно подчеркнуть, что с приёмом новых членов NSDAP в 1933 году качественно изменился социальный состав партии. Доля рабочих в партии снизилась с 40 до 34%, а доля служащих и чиновников выросла с 22 до 31% [Falter, 1998, с. 610, таб. 1].

Перепись населения, проведённая в 1933 году, показала, что в целом по Германии рабочие составляют 48% всех взрослых жителей страны, а служащие и чиновники — 19% [Falter, 1998, с. 610, таб. 2].

Как мы видим, доля рабочих в партии меньше, чем в целом по стране. Зато доля чиновников, служащих, включая академическую элиту, в партии почти вдвое выше, чем средняя по Германии.

До 1933 года среди новых членов партии было 4,2% служащих и 4,7% преподавателей высшей школы, имевших учёные степени. А вот среди «мартовских павших», т. е. с марта по май 1933 года, доля служащих поднялась в три раза — до 12,5%, а доля докторов наук увеличилась вдвое — до 9,2% [Falter, 1998, с. 614, рис. 9].

По расчётам Юргена Фальтера, в 1933/34 году нацисты составляли 7,3% всего занятого населения Германии, однако членами NSDAP являлись 20% всех немецких чиновников и служащих и 30% всех преподавателей высшей школы [Haar, 2009, с. 72].

Эти данные позволяют по-новому взглянуть на роль интеллектуальной элиты общества в Третьем рейхе, чья ответственность за преступления нацистов явно недооценивается. Такой высокий процент высших чиновников и интеллектуалов в нацистской партии заставляет усомниться в сложившемся стереотипе: якобы тупое и необразованное партийное руководство, состоящее из недавних «колбасников» и штурмовиков, противостоит высокопрофессиональному, морально чистому старому, часто аристократическому чиновничеству, честно выполнявшему свой государственный долг и не замешанному в преступлениях режима. Они, мол, лишь стремились уменьшить хаос, вызванный противоречивыми командами из разных центров — партийного и государственного. Такую картину ярче других нарисовал известный историк Третьего рейха Ганс Моммзен (Hans Mommsen), младший представитель знатной династии немецких историков.

Согласно Моммзену, нацисты, придя к власти, разрушили сложившуюся систему управления на региональном и отраслевом уровнях, новые назначенцы из партийного актива были некомпетентны и отдавали непрофессиональные приказы, вносящие неразбериху, и лишь чиновники «старого образца» по мере сил пытались выправить положение [Mommsen, 1966, с. 18].

В действительности всё было не так. К руководству на коммунальном уровне, как и к руководству университетами и другими научными учреждениями пришли не сторонние нацисты, «новые партийные назначенцы», а перестроившиеся, «самонацифицировавшиеся» представители старой элиты, которые до 1933 года не были ни избирателями, ни членами NSDAP. Чётко проведённые кампании «ариизации», т. е. конфискации в пользу арийцев еврейских предприятий, чисток в высших учебных заведениях и тому подобные примеры ясно показывают, что чиновничья и академическая элита Германии быстро встала на сторону новой власти и грамотно проводила в жизнь решения высшего нацистского руководства, сколь бы бесчеловечными они ни были.

Если к сказанному добавить, что нацистам удалось увлечь своими планами расширения жизненного пространства на Восток и поддержки немецкого производителя за счёт принудительного труда покорённых народов не только элиту, но и рабочих, ремесленников, крестьян и представителей среднего класса, то тезис о всенародности национал-социалистического движения станет очевидным. Впервые в истории страны национал-социалистической партии удалось преодолеть сословные, классовые и религиозные барьеры. Основной проект этой партии — «Третий рейх» — оказался трагически неудачным, он привёл к экономическому и военному краху Германии, ко Второй мировой войне с десятками миллионов жертв, к Катастрофе европейского еврейства…

Ответственность за эти беды лежит не только на NSDAP, но и на всех гражданах, голосовавших за эту партию, симпатизировавших ей, стремившихся стать её членами, другими словами, на всём немецком обществе. Кто поддерживал диктатуру, разделяет ответственность за её преступления.

Литература

Allen, Sheridan. 1973. *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town, 1930–1935.* London: Franklin Watts, 1973.

Becker-Dahms-Wegeler. 1998. *Becker, Heinrich; Dahms, Hans-Joachim; Wegeler, Cornelia (Hrgb.) Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus.* München: K.G. Saur Verlag, 1998.

Benz, Wolfgang (Hrsg.). 2009. *Wie wurde man Parteigenosse? Die NSDAP und ihre Mitglieder.* Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2009.

Bourke-White, Margaret. 1979. *Deutschland, April 1945.* München: Schirmer/Mosel Verlag, 1979.

Ebzensberger, Hans-Magnus (Hrsg.). 1990. *Europa in Trümmern. Augenzeugenberichte aus den Jahren 1944–1948.* Frankfurt a. M.: Eichborn Verlag Ag, 1990.

Falter, Jürgen W. 1998. Die «Märzgefallenen» von 1933. *Geschichte und Gesellschaft, S. 595–616.* 1998 г., Т. 24.

—. 1991. War die NSDAP die erste deutsche Volkspartei? [авт. книги] Michael Prinz и Rainer (Hrsg) Zitelmann. *Nationalsozialismus und Modernisierung.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.

Genschel, Helmut. 1966. *Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich.* Göttingen : Duehrkohp & Radicke, 1966.

Geschichtsportal für Baden. *Lernort Zivilcourage & Widerstand, Geschichtsportal für Baden.* [В Интернете] [Цитировано: 20 ноября 2017 г.] www.lzw-portal.de/filter/alexander-schifrin/.

Grüttner, Mochael. 2010. Nationalsozialistische Wissenschaftler: ein Kollektivporträt. [авт. книги] Michael Grüttner и Rüdiger et al. (Hrsg.) Hachtmann. *Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert, S. 149–165.* Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht Verlag, 2010.

Haar, Ingo. 2009. Zur Sozialstruktur und Mitgliederentwicklung der NSDAP. [авт. книги] Wolfganr (Hrgb) Benz. *Wie wurde man Parteigenosse? Die NSDAP und ihre Mitglieder, S. 60–73.* Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.

Haffner, Sebastian. 1987. *Anmerkungen zu Hitler.* Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987.

Hasselhorn-Weinreis. 1983. Hasselhorn, Fritz; Weinreis, Hermann. Göttingen's Weg in den Nationalsozialismus, dargestellt anhand der städtischen Wahlergebnisse. [авт. книги] Jens-Uwe Brinkmann и Hans-Georg Schmeling. *Göttingen unterm Hakenkreuz.* Göttingen: Stadt Göttingen, Kulturdezernat, 1983.

Kater, Michael. 1983. Sozialer Wandel in der NSDAP im Zuge der nationalsozialistischen Machtergreifung. [авт. книги] Wolfgang (Hg.) Schieder. *Faschismus als soziale Bewegung, S. 25–68.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1983.

Kellerhoff, Sven Felix. 2017. *Die NSDAP: eine Partei und ihre Mitglieder.* Stuttgart: Klett-Cotta Verlag, 2017.

Kühn, Helga-Maria. 1983. Die nationalsozialistische 'Bewegung' in Göttingen von ihren Anfangen bis zur Machtergreifung (1922–1933). [авт. книги] Jens-Uwe und Schmeling, Hans-Georg (editors) Brinkmann. *Göttingen unterm Hakenkreuz.* Göttingen: Stadt Göttingen, Kulturdezernat, 1983.

Lightning. 1947. *Lightning: The History of the 78th Infantry Division.* Washington: Infantry journal press, 1947.

Mann, Thomas. 1988. An Jakob Wassermann, München, 2./3.4.1921. *Briefwechsel mit Autoren, S. 475–478.* Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1988.

—. 1974. Zum Problem des Antisemitismus. *Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, Nachträge, S. 479–490.* Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974.

Miller, Lee. 2015. *Krieg: Mit den Alliierten in Europa 1944–1945. Reportagen und Fotos.* München: btb Verlag, 2015.

Mommsen, Hans. 1966. *Beamtentum im Dritten Reich.* Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966.

Pyta, Wolfram. 1989. *Gegen Hitler und für die Republik. Die Auseinandersetzung der deutschen Sozialdemokratie mit NSDAP in der Weimarer Republik.* Düsseldorf: Droste Verlag, 1989.

Segal, Sanford L. 2003. *Mathematicians under the Nazis.* Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.

Siegmund-Schultze, Reinhard. 1998. *Mathematiker auf der Flucht vor Hitler.* Braunschweig; Wiesbaden: Deutsche Mathematiker Vereinigung, 1998.

Walberer, Ulrich (Hrsg.). 1983. *10. Mai 1933. Bücherverbrennung in Deutschland und die Folgen.* Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 1983.

Wassermann, Jakob. 1988. An Thomas Mann [zwischen 4. und 14.4.1921]. [авт. книги] Thomas Mann. *Briefwechsel mit Autoren.* Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Weidermann, Volker. 2008. *Das Buch der verbrannten Bücher.* Köln : Kieperheuer&Witsch Verlag, 2008.

Wenzel, Mario. 2009. Die NSDAP, ihre Gliederungen und angeschlossenen Verbände. Ein Überblick. [авт. книги] Wolfgang (Hrsg.) Benz. *Wie wurde man Parteigenosse? S. 19–38.* Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.

Werner, Max. 1938. *Der Aufmarsch zum zweiten Weltkrieg.* Strasbourg: Brant Verlag, 1938.

Wilhelm, Peter. 1978. *Die Synagogengemeinde Göttingen, Rosdorf und Geismar, 1850–1942.* Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1978.

Zitelmann, Rainer. 1989. *Adolf Hitler. Eine politische Biographie.* Göttingen : Muster-Schmidt Verlag, 1989.

—. 1987. *Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs.* Stuttgart : Klett-Cotta Verlag, 1987.

Беркович, Евгений. 2018. *Революция в физике и судьбы её героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века.* М.: URSS, 2018.

Мельников-Чёрная. 1982. *Мельников, Даниил; Чёрная, Людмила. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер.* М.: Издательство Агенства печати «Новости», 1982.

Дмитрий Косяков

Сказки про девочку Ульрику

Жил-был волшебник. Самый настоящий. И он умел творить самые настоящие чудеса.

Рано утром он вставал и отправлялся на работу. Правда, работа у него была не волшебная, а обыкновенная, потому что чудеса (по крайней мере, добрые) за деньги не делаются. А без денег не проживёшь — так что наш волшебник работал в сфере торговли. Кем именно, рассказывать будет скучно — даже сам волшебник не любил говорить про свою работу, она ему не нравилась. Как хотелось ему порой с помощью волшебства укоротить себе рабочий день или наколдовать лишний выходной, но это было нельзя — даже попросту невозможно.

В свободное время он ходил по магазинам или в разные чиновные конторы. Всегда ведь так много дел: надо и за квартиру заплатить, и в банке карточку переоформить, и перепланировку квартиры согласовать, и счётчики воды перезарегистрировать. Тут уж не до чудес.

Порой он так уставал, что, приходя домой, начинал смотреть телевизор или какую-нибудь глупость в интернете.

Жена у волшебника тоже была очень занятая. Она хлопотала по дому: мыла полы и посуду, стирала, чистила, гладила, да ещё и старалась кое-что зарабатывать. Вообще-то она тоже была волшебницей и тоже очень тосковала по своей главной профессии — по волшебству. Поэтому волшебник старался помогать жене с домашними делами, но всё равно времени на чудеса оставалось слишком мало.

А ещё ведь у них была маленькая дочка с волшебным именем Ульрика, и девочке требовались забота и ласка. По вечерам волшебник забирал дочку у бабушки и вёл домой. И вот по дороге они заворачивали в небольшой скверик и там папа-волшебник иногда творил чудеса и переносил дочку в сказку…

Книжка-малышка

Ульрика не любит ложиться спать. Вечером как-то и играется интереснее и бегается и прыгается веселей. Вот однажды вечером Уля разложила на кровати свои книжки (раскладывать иногда даже интереснее, чем читать), но тут пришёл папа, схватил дочку и унёс умываться. А когда принёс назад, то на кровати уже ничего не было.

— Ой, а где же мои книжечки? — удивилась Уля.

— Книжки пошли спать на полочку, — объяснила мама.

— И я хочу на полочку, не хочу в кроватку, — сказала Ульрика.

— Ну что же, — согласился папа и стал колдовать:

Даже сказка спать ложится,
Спать ложится на кровать,
Утром книжка воротится,
Воротится и терадь.

Если дети любят труд,
Тычут в книжку пальчик,
Завтра снова к ним придут
Книжица и мячик.

Ульрика закрыла глазки и превратилась в маленькую книжку — книжку-малышку. Папа осторожно взял её и положил к другим книжкам на полку.

Как же интересно было здесь очутиться! Тем более что Ульрика встретила здесь многих своих знакомых. Поглядев направо (право — это там, где рука, которой держишь ложку), она увидела свои знакомые и любимые детские книжки. Первым делом к ней подошли кот в кафтане и лиса в сарафане.

— Я вас знаю! Вы Котофей Иванофич и Лисафья-кума, — обрадовалась девочка.

— Мы — русские народные сказки. Хочешь, мы тебе тут всё покажем?

И они пошли, а кот и лиса всё Уле объясняли и показывали:

— Вот — городок в табакерке, а вот — изумрудные города.

— Их что, два?

— Да. Один цветной, другой — чёрно-белый.

— Ой, хочу в цветной! Хочу в цветной! — Ульрика так захотела и так испугалась, что её туда не отведут, что даже приготовилась заплакать, но сразу же забыла об этом, потому что увидела Незнайку. Да не одного, а целых трёх. Первый был самый весёлый и беззаботный — это был Незнайка из Цветочного города, папа уже знакомил Улю с ним. Второй Незнайка был чуть серьёзнее — это был Незнайка из Солнечного города. Третий был задумчивый и даже строгий — это был незнайка с Луны. Уля решила, что познакомится с другими Незнайками потом, когда немножко подрастёт.

Много она видела разных чудес, всего и не упомнишь! А потом детские книжки кончились, и начались взрослые. Тут кот и лиса попрощались с Ульрикой. В краю взрослых книг было не так цветно и ярко и даже как будто сумрачнее. Во всяком случае, ей так показалось. Но не успела Уля растеряться, как ей встретился дедушка с длинной бородой и в белой рубахе, подпоясанной верёвочкой.
— Ой, дедушка, а ты про репку или про золотую рыбку?
— Я — война и мир.
— Знаю-знаю! Тебя мама с папой по вечерам читают.

Дедушка улыбнулся и погладил бороду, а Уля спросила, показывая вперёд:
— Что это за лес такой темнеется?
— А это книги, которые ты ещё не прочитала. Вот начнёшь читать, и лес будет становиться всё светлее и красивее. А пока я тебя проведу.

И дедушка «Война и мир» повёл Ульрику. Много удивительного и странного было в лесу, было даже страшное. Например, напугал Улю дядя «Преступление и наказание» — выскочил из леса, закричал диким голосом и стал туда-сюда бегать и на себе волосы рвать.
— Не бойся. Это он так тебя жалеет, — объяснил ей дедушка.
— Всё равно страшно, — сказала Уля, крепче схватилась за дедушку, и они пошли дальше.

А вот дядя «За живой и мёртвой водой» ей понравился. Добрый такой, улыбчивый, а в глазах с грустинкой. Девочка это сразу заметила:
— Почему дядя грустный?
— Этого я не знаю. Ну, подрастёшь, сама у него спросишь, — сказал дедушка.

Ещё она видела, как где-то в чаще проскакал красивый дядя на коне. Сначала она подумала, что это королевич, который мимоходом пленяет грозного царя, но потом узнала:
— Это дядя Че с папиной кружки! А что он тут делает? Разве он книжки писал?
— Выходит, что писал.

Дядя Че помахал им своим беретом и пропал за деревьями.

Вот так, от деревца к деревцу, от книжки к книжке, вышли они на опушку. Тут и светать стало.
— Ну, прощай, внучка, может, ещё увидимся когда.
— Прощай! — отозвалась Уля и проснулась в своей кроватке. Видно, папа её расколдовал.

Потребляндия

— А куда мы отправимся сегодня? — спросила Ульрика.
— В Потребляндию, — ответил папа.
— Это такая волшебная страна?
— Да.
— Ура! Ура! — обрадовалась Уля. Правда, «р» она ещё не выговаривает, и получилось «Ува! Ува!».
— Только учти, путешествие это непростое и довольно опасное. Так что, чур, слушаться. Будешь?
— Да, буду. Может, зонтик с собой возьмём? (Мама подарила Уле чудесный разноцветный зонтик, который защищает и от солнца, и от дождика.)
— Возьмём, пожалуй, — согласился папа. — Может, пригодится.

И вот пошли. Если у тебя папа — волшебник, то, взявшись за его палец, можно прийти куда угодно — в самые далёкие и сказочные места. А когда сам по себе бегаешь, то дальше детской площадки не убежишь.

Вот и первая опасность — автомобильный лес. На подступах к Потребляндии — целый лабиринт из огромных машин. Все они грязные и дымят так, что дышать невозможно.
— Помнишь, как мы с тобой нырять учились? Вот и сейчас надо дыхание задержать, — скомандовал папа, подхватил дочку на руки и быстро-быстро пошёл через этот лес.

Уля и не заметила, как из леса они выбрались в Потребляндию и что вместо автомобилей вокруг — полки с товарами. Сначала она даже растерялась: вокруг целые горы из наваленных разноцветных вещей, всё это сливается в пёструю мешанину, от которой рябит в глазах, по узким проулочкам между вещами ходят толпы людей, видимо, жителей Потребляндии, и над их головами плывёт грохот и гул из голосов, звуков объявлений и какой-то музыки… Но потом Ульрика присмотрелась — а ведь всё очень мило: яркие, нарядные полки с разными разностями, плакаты с улыбками; прислушалась — и различила задорную музыку и весёлые зазывающие голоса.

Папа неспешно шёл среди стеллажей и задерживался, прежде чем что-то взять… и брал какие-то неинтересные штуки: крупу, картошку, хлеб. А у Ули прямо глаза разбегались. И того хочется, и этого — и конфеток, и шоколадок, и пряничков, и игрушек, и… вот этого, непонятно чего, но так нарядно упакованного!
— А это что? (получалось «фто») — повторяла Ульрика. — А это можно взять?

Но папа её предупредил:
— Доченька, тут всё заколдованное. Мы уже взяли для тебя творожок. Хватит.

Уля решила обидеться и поплакать, ведь с каждой полки сотни интересных штучек кричали ей: «Возьми меня! Возьми меня!»

И тут Уля увидала мальчика, такого же маленького, как она сама. Мальчик с выпученными глазами и красным лицом подбежал к полке с игрушками, сгрёб, сколько смог достать, побежал к маме и, встав на цыпочки, стал совать игрушки ей в корзину. Мама мальчика рассердилась и потребовала, чтобы он отнёс всё на место, но мальчик брякнулся на пол, изогнулся и закричал изо всех сил, хотя его почти не было слышно в этом шуме.

— Попался, бедняжка,— сказал папа.
— Как это попался?
— Да так. Поймали его. Ты посмотри, ведь это не он хватает вещи, а они его хватают.

Мальчик катался по полу и тянул руки к игрушкам, а они насмешливо глядели на него с полок.

Тут Ульрика увидала, что штуки вокруг и впрямь заколдованные, и больше ничего сама не хватала. А игрушки и шоколадки ещё громче закричали и потянулись к ней. Но девочка взялась обеими руками за мамин зонтик и ходила за папой, даже по сторонам старалась не смотреть. Оказалось, что мамин зонтик спасает ещё и от злого волшебства. Так и выбрались из Потребляндии.

— А зачем мы ходим в это заколдованное место?— спросила она у потом папы.
— Никак без этого не обойтись,— вздохнул папа,— по крайней мере, пока.

Добрый дедушка

Дедушка у девочки Ульрики раньше был плоховником в армии. А как вышел на пенсию стал очень добреньким. Иной раз мама или папа оставят Ульрику у дедушки в гостях, так он сразу же включает ей мультики на компьютере, а сам идёт спать, и можно мультики смотреть, пока глазки не заболят. Вот какой добрый дедушка! Поэтому когда родители приходили чтобы забрать девочку, она всегда капризничала, убегала и пряталась.

Однажды пришёл за ней папа, Ульрика — в слёзы. Папа в такие минуты бывает просто злодеем: поймал и одевает, невзирая на капризы. А у дедушки-то за внучку сердце болит. Он, конечно, кинулся её утешать, обнимать, отнимать. Но папа ни в какую — одевает, засовывает, застёгивает, закутывает. Так что получилась целая куча-мала из Ульрики, одежды и дедушки. Вот папа по ошибке дедушку и нарядил и с собой домой увёл. Пришли домой к маме, она ошибку и обнаружила.

Пришлось папе дедушку разворачивать и снова за Ульрикой бежать. А она тем временем успела ещё два мультика посмотреть.

Девочка Ульрика и злые волшебники

Помните, я вам говорил, что добрые чудеса не могут делаться за деньги? Кое-кто из вас уже, наверное, догадался, что бывают не только добрые чудеса и не только добрые волшебники. Бывают и злые колдуны и ведьмы.

Очень скоро Ульрика познакомилась и с ними. Вот, как это вышло.

Однажды девочка Ульрика проснулась, потянулась, повернулась на кровати и увидела, прямо возле своего лица выхлопную трубу. Вместо мамы рядом с ней на кровати лежал большой автомобиль. От неожиданности Ульрика даже не испугалась, а очень сильно удивилась.

Тут в комнату вбежала мама и замахала на автомобиль полотенцем:
— А ну, кыш! Кыш отсюда! Папа, это ты окно не закрыл?

Автомобиль неуклюже переполз с кровати на подоконник, протиснулся в приоткрытое окно и выбрался на улицу, и мама поскорее захлопнула створку. Папа объяснил Ульрике, что в этом автомобиле катается волшебник Газилкин, который больше всего на свете любит, чтобы все нюхали газ из его выхлопной трубы, особенно дети. И он никогда не выходит из своей машины, так что его и не видел никто.
— А этот Газилкин, он злой волшебник, да?— спросила Ульрика.
— Злой. Но больше глупый. Одно без другого не бывает,— объяснил папа.

Потом они пошли гулять. Но прямо посреди детской площадки на клумбе лежал и нежился автомобиль Газилкина. Ульрика подошла к нему и спросила:
— А почему ты не ходишь пешком?
— Как же я буду ходить пешком, если вокруг такая грязь и всё вокруг заплёвано?— донеслось из автомобиля.— Я люблю чистоту.

Ульрика посмотрела под ноги и увидела, что дорожки и правда все заплёваны — почти на каждом шагу.
— А это кто наделал?— спросила девочка у папы.
— Это наделал другой волшебник,— вздохнул папа.— Зовут его Сморкач. Он мечтает заплевать и засморкать все дорожки, все улицы — всё на свете.
— Значит, чтобы Газилкина победить, надо сначала со Сморкачом справиться?
— Выходит, так.

И, поскольку на улице было слишком неуютно, они пошли в кафе, чему хозяин кафе был очень рад.

Обиженные игрушки

Девочка Ульрика не очень любила складывать игрушки на место. Папа её часто предупреждал:
— Если игрушки не складывать в коробку, если у них не будет домика, то они могут обидеться.

Но Ульрика не слушалась.

И вот однажды пошла она с мамой гулять, а игрушки, как всегда, разбросала. Пришла домой — глядь! — а игрушек-то нет. Может, папа их в коробку сложил? В коробке пусто.

А папа и говорит:
— Ушли от тебя игрушки. Обиделись.

Загоревала Ульрика, поплакала, но слезами горю не поможешь. Оно, конечно, можно и без игрушек с посудой поиграть или с папиными инструментами, но уж очень жалко ей стало свои игрушки и стыдно, что она их обидела.

— А куда они ушли?—стала спрашивать Ульрика у папы.
— Как, куда? В страну игрушек,—ответил папа.
— Ах, как бы и мне эту страну отыскать!
— Зачем?
— Хочу у игрушек прощенья попросить. Может, им плохо там живётся? Я их тогда домой позову.
— Ну что ж,—сказал папа,—пойдём.

И они пошли. Долго шли. Из кухни, мимо ванной и туалета, обошли три стула, пока не добрались до тумбочки.

— Вот за этими дверями и находится страна игрушек,—сказал папа.
— Это же тумбочка, там одежда лежит!
— Надо сказать волшебные слова. Ахалай-махалай-Николай!

Папа отворил дверцу, а там—вот так чудо—Улины игрушки! Обрадовалась девочка и стала их оттуда доставать и просить у них прощенья. С тех самых пор она всегда перед сном складывала игрушки на место. И книжки тоже, на всякий случай.

*Ди*Н ревю

Эдуард Русаков

Чужая душа

Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2017

Здесь покоятся только хорошие люди,—открывает для себя главную тайну кладбища один из героев Эдуарда Русакова («Светлые аллеи»). Если верить эпитафиям, преобладающее число ушедших в мир иной—люди прекрасные, умные, светлые, без них мир пуст и грустен. Конечно, это открытие не делает нас сильнее, оно, скажем так, не придаёт нам бодрости. Если все самые хорошие, самые достойные люди—тут, в кладбищенской земле, значит, в реальной жизни вокруг остались в основном люди порочные, злые, завистливые, мстительные, корыстные, и всё такое прочее? Неужели именно по этой причине мы так редко встречаемся с искренним пониманием, с нежностью, с добром?

И мы погружаемся в рассказы Эдуарда Русакова.

Мы начинаем внимательно вглядываться в несостоявшихся мастеров, в женщин-неудачниц, в художников, не сумевших дописать свои полотна, а главное, во врачей, не сумевших (к сожалению) помочь своим пациентам. Да и кто тут пациент? Кто тут кого лечит? Священник смиренно говорит на похоронах: «Не берусь судить о живописных достоинствах картин Дмитрия Воропаева, но хочу обратить внимание, братья и сёстры, на тот дух христианской любви, которым пронизаны все его портреты». Думаете, священник при этом вспоминает русского философа Николая Фёдорова? Думаете, он мечтает о немедленном и всеобщем воскрешении миллионов всех этих таких чудесных, но уже ушедших людей? Ошибаетесь. Он слишком хорошо помнит хотя бы тех, кого близко знал, с кем общался при их жизни, красивой эпитафией священника не обманешь. Физическое воскрешение (пусть даже только в фантастических посылках героя, основавшего некий центр «Возрождение») его пугает. Воскрешение—акт надчеловечный, нечеловеческий, это, скорее, акт мошеннический, не будем бояться правды, иначе зачем так ослепляет и бьёт молния, зачем так страшно вспыхивает в руке сотовый телефон, почему огненная стрела пронзает героя и героиню «Светлых аллей», открывая перед ними иной, преображённый мир?

Зачем? Почему? Вопросы, вопросы.

Работы Эдуарда Русакова наполняют меня странньм смущением.

Вот он наш мир. Психушка, стены которой совсем по-домашнему оклеены обоями успокаивающего салатного цвета… вазы с живыми цветами… совсем пропащая, связанная по рукам и ногам женщина, бьющаяся в белой горячке… цыганка на автобусной остановке, которая смотрит в глаза герою: «Тебе только кажется, что ты жив; ты давно умер»… Далекое и светлое будущее, в котором нет границ, где все страны объединены (добровольно, конечно) единым правительством, где армии распущены, язык (английский) един, где запросто излечиваются СПИД, алкоголизм, наркомания, где под корень уничтожены все инфекционные и даже (это чрезвычайно важно) психические болезни. Чего, спрашивается, бояться?

А оказывается, есть чего бояться.

Геннадий Прашкевич

Марина Саввиных

Homo immortalis:

невозможность и неизбежность распятия

Заметки на полях двух романов Александра Мелихова

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?
АСП

Дано мне тело — что мне делать с ним?
ОМ

Помню, какое неизгладимое впечатление произвела на меня впервые прочитанная в какой-то научно-популярной книжке история Пико делла Мирандолы. Мне было лет 17, пожалуй. Начало семидесятых прошлого века. Меня, выбиравшуюся среди позднесоветского «застоя» на извилистую дорогу бытия, поразила тогда не столько даже судьба философа, прожившего короткую, но бурную жизнь — вполне соответствующую не слишком строгим моральным канонам своей эпохи, — сколько мысль о человеке, с тех пор и доселе не дающая мне покоя. Человек — не бог и не зверь, но может стать вровень с Богом и опуститься ниже любой скотины. Всё зависит от того, что сам он сделает с собой в роковом промежутке между небом и землёй. «Ты — достославный ваятель самого себя», — говорит Бог человеку устами юного мудреца. Красиво! Но что это значит на самом деле?

Можно сколько угодно спорить о Боге и душе, об устройстве Вселенной и месте в ней человека. Всемирная библиотека — вспомним Борхеса — вся об этом. Но в чём ни одно разумное существо не может усомниться, так это в собственном бессмертии. Что бы в этой связи ни утверждали материалисты, ни проповедовали богоборцы всех мастей и ни свидетельствовал наш собственный опыт: во что угодно можем мы поверить, но только не в то, что нас когда-то не было и рано или поздно не будет. Да, люди рождаются и умирают. Как всё живое на земле. Но это — другие. Это — другое. С тем, что возникло и обязательно исчезнет «я», — разум никогда не согласится, как бы ни давили на него факты и обстоятельства. Кто-нибудь помнит пробуждение собственного сознания? Ведь нет же! Начало индивидуального сознания — не вспышка во тьме, а… проступание всё более и более отчётливых образов вне и внутри «я», как на волшебной картинке, опущенной в тёплую воду. Индивидуальное сознание не возникает в человеке, а как бы… «приходит в себя», постепенно проявляется в новой форме. Оно же — со-знание. Знание себя в совокупности с разумом мира. Может быть, именно в этом философский смысл религиозной максимы о сотворении человека Богом «по образу и подобию Своему»? Если «Бог» есть вечно пребывающее основание бытия, то человеческое «я», искра этого никогда не затухающего пламени, тоже пребывает вечно — не возгорается и не затухает, а лишь обретает и изживает бесчисленное множество различных форм? Кто же это сказал: образование есть воспоминание? Именно! Образование необходимо для того, чтобы восстановить целостность «я», насколько это возможно, из исторических глубин насущного человечества. Тут-то, должно быть, и начинается то, о чём говорил Пико, — ты можешь своими волею и трудом совершить «возгонку» духа до максимальной ясности, а можешь, не делая ничего, проспать отпущенный на этой ступени бытия срок и спуститься к низшей форме — может быть, едва тлеющей…

Да. Повторю — это очень красивая теория! Мне она с юности близка — ради удовольствия в ней разбираться я по собственному почину прочла, кажется, все работы А. Ф. Лосева, в каком-либо виде изданные к началу девяностых. Как у него всё это стройно, убедительно и логически ясно показано! И одиночество Единого — и сотворение «иного», меона, материи. Бытие. Имя. Космос. Нераздельно и неслиянно. В бесконечной гармонии и вечной борьбе. И как вспомнишь при этом о действительной земной жизни самого Лосева, его учителя отца Павла Флоренского и других блистательных русских идеалистов, так поневоле призадумаешься — только ли такого свойства путь… путь, упрямо страдальческий, определяет странствие искры Божией к вечной родине своей?..

Бердяев в «Смысле творчества» как раз об этом: «…Всё в мире должно быть имманентно вознесено на крест. Так осуществляется божественное развитие, божественное творчество. Всё внешнее становится внутренним. И весь мир есть мой путь…». Когда я это прочла, меня несколько суток бил озноб. Вот тебе, девушка, и крест, и распятие, и всё с этим связанное. Бери и неси. Человек — не только

homo sapiens, он — отсюда и homo immortalis. А значит, надо как-то совместить свой абсолют и своё бессмертие с необходимостью тянуть бесконечно лямку, кем-то и зачем-то наброшенную на тебя в виде земной плоти, тяжкой, болезненной, грубой, жадной и похотливой. Крест. Вертикаль духа и горизонталь плоти. И в этой безысходности вопит и корчится нагое и беспомощное человеческое существо: «Или, Или, лама савахфани?!»

Вероятно, этот экзистенциальный ужас и есть толкающая нас в путь фаза сознания. Его следы в искусстве ощутимы кругом, в русском — особенно. Вот Пушкин, вот Гоголь, Толстой, Достоевский… Лермонтова, совсем тогда мальчика, открытие «креста» чуть не убило, предопределив нерв его творческого усилия на долгие годы, до самого конца:

Как беден тот, кто видит наконец
Своё ничтожество, и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он
На воздух разлетелось…
И я сошёл в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью…
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего её земные муки —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нём — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах… и больше ничего…
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть…
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. — Напрасно,
Они остались хладны — как презренье!..
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей,
И мне блеснула мысль: — (творенье ада)
Что если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..

Все герои Александра Мелихова так или иначе подвержены крестной пытке. Более того, едва я — тоже впервые! — пробежала глазами начало «Заземления», вышеизложенные здесь соображения — пусть поначалу разрозненно и почти бессвязно — разом встали перед моим внутренним взором. Не говорю уже о прочной библейской канве, по которой автор ведёт повествование, — сами коллизии, переживаемые героями, окрашены в крестно-воскресные тона. Избегнуть страданий никому не дано. Вот Савл — Савелий — психоаналитик, любое житейское напряжение пытается истолковать «по Фрейду», всё высшее и духовное — заземлить и опошлить. Обстоятельства нескольких дней, составляющие фабулу романа, дают обильную пищу его убеждениям. Живопись Мелихова почти не даёт надежды исканиям света и красоты — мерзости мира сего расцветают под его беспощадной кистью, перехлёстывая порой пределы реальности. Пациенты Савелия, с которыми, как нештатная сестрица милосердия «дорабатывает» ещё и его жена Серафима (шестикрылая — чистое, светлое существо, дочь знаменитого священника, проповедника и духовника), напоминают персонажей Брейгеля-старшего, если не Босха. Мелихов — не хуже Савла своего — «заземляет» даже Серафиму. Женщине того круга, к которому она принадлежит, и в дурном сне не привидятся милые домашние и «выходные» поведенческие нюансы, которыми изобилуют её «труды и дни». Но автору именно это и нужно: нет «шестикрылости», которая избавляла бы от необходимости с волками по-волчьи выть, а в быту, полном похоти и ежедневного взаимного пожирания, оставаться ангелом света. При этом и Савелий, и Серафима всё время чувствуют, что в жизни их что-то не так: то ли все кругом врут, одинаково притворяясь дурными или хорошими, то ли заземления не хватает, под давлением которого «всякий человек безгрешен!», то ли… «Или, Или, лама савахфани?»…

Увязая в детективной истории, втягивающей в роман всё новых персонажей, герои поневоле испытывают себя на подлинность. Священник Павел Николаевич Вишневецкий (отец Серафимы) — то пропадает, настолько, что зятя готовы привлечь по подозрению в убийстве, то вроде находится — вместе с вслед за ним исчезнувшим внуком, то снова исчезает… Савелий мучается ревностью и завистью и всё пытается понять — *как возможны* такие люди, как всеми обожаемый отец Павел, если их — в принципе! — не бывает и не может быть! В романе множество аллюзий и длиннейших цитат, с которыми повествование приобретает многовекторный культурный фон: тут и Франциск Ассизский, и протопоп Аввакум, и особенно Лука Войно-Ясенецкий, и ещё много такого, что как бы заранее — из глубины прошлого — подтачивает позицию Савелия (Савла) в споре с религией.

Но обрушивает его позицию не этот затянувшийся спор, а буквально — парафраз распятия: Савелия, заночевавшего в одиночестве в квартире отца Павла — выше этажом его собственного жилища, застигает страшная гроза — с распахнувшимися от ветра окнами, унесёнными вихрем бумагами, попыткой совладать со створками при помощи ножа — и с этим же ножом, нечаянно засаженным в бедро… «Тяжело опираясь на перила, он босиком, оставляя кровавые отпечатки, похромал вниз, и на каждой ступеньке вместе со сдавленным стоном у него… вдруг начало вырываться: „Господи, помоги, Господи, помоги, Господи, помоги…" Не хватило Савлу заземления. И даже измена «шестикрылой Серафимы», столь понятная и простительная в свете его теории, не становится препятствием на пути просветленья.

Концовка романа сновидчески фантастична — так и не ясно, жив или нет отец Павел, спасены ли герои в нравственных, реальных и ирреальных, катаклизмах, которые им пришлось пережить. Пожалуй, единственное светлое пятно — побег Димы, сына Серафимы и Савелия, куда-то к чёрту на кулички — на остров Кэмпбелл, самый южный из Новозеландских субарктических островов. Отец Павел да Дима — кажется, только они и воскресли, восстали с креста, на котором изнемогли все остальные персонажи «Заземления».

Эскапизм как единственное средство спасения индивидуального духа — в столь же изощрённом, художественно-философском исполнении — свойствен и героине романа «Свидание с Квазимодо». Юлия — криминальный психолог, и уж чего-чего, а кромешной мерзости её жизни хватает с избытком. Неприязнь к телесности, именно — к человеческой телесности, вывернутой из безгрешной животности извращённым рассудком, попытки как-то «разобраться» с этой неприязнью — ведут героиню к… восстанию и воскресению? Жажда любви, целостности, гармонии, в конце концов, заменяются в её душе отрицанием гармонии в любом человеческом измерении. Она готова отказаться даже от собственного рождения — в её последней грёзе отец и мать, молодые и прекрасные, «не узнав друг друга… разминулись и пошли каждый своей дорогой». В «Свидании с Квазимодо» нет энергичного сюжета, как в «Заземлении», но тоже множество цитат, исторических и чисто литературных реминисценций, философических интерпозиций — и всё ещё крепче связано «крестной» темой.

Избежать «креста» разумное существо не может. Но может — отрешиться, отречься от него, что означает — отречься и от разума. Принять «крест» с благодарностью и верой в то, что именно крестные муки — тот самый резец, которым человек, подобно ваятелю, работает над собой, совершенствуя и освобождая дух для бессмертия — кто отважится на это?

«…она поняла, что такое неземная красота: это красота мира без человека. Бесчеловечная красота. Так вот оно что! Так вот, о чём мы грезим! И как же тщетно нашу мечту о красоте мы связываем с человеком, маленьким и бессильным… Красота, которую мужчины и женщины ищут друг в друге, лишь жалкий отблеск, которая чудится нам в наших мечтах, ибо грезим мы не о мизерном человечке, но о прекрасном и грозном мире, в котором грозное, как в музыке, и есть самое прекрасное. Красоту, которой мы жаждем, в силах подарить разве что вселенная. А может быть, не в силах даже она».

«Я» грезит о Боге. Нетленное о бессмертном. «Но как нам быть с тем ужасом, который был бегом времени когда-то наречён»?

Спорный вывод? Да. Спор, диалог, столкновение не совместимых, а возможно, и не соизмеримых точек зрения в сложном (нарочито усложнённом?) смысловом пространстве — характерная особенность прозы Александра Мелихова. Хотя… может быть, всё это грандиозное сооружение для того и затеяно, чтобы показать: там, где разум волею или неволею сопрягается с «иным», нет ничего бесспорного.

Хранить вечно

Сочинения победителей литературного конкурса имени И. Шмелёва «Лето Господне» (IV сезон)

Полина Аршавская

11 класс, Республика Татарстан

Загадка «Слова о полку Игореве»

Жертва Богу дух сокрушен; сердце
сокрушенно и смиренно
Бог не уничижит.
(Пс.50:19)

Сумрак. Свеча горит на столе. Тишина. Золотые рыбки таинственно мерцают в аквариуме. Читаю вслух плач Ярославны. Возвращаюсь и снова перечитываю. Что так волнует меня? Напевность древнерусского? Может, это золотой блеск свечи и рыбок так красив? Или в «Слове…» кроется что-то загадочное и притягательное? Да, что-то такое в нём есть. Что-то завораживает, и хочется разгадать его загадку, чтобы осознать на всю жизнь нечто очень важное. В школе говорят — мысль об объединении русских земель. Неужели дело в политике? Тогда почему так красивы князь Игорь и его брат Всеволод? Почему Ярославна так поэтично прекрасна в своём горе? Почему князя Игоря, вернувшегося из плена без войска, вдовы встречают с ликованием? Чему могут они радоваться, если он виновник смерти их мужей? Неужели просто тому, что он их князь? Почему кругом языческие боги, а в последней сцене князь Игорь едет к Богородице Пирогощей? Чем так воодушевлён возвращающийся князь Игорь, не он ли позорно бежал из плена? Не он ли утверждал: «Лучше убитым быть, чем пленённым быть»?

Невозможно понять грандиозный замысел «Слова о полку Игореве» без Библии. В ней ключ к осознанию величия древнерусского памятника литературы, потому что в «Слове…» раскрывается идея покаяния, которое так нужно всем, особенно тем, кто уже совершил непоправимые ошибки и страдает от утрат.

Чем-то князь Игорь похож на блудного сына, который, влекомый страстью, попал в невыносимое, позорное положение, но раскаялся и попросил прощения у доброго отца, который помиловал и простил его. Так же и Игорь рвётся в бой, чтобы доказать всем, что он отважный воин-победитель не хуже других. Им движет страсть гордости и тщеславия, что свойственно влиятельным людям. Потерпев полное поражение, он становится свидетелем гибели своего верного брата Всеволода, племянника и всего войска. Его держат в плену. Что может быть хуже для гордеца? Я плачу вместе с Игорем, потому что мне жалко его отважного брата, буй-тура Всеволода, который бодро и уверенно призывал Игоря в поход и вспоминал в пути свою «милую Глебовну», несмотря на то, что она была, вероятно, уже не так красива, как раньше, ведь у них уже взрослый сын. Больно, когда погибают хорошие люди, которых успеваешь полюбить, пусть это и литературные персонажи. Так же, как блудный сын, князь Игорь раскаялся, и тогда ему «Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую» и Игорь бежит из плена. На мой взгляд, народ встречает князя Игоря с ликованием, потому что Игорь — кающийся грешник, а таких любит Сам Господь. Князь Игорь — уникальное явление того периода. Князья молодой христианской Руси слабо дорожили братской любовью. Все они боролись за власть, не гнушались и братоубийством. Князь Игорь, как никто другой, осознал этот грех, который он тоже совершал, и никогда больше он не поднимет оружие на соседа-князя, на брата. Именно поэтому его, прибывшего из плена, величает народ, который сердцем чувствует происходящее.

История князя Игоря касается не только его одного, но каждого из нас. Смотрю я на окружающих людей и вижу, что все они не лишены недостатков. Девушки капризны, юноши безответственны, взрослые не идеальны… Каждый человек уступает своим страстям, каждый ошибается. Некоторые люди ведут жалкую или страшную жизнь. Кажется, зло всесильно, а мы слабы. Жалеешь их и себя. Что же теперь, предаваться унынию? Тогда становится понятно изобилие языческих богов, которые появляются в повествовании, когда «русская земля уж за шеломенем еси». Они символ отречения от Бога, от Его заповедей, символ безумия страстной мечты князя Игоря. Как только он раскаивается, исповедуется и причащается в плену (согласно лекции профессора А. Н. Ужанкова), Господь Бог приводит его к спасению.

Загадка притягательности «Слова о полку Игореве» состоит в том, что оно содержит Утешение. «Не бойся, человек, — как бы говорит нам Бог, —

я знаю, ты грешен и погибаешь. Но покайся, и Я спасу тебя! Войдёшь ты снова в свой дом, и будешь жить в любви и радости, как блудный сын, как князь Игорь. Я прощу тебе всё за покаяние и исцелю тебя». Вот что дорого в «Слове…». Его идея — в любви Бога к нам, в его готовности простить каждого человека. Повествование о неудачном походе Игоря заканчивается счастливо, потому что князь обратился к Господу. Мы можем утешиться: наши близкие и родные тоже могут стать счастливыми, если встанут на путь покаяния, а нам надо любить их и молиться о них так же горячо, как Ярославна во Путивле. Услышит и нас Господь, как её, дарует нашим близким и друзьям покаяние, прощение и счастье. «Слово о полку Игореве» вселяет Надежду на исцеление и показывает путь к нему. Теперь без отчаянья и страха я могу смотреть на окружающих и родных: да, все мы грешники, но Господь хочет помиловать нас, нам остается только захотеть того же, и всё наладится.

Повествование о князе Игоре касается не только каждого из нас. Оно написано и о нашей Родине. Россия — это тоже блудный сын. Сто лет назад страна всколыхнулась в братоубийственной гражданской войне и революции. Сейчас многие россияне отворачиваются от веры, считая евангельские события сказкой минувших лет. Народ глух, слеп, гонится за миражом благополучия. Очнитесь, народы России! Вспомните Бога, покайтесь, и простит нас любящий Господь. Будет тогда в доме нашем мир и счастье. Святые князья земли русской, новомученики России, молите Бога о нас!

Несвятые святые моего круга

«Человек создан для счастья, как птица для полета». Кому-то нужна для этого власть, кому-то богатство, кому-то любовь… Своей мечты люди добиваются по-разному. Одни рассчитывают на свои качества: интеллект, волю, целеустремлённость, связи. Другие целиком уповают на Волю Божию.

Первые много трудятся и, совершенствуясь, порой достигают больших высот. Они склонны превозноситься над окружающими. Они не хотят быть ничьими рабами, они — господа и хозяева жизни. Вторые признают свою духовную нищету, считают себя рабами Божьими и выполняют Волю Господа.

Первые строят свое благополучие на зыбучем песке мирских ценностей и предаются отчаянию, если житейское море разрушает их «замки». Вторые даже в самых трудных ситуациях не унывают, зная, что Бог любит их и спасёт.

Первые, имея нравственные установки, легко нарушают их, приспосабливаясь к обстоятельствам жизни. Вторые ради Бога крепятся и поступают нравственно даже тогда, когда это не выгодно. У первых нет «царя в голове», для них авторитет — общество в целом. Для вторых авторитет — Господь Бог.

Первые заботятся лишь о себе и близких. Вторые — ради Господа учатся любить всех.

Первые мстят обидчикам и поливают их грязью. Вторые — прощают и стараются оправдать.

И те и другие часто бывают хорошими людьми, так что со стороны даже не различишь. Но первые терпят поражение. Строят дома, несчастливых семей в них всё больше. Рождают детей, они вырастают жестокими и невнимательными. Делают карьеру — и тут провал, потому что не любят подчиненных или теряют контроль над ситуацией. Так и живут, одинокие, озлобленные. Вторые побеждают, *их* не сломить, потому что с ними Бог, которого они призывают в молитве.

Таков закон жизни: побеждает не сильнейший, а тот, кто стоит на коленях перед Господом. Главный труд человека на земле — молитва Богу. Она оживляет любое наше дело, и поэтому оно приносит хороший плод.

Хочу рассказать о людях нашего города, которых я считаю святыми. Кротость, смирение, милосердие, терпение, любовь и молитва — их основные черты.

Моя мама, Аршавская Наталья Михайловна, — настоящая смиренница. Окружающие говорят, что лишь одни взгляд на её милое, улыбающееся, немного беспомощное лицо и излучающие любовь глаза разгоняет уныние и дарит надежду на лучшее. В её присутствии все становятся добрее. Она родила и вырастила в вере шестерых детей. Мои сёстры и брат уверены, что мама нас любит, потому что каждый чувствует её заботу. У неё нет высшего образования и должность незаметная — она печет просфоры в храме, но зато посвящает себя развитию наших талантов. Помню, как каждое воскресенье водила нас на Литургию в Покровский храм села Афанасова, и мы послушно ходили, потому что ей этого хотелось. Однажды случилось несчастье — маме, ждущей седьмого ребёнка, врачи сообщили, что не рождённая сестрёнка уже умирает и что маме тоже угрожает опасность. Мы горько плакали и молились об исцелении, несмотря на предсказание врачей, мамочка осталась жива. Так я поняла, насколько сильна молитва.

По горячей молитве мамы Господь привёл нас в класс замечательного педагога — вокалиста Калинкиной Риммы Якимовны. Она, глубоко и искренне верующий человек, научила не только петь, в том числе песнопения Литургии, но и на каждом занятии рассказывала о вере, формируя наше мировоззрение. Когда она поняла, что мы мало знаем о святых, чьи имена носим, то велела подготовить сообщения. С ней мы ездили в лагерь и пели на детских Литургиях. Она, как и мама, черпает силу в молитве. Так в нас окрепло желание изучать веру и благодарить Господа за все. Римма

Якимовна стала настоящим другом нашей семьи. Если между сестрёнками случается обида, то мы спешим скорее помириться, чтобы не «зашло солнце в гневе» нашем. Видим, как мама устает и помогаем ей, чтобы увидеть её тихую улыбку.

На данный момент она пытается найти хобби для нашей младшей сестрёнки. Не надеясь на свои слабые силы, доверяет Богу. По утрам сквозь сон слышу мамину молитву и чувствую покой и радость на душе. Впереди у меня самостоятельная жизнь, но она меня не страшит, ведь везде есть Он, на которого я могу положиться.

> «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии. Аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий».
> (Пс. 126)

Ксения Екимова

9 класс, г. Тюмень

Переступить порог

Свет из окна всегда будит. Тем более если это окно находится прямо на востоке. Солнце встаёт, распускает свежие лучи и стреляет ими прямо в твоё спящее лицо. Тогда человек невольно открывает глаза. Как не улыбнуться, осознавая, что впереди ждёт новый день? И другой человек улыбнётся. Если только он не ты.

Ты отвернёшься от окна. Ты до боли уткнёшься в подушку. Ты заплачешь от внутренней боли, когда слёзы катятся по щекам, без всякого звука. А всё потому что дни твои перешли на часы.

Ника лежала, уткнувшись в подушку. Подушка взмокла от слёз, боль билась об стенки сердца.
— Ника, проснулась?

Это медсестра Рита. Она аккуратно приподнимает одеяло, смятое ночью, и укрывает как надо.

Ника не шевелится. Зачем что-то говорить, если часы отсчитывают время для твоего перехода? Вчера она услышала, как безутешно рыдала мама, пока доктор рассказывала ей о трагичности положения.
— Рак беспощаден,—говорила она, стараясь не смотреть в несчастные глаза матери,—вашей дочери остался максимум месяц. Не говорите ей об этом пока. Не убивайте её раньше времени.

Доктор ещё что-то говорила, но Ника уже не слышала. Она лежала на больничной койке, лёжа на которой всего неделей раньше мечтала о том, как вернётся домой. И вот, всё оборвалось.

После этого и навернулись слёзы. Она бессильна! Она мала и ничтожна перед этой страшной неизбежной пропастью—смертью. Она ничего не может изменить, она скована по рукам и ногам этими больничными оковами, она словно в тюрьме. Ей стало очень жалко себя. Жалко Машу из третьей палаты, потому что та умерла меньше недели назад. Сколько они бегали по больнице, выслушивая тихое ворчание дежурных по этажам. Теперь Маши не стало. Скоро не станет и Ники.

В тот вечер Ника с Машей сидели в Машиной палате. Это был особенный вечер, Ника это чувствовала. Фонарь напротив Машиного окна бросал неоновые блики на потолок, разбавленные лимонным светом настольной лампы. Было необычно, красиво и радостно.
— Знаешь,—начала Маша,—вчера ко мне залетел мотылёк.

Наверно, надо описать Машу. Это была обычная девочка, с россыпью золотых веснушек на щеках, некогда имеющая копну рыжих волос, вьющихся на концах. Сейчас её голова было начисто выбрита, как и голова Ники. Они сидели на постели, склонившись друг к другу, трогательные, как две птички.
— Настоящий?—улыбнулась Ника.
— Самый что ни на есть! Скорее всего, он залетел, когда проветривали палату. Такой лохматенький, серый. Крылья, как лепесточки! Он сел ко мне на подушку. И…

Маша невесело усмехнулась.
— Оксана прибила его мухобойкой.

Это молодая медсестра. Замкнутая и сердитая. Маша и Ника её не боялись, но что-то сжималось в груди, когда та входила в палату. Да, она всё делает правильно, по инструкции. Кроме одного—она не любит своих подопечных. Но в инструкции это и не прописано.

Машино грустное лицо было покрыто паутинкой неонового света фонаря. Он же отражался и на стене, неподвижный и скучный, как однообразный больничный день. Никакого движения в нём: ни отсвета фар машин, ни отблеска рекламных подсветок. Больничный забор не позволяет иным бликам проникнуть сюда. Здесь своя атмосфера. Атмосфера боли и томительного ожидания.
— У меня дома живёт хомяк, Люк,—сказала Ника, поглаживая подругу по тощему плечу,—Я люблю «Звёздные войны», и даже хомяка назвала в честь одного из героев. Смешно, правда?—Маша тихонько засмеялась,—он очень меня любит, как и я его. Когда меня увозили в больницу, мне показалось, что он плакал.

Маша хитро прищурилась.
— Если я умру, ты будешь реветь?
— Да,—решительно сказала Ника,—а ты будешь реветь, если я умру?
— Ещё как.

Подруги обнялись. Стало тепло и весело, хотелось шутить и смеяться. Они вместе! Когда рядом есть плечо друга, ничего не страшно. Они смеялись, о чём-то вспоминая, пока дежурная не отправила Нику в свою палату.

На следующее утро Маша умерла.

— Опять всю ночь плакала? — недовольно спросила тётя Рита, поправляя Никину подушку.

Тётя Рита — пожилая медсестра, прячущая свою мягкую как воск душу за нарочитой строгостью.
— Какая теперь разница? — безучастно сказала Ника.
— Большая, — сердито ответила медсестра, — чего слёзы без толку лить?
— Что слёзы лить? — закипев, закричала Ника, — а в чём смысл жить и чего-то ждать? Зачем, если, быть может, через минуту я перестану дышать? Зачем читать книгу, если уже знаешь, чем она закончиться? Зачем? Зачем?

Она в бессилии упала на подушку.

«Это нечестно, — думала она, словно в бреду, — почему я болею…»

Мама почему-то не приходила в больницу уже три дня. Она всё так же отправляла передачи, писала в интернете, но не приходила. Ника осталась лицом к лицу с часами, отсчитывающими секунды её жизни.

Эти часы висели на стене прямо напротив неё. Во всех палатах были старенькие, но свои часы. Лёжа на кровати, ты оказываешься прямо напротив них и видишь только их. Раньше они с Машей считали часы до выписки. Часы были другом, переживающим вместе с ними страх и надежду. После заявления доктора часы превратились во врага. Ника не хотела смотреть на них, но взгляд упорно выхватывал цветное пятно на белой стене.

В палату вошла тётя Рита. Ника не была расположена к разговору и потому прикрыла глаза, делая вид, что спит. Но тут же следом за медсестрой вошла главврач.
— Спит, — шёпотом сказала тётя Рита, — Вы посмотрите, Марь Васильевна, как же она похудела, косточки видны. Отчаивается, и от этого болезнь прогрессирует.
— Риточка, больше для девочки сделать ничего нельзя. Она у нас и так обескровлена операциями, анализы наихудшие, плюс депрессия, усугубляющая положение. Пока она сама не поднимется духом, мы бессильны перед её болезнью, — услышала Ника усталый голос главврача.

Она потрогала Никину руку, приподняла подбородок, вздохнула, покачав головой, как делала всегда, когда была озабочена положением больного. Только вздох был не озабоченный, а безнадёжный.
— Впрочем, в качестве исключения, попробуй, — задумчиво проговорила она, — Ника славная девочка. Вот бы всех детей так спасти.
— Марь Васильевна! — услышала Ника тоненький голосок, — Лёньке из третьей палаты опять плохо, он говорить не может, хрипит и плачет…
— Хорошо, Костя, иду, — тут же отреагировала доктор и скрылась, прикрыв дверь.

Тётя Рита села на стул у кровати, расправляя белое полотенце.
— Хватит, Ника, я знаю, что ты не спишь, — вдруг сказала она.

Притворяться больше не было смысла, да и хотелось поскорее распахнуть глаза. Ника огляделась, сощурившись от белоснежных стен.

Тётя Рита сидела с преспокойным видом и прилежно расправляла полотенца.
— Я всё равно засыпала, — сказала Ника угрюмо.
— Я верю, — в тон ей ответила тётя Рита.
— Я всё слышала, — срывающимся шёпотом сказала Ника.
— Знаю, — кивнула медсестра, не отрываясь от работы.
— Но я никогда больше не смогу радоваться!

В ответ тётя Рита промолчала. Наконец, сложив полотенце, медсестра невозмутимо пожала плечами.
— Ты смирилась с болезнью, так?

Ника сжала кулачки от бессилия.
— Да.
— Ещё один вопрос. Ты любишь животных?

От неожиданного вопроса Ника оторопела. Вспомнился хомяк Люк, далёкий милый друг, оставшийся в том, светлом мире, больше недоступном ей.
— Да… — проговорила Ника, — а что?
— Надеюсь, — улыбаясь, сказала тётя Рита, — скоро узнаешь!

Проснулась Ника от стука дождя по карнизу. Словно тысячи крошечных каблучков стучали по крыше, крыльцу, асфальту. Ника открыла глаза, и первой, кого она увидела, это была Маруся, которая сидела на её кровати и глядела в окно.

Вообще Ника, да и все пациенты, давно привыкла, что Маруся находится везде и всюду. Ника тоже не удивилась, увидев Марусю рядом.
— Маруся… Это дождь?

Девочка повернулась к Нике, улыбнулась.
— Дождик.

Комната помрачнела от туч. Белые стены потемнели.

Маруська — невысокая странная девчушка. Ника знала, что у неё лейкемия. Не по годам Маруся была тихой, задумчивой и всегда появлялась у кровати того, кому нужна была поддержка. Она могла просто быть рядом и молчать, и от этого проходила боль щемящего одиночества, или могла разговорить человека, и дух поднимался. Медсёстры называли её ангелочком.

Ника поняла, что Маруся пришла к ней не просто так.

Стрелка на часах застыла на шестёрке. Серые облака, словно свалявшиеся клочки овчиной шерсти, медленно передвигались на север.
— Мне грустно, — подумала Ника, и даже не спохватилась, что говорит вслух. В эту простую, фразу вложилась вся боль, весь страх ожидания,

все выплаканные вечера слёзы, когда она засыпала в поту от мыслей о смерти.
— Почему? — повернулась Маруся к Нике.
— Боюсь.
— Чего боишься?
— Не проснуться.

Маруся взяла Никину руку и погладила её сухие пальцы.
— Не бойся. Поживёшь ещё.

Ника горько усмехнулась. Этот смешок вызвал холодный ком в горле, от которого на глаза навернулись слёзы.
— Не плачь, — тихо сказала Маруся, — ты и так уже много наплакалась. Пусть лучше дождь за тебя выплачет.

Почему-то именно эти слова подействовали на Нику отрезвляюще. Она улыбнулась и обняла девочку.
— Я и правда устала плакать. Я устала, устала переживать. Пусто вот здесь, — Ника стукнула ладонью по груди, — словно всё перегорело. Ни чувств, ни эмоций. Ничего.

Маруся помолчала.
— Если ты будешь впадать в такие депрессивные приступы, как вчера днём, тебя поведут к психиатру.
— Мне уже всё равно.

Ника исподлобья тихонько рассмотрела Марусю. Несмотря на то, что она в больнице не один месяц, Ника никогда не видела внутреннюю панику на её лице. Только чистая и нежная серьёзность. Словно она не отсюда. Не может человек жить спокойно с такой болезнью. Или может?
— Маруся… скажи. Сколько ты уже здесь?
— Разве важно? — улыбнулась девочка, — ну день, ну год… Это ничего не значит. Мы пришли в больницу, чтобы что-то найти. Вот ты ведь так и не нашла своё.

Ника непонимающе посмотрела на девочку.
— Ты ничего так и не поняла, а потому и торчишь тут. До сих пор понять не хочешь того, насколько… впрочем, ты должна сама осознать. Сама… и никто тебе тут не поможет.

Ника обиженно посмотрела на Марусю и с вызовом спросила:
— А ты-то нашла?

Маруся улыбнулась, но ответила серьёзно:
— Нашла.

Дверь приоткрылась, и в палату тихонько заглянула тётя Рита.
— О чём мечтаете? — шёпотом спросила она, зайдя в палату с квадратной сумкой в руках. Ника хотела резко ответить, но что-то остановило её. Тётя Рита никогда не пожелает Нике зла, и Ника это знала.

Медсестра лукаво глядела на Нику.
— Хотите сюрприз?

Ника переглянулась с Марусей и неуверенно кивнула. Медсестра улыбнулась так, что в глазах засверкал живой блеск. Она аккуратно приоткрыла сумку, и из чёрной пасти сумки высунулась белая усатая голова.

Ника вытаращила глаза.
— Знакомьтесь, девочки, — ласково проговорила тётя Рита, — Лютик.

Лютик оказался довольно упитанным котом, с белой короткой шерстью и круглыми синими глазами. Он с любопытством принюхивался.
— Какой милый! — прошептала Маруся, несмело прикоснувшись к макушке кота, — какой толстенький! Его, наверно, много кормили?
— Нет, кормили его всегда в меру, — всё ещё улыбаясь, ответила медсестра, — но толстенький он не случайно. Дело в том, что у Лютика рак.

Тихое слово прозвучало, словно гром. С минуту девочки сидели молча, замерев. Было слышно лишь потрескивание лампы.
— Ника, я дарю тебе Лютика. От него отказались, и я подумала, может, ты захочешь, чтобы он жил у тебя?

Ника смотрела на кота не мигая.
— Да. Очень хочу…

Ника полусидела на кровати, не отрывая взгляда от нового друга. Она заметила, какие глубокие у него глаза. Словно человеческие.
— А вдруг ты на самом деле когда-то был человеком? — сказала Ника вслух, — у котов не может быть такого взгляда.

Лютику наскучило ходить туда-сюда по комнате, и он запрыгнул к Нике на кровать.
— Интересно, почему ты заболел? Знаешь ли ты о своей болезни?

Лютик лёг на спинку и зажмурился.
— Ну конечно, ты же чувствуешь боль. Мы с тобой связаны одной болезнью. Только у меня шансов из неё выйти уже нет.

Кот внимательно слушал, как казалось. Вдруг он, заметив мошку, задрыгал лапками в воздухе. Это выглядело так забавно, что Ника рассмеялась, удивившись, как давно она не слышала собственный смех.
— Наверно, ты всё-таки не знаешь о болезни. Иначе бы так не веселился.

Кот прислушался, принюхался. Мошка одержала победу.
— А вот во мне больше нет радости. Никто не заметит моего ухода. Уж лучше бы я тогда и не рождалась на свет.

Ника в отчаянье закрыла глаза руками. Тут она почувствовала резкую боль в локте. Лютик больно укусил её.
— Эй! Прекрати!

Лютик растопорщил усы и грозно мявкнул. Он словно заступался, защищал что-то очень сокровенное, чистое, светлое, то, на что она, Ника, подняла руку.

Ника вдруг вернулась к странным словам Маруси: «Ты здесь, чтобы что-то найти». Да, слова о том, что она пришла сюда зачем-то, но ещё не поняла, зачем, а потому всё ещё здесь, прозвучали как откровение.

Слова о смерти вдруг показались, словно начерченные на песке. Зачем я здесь, в больнице?

Ника откинулась на подушке и закрыла глаза. Картинки из прошлого, из её маленькой жизни встали перед глазами. Вот родители подарили ей не тот телефон… Мама на день рождения случайно перепутала и купила не тот торт… Все эпизоды из жизни были наполнены негативом, злостью, раздражением.

Ника резко открыла глаза. Снова захлопнула их. Она судорожно принялась пересматривать факты, которые внезапно открылись ей. Конечно! Ни разу Ника не порадовалась жизни, не порадовалась тому, что имеет. Незначительные радости в виде подарков меркли перед огромным фактом: Ника ненавидела жизнь. Ника ненавидела своё имя, ненавидела одноклассников, ненавидела себя. Она сама проложила себе дорогу в это мёртвое место, из горячего адского кирпича, из болезни под названием рак. Она не замечала красоты, она предпочла тьму—мёртвые ветки дерева на пустынном тротуаре. А теперь она сама как мёртвая ветка.

Слёзы потекли по щекам, в ушах зазвенело. Ника сжала руки в кулаки и молчала, хотя внутри она разрывалась от крика: вот, вот зачем ты в больнице! Ты не любишь этот мир, и потому Бог отнимает его у тебя. И невероятно, но с души внезапно стал спадать слой копоти и грязи, уступая место слабости, от которой хотелось заснуть.

—Тринадцать!—Ника шумно выдохнула и с видом победителя посмотрела на Лёньку. Маруся и Лёнька стояли у изголовья кровати и самозабвенно считали секунды.—Ну ты даёшь!—восхищённо сказал Лёнька, стриженый бойкий пацанчик,—тринадцать, это уже неплохо. В то время как ты задыхалась после пяти.

Ника победно улыбнулась.

—Так что я был не прав,—прибавил Лёнька,—ты действительно, вроде того… поправляешься…

Ника нахмурилась. Маруся толкнула Лёньку в бок.

—Ребята, смотрите, что Лютик творит!

Все разом повернули головы.

Кот вскочил на задние лапы, замахав передними, чем привёл всех в восторг.

—Он с пухом играет,—сказал Лёнька,—тополь облетает на улице…

Ника тут же повернулась к светлому окну, из которого струился солнечный свет, и увидела… снег. Летний снег из белого тополиного пуха, волшебного пуха из детства… он кружился за окном, словно слова милой плавной песни, словно раскрошенное облако.

У Никиного дома росло много тополей, и один из них заглядывал прямо в её комнату. Каждый раз, просыпаясь, она видела, как тополь качает ветвями. Когда ей было грустно, она смотрела в окно, и тополь всегда был рядом. Словно близкий друг…

Лютик охотился на пушинку, словно лев охотился на кролика. Поджимал уши, готовый к прыжку, и снова прыгал…

—Смотри,—сказала Маруся,—он совсем не обращает внимания на то, что у него что-то в организме есть. Живёт, и всё у него хорошо…

—Может, он не знает о своей болезни?—робко сказал Лёнька.

Звенящая тишина накрыла палату.

—Он знает,—сказала Ника,—он, ясное дело, знает… но продолжает радоваться жизни. Точнее, тому, что осталось.

Неизвестно было, кому она это больше говорит, ребятам или себе.

—…он любит пух, ему весело, и он играет с ним. Он любит солнце и каждое утро встречает его на подоконнике, мурча и жмурясь. Он любит людей, он спит со мной, ласкается об ноги тёти Риты, даже когда миска полна еды…

А порой тихо плачет по-кошачьи, ползает по полу от жутких болей… но потом снова к утру залезает на подоконник, чтобы встретить солнце…

—Любит жизнь, даже смертельно болея,—еле слышно закончила она.

Ника замолчала, обдумывая это открытие. Простое, известное с самого детства, но понятное только сейчас, в это мгновение. Жизнь—вот великий дар, который стоит беречь и которым стоит дорожить.

—А я ведь теперь ничего не боюсь,—решительно заявила Ника.

—Чего не боишься?

—Ну, этого самого. Смерти.

Она помолчала.

—Я вдруг стала вспоминать вещи, на которые никогда бы не обратила внимания. И не обращала, пока не попала сюда. Знаете, мне до боли в желудке хочется пойти к себе на кухню и включить чайник. Я всегда раздражалась, когда мама просила меня об этом. Теперь никто не попросит меня это сделать. Сейчас мне ужасно хочется пройти эти пять шагов и тыкнуть в эту ободранную кнопочку. Понимаете?

Маруся всегда понимает. Она не смеётся, хотя это довольно смешно, а внимательно слушает чуть наклонив голову. Лёнька тоже притих.

—А потом, этот самый Лютик—это не кот, а ангел-исцелитель какой-то. Серьёзно, он привёл меня к таким мыслям своей жизнерадостностью. Я поняла, какой я была эгоисткой. Вот бы отмотать время назад!

— Ты бы не пришла к таким мыслям, если бы не больница, — заметила Маруся, — где-то в параллельном мире Ника слыхом не слыхивала о лейкемии и ведёт всё ту же богатую, скучную жизнь.

Ника замолкла.

— Да, а ведь ты права. Ведь когда сюда ложилась, я считала, что это конец… а оказалось, только начало.

— Наверно, — согласилась Маруся и встала с кровати, — ладно, пойдём, Лёнька.

Они направилась к двери. Ника подошла к Лютику и тихо обняла его.

Ника проснулась внезапно. Словно что-то выхватило её из сна.

На потолке неподвижно стояли неоновые блики. Тикали часы. Пахло лекарствами и снами.

Минуту Ника пролежала не шевелясь. Сон как рукой сняло. Бывает же такое.

Лютик сидел на подоконнике и что-то высматривал в звёздном небе. Ника встала с кровати и подошла к окну.

Всего неделю назад она покрывалась тоской при виде из окна: она видела мёртвый бетонный забор, но не замечала звёздного неба над ним.

Ника распахнула окна, вдохнула ночной воздух.

— Мир, ты прекрасен! — крикнула Ника в пространство, — пусть всё, всегда, везде будет хо-ро-шо!

Внизу зашелестели опавшие листья.

— Ника, чово кричишь?

Ника посмотрела вниз. Дядя Серёжа, как звали добродушного охранника пациенты, стоял посреди тротуара, задрав голову вверх.

— Здрасте, дядя Серёжа! — отозвалась Ника.

— А ну спать, хулиганка, — шутливо пригрозил охранник, — посидела немножко — и в постель. Ночь уж больно красивая, понимаю тебя. Да как бы тебе нагоняя не было от Ритки, она с этим строго!

— Тётя Рита добрая, простит, — засмеялась Ника, — всё, я пошла спать! Не выдайте меня, дядя Серёжа!

Ника уже закрывала окна под незлобивое ворчанье охранника: «Ну-ну… покоя с вами, пострелятами, нет… того и гляди места с вами лишишься…»

Она легла, Лютик переместился к ней.

Засыпая, она не знала, что уже через неделю откроет больничные ворота и долго будет стоять, не решаясь переступить порог, веря и не веря, что чудо произошло и её выписали. Она не знала, что через месяц Лютик уйдёт к Маше. А через семь лет Ника вернётся в больницу медсестрой, чтобы своим примером давать надежды детям, потерявшим смысл жить.

«Не в брёвнах, а в рёбрах Церковь моя…»

От каменного пола веяло холодом. Сырость, казалось, въелась в стены камеры. Сквозь чугунную решётку СИЗО просачивался кусочек света. Этот белый квадратик рассеивался во мраке камеры номер триста сорок два.

Где-то недалеко слышался тяжёлый стук сапог — это прогуливался конвоир. Вскоре шаги стихли и глубокая тишина накрыла пространство.

Кудиев сидел на низенькой деревянной скамейке и вслушивался в тишину. В груди кололо сердце. Вскакивало и тревожно металось, пытаясь выровнять бой. Кудиев автоматически приложит руку к груди. Ощутил на теле ледяные пальцы и чуть удивился, что не чувствовал рук до этого. Но потом махнул рукой. Какая теперь разница?

В голове кипел сумбур из мыслей, слов, отрывков воспоминаний. Всё это скручивалось в комок болезненного страха перед будущим. Пытаясь привести мысли в порядок, Кудиев обхватил голову руками и прикрыл веки. Сердце начинало успокаиваться, и Кудиев вздохнул с облегчением. Теперь можно расставить всё по полочкам и разобраться в этом крепком узле из мыслей, противоречий и страхов. И он стал вспоминать.

То, что Россию ждут серьёзные изменения, Кудиев понял сразу после того, как узнал о расстреле царской семьи. От такого известия глаза расширились и в голосе прозвенела укоризна: «как подло». Друг, партийный активист, удивлённо вскинул лохматые брови и хлопнул того по плечу:

— Слышишь, Алекс? Скоро справедливость настанет! Все равны будем! Благодать!

Кудиев иронично относился к безмерной вере друга в новую власть. Но сегодня душа скорбно молчала, и он ощутил тяжёлую пустоту.

…В коридоре послышался топот тяжёлых сапог. Кудиев вскинул голову с липким холодком страха почувствовал неровные толчки сердца. «В камеру соседнюю кого-то привели», — определили Кудиев. Не за ним пришли.

Вспоминал о том, что было, ярость стискивала виски. Когда два человека в служебной форме заявились к нему в дом и зачитали ордер на арест, Кудиев видел только круглые глаза жены на мертвенно-белом лице и голос сынишки: «Папа, кто там пришёл?»

Кто смог написать донос на невинного человека? И ведь не дрогнула рука.

Кудиев раскачивался на скамейке, вспоминая сына. Вдруг неясный звук разбавил тишину камер. Из-за стены послышалось пение — да не просто пение, а сладкая и чистая молитва. Она лилась как нежная речка, была прекрасна, как глоток тёплого чая из цветов из эдема. Как? Откуда? Вопросы замкнулись, как только он вспомнил: вспомнил свой храм, покрытый паутинкой пыли подсвечник и мамин срывающийся голос: «Батюшка Лука, помогите! Воспаление лёгких у него, сказали»… Только благодаря ему он выжил.

Робко и несмело Кудиев начал молиться, словно человек, лишившийся много лет назад ног, делает

первые шаги: «Господи, спаси Луку! Помоги, Господи, мне, жене, сыночку моему».

Пение плавно смолкло, и послышались тяжёлые шаги в конце коридора. Кудиев сжался, но подавил в себе страх. «С Божьей помощью»,— прошептал он. Лязгнул замок на его двери. Конвоир вошёл угрюмо, равнодушно окинул взглядом.

— Оправдали тебя, выходи.

Кудиев открыл рот, и с сердца свалилась та боль, которую он переживал. Уходя, он шептал: «Господи, слава, слава Тебе!»

Святитель Лука, сосланный в Тюмень, в соседней камере спокойно заканчивал молитву. И снова тишина устлала пространство безмолвием.

Иветта Меликян

11 класс, г. Кисловодск

Дети гор

Будьте совершенны, как совершенен
Отец ваш Небесный
Мф (5:48)

Раз уж автор я и могу делать что хочу, то давайте представим, что вы, мой дорогой читатель, пришли в совершенно пустой кинозал и сейчас на экране вам покажут всё, о чём я думаю. Пока идут скучные титры, которые, к сожалению, никто не смотрит, спешу поделиться, что писатель я никудышный, но, по злому року судьбы, не могу иначе. Пишу, и всё тут. Обычно в моём тексте одна мысль даёт пинок другой, та падает, но через некоторое время приходит в себя и бежит опередить другую мысль… О! Титры закончились. Но что ж, устраивайтесь поудобнее…

Родилась я в очень странном месте. Вот оно: маленький городишко, а вокруг горы. Так что свой рассказ я начну с гор. Во всём мире «все дороги ведут в Рим», а у нас к одетым в вязаные шапки горам, которые баюкали нас в детстве, укрывали от дождя и защищали от холодных ветров. У этих гигантов добродушная улыбка, но самое главное, они заставляют человека стремиться туда, где чище воздух и всё видно ясно, заставляют стремиться к лучшему. Горы как будто говорят: «Эй, почему ты ещё здесь, внизу? Иди ко мне, и я покажу тебе скрытое». В горах хорошо молиться, пока дойдёшь до вершины, твоя плоть присмиреет и все мысли будут стремиться к Смыслу. Самое главное — дойти, превозмогая боль, усталость, жару или холод. Горы собирают вокруг себя множество разных людей. К примеру, если вдруг вы захотите прийти ко мне в гости, я первым делом приглашу вас на балкон (там круглый год стоит запах цветов и светит солнце). Из окна вы увидите большой золото-янтарный собор, а через пятьдесят метров такую же большую мечеть. Для кого-то это выглядит дико, кого-то возмущает. Далее я могла бы написать о том, какие мы у себя на Кавказе дружные и как сильно друг друга любим. Я бы с огромным удовольствием написала бы об этом. Но, увы, наши взаимоотношения можно назвать как «терпение и уважение». Любовью тут и не пахнет. В детстве я очень хорошо дружила с девочкой-мусульманкой. Мы, как и все обыкновенные дети, играли в прятки, бегали друг за другом и пытались съесть землю. Однажды, уже не помню, с чего, мы заговорили о Боге. Она спросила меня: «Как вы молитесь?»,— а я, почесав затылок, принялась долго и сбивчиво читать все известные мне молитвы, вскоре перейдя на тему «Кто такой Христос, и почему Он Бог» (если бы нас услышал какой-нибудь богослов, он бы очень долго и мучительно смеялся). После моей тирады пришла её очередь потрясать меня своей духовностью. Но это не произошло, она просто сказала мне: «Аллах говорит, что когда придёт пророк Иса, он накажет вас за то, что вы носите на себе крест». Поначалу я очень обиделась, но уже через пару минут мы, как ни в чём не бывало, пошли собирать слизняков и рвать у пауков лапки. Но её слова я не забыла, они не мучали меня, просто я их всегда помнила. Сейчас, когда кто-то в очередной раз говорит о жестокости мусульман, о всех терактах и ужасах нашего века, я говорю себе: «Их бог мне незнаком, поэтому я не могу их судить. Но я знаю Бога христиан. Он кроток, смиренен и не делит людей на самарян и иудеев. Буду поступать, как мой Бог».

Но наш городок не делится исключительно на мусульман и христиан. Сейчас я постараюсь собрать в одного человека всех, кого я видела, кто что-то во мне оставил. Все эти люди связаны лишь тем, что стремятся «быть совершенными, как совершенен Отец их Небесный». Итак, человек этот невысокого физического, но высокого морального роста. Доказать это легко: когда все хохочут над фильмом Чарли Чаплина, он плачет даже не лошадиными, а китовыми слезами. Объясняет это так: «Почему им смешно от того, что другой падает?» Он работает кондуктором в трамвае, щуплый, сухой. Лицо похоже на рекламный баннер на остановке, куда клеят объявления, потом сдирают, клеят новые, и так до бесконечности. Потрёпанным такое лицо не назовёшь, разве что таким лицом, которое знает всё, что можно купить, продать, найти, потерять, написать чёрным маркером. Лицом, которое невозможно удивить, растрогать. Но в то же время, если в трамвай зайдёт цыганский мальчик и начнёт просить денег, он единственный не прогонит его, а отдаст всё, что у него есть, внесёт свою лепту. Этот человек дожил до седин, но это не мешает ему искренне радоваться и краснеть до бледноты, если он вдруг незаслуженно кого-то обидел. Иногда этот человек

пишет стихи, хотя совсем не умеет, но слова льются из него невысказанной, грустной песней. Он знает наизусть список своих недостатков и мучается от того, что привык к ним. Последние стихи этого человека вот такие:

Я не люблю себя за чёрно-графитное моё сердце,
Где Сыну Божиему совсем мало места,
Где пыльно и душно, где заела дверца,
Там на коробке коробка, и даже мне тесно.
Моё сердце—сомнений энциклопедия,
Начиная с «А», затем по порядку.
Боже… Если б Ты знал, какая это трагедия,
Делиться этим с тетрадкой,
А не с Тобой.

Ну вот, фильм подошёл к концу. Знаете, что было написано в титрах? Не знаете? Я вам перескажу. Там говорилось о том, что каждый человек стремится быть ближе к Богу, даже если он неверующий. Каждый из нас—потерянный ребёнок Горнего мира. И каждый из нас, даже если не знает об этом, хочет следовать словам: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Григорий Волков

11 класс, с. Богородское
нижегородской области

Хранить вечно

В сумрачной церкви гудящая тишина. От земли тянет сырой прохладой. Ветер шумит в листве берёзок на провалившейся кровле, а сквозь окна льётся полуденный свет, смешиваясь с пылью внутри и преображаясь—будто и не покидал он вовсе этих стен, а осел на облупленной росписи восемьдесят лет назад и сохранился до наших дней.

Под ногой металлически отдаётся одинокий обломок чугунной плиты и эхом доносится шорох чьих-то лёгких крыльев—через оконную решётку в церковь влетает голубь в радужной оболочке перьев и скрывается за одиноким изображением херувима. Вскоре уже два голубя устремляются к светящемуся прямоугольнику окна. Холсты с размашистой деревенской росписью портятся от сырости и местами отходят от стен, образуя большие карманы. В одном из таких карманов, надёжно защищённое от многочисленных врагов, и вывелось голубиное потомство.

Последний настоятель прихода церкви в честь Казанской иконы Божией Матери трагически погиб в 1938 году, в годы большого террора, а сама церковь закрыта и разграблена. Этому предшествовала череда страшных событий, узнать подробности которых было непросто—история дела долго была похоронена в архивах, скрытая ото всех. Однако с помощью родственников отца Павла мне удалось получить копию уголовного дела и восстановить множество давно порванных нитей.

Следственное дело №15359 по обвинению Зверева Павла Петровича. На зеленоватой бумаге—штамп: «Хранить вечно». Дело открывается допросом свидетелей. Начинаешь читать—и сразу понимаешь, как всё это мутно. Якобы в марте 1937 года кто-то расклеил контрреволюционные листовки на стене сельского магазина. Кто-то эти листовки видел, кто-то нет, их сняли и сожгли, виновного искать не стали—казалось бы, инцидент исчерпан.

Однако спустя полгода эту историю внезапно вновь подняли на поверхность. Собрали свидетелей, прослушали ещё раз, что случилось. Задали несколько наводящих вопросов об отце Павле. И оформили ордер на арест и обыск.

Дом Павла Петровича обыскали, его владельца арестовали. При обыске не нашли ничего, кроме серебряного священнического креста и двух советских журналов 1925 года с речами Троцкого. В тот же день арестованного священника допросили. Согласно протоколу на допросе от отца Павла требовали признания вины, подтверждения контрреволюционной деятельности. Такие показания он давать отказался. Никто не знает, о чём ещё говорилось на допросе. Многие вопросы могли не занести в протокол.

Однако в числе вопросов, которые нам известны, был один, весьма важный для этой истории. Отца Павла спросили об отце Вячеславе Святицком. Отец Вячеслав тоже был священником. Внучка отца Павла вспоминала, что кто-то говорил, будто у Павла Петровича был сосед, священник, с которым у отца Павла случались словесные перепалки.

Говорили, что на отца Павла мог донести именно этот священник.

Реальность оказалась сложнее. О. Вячеслав также был расстрелян в 1938 году. Мы не сумели найти ни одного родственника, чтобы добыть его дело. Протокол допроса Святицкого из дела отца Павла был изъят. Поэтому точно утверждать ничего нельзя. Однако, судя по допросу Павла Петровича, отец Вячеслав был также задержан за контрреволюционную пропаганду. Просто в частном разговоре оба священника позволили себе неосторожные высказывания о советской власти и конституции—и обоим это стоило жизни.

Павла Петровича признали виновным. На другой день после допроса на отца Павла была составлена характеристика, гласившая:

> «Зверев является служителем религиозного культа, б/лишенец, привлекался к обложению налогами в твёрдом порядке, в настоящий момент Зверев, проживая в с. Богородское, ведёт открытую

агитацию среди единоличников о невступлении их в члены колхоза в результате чего % коллективизации в настоящий период не повышается.

Зам. пред. Рыжов».

После того как я прочитал эту характеристику, мне многое стало понятно. Коллективизация в нашем районе проходила тяжело (северо-восток Нижегородской области — места глухие, староверческие). А от председателя колхоза требовали перевыполнения плана, то есть, требовали, чтобы с каждым годом колхозников становилось всё больше и больше. А больше их не становилось… И когда он понял, что не справляется, то испугался. Испугался так сильно, что был готов подставить другого человека, лишь бы избежать ответственности. Поэтому отец Павел, будучи священником и бывшим лишенцем, был выбран им на роль «козла отпущения». Осталось доказать его вину, для чего вспомнили давний случай с листовками.

31 декабря 1937 года отца Павла приговорили к смертной казни, а уже 8 января приговор был приведён в исполнение. Отец Павел был похоронен в общей могиле на Бугровском кладбище города Горький. Семья его подверглась преследованиям и дискриминации. Храм был частично разрушен и использован в качестве зернохранилища. Со временем стены и кровля обветшали, колокольня сверху донизу заросла берёзками, купола покосились, высокий портик обрушился, оставив в штукатурке треугольный красный след, почти все фрески осыпались — в таком виде храм, последний молчаливый свидетель тех событий, дожил до наших дней.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» отец Павел считается реабилитированным.

Казалось бы, «историческая справедливость» восстановлена. Зачем после этого нужны были кропотливые поиски, расследования? Затем, чтобы люди помнили отца Павла не просто как очередную жертву беспощадных и бессмысленных репрессий, а как новомученика, не бросившего служение ради собственной безопасности и принявшего за это смерть. И чтобы память о мужестве и честности этого человека вечно хранилась в памяти церкви.

Железные двери подвалов, холодные стены камер могли бы рассказать больше, чем я, чем любой ныне живущий человек. Но металл и камень немы, поэтому память о загубленных жизнях должны хранить мы — новое поколение. Теперь, спустя столько лет, много бесценной информации о тех страшных годах утеряно навсегда. Однако то, что сохранилось, возможно, поможет людям в будущем избежать тяжёлых ошибок прошлого.

*Ди*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Критик заходит с тыла

Церебральное

Остывшая гортань строки.
Прерывистые рыбьи крики
И металлические блики
На церебральности реки.
Артём Носков

Надрывно лаяли коты,
Орали рыбы из канавы,
И раков сваренных оравы
От пива бегали в кусты.
Вот критиков раздался клич —
Они всегда заходят с тыла,
Мол, у строки гортань остыла.
Всё!
Церебральный паралич!

Страшная тёрка

Совсем не нужно быть морковью,
чтоб видеть тёрку изнутри
и расписаться рыжей кровью
в полнеба почерком зари…
Ирина Перунова

Чтоб изнутри увидеть тёрку,
попробуйте писать стихи —
вам зададут такую порку,
наскажут море чепухи,
дадут вино запить касторкой —
всё повторится, как и встарь.
И грабли по сравненью с тёркой —
совсем не страшный инвентарь.

стр. 44
Антипова Дарьяна
Москва—Красноярск, 1984 г. р.

Родилась на Алтае. Выпускница Красноярского литературного лицея имени В. П. Астафьева (семинар Р. Х. Солнцева), училась в Красноярском государственном университете, в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар А. П. Торопцева). Член Союза писателей Москвы. Участвовала в форумах молодых писателей России, литературных семинарах в ФРГ, Нидерландах, Сербии. Публикуется в литературных и электронных изданиях (газета «Детский район», журналы «День и ночь», «Московский вестник», альманахи «Илья-премия», «Белая скрижаль», «Лампа и дымоход» и др.). Играет на этнических барабанах и поёт в музыкальной этногруппе «ВеданЪ КолодЪ». Живёт в Москве и Красноярске.

стр. 140
Аристов Андрей Юрьевич
Киров, 1980 г. р.

Родился в Кирове. В 2002 году окончил Вятскую государственную сельскохозяйственную академию по специальности «Биолог-охотовед». Работал в газете «Кировская правда», участвовал в журналистских конкурсах. В областном конкурсе «За экономическое развитие Вятского края» в 2008 году отмечен ценным призом. Во всероссийском конкурсе «Золотой гонг» (Москва, 2008)—победитель в номинации «Журналистский дебют года» за материалы серии «России малый уголок». Был дипломантом и лауреатом фестивалей авторской песни «Гринландия» (Киров), «Под алым парусом мечты» (Слободской); дипломант областных литературных конкурсов «Мечта разыскивает путь» и «Зелёная улица»; финалист всероссийского литературного конкурса «Илья». Печатался со стихами и прозой в альманахе «Зелёная улица» (Киров), в общероссийских журналах «Илья» и «Наш современник», в областной периодической печати. В 2004 году в серии «Народная библиотека» вышла книга стихов «Непридуманная сказка».

стр. 21
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил Пермский государственный университет имени А. М. Горького. В конце 80—начале 90-х его стихи публикуются в журналах «Юность», «Огонёк», «Знамя». На всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» (Алтай, 1989), куда прибыли авторы отечественного подполья, удостоен Гран-при и титула «Махатма российских поэтов». В 1991-м принят в Союз российских писателей, в том числе по устной рекомендации Андрея Вознесенского. В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность», где учредил рубрики «Письма государственного человека» и «Русская провинция». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». В 88-м и 90-м выходят две первые книги: «Пульс птицы»—в издательстве «Современник» (Москва) и «Прости, Леонардо!»—в Пермском книжном издательстве. В 2005 году за «утверждение идеалов великой русской литературы» творцы Великих Лук награждают Юрия орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Третья книга «Не такой» выходит в 2007 году в московском издательстве «Вест-Консалтинг». Она отмечена всероссийской литературной премией имени Павла Бажова. В 2013 году увидела свет четвёртая книга стихотворений «Я скоро из облака выйду», получившая две престижных награды—премию имени Алексея Решетова и всероссийскую общенациональную премию «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига. Входит в редколлегии двух отечественных журналов: «Дети Ра» и «День и ночь». Член Русского ПЕН-центра и Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Награждён орденом общественного признания Достоевского I степени.

стр. 166
Беркович Евгений Михайлович
Ганновер, Германия, 1945 г. р.

Математик, публицист, историк, издатель и редактор. Родился в Иркутске. С 1946 по 1995 год жил, учился и работал в Москве. Окончил физический факультет МГУ имени Ломоносова в 1968 году. Кандидат физико-математических наук (1973), старший научный сотрудник. С 1995 года живёт и работает в Германии. Создатель сетевого портала «Заметки по еврейской истории», в рамках которого выходят в свет одноимённый порталу журнал и альманах «Еврейская старина». Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств»—«журнала для интеллигентного читателя» (наука, искусство, словесность). Автор книг «Заметки по еврейской истории» и «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста. Заметки по еврейской истории двадцатого века», «Одиссея Петера Прингсхайма» (2013), «Антиподы: Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард в контексте физики и истории» (2014). Автор сценария документального фильма «Вопросы к Богу».

стр. 164 **Буланов Александр**
Москва, 1989 г. р.

Родился в Москве. Осенью 2013 года вступил в литературную студию Игоря Волгина «Луч», активным участником которой продолжает быть и сегодня. Ведёт собственный видеоканал на YouTube, посвящённый современной поэзии, занимается организацией литературных вечеров и телепередач. Ранее стихи публиковались в журналах «Дети Ра», «Балтика», «Начало», а также в альманахе «Антологии живой литературы» издательства «Скифия». В 2016 году стихи Александра Буланова вошли в лонг-лист Волошинского конкурса и шорт-лист фестиваля «Славянские традиции».

обл. **Бурмакин Вольдемар**
Красноярский край, 1938 г. р.

Родился в селе Кемское Казачинского района Красноярского края. Окончил Красноярское художественное училище имени В. И. Сурикова и Дальневосточный педагогический институт искусств. Член Союза художников России. С 1974 по 2004 год работал преподавателем в Кемеровском художественном училище. За большие творческие успехи в 1996 году Вольдемару Александровичу присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры РФ», а в 2003 году художник награждён медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса».

стр. 38 **Григорьева Ольга Николаевна**
Павлодар—Омск, 1957 г. р.

Поэт, прозаик, литературовед. Родилась в Новосибирске. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета имени Кирова (Алма-Ата). Автор пятнадцати поэтических книг, десяти книжек для детей, трёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Омске, Алма-Ате, Москве. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Дом Ростовых», «Миша» (Москва), «Складчина», «Омская муза», «Омск театральный» (Омск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Нива» (Астана), «Простор», «Литературная Алма-Ата» (Алма-Ата), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Под часами» (Смоленск), «День и ночь» (Красноярск), «Аргамак» (Казань) и других. Член Омского отделения Союза российских писателей и Союза журналистов Казахстана. Работает обозревателем павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья». Награждена почётным знаком «Деятель культуры». Лауреат Первого национального конкурса «Друг детства». Лауреат международной литературной премии имени Марины Цветаевой (Москва, 2008). Лауреат республиканской литературной премии имени Павла Васильева (Казахстан, 2010). Живёт в Павлодаре и Омске.

стр. 21 **Делягин Михаил Геннадьевич**
Москва, 1968 г. р.

Российский экономист, публицист и политик, ведущий ряда теле- и радиопрограмм. Доктор экономических наук. Действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса. Главный редактор журнала «Свободная мысль» (с 2011). Исполнительный директор автономной некоммерческой организации «Институт проблем глобализации», действительный член общественной организации РАЕН. Член партии «Справедливая Россия».

стр. 26 **Ерёмин Николай Николаевич**
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья». Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института—2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

стр. 28 **Канавщиков Андрей Борисович**
Великие Луки, 1968 г. р.

По образованию журналист. Директор—главный редактор МУП «Издательство „Великолукская правда“». Со стихами, прозой, публицистикой публиковался в журналах «Смена», «Север», «Пульс», «Слово», «Аврора», «Дон», «Русская речь», «День и ночь», «Наш современник», «Московский вестник» и других. Автор книг «Иней», «Призвание Рюрика», «В одном строю», «Русло», «Три войны полковника Богданова», «Цивилизация троечников», «Красный Рассвет», «Егорыч» и других. Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Н. Алексеева, премий Администрации Псковской области, «Чернобыльская звезда». Член Союза писателей России.

стр. 123 **Кеосьян Людмила Васильевна**
Красноярск, 1941 г. р.

Родилась на Урале, в городе Сухой Лог Свердловской области. Закончила Уральский политехнический институт. В юности пробовала себя в поэзии, были публикации в местной прессе и «Комсомольской правде». С 1971 года живёт

в Красноярске. До выхода на пенсию работала начальником конструкторского отдела в ОАО «Восточная Сибирь».

стр. 161
Кислицина Карина Александровна
Омск, 1982 г. р.

Родилась в городе Оха Сахалинской области. Финалистка международного конкурса «Поэтический атлас» (2017), международного творческого проекта «Поэзия в лицах» (Омск, 2017). Лауреат ежегодной молодёжной литературной премии имени Ф. М. Достоевского (2017). Стихотворения публиковались в омских коллективных сборниках, альманахах и журналах «Складчина», «Иртышъ-Омь», «Омская муза»; на евразийском журнальном портале «Мегалит», портале литературного альманаха «Ликбез». Автор сборника стихов «Люболь» (2011). Участник Регионального литературного семинара «ПарОм» и проекта «Поэты Сибири: диалог поколений».

стр. 33
Кожевникова Наталья Юрьевна
Оренбург, 1948 г. р.

Поэтесса, журналист. В 1975 году окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Работала научным сотрудником, главным хранителем фондов краеведческого музея в Бузулуке. Сотрудничала в качестве внештатного корреспондента с городской газетой «Под знаменем Ленина» (позже — «Российская провинция»), руководила литературной молодёжной группой «Колибри» при ней, писала краеведческие заметки, очерки, рассказы, стихи. В 1986 году была участницей областного семинара молодых прозаиков и поэтов Оренбурга, проводившегося писательской организацией совместно с журналом «Литературная учёба» и Южно-Уральским издательством. В 1993 году появились первые столичные публикации в газете «Литературная Россия» и журнале «Москва» (№5), за которые получила премию этого журнала. В этом же году была приглашена собкором в газету «Южный Урал» по Бузулукскому району. Автор стихотворных книг, многочисленных публикаций в оренбургских областных и центральных газетах. Лауреат премии журналистики «Москва» (1993), областной Аксаковской (2002), Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» (1997).

стр. 178
Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Живёт в Красноярске.

стр. 3
Крупин Владимир Николаевич
Москва, 1941 г. р.

Известный русский прозаик. Родился в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, Московской духовной академии, других учебных заведениях. Начинал, как и многие, со стихов. Но известен стал благодаря первому сборнику рассказов «Зёрна» (1974). В последние годы в творчестве писателя доминирует тема Православия, она присутствует в повестях «Великорецкая купель» (1990), «Крестный ход», «Последние времена» (обе 1994), «Слава Богу за всё. Путевые раздумья» (1995). Автор более 30 книг. В настоящее время — секретарь правления Союза писателей России.

стр. 20, 136, 165, 194
Минин Евгений Аронович
Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 89
Наговицын Вадим Николаевич
Красноярск, 1963 г. р.

Журналист, прозаик, автор-исполнитель песен на стихи современных русских поэтов. Родился в Норильске Красноярского края. В 1987 году окончил Норильский индустриальный институт. Работал инженером-строителем на сооружении промышленных объектов Норильского горно-металлургического комбината, затем в райкоме комсомола. С 1991 года — в предпринимательских структурах. В 1994 году создал частную телерадиокомпанию и запустил первую в Норильске

частную укв-радиостанцию «Наго-радио». Издавал журнал «Норильск» и другие печатные издания. С 1998 года работал генеральным директором телерадиокомпании «Полюс», вёл передачи на одноимённой радиостанции и на тв. Выпустил несколько десятков радиопрограмм. С 2002 по 2017 год жил в Калуге. Работал главным редактором журнала «Православный христианин», был главным редактором газет «Калужское слово» и «Златокузница». Руководил Калужским фондом русской словесности и был главным редактором литературного журнала «Золотая Ока». Автор книги стихотворений «Когда мне было восемнадцать» (2009) и сборника рассказов «Ганин луг» (2014). Публиковался в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «День и ночь» (Красноярск), «Золотая Ока» (Калуга), альманахах «Новый Енисейский литератор» (Красноярск) и «Созвездие» (Калуга). Его пьесы «Меценат», «Последняя исповедь», «Одноклассники» и «Вадик» («Одесская Хатынь») поставлены Калужским экспериментальным театром Анатолия Сотника. Победитель v Международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (номинация «Проза»). Член Союза журналистов России с 2007 года. Живёт в Красноярске.

стр. 137

Панин Игорь Викторович

Москва, 1972 г. р.

Родился в Тольятти, после переехал с семьёй в Воронежскую область, затем — в Грузию. С 1998 года живёт в Москве. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. С 2000 года — член Союза писателей России, входит в его Высший творческий совет. Автор нескольких сборников стихов. Его произведения публиковались в журналах «Нева», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и ночь», «Континент» и других. Помимо стихотворений, пишет критические статьи, публицистику, рассказы и пьесы.

стр. 131

Пырх Виталий Петрович

Красноярск, 1944 г. р.

Родился в Запорожье. Окончил Запорожский металлургический техникум. После окончания работал отжигальщиком термических печей на заводе «Запорожсталь». Служил в Советской армии. С отличием окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал корреспондентом, заведующим отделом промышленности и собственным корреспондентом республиканских и центральных газет. С 1987 года живёт в Красноярске, где работал корреспондентом газеты «Трибуна». Автор более двух тысяч газетных публикаций различных жанров, двух десятков статей в толстых журналах, а также нескольких книг публицистики, изданных в Москве и Сыктывкаре, шестнадцати поэтических сборников и трёх книг документальной прозы.

стр. 182

Саввиных (Наумова) Марина Олеговна

Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельнике «Обзор» (Чикаго), коллективных сборниках и антологиях. Автор десяти книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), x Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза российских писателей, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного пен-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член Президиума Международного Союза писателей xxi века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь». Живёт в Красноярске.

стр. 157

Сергеева Екатерина Юрьевна

Красноярск, 1970 г. р.

Родилась в Душанбе (Таджикистан) в семье военнослужащих. Окончила Красноярский государственный медицинский институт, лечебный факультет; Красноярский государственный педагогический университет, факультет иностранных языков. Доктор биологических наук, профессор кафедры патологической физиологии Красноярского государственного медицинского университета. Публиковалась в журнале «День и ночь», альманахе «Енисей», нескольких коллективных сборниках, изданных в Красноярске и Санкт-Петербурге. В 2008 году вышла книга стихотворений «Маленькие кошки». Победитель конкурса «Пушкин. Лето. Красноярск» (2008) в номинации «Лучшее литературное произведение». Живёт в Красноярске.

стр. 18

Шанин Владимир Яковлевич

Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения при вцспс в Москве. Трудиться начал с 14 лет. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных,

многотиражных газетах, альманахе «Енисей», профсоюзных организациях, служил в армии. Участник краевого семинара молодых писателей Красноярья в 1974 году и в том же году — зонального совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, на котором рукопись рассказов была рекомендована к изданию. Печатался в краевых и областных газетах, журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне…», «Имя собственное» (литературные портреты писателей), изданных в Красноярске и Москве. Своей «главной» книгой считает роман-исследование о В. И. Сурикове «Суриков, или Трилогия страданий». В 2011 году вышел первый том «Енисейской летописи» — это хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. Готовится к изданию второй том. Член Союза писателей России. Член правления КРО СП России. Живёт в Красноярске.

стр. 41

Шилкин Сергей Васильевич

Салават, 1954 г. р.

Выпускник Ленинградского технологического института имени Ленсовета. Публиковался в журналах «Журнал Поэтов» (Москва), «Простор» (Алматы), «Сура» (Пенза), «Бельские просторы» (Уфа), «Воин России» (Москва), «Вечерний свет / Infinite» (Санкт-Петербург), «Истоки» (Красноярский край), «РуЛит» (Уфа — Москва — Нью-Йорк), еженедельниках «Уфимские Епархиальные ведомости», «Истоки», «Провинциальный интеллигент». Дипломант II Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», обладатель специальной награды — «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов. Победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», проводимого еженедельником «Истоки».

стр. 151

Шурыгина Мария Анатольевна

Красноярск, 1975 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (факультет русского языка и литературы). Дебютировала как прозаик на интернет-ресурсе «Мастерская писателей». Печаталась в сборнике издательства АСТ и журнале «Новый свет» (Торонто, Канада). Публикации в журналах «День и ночь», «Октябрь». Живёт в Красноярске.

стр. 35

Ягодинцева Нина Александровна

Челябинск, 1962 г. р.

Родилась в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени А. М. Горького, член Союза писателей России с 1994 года. Кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор поэтических книг, цикла учебников «Поэтика», монографий, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 500 публикаций в литературной и научной периодике. Стихи автора вошли в антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (Москва, «Современник», 1991), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 1996, 2003, 2011), «Антология русского лиризма. XX век» (Москва, «Студия», 2000), «Русская сибирская поэзия, XX век» (Кемерово, 2008), «Наше время: антология современной поэзии» (Москва, Нижний Новгород, 2009), «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2009). Лауреат Всероссийских литературных премий имени П. П. Бажова (2001, за книгу «На высоте метели»), имени К. Нефедьева (2002, за рукопись книги «Теченье донных трав»), имени Д. Мамина-Сибиряка (2008, за книгу «Поэтика: принципы безопасности творческого развития»), Сибирско-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия» (2011, за рукопись книги «Листая пламя»), лауреат Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга — 2007» (за монографию «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности), литературной премии Уральского федерального округа (2012, за электронную книгу литературной критики «Жажда речи», в соавторстве с А. П. Расторгуевым). Член жюри Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. О. Наумова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Иса Айтукаев
Андрей Бардаков
Ольга Ермакова
Валентина Ерофеева-Тверская
Ольга Карлова
Татьяна Савельева
Михаил Тарковский

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Дарья Романова

СЕКРЕТАРЬ

Юлия Вятчина

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края. Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Александр Астраханцев
Красноярск

Юрий Беликов
Пермь

Светлана Василенко
Москва

Вера Зубарева
Филадельфия, США

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим, Израиль

Виталий Молчанов
Оренбург

Миясат Муслимова
Махачкала

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Евгений Степанов
Москва

Вероника Шелленберг
Омск

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

16+

Журнал издаётся с 1993 года.

В оформлении обложки использованы картины Вольдемара Бурмакина.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «День и ночь».
ИНН 2463042749
Расчётный счёт
40702810800600000186
в «Сибирском» филиале
банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045004788

Корреспондентский счёт
30101810850040000788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 15.08.2018
Дата выхода в свет: 30.08.2018
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Вольдемар Бурмакин | **Октябрь**

Вольдемар Бурмакин | **Камчатка на приколе**

Вольдемар Бурмакин
Вечер. Мой дом

На обложке:
Баньки. Академия (фрагмент)